

Прибалтика: ВОЙНА БЕЗ ПРАВИЛ (1939-1945)

журнал ЗВЕЗДА

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН 5 июля 2011 г.

Рецензенты:
д. и. н., проф. О. Ю. Пленков,
д. и. н. А. И. Рупасов

*Издание осуществлено при поддержке
ОАО «Сбербанк России» и Международного
благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева*

Российская академия наук
Санкт-Петербургский институт истории

Юлия Кантор

**Прибалтика:
ВОЙНА БЕЗ ПРАВИЛ
(1939-1945)**

Журнал «Звезда»
Санкт-Петербург
2011

ББК 84. Р7
К19

Литературный редактор
Б. А. Кулагин

ISBN 978-5-7439-0158-6

© Ю. З. Кантор, 2011
© Журнал «Звезда», 2011
© В. А. Гусаков, худож. оформление, 2011

Введение

«Прибалтика: война без правил (1939—1945)» — такое название, отражающее фабулу книги, наверняка вызовет вопросы. О какой войне идет речь? Ведь на территории Прибалтики до 22 июня 1941 г. не было военных действий. И почему — «без правил»? Только ли потому, что нацистская Германия вела войну на Восточном фронте, поправ все международные нормы? Разумеется, речь пойдет не только о кровавом вооруженном противостоянии 1941—1945 гг., но и о войне идеологий и геополитических интересов, о стратегиях внешнеполитической и внутривластной борьбы, наконец, о состязании намерений «управлять историей».

В XX столетии государства Балтии, дважды получили независимость из рук России, и оба раза — в период фатальных социально-политических катаклизмов, единожды утратили эту независимость из-за brutальной политики СССР и авторитарно-беспомощной — собственных элит. Этот драматический сюжет — потеря независимости — порой становится в массовом сознании граждан Литвы, Латвии и Эстонии едва ли не главным объектом современной национальной самоидентификации. (Характерно, например, что Музей оккупации Латвии, экспозиция которого охватывает период 1940—1991 гг., входит в «протокольную» программу официальных визитов представителей иностранных государств.) Бесперспективная тема «советской оккупации» и компенсации за нее перманентно, и, как правило, в период предвыборных кампаний всплывает в высших политических кругах Балтии. При этом официальная внешнеполитическая позиция России остается неизменной: включение трех балтийских государств в состав СССР ничего общего с оккупацией не имеет.

В молодых государствах Балтии, в этом году отметивших двадцатилетие восстановления независимости (и впервые

перешагнувших двадцатилетний рубеж государственной самостоятельности), шестивия бывших легионеров СС привлекают симпатии молодежи и интерес СМИ, а русскоязычное население нередко становится «разменной монетой» в международных политических играх.

Пакт Молотова — Риббентропа 1939 г., ставший по сути «вторым раундом» Мюнхенскогоговора 1938 г., предопределил судьбу балтийских государств на многие десятилетия. Социально-политические предпосылки заключения договора между сталинским СССР и гитлеровской Германией (наличие которого и секретных соглашений к нему категорически отрицалось на официальном уровне в нашей стране вплоть до середины 1980-х гг.) нашли свое отражение как в новейшей отечественной, так и зарубежной историографии. Однако стадийность включения балтийских государств в состав СССР, обстановка в них в период поэтапной советизации исследованы лишь фрагментарно — преимущественно в аспекте решения советских политических и военных задач, а также отчасти — в контексте реакции стран Европы и США на советскую аннексию Прибалтики. В последнее время появились работы и сборники документов, посвященные репрессивной политике во «вновь приобретенных» республиках. Реакция же Третьего рейха на включение Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР, внимание, с которым нацистское руководство отслеживало все происходившее на Балтике, дипломатические маневры Народного комиссариата иностранных дел, специфика и практика размещения советских военных баз в Прибалтике, а затем — и дополнительных воинских контингентов, наконец, детали «многосерийного» сценария до сих пор остаются недостаточно исследованными. Также малоизучены являются реальные умонастроения граждан Литвы, Латвии и Эстонии в 1939 г. — первой половине 1941 г. и их динамика. Деятельность советских спецслужб в Прибалтике тоже не нашла сколько-нибудь значимого отражения в литературе. (Балтийская историография, напротив, в последние два десятилетия акцентирует внимание именно на карательных аспектах советизации, на внутренних процессах в Литве, Латвии и Эстонии, сопровождавшихся сломом укладов, сменой государственного строя и потерей государственного суверенитета.) Насколько насильственное включение балтийских государств в СССР, игнорирование норм международного пра-

ва, сделка с агрессором позволили Советскому Союзу решить геостратегические задачи и подготовиться к войне с Германией, насколько пресловутое «передвижение границ» на Запад дало возможность использовать полученную территорию для организации обороны? Эти вопросы до сих пор остаются предметом острой политизированной дискуссии, «градус» которой нередко подогревается затрудненным доступом к историческим архивным документам.

Тема участия прибалтийских республик в Великой Отечественной войне остается одним из самых болезненных сюжетов современной российской и балтийской историографии. В советской исторической литературе уделялось внимание преимущественно борьбе прибалтийских народов против нацистов, их пособничество же представлялось как явление маргинальное и исключительное. Замалчивались и подлинные причины катастрофически быстрого отступления РККА с территории Прибалтики, дезавуирующие идеологему о подготовленности СССР к войне и налаженной скоординированной системе обороны. Специфика нацистского оккупационного режима, имевшаяся в каждой прибалтийской республике (хотя все они входили в территориальное образование «Остланд»), в отечественной научной литературе исследована преимущественно в аспекте изучения таких проблем, как расовая сущность нацизма, «тотальная война» Третьего рейха, концлагеря и лагеря для военнопленных, принудительные работы, а также Холокост. В советское время проблема коллаборационизма, особенно в регионах, советизированных в предвоенное время, находилась под запретом, соответственно и документы, раскрывающие эти факты, были недоступны исследователям. Формы коллаборационизма, разнообразие пронацистских «вспомогательных» карательных структур, созданных нацистами в оккупированной Прибалтике, массовое соучастие коллаборационистов в карательных акциях против мирного населения ныне являются предметом пристального научного интереса, однако вплоть до сегодняшнего дня изучены фрагментарно и преимущественно вне контекста общей специфической ситуации в «Остланде». Исследований, посвященных латышскому и эстонскому добровольческим легионам СС, многочисленным пособническим формированиям (вспомогательной полиции, полиции порядка, охранным батальонам), а также прибалтийским под-

разделениям в составе вермахта, в отечественной научной литературе практически нет. Организация пропаганды, в том числе антисоветской, создание марионеточных правительств, межнациональные отношения на территории оккупированной нацистами Прибалтики, наконец, партизанское движение — изучены весьма «пунктирно». (Немногочисленные работы о советском партизанском движении являются весьма субъективным источником по данной теме.)

В прибалтийской историографии, напротив, исследования по этим сюжетам занимают обширное место, однако нередко характерной их чертой является идеализация коллаборационистских формирований, и порой даже — представление их как «борцов за независимость». Так открывается дорога для опасного историко-политического мифотворчества и манипуляций, следствием которых являются шествия пособников нацистов по центральным площадям балтийских городов и попытки их оправдания.

Почему в Латвии, Литве и Эстонии войска вермахта в 1941 г. встречали как освободителей, почему коллаборационизм в разных формах был столь массовым, отчего тысячи жителей Прибалтики уходили вслед за отступающим вермахтом в 1944 г. или искали пристанища в нейтральных странах, почему многие пособники нацистов до сих пор не понесли наказания — эти вопросы остаются не раскрытыми и поныне.

Тема послевоенной ситуации в этом регионе также изучена фрагментарно — преимущественно в аспекте послевоенного же восстановления и «борьбы с бандитизмом». В последние годы появилось несколько научных публикаций о том, как возвращалась советская власть в Прибалтику, как проходил «Рижский процесс» над нацистскими преступниками в 1946 г., как действовали партийные органы, какие масштабы приобрела деятельность «лесных братьев». Однако они не восполняют существующие историографические пробелы, потому нет целостного восприятия ситуации, сложившейся в прибалтийском регионе в послевоенное время.

Трагические, мифологизированные и, увы, во многом табуированные до сих пор страницы предвоенной и военной истории нуждаются во внимательном, деполитизированном прочтении, благо сегодня есть возможность обратиться к первоисточникам. В год 70-летия начала Великой Отечественной войны и 65-летия окончания Нюрнбергского процесса

обращение к малоизученным, но весьма политически востребованным, сюжетам внешней политики, внутреннего положения в стране, военной доктрины СССР представляется важным. Ведь «прибалтийская проблема» конца 1930-х — середины 1940-х гг. и ныне весьма по-разному воспринимается в профессиональной среде и в широких слоях общества, как в России и в Европе, так и на других континентах, и регулярно становится объектом острых дискуссий.

Общая история, увы, разъединяет, а не объединяет народы: взаимные упреки и взаимные же обиды мешают необходимому сближению, формированию общего, без идеологических шор, навязываемых политиками, взгляда на прошлое во всей его, к сожалению, нелицеприятной иногда полноте. Общая трагедия войны служит «яблоком раздора» между поколениями — теми, кто привык считать Прибалтику «нашей», и теми, кто уже научился воспринимать ее как часть Евросоюза.

Какой была социально-политическая обстановка в Литве, Латвии и Эстонии накануне Второй мировой войны, как происходило присоединение Прибалтики к СССР и каким был первый год советизации? Как существовал этот регион во время нацистской оккупации, каким был режим, установленный в «Остланде», и каковы были истинные планы гитлеровцев в отношении литовцев, латышей и эстонцев? Почему в современных странах Балтии жителей, сотрудничавших с оккупантами, нередко отождествляют с борцами за независимость, а советских партизан — с карателями, уничтожавшими мирное население? Что дало освобождение от нацистской оккупации Латвийской, Литовской и Эстонской ССР и что заставило тысячи граждан этих республик в конце войны бежать на Запад? Как проходила ресоветизация Прибалтики? Всем этим болезненным проблемам посвящена книга, которую вы держите в руках. В ней использованы документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ РФ), Особого архива Литвы (LYA), Архива Центра литовской эмиграции Каунасского университета (ISCA), Латвийского государственного исторического архива (LVVA), Эстонского государственного архива (ERA) и его филиала (ERAF).

Хотелось бы выразить сердечную благодарность начальнику РГА ВМФ, кандидату исторических наук, капитану первого ранга С.В. Чернявскому и начальнику Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, доктору юридических наук, генерал-лейтенанту В. С. Христофорову за предоставленную возможность ознакомления с уникальными документами.

Искренняя благодарность и иностранным коллегам, оказавшим существенную помощь в поиске и предоставлении архивных документов — сотрудникам Эстонского государственного архива д-р М. Марипуу и М.Сауеауку, журналисту М. Лиллеметс, профессору Латвийского государственного университета Э. Екабсонсу, директору Латвийского государственного исторического архива Н. Рыжовсу, заместителю директора Латвийского военного музея Ю. Цыгановсу, докторантке Латвийского государственного университета И. Ермацане, сотруднику Архива Центра литовской эмиграции Каунасского университета д-ру Л. Салдукасу.

За дипломатическое содействие хочется выразить признательность Генеральному консулу Литовской Республики в Санкт-Петербурге Р. Дегутису.

Заместителю директора Центра исследования геноцида и резистенции жителей Литвы д-ру А. Бубнису — благодарность за уточнения в некоторых характеристиках нацистского режима в Литве.

Отдельное сердечное спасибо за внимательность к деталям и замечания, позволившие устранить неточности в тексте второй главы монографии, за профессиональную щедрость в предоставлении новейшей балтийской историографии по исследуемой проблематике, выходящей мизерными тиражами и потому практически неизвестной, научному сотруднику Латвийского государственного университета д-ру К. Зеллису, кроме того, взявшему на себя и добровольный труд переводчика необходимых для использования в книге фрагментов из ряда источников с латышского на русский язык.

Глава 1

От Балтии к Прибалтике

1.1. Между Москвой и Берлином

Прежде чем приступить к реконструкции событий в Прибалтике 1939—1941 гг., необходимо рассмотреть внутривнутриполитическую ситуацию, сложившуюся в этот период в Латвии, Литве и Эстонии. К 1939 г. в странах Балтии в ходе вооруженных переворотов установилась авторитарная власть. Многие демократические институты прекратили существование: были запрещены партии, введена цензура прессы, распускались парламенты. Созданные в молодых государствах Балтии социально-политические условия в значительной степени облегчили Советскому Союзу реализацию планов по включению Латвии, Литвы и Эстонии в свою геополитическую орбиту.

Государственные перевороты в странах Балтии совершались примерно по одному сценарию: после роспуска парламента объявлялось военное (чрезвычайное) положение, затем власть переходила в руки президента страны (А. Сметона в Литве), главы правительства (К. Ульманис в Латвии) или государственного старейшины (К. Пятс в Эстонии). В отсутствие парламента и иной законодательной власти глава государства получал неограниченное право издавать указы, смещать и назначать министров, вносить изменения в конституцию. Деятельность парламента — Сейма в Литве и Государственного собрания в Эстонии — впоследствии была восстановлена; в Латвии после переворота 15 мая 1934 г. и до июня 1940 г. Сейм так ни разу и не собирался. Литва и Эстония в 1938 г. приняли новые конституции (в Литве это

произошло ранее — в 1928 г.), которые законодательно закрепили произошедшие перемены и резкое усиление президентской и исполнительной властей.

В Литве с 1926 г. после организованного местными националистами — «таутинниками» — военного переворота был установлен авторитарный режим. Показательна конституция Литвы, ориентированная на укрепление единоличной власти главы государства: президент страны избирался на 7 лет, он получал право назначать и увольнять премьер-министра и остальных министров, распускать Сейм, издавать законы без согласия парламента, объявлять в стране чрезвычайное положение и т. д.

С середины 1930-х гг. усилился внешнеполитический «дрейф» Литвы в сторону Германии. Однако с 1936 г. гитлеровская Германия в настойчивой форме стала предъявлять претензии к Литве в отношении Мемеля (Клайпеда) и Мемельского края. Ситуация достигла апогея в середине 1938 г., когда нацисты фактически предъявили литовскому правительству ультиматум, намереваясь полностью аннексировать этот регион.

В конце июня 1938 г. литовский министр иностранных дел С. Лозарайтис встретился в Берлине со своим немецким коллегой И. Риббентропом. Риббентроп обвинил Литву в усилении «литовизации» Мемельского края, потребовав от имени немецкого правительства «прекратить всякое притеснение лиц немецкой национальности и не препятствовать там развитию идей национал-социализма»¹. Очевидно, что разыгрывался «судетский сценарий»: инспирируя межэтническую напряженность в Мемельском крае, Германия добивалась превращения региона в свой идеологический плацдарм — с тем, чтобы позже, аннексировав, сделать его уже геополитическим (как это произошло с Судетской областью Чехословакии в 1938 г.).

По Версальскому мирному договору Мемель, принадлежавший Германии, в 1920 г. был передан Антанте. В городе был размещен французский гарнизон. В 1923 г., после консультаций с представителями Германии и СССР, литовские власти инсценировали восстание силами прибывших из Литвы переодетых полицейских, солдат регулярной армии и членов военизированной организации «шаулистов», всего 1500 бойцов. Литовской армии противостояло 200 французов, бои за город шли пять дней, в ходе штурма погибло 12 литовцев,

два француза и один немецкий полицейский. Конференция послов Лиги Наций согласилась с передачей города и Мемельского края Литве, в 1924 г. Мемель стал Клайпедой. «Разорвавшая пути Версаля» гитлеровская Германия намеревалась вернуть город себе.

После этого сильно укрепили свои позиции и активизировались мемельские немцы, а литовское правительство было вынуждено задуматься об удовлетворении германских требований. В Клайпедском крае была разрешена трансляция речей Гитлера, распространение его книги «Майн Кампф» и другой нацистской литературы. С 1 ноября 1938 г. было отменено военное положение, существовавшее двенадцать лет. Именно отмена военного положения являлась основным германским требованием. В регионе была создана массовая организация «Культурный союз мемельских немцев» — откровенно профашистского направления. Она в первую очередь объединила все многочисленные спортивные, благотворительные, профессиональные общества, клубы и союзы, являвшиеся «прикрытием» для нацистской работы во время существования военного положения (тогда деятельность национал-социалистической партии в Литве была запрещена). Не выполнена оказалась лишь одна германская претензия — прекращение работы в Клайпедке литовской политической полиции.

Несмотря на то, что литовские власти демонстрировали нацистам готовность пойти на любые уступки с целью сохранить клайпедский регион в составе Литвы, 22 марта 1939 г. Германия захватила Клайпеду и Клайпедский край. 21 марта в Берлине состоялась встреча Риббентропа и нового министра иностранных дел Ю. Урбшиса. Глава нацистского внешнеполитического ведомства заявил, что в случае отказа от немедленной передачи этого региона Германии на территорию Литвы будут введены части вермахта, а «Каунас (тогдашняя столица Литвы. — Ю. К.) будет сровнен с землей»².

20 сентября 1939 г. германская сторона подготовила проект договора об основных принципах обороны между Германией и Литвой. Статья 1 этого документа гласит: «Без ущерба для своей независимости как государства Литва отдает себя под опеку германского рейха»³. В соответствии с договоренностями, численность, дислокация и вооружения литовской армии должны были устанавливаться по согласию с верховным командованием вермахта. Литва фактически превраща-

лась в германский протекторат. 23 сентября должны были начаться переговоры Риббентропа с министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом, однако они были отложены. 25 сентября Гитлер подписал директиву, в соответствии с которой в Восточную Пруссию направлялись силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления.

В Эстонии в результате вооруженного переворота, организованного 12 марта 1934 г. действующим премьер-министром К. Пятсом и генералом Й. Лайдонером, было установлено авторитарное правление.

Оба руководителя переворота были лидерами правящего на тот момент «Союза земледельцев». Они опасались усиления влияния крупнейшей эстонской оппозиционной партии — «Союза ветеранов освободительной войны», известной как партия «вапсов». За антиправительственную прогерманскую деятельность партия «вапсов» была запрещена, а часть ее руководителей арестована. Правда, все они быстро вернулись в политику, начав тесно сотрудничать с правительством Пятса.

На следующий день после переворота практически все эстонские политики заявили о лояльности новому режиму, назвав его отвечающим интересам народа. Месяц спустя Государственная Дума была отправлена на летние каникулы, а после их окончания в августе распущена вообще. В марте 1935 г. в Эстонии была официально введена однопартийная система, все политические партии были запрещены, а вместо них была создана единственная коалиционная правящая партия «Исамаалиит». С 1934 по 1938 г. парламент Эстонии не собирался, в 1936 г. был проведен плебисцит и принята новая конституция, которая вступила в силу в 1938 г. При подготовке «народного голосования» по конституции был издан секретный циркуляр правительства, адресованный органам исполнительной власти на местах. В нем, в частности, содержались рекомендации в отношении оппозиции: «К голосованию не надо допускать таких лиц, о которых известно, что они могут голосовать против национального собрания... Их надо немедленно препровождать в руки полиции»⁴.

На проведенных благодаря принятию конституции, предписывавшей создание нового органа законодательной власти, выборах в парламент, в 1938 г. кандидатов могли выставить только общественные комитеты из членов «Исамаалии-

та» или военизированной организации «Кайтселиит». («Кайтселиит» был создан правительством Эстонии еще в 1918 г., в 20-е гг. получил статус национальной гвардии, а с 1934 г. являлся военизированной опорой «Исамаалиита».) В 50 округах из 80 выборы вообще не проводились под тем предлогом, что в них все равно выдвинуто по одному кандидату и, следовательно, выбирать незачем: нижний порог явки и нижний порог «проходимости» кандидата в законодательстве отсутствовал⁵.

По новой конституции Эстонии парламент состоял из Государственной Думы — выборной палаты и Государственного Совета, членами которого были люди, назначаемые президентом, и представители от правительства. Президент имел право распустить парламент или отменить принятые им законы. Говорить при таком раскладе о наличии в Эстонии демократических прав и свобод излишне.

Новый парламент начал работу с принятия нескольких принципиально важных документов: «Закон о профессиональных обществах работников и их союзах», «Закон о собраниях» и т. п. Отныне любое неодобрение политики правительства со стороны любой организации могло привести к ее запрету (при этом юридическая трактовка понятия «неодобрения» была максимально широкой). Права профсоюзов были сведены на нет, ибо любые их акции автоматически квалифицировались как «наносящие вред» обществу и государству. Практически невозможной стала и деятельность других общественных организаций, поскольку упомянутый закон о собраниях легко мог трактовать их как «направленные на достижение политических целей». На основании «Закона о городах» и «Закона об уездах» полномочия руководителей соответствующих администраций были расширены настолько, что «даже в царской России власть этих должностных лиц не простиралась так далеко»⁶.

К 1939 г. правительство Пятса окончательно определилось в своих внешнеполитических и идеологических симпатиях. Так, в преддверии заключения германо-эстонского пакта о ненападении, 3 мая 1939 г., на закрытом совещании по международному положению эстонской Государственной Думы выступил главнокомандующий Й. Лайдонер. Он сказал: «Никогда Эстония не будет выступать вместе с СССР против Германии... Что касается СССР, то с ним никаких пак-

тов мы заключать не будем»⁷. Германо-эстонский пакт был заключен 7 июня 1939 г. Через несколько дней после этого при Генштабе эстонской армии появился, утвержденный Абвером (немецкой разведкой), офицер связи — фрегаттенкапитан А. Целлариус, занимавший аналогичную должность при Генштабе финской армии. В подтверждение своей позиции эстонское правительство в ноябре 1939 г., а затем в конце июня 1940 г. направляло в столицу рейха своих эмиссаров с просьбой об установлении германского протектората.

Современники называли времена правления Пятса «эрой молчания». В конце 1934 г. Министерство внутренних дел Эстонии приняло постановление, которое ставило прессу под жесткий контроль. Этот документ определял круг тем, которые разрешалось освещать, а издания, позволившие себе отзывать о президенте или правительстве без должного респекта, а также трактовать деятельность государственных органов в «превратном ключе», подлежали закрытию⁸.

Для осуществления идеологического контроля была создана специальная структура при правительстве — Информационное бюро. Первоначально перед бюро ставилась цель информировать общественность о деятельности правительства, но очень быстро оно переродилось в бюро пропаганды⁹. Цензура расчищала путь для внедрения новой идеологии. Эта идеология должна была строиться на «трех китах»: сплоченность народа, национализм, верность вождю¹⁰.

В Эстонии была проведена чистка госаппарата и органов самоуправления от «неблагонадежных», отменена свобода передвижения: министр внутренних дел получил право запрещать любому гражданину, «чьи действия представляют угрозу государственному порядку и общественной безопасности», покидать пределы города или сельской общины или, напротив, «рекомендовать» ему отправиться в ссылку за границу¹¹.

Даже после вступления в силу новой конституции в январе 1938 г. режим чрезвычайного положения отменен не был, более того, он несколько раз продлевался — и в сентябре 1938 г., и в сентябре 1939 г.¹². Эстонское правительство считало его «универсальным методом управления» и, чтобы не обременять себя процедурой его ежегодного продления, попыталось весной 1939 г. провести через Думу законопроект «О государственной безопасности и общественном порядке», который фактически придал бы режиму ЧП постоянный

статус. Однако документ встретил сопротивление в парламенте Эстонии, обычно весьма лояльном президенту¹³.

Латвия, балансирующая между СССР и Германией, к 1933 г. сделала выбор в пользу последней. Характерно, что даже ЦК Латвийской социал-демократической партии, еще в декабре 1928 г., опубликовал консолидированное мнение, гласившее, что «если выбирать между советской властью и фашизмом, то лучше выбрать фашизм»¹⁴. Лидер Крестьянского союза К. Ульманис посетивший Германию осенью 1933 г., был принят Гитлером в Берлине. 15 мая 1934 г. фракция Ульманиса попыталась провести в Сейме законопроект об изменении государственного устройства. Когда он провалился, Крестьянский союз уже в ночь на 16 мая совершил государственный переворот: кризис стал удобным предлогом для ультрарадикальных действий. (Примечательно, что весной 1919 г. Временное правительство Латвии было низложено немцами, а Рига осаждена частями немецкого добровольческого корпуса.) Переворот произошел при поддержке армии и военизированной организации «Айзсарги» (охранники). Новое правительство возглавил сам Ульманис. «Айзсарги» была создана Ульманисом еще в 1919 г., и по сути позднее явилась аналогом штурмовых отрядов НСДАП. Эта организация строилась по военно-территориальному принципу, охватывала все уезды Латвии и в 1940 г. насчитывала до 40 тысяч членов. Члены «Айзсарги» служили основным резервом регулярной армии. Помимо них поддержку Ульманису оказали профашистская организация «Перконкруст» и национал-социалистическое движение латвийских немцев. Первая «образцово-показательная» акция правительства Ульманиса была проведена в Риге: на центральных площадях латвийской столицы жгли книги, объявленные запрещенными.

С первых же часов своего существования кабинет Ульманиса объявил в стране военное положение сроком на 6 месяцев. Срок этот многократно продлевался, растянувшись на 6 лет. 31 декабря 1935 г. правительство Ульманиса приняло решение закрыть все иностранные общества на территории Латвии. (Все политические партии и организации, разумеется, в связи с военным положением были уже запрещены.) Однако этот запрет никак не затрагивал объединения прибалтийских немцев, постоянно проживавших в Латвии. Активно

работали «Орден балтийского братства», «Движенцы» и «Система», распространявшие свое влияние на молодежь. Они устраивали нелегальные собрания под видом «пивных вечеров» и «благотворительных балов», а также проводили военное обучение под прикрытием «обществ туризма и спорта». В них существовала жесткая военная дисциплина, практиковались стажировки в Германии, во время которых перенимался опыт нацистских штурмовых отрядов. В 1939 г. в Риге насчитывалось более 60 обществ прибалтийских немцев, которым разрешалось заниматься производственной и внешнеэкономической деятельностью вместе с партнерами из рейха. В 1939 г. лояльность Латвии к странам гитлеровской коалиции стала приобретать все более четкие формы: например, Латвия первой признала оккупацию Абиссинии фашистской Италией, а затем, 7 июня 1939 г. заключила договор о ненападении с Германией¹⁵. За шесть лет правления Ульманиса новая конституция в Латвии так и не появилась.

Так же как и в Литве и Эстонии, правительство Ульманиса сразу взяло под контроль прессу и ввело жесткую цензуру. Эти функции были возложены на Министерство общественных дел.

Усиливалось и влияние государства на экономическую сферу. Это сказалось прежде всего на расширении государственного сектора в этой сфере. В Литве, где основу экономики составляло сельское хозяйство, этот процесс был не так заметен и протекал в «мягких» формах, тогда как в Латвии можно было вполне говорить об «огосударствлении» как целенаправленной политике¹⁶.

Интересы большинства граждан балтийских стран были связаны с сельским хозяйством: в промышленности было занято немногим более 20% населения Эстонии, 14,8% — Латвии и 6% — Литвы (данные 1934 г.)¹⁷. Процесс «огосударствления» частично затронул и эту сферу: так, при проведении земельной реформы в Латвии государство заявило свои претензии на значительную долю собственности. Однако доминантой аграрной реформы — а в Латвии она растянулась на 17 лет, с 1920 по 1937 г., — была ликвидация безземельного и малоземельного крестьянства. Столь же радикальной была аграрная реформа в Эстонии. В первую очередь в процессе национализации земли были существенно урезаны владения балтийских немцев и других крупных собственников.

В результате и в Латвии, и в Эстонии этот вопрос во многом потерял свою остроту. Например, в Латвии безземельные крестьяне составляли в 1920 г. 61,2% сельских жителей, а после завершения аграрной реформы в 1937 г. — только 18%¹⁸. Теперь главной проблемой латышских и эстонских крестьян стала не земля, а налоги, поскольку многие хозяйства находились в долговой кабале: в 1930 г. долг латышских крестьян различным финансовым учреждениям составлял 277,3 млн лат¹⁹. Однако, несмотря на налоговые и частично земельные проблемы, аграрный вопрос — в том виде, в каком его использовали коммунисты для привлечения на свою сторону крестьянства, — в Латвии и Эстонии не существовал. В Литве ситуация складывалась по-другому. Там земельная реформа затронула только поместья крупных землевладельцев, имеющих 80 га и более²⁰.

Помимо установления авторитарной власти, президенты балтийских стран постепенно обрастали и соответствующей идеологической атрибутикой, примеривая на себя титул «вождя нации». Первым это сделал Сметона²¹. Латышская пресса охотно называла Ульманиса «величайшим деятелем Европы» и «дважды гением»²². А Пятс и вовсе без эвфемизмов отвечал на вопрос о своей «избранности»: «Говорят, что я плохой президент и т. д. Но я не могу уйти, потому что нет никого, кто бы мог занять мое место»²³.

Между тем режимы во всех трех государствах не чувствовали себя спокойно. Причем угроза исходила от главных союзников власти — военных.

В Литве после декабря 1926 г. и до советского вторжения 1940 г. было несколько попыток переворотов²⁴. До 1929 г. А. Сметона вынужден был делить власть с другой влиятельной фигурой — А. Волдемарасом, за которым стояли правые, а потом и откровенно профашистские силы. Даже после отставки с поста главы правительства Волдемарас сохранил свое влияние среди оппозиционных Сметоне сил, особенно среди военных.

Не смог избежать конфликта с военными и латвийский лидер К. Ульманис, который отправил в отставку военного министра и своего заместителя Я. Балодиса. Это случилось в марте 1940 г., т. е. незадолго до аннексии Латвии СССР²⁵.

Авторитарный стиль управления воспринимался многими политическими лидерами этих стран — не только самими

диктаторами, но и их конкурентами — как гарантия сохранения государственной независимости. Однако у авторитарных режимов есть «природные» особенности, которые неизбежно сближают их с советской моделью и в этом смысле могут рассматриваться как «предпосылки» советизации²⁶. Коммунистам «нигде не пришлось бороться с демократическо-парламентскими порядками, а нужно было всего лишь заменить авторитарных руководителей коммунистическими функционерами, в то время как склонность авторитарных режимов к государственному контролю за экономикой служила благоприятной предпосылкой для быстрого внедрения коммунистического планового хозяйства»²⁷. Во многом, советская военная экспансия, быстро и беспрепятственно проведенная советизация, прошедшая при разноплановом активном содействии значительного количества местных функционеров, и в итоге потеря балтийскими государствами независимости являлась следствием их внутреннего кризиса²⁸. Хотя, разумеется, эти существенные обстоятельства, в отличие от внешнеполитических, не являются преваляющими.

С одной стороны, утрата странами Балтии независимости была следствием общеевропейского международного политического кризиса, порожденного Мюнхенским сговором, пактом Молотова — Риббентропа, грамотной пропагандой, и, с другой стороны, следствием отсутствия реалистичной и независимой внешней политики балтийских элит в 1939—1940 гг., а также авторитарного содержания внутренней политики²⁹. Индифферентность, с которой и обыватели, и правящие элиты Литвы, Латвии и Эстонии отнеслись к действиям Советского Союза, говорит о несформированной еще в молодых государствах (два из которых впервые в своей истории обрели самостоятельность в 1919 г.) способности ценить независимость и отстаивать ее. Ни в коей мере не умаляя катастрофического для Балтии значения пакта Молотова — Риббентропа, этот фактор не стоит сбрасывать со счетов, тем более что он снова более чем внятно проявился уже год с небольшим спустя — во время нацистской оккупации (речь об этом периоде пойдет в следующей главе).

23 августа 1939 г. в Каунасе, Риге и Таллине стало известно о заключении договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, однако о секретных соглашениях к нему, где специально оговаривался «вопрос о разграничении сфер

обоюдных интересов в Восточной Европе», в странах Балтии, знать не могли, хотя не могли и не догадываться о них. 28 сентября был подписан новый германо-советский «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией» и два секретных протокола к нему. Эти документы официально и юридически закрепляли раздел территории Польши между Германией и Советским Союзом и решали судьбы прибалтийских государств. Первый секретный протокол предусматривал передачу Литвы (за исключением ранее занятой немцами Клайпеды) из германской в советскую «сферу интересов» в обмен на Люблинское и часть Варшавского воеводства, которые по секретному договору от 23 августа отошли к СССР. На карте, на которой была указана новая граница, расписались Сталин и Риббентроп. Согласно второму секретному протоколу стороны обязались принимать меры по подавлению «польской агитации». Судьба стран Балтии в процессе «разграничения интересов» была решена следующим образом: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами...»³⁰. 10 октября 1939 г. был подписан советско-литовский договор о взаимопомощи, в соответствии с которым СССР передал Виленскую область, до пакта Молотова — Риббентропа являвшуюся частью Польши, Литве. Временный поверенный в делах СССР в Литве Н. Поздняков писал В. Молотову о настроениях в литовском обществе: «Поездка в Москву Риббентропа и подписание советско-германского пакта о ненападении вызвали среди литовской общественности волну явного беспокойства... Нас спрашивали: чем заплатила Германия за выгодный для нее пакт; не скрывается ли за пактом договоренность о разделе между партнерами сфер влияния, в которые включается и Прибалтика; не отказывается ли СССР в своих будущих планах от Литвы; не принес ли он ее из-за желания сохранить за собой Эстонию и Латвию в жертву Германии и Польше и т. д.»³¹.

Военный атташе при полпредстве СССР в Литве майор И. Коротких подтверждал эту информацию: «Заключенный нами пакт с Германией, естественно, вызвал много толков. Сразу же был поставлен вопрос о судьбе Прибалтики, в том

числе и Литвы. У них возникли вопросы: «Не намечен ли раздел сфер влияния до границ 1914 года?»³².

Не меньшую обеспокоенность советско-германские соглашения вызвали в Латвии и Эстонии. Глава советской дипломатической миссии в Эстонии К. Никитин сообщал: «Эстонцы распространяют слух, что у СССР с Германией существуют помимо отпечатанного договора тайные пункты, по которым они собираются разделить Польшу и Прибалтику»³³.

Аналогичные «слухи» циркулировали в Латвии, о чем латышский министр иностранных дел В. Мунтерс 2 сентября 1939 г. рассказывал во время аудиенции советскому полпреду И. Зотову. Глава внешнеполитического ведомства Латвии просил «для успокоения и создания правильности мнения» сделать специальное заявление ТАСС, опровергающее эти слухи, или хотя бы опубликовать в латвийской печати интервью советского полпреда, где были бы сделаны соответствующие заявления. Советский полпред в ответ посоветовал читать советские газеты с речью Молотова о ратификации советско-германского пакта³⁴. В последующие дни Мунтерс неоднократно встречался с Зотовым и настаивал на необходимости советской стороне сделать конкретное заявление о своих гарантиях балтийским странам. Зотов по-прежнему реагировал на эти просьбы в духе полученных из Москвы инструкций: вполне достаточно уже прозвучавших заявлений Сталина и Молотова, «мы стоим и будем стоять за мир, поддерживали и будем поддерживать добрососедские отношения со всеми странами, если они будут держаться тех же принципов к нам»³⁵.

Однако Латвии нужны были не абстрактные рассуждения о мире, а четкая позиция Москвы по отношению к Прибалтике, опровергающая слухи о разделе «сфер влияния». Естественно, советский полпред таких гарантий дать не мог, как не мог их дать и советский Наркомат иностранных дел. Зотов, по-видимому, уставший от бесцельных переговоров с латышским министром, в конце концов перестал скрывать свое явное раздражение за правилами дипломатического этикета и на очередную реплику «назойливого» Мунтерса, что надо все-таки что-то сделать для «успокоения масс», коротко бросил: «Успокаивать массы — ваше внутреннее дело»³⁶.

Анализируя ситуацию в Эстонии и Латвии, советские полпреды пришли к единому выводу: сложился благоприятный

момент для давления на эти страны. Не последнюю роль в аргументации советских наблюдателей играли и экономические проблемы, с которыми столкнулись страны Балтии после начала войны в Европе. Зависимые от британского рынка и английского фунта стерлинга, экономики Латвии и Эстонии после вступления в войну Англии неизбежно оказались в кризисном состоянии. Первыми под угрозу остановки и, соответственно, массовых увольнений попали предприятия, работавшие на импортном сырье. Экономические трудности и реальная перспектива социальных потрясений заставили власти стран Балтии искать новые рынки и новых торговых партнеров. В этом смысле СССР воспринимался как хотя и вынужденная, но вполне приемлемая альтернатива Западной Европе. Обстановка войны вообще сузила возможности выбора для невоюющих стран, особенно стран «малых», всегда зависимых в той или иной степени от «больших»³⁷.

Кризисные явления в экономике балтийских стран также усиливались благодаря воздействию психологического фактора: охваченное паническими настроениями население бросилось скупать в магазинах все, что было. «В магазинах толкотня и давка, — описывал типичную для сентября 1939 г. картину К. Никитин. — Эстонская крона, имевшая обеспечение английским фунтом стерлингов, начала ежедневно терять в курсе. Что касается продуктов питания, то они поднялись гораздо больше. Правительство Пятса во всем этом увидело мрачных предвестников, а потому в первую очередь решило продлить еще на год «положение об усиленной охране», а затем повысило цены на водку»³⁸. В этих условиях, считал советский полпред, вполне можно ожидать от эстонского правительства, что оно станет более сговорчивым.

В Латвии ситуация складывалась аналогичным образом. «В этот момент возможен и политический поворот, при условии некоторого давления на них [латышей], — писал полпред Зотов. — В силу невозможности выхода из экономического бедствия, кроме обращения за помощью в Советский Союз, нам кажется, необходимо перед удовлетворением их широкой просьбы попытаться сделать гласное политическое давление, обеспечивающее нашу заинтересованность. Добиться признания нашей заинтересованности, заключить пакт об экономической и военной взаимопомощи, добиться искоренения всякой пропаганды против СССР, упрочения широкой

культурной связи и свободного допуска нашей прессы и литературы»³⁹.

То что предлагал Зотов («добиться признания нашей заинтересованности») по сути означало «открыть карты» относительно притязаний советской стороны на Прибалтику. Поэтому дипломат считал, что такие условия для правительства Латвии окажутся неприемлемыми. В таком случае, рассуждал он, «развяжутся оппозиционные силы против существующего строя, что не может не влиять на изменение внешнеполитической линии правительства и вплоть до замены его новым, способным принять нашу точку зрения»⁴⁰. От желаемого до действительного оставалось несколько шагов, которые и были сделаны.

Дальнейшие события показали, что латышское, эстонское и литовское правительства оказались «способными принять точку зрения» советской стороны. А, приняв, стали не нужны для дальнейшего осуществления советской экспансии. За жестким давлением со стороны НКВД отчетливо просматривалось давление вовсе не дипломатическое — военное.

Демонстрация военной силы во время переговоров советского руководства с лидерами стран Балтии отнюдь не была блефом. Угроза войны и легко прогнозируемого поражения превратилась в весомый аргумент, заставивший правительства балтийских стран в конце концов принять условия советской стороны.

В роли «опытного полигона», на котором проверялись возможности «сопротивления материала» и отработывались способы военно-дипломатического давления, выступила Эстония. 13 сентября 1939 г. в Москве начались советско-эстонские переговоры о заключении торгового соглашения. 17 сентября советские войска вошли в Польшу, завершив таким образом согласно пакту Молотова — Риббентропа раздел этого государства. Это событие дало основание главе НКВД перевести переговоры из экономической в гораздо более важную для Советского Союза политическую плоскость. В. Молотов предложил своему партнеру на переговорах, министру иностранных дел Эстонии К. Сельтеру, заключить военный союз или договор о взаимной помощи, недвусмысленно заявив, что СССР «требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море»⁴¹. Когда Сельтер попытался уклониться от обсуждения

этой темы, ссылаясь на нейтралитет Эстонии, Молотов обошелся без эвфемизмов: «Прошу вас, — обратился он к эстонскому министру, — не принуждайте нас применять силу в отношении Эстонии»⁴². Этот колоритный вербальный пассаж в переводе с дипломатического языка означал ультиматум. Глава эстонского МИДа взял паузу.

Встреча Молотова с Сельтером проходила 24 сентября, а накануне переговоров советский военно-морской флот де-факто блокировал Эстонию с моря, используя в качестве повода исчезновение из порта Таллина интернированной польской подводной лодки. (15 сентября, скрывавшаяся от преследования рейхсмарине польская подлодка «Орел» пришвартовалась в таллинском порту, получив в соответствии с международным морским правом возможность суточного пребывания на таллинском причале. Однако под давлением Германии экипаж был интернирован. Затем «Орел» все-таки на полупегальных основаниях получил право продлить пребывание в эстонских водах еще на сутки, вследствие чего эстонский МИД получил жесткие предупреждения со стороны Германии. А 18 сентября польская субмарина тайно покинула причал, впоследствии благополучно добравшись до Англии.⁴³)

Тем временем на границе Эстонии и Латвии создавалась советская военная группировка. Еще 13 августа 1939 г. в Ленинградском военном округе (ЛВО) приказом наркома обороны маршала Советского Союза К. Ворошилова № 0129 была сформирована Новгородская армейская группа, преобразованная 14 сентября в 8-ю армию, управление которой дислоцировалось в Пскове. В Калининском военном округе (КалВО) по мобилизации была развернута 7-я армия, которая согласно директиве наркома обороны № 16664 от 14 сентября была с 15 сентября передана в оперативное подчинение Военного совета ЛВО. Директивой № 16669 от 14 сентября нарком обороны определил состав войск прикрытия территории ЛВО на Кингисеппском (11-я стрелковая дивизия, 447-й корпусной артполк) и Псковском (управление 1-го стрелкового корпуса, 49-я, 56-я и 75-я стрелковые дивизии) направлениях. Согласно директиве наркома обороны № 030 от 25 сентября войска 7-й армии приступили к сосредоточению на латвийской границе, а управление армии передислоцировалось в Идрицу. С 25 сентября начались разведывательные поле-

ты советских самолетов над Эстонией. 26 сентября в штабе ЛВО была получена директива наркома № 043/оп, согласно которой требовалось «немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе и закончить такое 29 сентября 1939 г.». Между Финским заливом и Чудским озером развертывался Отдельный Кингисеппский стрелковый корпус, южнее Псковского озера — войска 8-й армии, а в районе Себеж, Юхневичи, Клястицы — соединения 7-й армии, в состав которой была включена часть войск 3-й армии Белорусского фронта, сосредоточенных на левом берегу Западной Двины 26—29 сентября.

РККА была поставлена задача «нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам, для чего: а) Кингисеппской группой быстро наступать на Везенбург, Тапе, Таллин; б) 8-й армии разбить войска противника и наступать на Юрьев [Тарту] и в дальнейшем — совместно с Кингисеппской группой на Таллин, Пернов [Пярну], выделив для обеспечения своего фланга одну танковую бригаду и 25-ю кавдивизию в направлении на Валк. В случае выступления латвийских воинских частей на помощь эстонской армии [наступать] в направлении от Валка на Ригу; в) 7-й армии — прикрыть операции ЛВО со стороны латвийской границы. В случае выступления или помощи латвийской армии эстонским частям 7-й армии быстрым и решительным ударом по обоим берегам реки Двины наступать в общем направлении на Ригу»⁴⁴. Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) получил задачу «уничтожить эстонский флот», нанести «удар по морским базам» Эстонии и «содействовать наступлению сухопутных войск ЛВО». Нарком обороны требовал подготовить к 27 сентября план операции и предупреждал, что «о времени перехода в наступление будет дана особая директива». 28 сентября нарком обороны утвердил представленный план операции против Эстонии, указав, что войскам следует избегать разрушения железнодорожных мостов. В тот же день командующий ЛВО приказал к утру 29 сентября привести КБФ в полную боевую готовность, для того чтобы, получив приказ, нанести удар по военно-морским базам Эстонии, захватить ее флот, не допустить его ухода в нейтральные воды Финляндии и Швеции, поддерживать артогнем сухопутные войска на побережье и иметь в виду высадку десанта по особому приказу. В случае выступления Латвии следовало захватить и ее флот⁴⁵.

Поэтому, когда в Москве 27 сентября были возобновлены советско-эстонские переговоры о подписании договора, термин «взаимопомощь» мог восприниматься Эстонией только как насмешка. Со стороны СССР переговоры вел лично И. Сталин, что свидетельствует не только о том значении, который придавал Кремль соглашению с «малым соседом», но и безапелляционности советских намерений.

Наибольшие споры вызывал пункт о количестве и местах размещения советского военного контингента в балтийских странах. Для Эстонии Молотов предложил численность гарнизона РККА в 35 тыс. человек, в то время как численность всей эстонской армии в условиях мирного времени составляла 20 тыс. человек. Сельтер отказался принять советские предложения, тогда Сталин «снизил ставку» до 25 тыс. человек, и эстонская сторона не приняла его условия. Во время беседы с эстонским министром Сталин старался избегать прямых угроз, хотя, когда пакт был подписан, сказал Сельтеру: «С вами могло получиться, как с Польшей»⁴⁶.

Изменение сфер влияния СССР и Германии обсуждалось в ходе переговоров Сталина и Молотова с Риббентропом в Москве 27—28 сентября. При этом германский министр иностранных дел упомянул, что, по сообщению германского посланника в Эстонии, СССР предложил Таллину военную конвенцию, потребовав взамен создание баз для советских военных кораблей и самолетов. «Это, очевидно, следует понимать как первый шаг для реализации прибалтийского вопроса. Германия в настоящее время находится в состоянии войны и приветствовала бы постепенное решение прибалтийского вопроса. Ясно, что мы не заинтересованы в делах Эстонии и Латвии. Однако мы были бы благодарны, если бы советское правительство сообщило нам, как и когда оно собирается решить весь комплекс этих вопросов, с тем чтобы немецкое правительство... могло бы сформулировать свою позицию», — заявил рейхсминистр⁴⁷. Коснувшись предложения Сталина об отказе Германии от Литвы в обмен на польские земли восточнее Вислы вплоть до Буга, Риббентроп считал, что компенсация за Литву недостаточна. В связи с этим он предложил расширить Восточную Пруссию за счет литовских земель. Он показал на карте линию новой границы, которая проходила от самой южной оконечности Литвы, восточнее Ковно и Гродно до Балтийского моря. Советский «вождь», отверг-

нув основные германские притязания, согласился на уступку района Сувалки, или, как его еще называют, «Мариампольского выступа»⁴⁸.

Сталин подтвердил предположение Риббентропа, что советское правительство намеревается осуществить медленное проникновение в Эстонию и Латвию, временно сохранив их правительственную систему, министерства и прочее. На следующий день, 28 сентября, Сталин вновь подчеркнул: «Пока не предполагается изменять нынешнюю политическую и экономическую систему в Эстонии и вводить там советскую систему. Пока остается эстонская конституция, министерства будут продолжать свою работу. До поры до времени Эстония будет сама решать свои внешнеполитические дела»⁴⁹. Намерения советского правительства, касающиеся Литвы и Латвии, в этом разговоре не упоминались. Сталин заявил, что «Советский Союз включит в свой состав Литву в том случае, если будет достигнуто соответствующее соглашение с Германией об «обмене территорией»⁵⁰. На следующий день германская сторона дала свое добро на «обмен» территорией и тем самым на захват Литвы Советским Союзом⁵¹. Новая договоренность была зафиксирована в дополнительном протоколе к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. В нем констатировалось согласие германского и советского правительств с тем, что «подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в пункте 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как, с другой стороны, Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии». Указывалось, что «как только правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии». Подчеркивалось также, что существующие хозяйственные отношения между Германией и Литвой не будут нарушаться вышеуказанными мероприятиями Советского Союза»⁵².

8 октября Ф. Шуленбург направил В. Молотову письмо, в котором просил подтвердить, что «1) упомянутая в протоколе и обозначенная на приложенной к нему карте литовская

территория в случае ввода войск РККА в Литву не будет ими занята; 2) за Германией остается право определить момент осуществления договора относительно перехода вышеупомянутой литовской территории («Мариампольский выступ». — Ю. К.) к Германии»⁵³. Однако эта территория так и не была передана рейху⁵⁴.

Пакт о взаимопомощи между Советским Союзом и Эстонией был подписан 28 сентября 1939 г., и на следующий день его официальная часть появилась в советских газетах. Согласно статье 3 этого договора Эстонская республика предоставляла Советскому Союзу «право иметь на эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации на правах аренды по сходной цене»⁵⁵. В специальном «конфиденциальном протоколе» оговаривалось, «что в целях предупреждения и пресечения попыток втянуть Договаривающиеся Стороны в происходящую ныне в Европе войну СССР имеет право, на время этой войны, держать на отведенных под аэродромы и базы участках отдельными гарнизонами в общей сложности до 25 тысяч человек наземных и воздушных вооруженных сил»⁵⁶. Договор заключался на срок десять лет с возможностью его последующей пролонгации еще на пять лет.

После Эстонии настала очередь Латвии. Учитывая опыт предыдущих переговоров, Москва вполне могла рассчитывать на уступчивость латвийской стороны. 2 октября 1939 г. свою беседу с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом В. Молотов в присутствии И. Сталина начал со ссылки на «эстонский прецедент»: «Хотелось бы с вами поговорить насчет того, как упорядочить наши отношения. Примерно так, как с Эстонией? <...> Нам нужны базы у незамерзающего моря»⁵⁷.

Молотова поддержал Сталин, несколько заретушировав откровенность своего наркома и пообещав, так же как и в Эстонии, не трогать конституцию, министерства, внешнюю и финансовую политику, экономическую систему. «Наши требования возникли в связи с войной Германии с Англией и Францией, — объяснил Сталин необходимость ввода войск, ... — С Германией наши отношения построены на долговременной основе. Но война ныне разгорается, и нам следует позаботиться о собственной безопасности. Уже исчезли такие государства, как Австрия, Чехословакия и Польша, могут про-

пасть и другие. Мы полагаем, что в отношении вас у нас подлинных гарантий нет. Это и для вас небезопасно, но мы думаем в первую очередь о себе. Еще Петр Великий заботился о выходе к морю. В настоящее время мы не имеем выхода и находимся в том нынешнем положении, в каком больше оставаться нельзя»⁵⁸.

Главу МИД Латвии Мунтерса слова Сталина не убедили: «Теперь мы имеем дело только с Германией и СССР. Поэтому, раз меж ними существует договор о ненападении, то мы не понимаем, о какой безопасности может идти речь?»⁵⁹ Мунтерс вспоминал, что Сталин на это ответил: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся... если не мы, то немцы могут вас оккупировать. Но мы не желаем злоупотреблять... Нам нужны Лиепая, Венспилс»⁶⁰. Речь шла о незамерзающих портах в Балтийском море, а также о размещении в Латвии советских военных гарнизонов. Сталин сначала назвал цифру в 50 тыс. человек. Мунтерс настаивал на неприемлемости такого предложения, поскольку в этом случае советский контингент сравнялся бы численностью с латвийской армией, и ссылаясь на общественное мнение в Латвии, которое вряд ли воспримет позитивно размещение советских военных баз в главных городах страны. После этих возражений Сталин снизил количество войск до 30 тыс. человек⁶¹.

Однако на следующий день Мунтерс пришел с текстом заявления, в котором от имени латвийского правительства отказывался признать условия договора в том виде, как они были предложены в подготовленном Молотовым проекте. «Самым существенным мы считаем, — говорилось в документе, — что заключение настоящего договора не должно в глазах латвийского народа являться навязанным тяжелым бременем, в котором общественное мнение усмотрело бы ограничение военной и вследствие этого и политической независимости государства и угрозу свободному существованию и развитию народа в будущем... Договор будет истолкован как создающий нечто вроде протектората — неприемлемое для свободного народа положение»⁶². Сталин взял инициативу в свои руки: «Вы нам не доверяете. Мы вам тоже немного не доверяем. Вы полагаете, что мы вас хотим захватить. Мы могли бы это сделать прямо сейчас, но мы этого не делаем... Еще в августе немцы в переговорах о разделе сфер влияния назвали Даугаву, что означало разделение Латвии

на две части. Русские не согласились, заявив, что так обращаться с народом нельзя... Не исключено, что немецкие притязания еще возродятся»⁶³.

Переговоры в Кремле, как это было и в случае с Эстонией, проходили на фоне советских военных приготовлений на границе. 1 октября основная часть войск 8-й армии РККА была перегруппирована к югу от реки Кудеб на границу с Латвией. В тот же день по приказу наркома обороны была проведена воздушная разведка латвийской территории⁶⁴. В итоге договор о взаимопомощи между СССР и Латвией 5 октября 1939 г. все-таки был подписан. Советский Союз получил право на создание баз в Лиепае и Вентспилсе, а также нескольких аэродромов. Численность советских гарнизонов устанавливалась на уровне 25 тыс. человек — единственная уступка, которой удалось добиться латвийской стороне. Договор заключался на 10 лет с возможностью последующей пролонгации на такой же срок⁶⁵.

Переговоры с Литвой продолжались с 3 по 10 октября 1939 г. Всего состоялось пять встреч «на высшем уровне». Литовскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Ю. Урбшис, с советской стороны переговоры вели Молотов и Сталин, последний участвовал в трех встречах из пяти⁶⁶.

Для Литвы Кремль приготовил не только кнут, но и пряник. В этом качестве предлагался город Вильно (Вильнюс), который мог бы отойти Литве в обмен на сговорчивость. Тема Вильнюса впервые обсуждалась во время встречи Молотова с литовским послом В. Наткявичюсом 19 сентября 1939 г., т. е. вскоре после того, как Красная Армия заняла Вильнюс. (Вильно входило в состав Польши до ее раздела в сентябре 1939 г., когда по пакту Молотова — Риббентропа Виленская область и другие территории Восточной Польши отошли к СССР.) Позицию Москвы на тот момент озвучил Молотов: «Проблема Вильнюса может быть решена благоприятно для Литвы. Однако в настоящей сумятице следует подождать, а позже будем говорить и договоримся»⁶⁷. Однако договариваться пришлось трудно и долго, даже несмотря на эстонский и латвийский прецеденты, и предложенный «пряник». О содержании тайных протоколов Молотова — Риббентропа Литве «намекнули» уже на следующий день после их подписания. Вечером 29 сентября Молотов заявил литовскому посланнику в Москве Наткявичюсу, что после «последних» со-

ветско-германских соглашений Литва почти стопроцентно находится в зависимости от политической воли СССР и что Германия не будет возражать против каких-либо литовско-советских соглашений. Еще четче определил судьбу Литвы Сталин 3 октября 1939 г., в первый день переговоров в Москве по поводу подписания советско-литовского договора о взаимопомощи. Уже в начале заседания советский лидер развернул на столе большую карту и «наглядно» продемонстрировал литовским дипломатам границу сфер влияния интересов СССР и Германии, а также «принадлежность Литвы Советскому Союзу»⁶⁸.

Литовцы соглашались подписать договор о взаимопомощи с Советским Союзом, но в собственной редакции, отказавшись от размещения на своей территории советских военных баз и гарнизонов. Взамен литовская сторона предложила организовать в республике советскую военную миссию и увеличить численность литовской национальной армии⁶⁹. Сталин сразу дал понять, что предложения литовской стороны для него неприемлемы. Хотя и пошел на уступки, подобные тем, что сделал для Эстонии: первоначально заявленную численность советских военных гарнизонов в 50 тысяч человек сократил сначала до 35, а потом и до 20 тысяч⁷⁰.

Как и во время переговоров с Эстонией и Латвией, активизировалась РККА: на границах Литвы была развернута 3-я армия Белорусского фронта. Любые дипломатические маневры литовских переговорщиков наталкивались на ультиматум — в случае несговорчивости Москва обещала передать Вильнюс Белоруссии⁷¹. Этот аргумент и стал решающим.

10 октября 1939 г. советско-литовское соглашение «О передаче Литовской республике города Вильнюс и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой» было подписано. Таким образом, Литва стала третьим — помимо Германии и СССР — государством, участвовавшим в разделе Польши. Договор предоставлял СССР право «держат в установленных по взаимному соглашению пунктах Литовской республики за свой счет строго ограниченное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил». «Ограниченное количество» советского военного контингента определялось цифрой в 20 тыс. человек. Армия Литвы, после демобилизации, проведенной в сентябре-октябре 1939 г., в условиях мирного времени насчитывала 25 тыс. человек⁷².

Срок действия договора устанавливался 15 лет, с пролонгацией на следующие 10 лет.

Итак, советский сценарий относительно Эстонии, Латвии и Литвы был примерно одинаков. Сначала СССР предлагал заведомо неприемлемые условия, потом шел на некоторые «уступки», что давало Кремлю основания говорить об уважении партнера по переговорам. И все это происходило на фоне активизации советских войск на границе. В качестве «сопутствующего» к пактам о взаимной помощи документа Советский Союз подписал с Литвой, Латвией и Эстонией торговые соглашения.

В Кремле были вполне довольны итогами переговоров. «Мы думаем, — сказал Сталин генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г. Димитрову 25 октября 1939 г., что в пактах взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволяет нам поставить в орбиту Советского Союза ряд стран. Но для этого надо выдержать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизирования»⁷³.

Таким образом, договоренности с Германией о разделе сфер интересов и война в Европе стали теми необходимыми условиями, при которых советское руководство могло достаточно свободно действовать в отношении Прибалтики. Советский Союз приступил к реализации своих намерений, пользуясь традиционной практикой военно-политического давления и посулов в зависимости от конкретной обстановки применительно к каждой прибалтийской стране. Лишенные поддержки великих держав Европы, страны Балтии оказались один на один с требованиями советского руководства. С 10 октября 1939 г. советско-германские соглашения по Прибалтике были подтверждены соответствующими договорами⁷⁴.

1.2. «Никакой советизации»

Теперь Москве следовало реализовать полученное право на ввод войск в Прибалтику. На основании директивы наркома обороны от 30 сентября была образована военная комиссия под председательством командующего войсками ЛВО командарма 2-го ранга К. Мерецкова, целью которой было «совместно с представителями правительства Эстонии уста-

новить пункты размещения и обсудить вопросы устройства частей Красной Армии». Директива устанавливала примерные районы дислокации войск и сроки работы комиссии. Переговоры военных делегаций сторон завершились 11 октября подписанием соглашений о размещении войск и базировании флота в районах Палдиски, Хаапсалу, на островах Эзель и Даго. В Хаапсалу советские войска размещались на время войны в Европе, но не более чем на 2 года, а КБФ на период сооружения баз получил право в течение 2 лет базироваться в Рохукюла и Таллине. Был оговорен порядок снабжения и посещения судами третьих стран районов базирования флота, причем полностью сохранялся суверенитет Эстонии, но учитывались и интересы советского флота. В соответствии с этими договоренностями в 8 часов утра 18 октября 1939 г. начался ввод в Эстонию подразделений Красной Армии: вводились части 65-го особого стрелкового корпуса (ОСК) и Особой группы ВВС общей численностью 21 347 человек, 283 танка, 54 броневедомоцикла и 255 самолетов⁷⁵.

Схожим порядком началась реализация договора с Латвией. В данном случае председателем комиссии Красной Армии был назначен командующий войсками КалВО комкор В. Болдин. Военные комиссии сторон к 23 октября выработали ряд соглашений по размещению советских войск, пунктами базирования которых становились Лиепая, Вентспилс, Приекуле и Питрагс. Ввод военно-морских сил должен был начаться 23 октября, а сухопутных войск в район Вентспилс—Питрагс — 29 октября, в район Лиепая — 30 октября. 23 октября в Лиепаю прибыл крейсер «Киров» в сопровождении эсминцев «Сметливый» и «Стремительный». В 11 часов утра 29 октября на станцию Зилупе прибыл первый эшелон советских войск. Согласно договоренности в Латвию прибыли части 2-го ОСК и 18-й авиабригады, в которых насчитывалось 21 559 человек личного состава⁷⁶.

Военную комиссию на переговорах с Литвой возглавлял командующий войсками Белорусского фронта командарм 2-го ранга М. Ковалев. Советская делегация намеревалась вести переговоры о размещении войск в Вильнюсе, Каунасе, Шауляе, Укмерге и Алитусе, но литовская сторона категорически отказалась обсуждать такую дислокацию советских армейских подразделений, предлагая разместить гарнизоны ближе к германской границе. Переговоры с Литвой заверши-

лись 28 октября подписанием соглашения о размещении советских войск в районах Новая Вилейка, Алитус, Приенай, Гайжуны. ВВС должны были разместиться в Алитусе и Гайжунах и, кроме того, получить ряд оперативных аэродромов. Церемония ввода войск состоялась лишь в 10 часов 15 ноября и носила чисто символический характер, поскольку советские военные уже находились в Вильнюсе, т. е. на территории Литвы. 15—17 ноября большая их часть была выведена из Вильнюса в места постоянной дислокации. В Литве разместились части 16-го ОСК, 10-й истребительный и 31-й среднебомбардировочный отдельные авиаполки общей численностью 18 786 человек. Окончательно подразделения РККА покинули Вильнюс 15 декабря 1939 г. Общее руководство всеми советскими войсками в Прибалтике согласно приказу наркома обороны № 0187 от 27 ноября 1939 г. было возложено на его заместителя — командарма 2-го ранга А. Локтионова⁷⁷.

Из Москвы были направлены строгие инструкции полпредам: прекратить всякие контакты с левыми силами в странах Балтии и пресекать любые разговоры о советизации. «Всякие заигрывания и общения с левыми кругами прекратите, — телеграфировал В. Молотов полпреду СССР в Литве Н. Позднякову 14 октября 1939 г. — Осуществляйте связь только с правительственными, официальными кругами, постоянно помня, что полпредство аккредитовано при правительстве, и ни при ком другом»⁷⁸.

Министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис во время своего визита в Москву в октябре 1939 г. получил соответствующие заверения от Сталина и Молотова, «что Советский Союз не стремится советизировать Литву»⁷⁹.

21 октября Молотов вновь телеграфировал Позднякову в Каунас: «Вам, всем работникам полпредства, в том числе и военному атташе, категорически запрещаю вмешиваться в междупартийные дела в Литве, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т. д. Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного. Имейте в виду, что договор с Литвой будет выполняться с нашей стороны честно и пунктуально. Того же будем требовать от Литовского правительства. Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о «советизации» Литвы»⁸⁰. Аналогичные указания обязаны были выполнять и дипломатические представители СССР в Риге и Таллине.

25 октября 1939 г. К. Ворошилов издал специальный приказ, регламентирующий поведение советских военных в странах Балтии. «Весь личный состав наших частей должен точно знать, что по пакту о взаимопомощи наши части расквартированы и будут жить на территории суверенного государства, в политические дела и социальный строй которого не имеют права вмешиваться», — говорилось в документе. Советские военные предупреждались о возможности «провокаций», под которыми подразумевались разговоры о советизации Прибалтики. Такие настроения, если они обнаружатся у красноармейцев, следовало «в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом»⁸¹.

Солдатам и офицерам РККА категорически запрещалось встречаться с рабочими и другими организациями или устраивать совместные собрания, концерты, приемы и т. д. «Всякая попытка со стороны военнослужащего, независимо от его положения, прикинуться «архилевым» и вести коммунистическую пропаганду хотя бы среди отдельных лиц населения будет рассматриваться как антисоветский акт, направленный на дискредитацию договора о взаимопомощи», — говорилось в приказе⁸².

Военнослужащим также строго запрещалось вступать в контакт с местным населением и рассказывать ему о жизни и порядках в Советском Союзе. Командирам и комиссарам предписывалось «проникнуться сознанием, что части РККА, с которой мы состоим в определенных договорных отношениях, и что они отвечают не только за свои действия, но и за действия своих подчиненных»⁸³. Нарком обороны предупреждал части РККА, что они вступают «на территорию чужой, суверенной страны» Советские войска собирались в Эстонию, Латвию и Литву не в кратковременный военный поход, а надолго. Поэтому необходимо было произвести «хорошее впечатление». Не случайно, например, перед вводом советских военных сил в Эстонию Ворошилов издал такую директиву: «Личный состав вводимых в Эстонию войск тщательно проверить, выделить для этого лучший рядовой состав, обеспечить самым подготовленным начальствующим составом, особенно комиссарским и политическим, снабдить части табельным вооружением и имуществом. Войска хорошо обмундировать, обратив должное внимание на качество и пригонку»⁸⁴. Но несмотря на это, среди местного населения

стала мгновенно распространяться информация об убогом виде советских пришельцев, об их «деревянных винтовках» и о «подвязанных веревочками» шинелях. На закрепление этого стихийно возникшего образа работала и политика властей в балтийских странах, стремящихся до минимума сократить контакты местного населения с красноармейцами. Учитывая соответствующие инструкции, полученные советскими военными, нетрудно понять, что стремление к изоляции было обоюдным.

«Литовские власти предприняли самые строгие меры к тому, чтобы спрятать от глаз населения части Красной Армии и ее технику, — докладывал полпред СССР в Литве Н. Поздняков. — Для этого глаза населения были просто «закрыты» строжайшим распоряжением не выходить на улицы Вильно, по которым проходили наши части, и не смотреть в окна»⁸⁵. Информация о том, что местные власти запрещают населению контактировать и даже просто разговаривать с красноармейцами и советскими моряками, поступала из Латвии и Эстонии.

Что касается советских военных — и рядовых, и командиров, — то для них этот поход был полон больших соблазнов. Несмотря на экономические трудности, уровень жизни, особенно в Латвии и Эстонии, был выше, чем в Союзе, а качество продуктов и ассортимент ширпотреба вызывали законное удивление. Кроме того, несмотря на жесткие запреты, общение советских военнослужащих с местным населением все-таки происходило, и житейскую информацию они получали. Подобное советские чиновники оценивали как намеренную провокацию и пропагандистскую уловку.

Приближалось 7 ноября, годовщина Октябрьской революции, эстонские власти решили сделать дружественный жест и отметить это событие концертом, перед которым предлагалось выступить эстонскому министру иностранных дел и советскому полпреду. Никитин ответил на это предложение согласием. Кроме того, в советское полпредство обратился профсоюз строительных рабочих Эстонии с просьбой устроить прием в своем Рабочем доме для экипажей советских судов, а также посетить корабли, стоящие на рейде Таллина. По этому вопросу Никитин решил запросить инструкции Москвы. Реакция Молотова была весьма резкой: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом о взаи-

мопомощи Вы не поняли... Видно, что Вас ветром понесло по линии настроений советизации. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет «советизации» Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам... Главное, о чем Вы должны помнить, — это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии»⁸⁶. Глава НКВД предложил обратиться к А. Пийпу, чтобы тот отменил концерт 7 ноября, «так как такой концерт может быть истолкован левыми рабочими Эстонии как симптом желательного для них давления на внутреннюю политику Эстонии».

«Особый характер указанных пактов взаимопомощи отнюдь не означает какого-либо вмешательства Советского Союза в дела Эстонии, Латвии и Литвы, как это пытаются изобразить некоторые органы заграничной печати. Напротив, все эти пакты взаимопомощи твердо оговаривают неприкосновенность суверенитета подписавших его государств и принцип невмешательства в дела другого государства. Эти пакты исходят из взаимного уважения государственной, социальной и экономической структуры другой стороны и должны укрепить основу мирного, добрососедского сотрудничества между нашими народами. Мы стоим за честное и пунктуальное проведение в жизнь заключенных пактов на условиях полной взаимности и заявляем, что болтовня о «советизации» Прибалтийских стран выгодна только нашим общим врагам и всяким антисоветским провокаторам»,⁸⁷ — заявил Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.

Столь категоричный тон начальства ставил советских полпредов в балтийских странах в довольно двусмысленную ситуацию, в которой они теряли всякие ориентиры. Общее недоумение выразил полпред в Литве Н. Поздняков. Он писал в Москву в декабре 1939 г.: «Нашей практикой ставится вопрос о том, где кончается наше вмешательство и где начинается невмешательство. Например, можем ли и должны ли мы говорить с властями о чрезмерном зажиме со стороны цензуры ввоза наших печатных изданий, кинофильмов и т. д. Можем ли им указывать на такие вещи, как на не совсем лояльный тон печати по тому или иному вопросу... Считаем, что во всех этих и аналогичных им случаях наше вмешательство необходимо»⁸⁸.

Но и такие меры Москва пока не санкционировала. Время еще не пришло.

Политика невмешательства СССР во внутренние дела прибалтийских стран во многом объяснялась нежеланием обострять отношения с Англией и Францией и неясностью перспектив войны в Европе. Строго придерживаясь линии на дистанцирование от внутренних дел Эстонии, Латвии и Литвы, советское руководство внимательно следило за ситуацией в Европе и Прибалтике. По мере выполнения договоров о взаимопомощи перед сторонами возникали все новые и новые проблемы, для решения которых с ноября 1939 г. по май 1940 г. неоднократно велись переговоры разного уровня и заключались соглашения, конкретизирующие отдельные стороны пактов. Ими регулировались вопросы аренды, железнодорожных перевозок, организации строительства, связи, санитарного обеспечения и юридического положения военнослужащих, о военторгах, о порядке въезда и выезда комсостава и их семей и т. п. Для контроля за реализацией условий пактов и разрешения спорных вопросов были созданы смешанные комиссии. Постепенно советские войска обживались в прибалтийских гарнизонах.

В официальных документах наркомата военно-морского флота ратификация договоров о размещении баз описана почти эпически: «Медленно и осторожно пядь за пядью отвоёвывая клочки земли, выгружали стройматериалы. Началось постепенное переселение десятков тысяч людей, орудий, механизмов на запад. Сталинская внешняя политика Советского Союза дала Балтфлоту перенести свое базирование из Кронштадта на порты Эстонии, Латвии... и выйти из лужи восточной части Финского залива на просторы Балтийского моря. 22 года Балтийский флот будучи связан размерами водной акватории Балтийского порта теперь для своего плаванья получил возможность свободно вздохнуть, нормально плавать, развивать свою тактическую и оперативную мысль... С выходом на Запад Советский Союз получил огромные стратегические пространства для обороны границ и особенно подходы к городу Ленина. Территория, за оборону которой мы отвечали до 1940 г., в настоящее время увеличилась почти в 10 раз»⁸⁹.

Несмотря на определенные трения, стороны в целом соблюдали условия договоров. Вместе с тем отношения были

далеки от идиллических. Советские представители на местах дружно отмечали, что со стороны балтийских государств речь шла скорее о формальном выполнении договоров и стремлении нажиться на поставках советским войскам необходимых товаров и услуг. Их власти стремились свести к минимуму контакты советских военнослужащих с местным населением. Угроза вмешательства Англии и Франции в советско-финскую войну подогревала в правящих кругах стран Прибалтики настроения, направленные на освобождение от навязанных СССР договоров.

«В переговорах с нами по вопросам, связанным с пребыванием советских войск, литовцы заняли позицию беспрестанных проволок и саботажа. Достаточно вспомнить, что переговоры по сравнительно маловажному вопросу о переходе границы войсками РККА тянулись три месяца, а переговоры по вопросам аренды и строительства для войск РККА, начатые 1 марта с. г., не завершены по сей день», — сообщал в своей записке от 2 июня 1940 г. временный поверенный в делах СССР в Литве В. Семенов⁹⁰.

Партнеры упрекали друг друга в неуступчивости и желании нажиться за счет другой стороны. Советские военные жаловались на дороговизну строительных материалов, продовольствия и услуг, стоимость которых для советских частей превышала рыночную цену. Их партнеры по переговорам стремились минимизировать свои экономические потери за счет советской стороны и вообще всячески затягивали решение вопросов, особенно связанных с необходимостью освобождения территорий и переселения населения из районов, которые отводились под военные базы⁹¹.

Бурлило и население: надежды на улучшение положения бедноты, как и на улучшение положения пролетариата и крестьянства, не оправдывались. В частности, освободившееся вследствие выезда в Германию немцев комфортабельное жилье было предоставлено не многодетным семьям и не семьям рабочих, жившим в подвалах, а советским представителям. Военторг открыл мясной магазин, но только для советских военных⁹². Обобщенные сводки партийных органов о настроениях населения в различных регионах новых республик констатировали: «Неудовольствие местного населения вызывают слишком большие квартиры военных, при том, что эстонцы живут в подвалах, также проблемы с военторга-

ми, куда не пускают эстонцев... Под предлогом поиска оружия на периферии грабят, обыскивают людей»⁹³. В связи с размещением советских морских баз собственников лишали наделов, забирали купленный лес «под нужды армии и флота». Компенсации не давали, порой при выселении жителей с хуторов, например, на эстонских островах, где должны были разместиться базы, даже не предоставляли нового жилья. Советские руководители на местах телеграфировали в центр с просьбой принять конкретные меры для расселения людей, лишенных жилья, во избежание роста недовольства в связи с устройством советских баз⁹⁴. Но эти просьбы оставались без ответа.

Столь же напряженно шел переговорный процесс об «освоении» военных баз в Эстонии. Вот одна из характерных докладных руководству КБФ от непосредственных исполнителей, направленных курировать размещение советских баз.

«Секретно. Военному Совету Краснознаменного Балтийского флота.

1 июня с.г. заканчивается передача Эстонией в ведение Советского военного командования территории, отведенной БВМБ, состоящей из полуострова Пакри, ост. Малые и Большие Роги. На отошедшей Советскому командованию территории имеется 130 домов с надворными постройками в городе Палдиски, 120 хуторских хозяйств на о-вах Пакри и 82 хуторских хозяйства на о-вах Малые и Большие Роги. Все хутора разбросаны в радиусе 18 км. Площадь дворов с усадьбами доходит до 25 гектаров, протяженность грунтовых дорог — 40 км. Большое количество фруктовых садов, лесов и других зеленых насаждений»⁹⁵. Переписка советских военных, дислоцированных в Эстонии (как и в Латвии), изобилвала императивами: «Вне зависимости от сроков полной эвакуации жителей, вне зависимости о срока выселения, к развертыванию строительства (инфраструктуры баз. — Ю. К.) приступить немедленно»⁹⁶. За все перечисленное недвижимое имущество, землю и т. д. эстонская сторона небезосновательно требовала компенсации. Эстонцы требовали компенсации не только за имущество переселяемых с балтийского побережья рыбаков и хуторян, но и за «потерю дохода», т. е. убытков, которые могли произойти в результате потери промысла⁹⁷. СССР же, полагая, что подобные претензии являются «буржуазно-капиталистическими», не принимала их

во внимание. Отдел Прибалтийских стран НКВД СССР, анализируя ситуацию, делал вывод: «Переговоры между нашим торгпредством и латвийскими правительственными органами... не привели ни к каким результатам. Латвийское правительство заняло непримиримую позицию в установлении для нас неприемлемых условий производства строительства и тем самым поставило его под угрозу срыва»⁹⁸.

При размещении военно-морских баз в Латвии и Эстонии Краснознаменному Балтфлоту (КБФ) пришлось столкнуться с практическими проблемами: на островах зачастую «не было удобных причалов для швартовки и разгрузки транспортов со строительными материалами и матчастью», «пристани из-за ветхости и маломощности» не могли «принимать необходимое количество грузов»⁹⁹. Оно проходило с опозданием и в напряженной обстановке отнюдь не только из-за конфликтов с эстонской и латвийской стороной, но и из-за внутренней неразберихи и отсутствия соответствующих скоординированных планов советского военного руководства.

«Совершенно секретно. 13.05.40.

Командиру БВМБ КБФ К.И Кучерову

Доклад.

В настоящее время на острове «Даго» расквартировывается 5 батарей и на острове «Эзель» 5 батарей и штаб БО (береговой охраны. — Ю. К.) Балтрайона. На этих островах кроме перечисленных частей уже в настоящее время — на о. «Эзель» стоят части ВВС, Зенбатареи и строительный батальон, а на о. «Даго» строительная рота, которая будет укомплектована до батальона. Потому снабжение такой массы личного состава в 10 пунктах из Палдиски с подотчетом Балтийскому военному порту является чрезвычайно неудобным мероприятием в смысле отчетности... Порт не имеет суда, на чем бы можно было перевозить»¹⁰⁰. В донесениях руководству Балтфлота неоднократно ставился вопрос о необходимости координировать сроки прибытия, размещения воинского контингента, подвоза продовольствия, строительства инфраструктуры для их обслуживания. Также выражалась обеспокоенность руководителей баз в связи с отсутствием и несвоевременным (с большим опозданием) строительством военно-морских сооружений, необходимых для размещения судов. Военные моряки в секретных донесениях в наркомат военно-морского флота (НКВМ) и в военный совет Балтфло-

та констатировали, что «Балтийский порт с начала организации 13 октября 1939 г. находится в весьма тяжелом штатном положении... До 1 марта 1940 г.... несмотря на совершенно очевидное для всех ненормальное положение, работники не назначались по причине отсутствия штата. 2 апреля штат Балтийского порта был увеличен до порта Второго разряда, а положение остается почти прежним. Основные отделения: мобилизационное, финансовое, продовольственное, обзавещное, шкиперско-техническое, транспортное — не имеют руководящего состава»¹⁰¹. Только в августе 1940 г. смешанная советско-эстонская комиссия «произвела передачу и приемку для размещения воинских частей НКВМ целого ряда деревень» и отдельных построек, причем «сами сооружения для эксплуатации с нашей стороны никем не приняты, хотя... находятся в эксплуатации». Уполномоченные справедливо полагали, что «такое положение приведет к бесхозяйственности и быстрому разрушению принятых от эстонцев построек»¹⁰². Рефреном переписки руководства базами с наркоматом обороны стали и сетования на невозможность нанимать рабочую силу из местного населения «во избежание шпионажа» и закупать продукты питания у «аборигенов». (Последнее в значительной степени облегчило бы решение вопроса о снабжении советских военных продовольствием.) Тема неудовлетворительного состояния баз по различным направлениям является лейтмотивом переписки с руководством КБФ в течение всего 1940 г. Однако существенных сдвигов, увы, не происходило, и освоение столь желанной в стратегическом отношении территории буксовало¹⁰³. В соответствии с планом командования ВМФ о перебазировании КБФ в западную часть Балтийского моря и в Рижский залив — в самих прибалтийских базах к июню 1941 г. была сосредоточена значительная часть надводных и подводных сил КБФ, однако план строительства баз и береговой охраны в Прибалтике к началу Великой Отечественной остался незавершенным. Это не могло не сказаться трагически на защите Прибалтики летом 1941 г.¹⁰⁴.

На фоне относительно спокойного положения с советскими базами советское руководство пристально наблюдало за динамикой взаимоотношений Латвии, Литвы и Эстонии друг с другом. В марте 1940 г. в Риге состоялось заседание так называемой «Балтийской Антанты» — министров иностран-

ных дел трех балтийских государств. Несколькими месяцами ранее, 7—8 декабря 1939 г. в Таллине прошла аналогичная встреча, — первая после длительного перерыва. Уже тогда в советском внешнеполитическом ведомстве предположили, что прибалтийским странам нужно «о чем-то поговорить или даже сговориться»¹⁰⁵. Участники таллинской конференции обсудили вопрос об отношении к германскому требованию о прекращении торговли с Великобританией, приняв решение не публиковать специальную декларацию о прекращении торговых отношений с Лондоном, на чем настаивал Берлин. Также было принято решение, что договоры о взаимопомощи с СССР не находятся в резком противоречии с политикой нейтралитета. Конференция решила не направлять в Лигу Наций правительственные делегации на рассмотрение финского вопроса (дистанцировавшись от политических оценок «зимней войны») и просить своих постоянных делегатов в этой организации воздержаться от участия в дискуссии, направленной против СССР¹⁰⁶. Особый же смысл рижской конференции придавал факт заключения пактов с Советским Союзом, заставивший балтийские страны более интенсивно, чем раньше, искать пути к сближению перед лицом «советской угрозы». По этой же причине она и привлекла внимание Москвы, полагавшей, что «в Балтийской Антанте за последние месяцы усилились секретно от СССР согласованные меры военного характера в Эстонии, Латвии и Литве. Эстония назначила военного атташе в Литву, а Литва — в Эстонию... состоялись встречные поездки начштабов Литвы и Латвии. В декабре 1939 года три литовских генерала в сопровождении чиновника МИДа ездили в Эстонию и Латвию», — говорилось в телеграмме Молотова полпредам в Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию¹⁰⁷. Первый секретарь полпредства СССР в Латвии М. Ветров расценивал, например, эту встречу как фактическое создание тайного военного союза между Латвией, Эстонией и Литвой. Он, полагал дипломат, направлен против СССР. Высказывались мнения, что на конференции в Риге наконец принято решение о присоединении Литвы к уже существующему союзу Латвии и Эстонии. Об этом, например, докладывал в Москву полпред в Латвии И. Зотов. 28 марта заместитель наркома иностранных дел СССР В. Деканозов телеграфировал в Каунас Н. Позднякову: «На конференции Балтийской Антанты в Риге, по имеющимся

у нас непроверенным сведениям, Литва заявила о своем присоединении де-факто к существующему военному союзу между Латвией и Эстонией. Проверьте: они, видимо, это скрывают»¹⁰⁸.

Весной 1940 г. балтийским странам не приходилось рассчитывать на помощь извне: Англия и Франция «завязли» в войне с Германией, Германия на тот момент времени уже «уступила» Прибалтику Советскому Союзу. С военной точки зрения силы «Балтийской Антанты» не представляли для СССР никакой опасности, но ее консолидированные внешнеполитические действия могли несколько «смешать карты» советским политикам. Координированные действия на международной арене были способны затруднить аннексию СССР.

Исследователи до сих пор не располагают конкретными фактами об антисоветской деятельности «Балтийской Антанты»¹⁰⁹. Оценки советской стороны основывались лишь на предположениях дипработников СССР в Прибалтике. Но советское руководство и не нуждалось в каких-либо точных данных, поскольку создались благоприятные условия для ограничения самостоятельности прибалтийских правительств. Если в период «странной войны» (когда Англия и Франция, связанные договорами о взаимопомощи с Польшей, де-юре объявили войну Германии, но де-факто не выполнили их) независимость государств Балтии вполне соответствовала советским намерениям, то победы Германии на Западе позволяли окончательно решить прибалтийскую проблему. Оценка советским руководством настроений правящих кругов Латвии, Литвы и Эстонии была в целом верна. Недовольные навязанными СССР договорами, они делали ставку на Англию и Францию, надеясь после войны освободиться от советской опеки. В условиях разгрома Франции и ослабления влияния Англии в Европе руководство прибалтийских государств, учитывая вероятность советско-германской войны, стало склоняться к расширению тайных контактов с Германией. Со своей стороны советское руководство, готовясь к войне с Германией, стремилось окончательно укрепиться в стратегически выгодном регионе на границе Восточной Пруссии, устранить малейшую возможность антисоветских действий прибалтийских стран, а заодно и расширить зону «социализма», «освободив» трудящихся Прибалтики от капиталистического гнета. Таким образом, общая обстановка в Европе и собственные

цели советского руководства диктовали необходимость присоединения Прибалтики к СССР.

Советские представители в Прибалтике отмечали факты военного сотрудничества Эстонии, Латвии и Литвы, рассматривая их как доказательство некой скрытой от СССР деятельности: к ним были отнесены состоявшиеся в ноябре 1939 — мае 1940 г. взаимные визиты представителей высшего командования вооруженных сил балтийских стран.

Имеющиеся данные показывают, что армии прибалтийских стран были невелики. Так, вооруженные силы Эстонии состояли из трех родов войск: сухопутных сил, военно-воздушных сил и военно-морского флота. Главнокомандующим был генерал-лейтенант Й. Лайдонер (начальник штаба — генерал-майор А. Янсон), подчинявшийся премьер-министру Ю. Улуотсу. Войска комплектовались на основе всеобщей воинской повинности. Сухопутные войска имели территориально-кадровую структуру: территория Эстонии была разделена на 8 военных округов, которые были попарно подчинены 4 пехотным дивизиям и занимались мобилизационно-снабжениеческой деятельностью и работой среди населения. 1-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Раквере—Нарва между Чудским озером и Финским заливом. 2-я пехотная дивизия — в районе Тарту—Выру—Петсери на юго-востоке страны. 3-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Таллина и островов Моонзундского архипелага. 4-я пехотная дивизия размещалась в районе Пярну—Валга—Вильянди. Кроме того, в состав сухопутных войск входили полк бронепоездов, автотанковый полк, караульный и саперный батальоны, батальон связи и химическая рота. ВВС (командующий генерал-майор Р. Томберг) состояли из 3 отдельных авиадивизионов, авиабазы и прожекторной команды (из 3 рот). В каждый авиадивизион входило три отряда и аэродромная команда. В стране было построено 12 аэродромов (еще 5 строилось) и 8 посадочных площадок. Военно-морские силы (командующий капитан-майор И. Сантпанк) включали гидроавиаотряд, морской дивизион, Чудскую флотилию, учебную роту и морские крепости «Сууроппи», «Аэгна» и «Найссаар». В составе морского дивизиона находились миноносец «Сулев», подводные лодки «Лембит» и «Калев», 2 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 3 тральщика, 4 сторожевика, 7 вспомогательных судов и 5 ледоколов. Чудская флотилия состояла из 3 воору-

женных буксиров и 5 моторных катеров. Кроме того, в Эстонии существовала военизированная организация «Кайтселийт», состоящая из 15 дружин¹¹⁰.

Главкомандующим вооруженными силами Латвии являлся президент К. Ульманис. Непосредственное руководство армией осуществлял военный министр генерал К. Беркис (начальник штаба генерал П. Розенштейн), которому подчинялись сухопутные войска (в их состав входили ВВС) и военно-морские силы. Армия состояла из 4 пехотных и технической дивизий. 1-я Курземская пехотная дивизия дислоцировалась в районе Елгава—Салдус—Талси. 2-я Видземская пехотная дивизия — в районе Риги. 3-я Латгальская пехотная дивизия — в районе Цесис—Резекне. 4-я Земгальская пехотная дивизия — в районе Даугавпилса. Как и дивизии, носившие названия провинций, их полки носили названия уездов. Техническая дивизия объединяла автотанковую бригаду, тяжелый артполк, саперный, зенитно-артиллерийский полки, полк бронепоездов, батальон связи и авиаполк и дислоцировалась в Риге. Авиаполк состоял из 6 отрядов: 4 разведывательных и 2 истребительных. Латвия располагала 16 аэродромами и 10 посадочными площадками. Военно-морской флот состоял из дивизиона подводных лодок «Спидола» и «Ронис», дивизиона тральщиков «Вирсайтис», «Иманта», «Виестурс» и гидроавиадивизиона из 5 самолетов. Основными базами флота являлись Рига, Вентспилс и Лиепая, на которую базировалась и морская авиация¹¹¹.

Вооруженные силы Литвы состояли из сухопутной армии и авиации. Командование армией осуществлял генерал В. Виткаускас (начальник штаба — генерал С. Пундзявичус), подчинявшийся военному министру бригадному генералу К. Мустейкису. Призыв в армию осуществлялся на основе всеобщей воинской повинности. Сухопутная армия состояла из 3 пехотных дивизий, 1 кавалерийской бригады и технических частей. 1-я пехотная дивизия размещалась в районах Вильно—Расейняй—Паневежис—Купишкис. 2-я пехотная дивизия — в районах Каунас—Ионава—Шауляй—Мариамполь. 3-я пехотная дивизия — в районах Шауляй—Плунге—Таураге. Отдельные части кавбригады располагались в Каунасе, Вильнюсе, Таураге и Вилькавишкисе. В составе армии имелись инженерный батальон, батальон связи, бронеполк, автоотряд, а также военно-учебное судно «Президентас Сметона». ВВС Литвы

(командующий бригадный генерал А. Густайтис) включали 4 авиагруппы, зенитный дивизион, прожекторную роту, 5 рот ПВО, роту звукоулавливания, батальон охраны аэродромов и роту постов наблюдения. В республике имелось 7 аэродромов (еще 5 строилось) и 4 посадочные площадки. Кроме того, в Литве существовала военизированная организация «Шаулю Саюнга», подразделявшаяся на 20 отрядов (полков или батальонов)¹¹².

Располагая столь незначительными вооруженными силами, отрезанные от любой помощи извне, прибалтийские государства, естественно, старались по возможности не обострять отношений с СССР. Экономические трудности, вызванные войной, вели к росту недовольства населения, особенно в городах, все более сужая социальную базу правящих авторитарных режимов. Надежды на политические перемены все глубже проникали в прибалтийские общества. Наступление Германии на Западном фронте и прорыв вермахта к Ла-Маншу 20 мая 1940 г. значительно изменили стратегическую обстановку в Европе. Среди некоторых слоев населения Прибалтики вновь оживились опасения: после победы на Западе Германия возобновит экспансию на Восток, что сделает эти страны театром военных действий. Часть правящих кругов Эстонии, Латвии и Литвы стремилась ценой переориентации на Германию избавиться от советской опеки. В этой ситуации события мая-июня 1940 г. оказались для них полной неожиданностью.

23 апреля 1940 г. в войска была направлена директива наркома обороны № 177122, в соответствии с которой требовалось с 1 по 15 июня 1940 г. произвести смену войск, находящихся в Прибалтике с осени 1939 г. Нарком обороны маршал Советского Союза С. Тимошенко 2 мая 1940 г. докладывал в ЦК ВКП(б) и Комитет Обороны при СНК СССР о переносе ротации на период с 1 по 15 июля и называл конкретные готовящиеся на смену части. Предполагалось направить в Эстонию 90-ю стрелковую дивизию, 13-ю танковую бригаду, 77-й отдельный механизированный отряд, 23-й отдельный батальон связи, 38-й корпусной зенитный артдивизион, 11-й дальнебомбардировочный, 10-й среднебомбардировочный и 7-й истребительный авиаполки, 420-й и 470-й автотранспортные батальоны. В Латвию — 48-ю стрелковую дивизию, 1-ю танковую бригаду, 8-й танковый полк, 54-й отдельный батальон

связи, 12-й корпусной зенитный артдивизион и 633-й автотранспортный батальон. В Литву — 27-ю стрелковую дивизию, 27-ю танковую бригаду, 30-й отдельный батальон связи, корпусной зенитный артдивизион, 31-й истребительный авиаполк и автотранспортный батальон¹¹³.

5 мая 1940 г. начальник Политуправления Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Л. Мехлис направил начальникам Политуправлений ЛВО, КалВО и Белорусского особого военного округа (БОВО) «План политзанятий с красноармейцами и младшими командирами в частях, предназначенных для отправки в Прибалтийские страны», к выполнению которого следовало приступить немедленно. В докладе начальника Политуправления ЛВО дивизионного комиссара Горохова от 27 мая сообщалось о ходе подготовки войск, которая в основном должна была завершиться к 1 июня¹¹⁴.

1.3. Выборы с дальним прицелом

24 мая 1940 г. советский полпред в Литве сообщил в Москву, что 24 апреля и 18 мая из советских частей, расположенных в Литве, сбежали два красноармейца: Носов и Шмавговец, которые разыскивались по линии военного командования. Уже на следующий день Молотов вызвал литовского посланника в Москве Наткявичуса и заявил ему, что «исчезновение этих военнослужащих организуется некоторыми лицами, пользующимися покровительством органов Литовского правительства». Обвинив литовское правительство в провокациях, Молотов потребовал прекратить их, разыскать пропавших солдат и вернуть в части, выразив надежду советского правительства, что Литва «пойдет навстречу его предложениям и не вынудит его к другим мероприятиям». Литовская сторона серьезно отнеслась к демаршу советского руководства и уже 26 мая выразила «готовность немедленно произвести самое подробное расследование», для облегчения которого просила советское правительство сообщить «имеющиеся в его распоряжении данные».

27 мая стало ясно, что военнослужащие уже вернулись в части, но предложение литовской стороны о совместном допросе для ускорения расследования было отклонено советской стороной под предлогом истощения обоих военнотранспортных батальонов.

жащих¹¹⁵. Любопытно, что при обсуждении этой проблемы все время назывались новые фамилии красноармейцев. Не исключено, что советская сторона не имела четкого учета военнослужащих. Интересно отметить, что красноармейцы действительно пропадали из расположенных в Литве частей. 30 мая 1940 г. в газете «Известия» было опубликовано «Сообщение НКВД о провокационных действиях литовских властей», в котором перечислялись случаи исчезновения красноармейцев из расположенных в Литве частей и вся ответственность за это возлагалась на литовскую сторону. 1 июня литовский посланник в Москве вновь пытался склонить советскую сторону к тщательному расследованию этих обвинений, но Молотов опять не поддержал эту идею. Советское полпредство в Литве 2—3 июня обращало внимание Москвы на стремление литовского правительства «предаться в руки Германии», активизацию «деятельности пятой германской колонны и вооружение членов союза стрелков», подготовку к мобилизации. Все это разоблачает «подлинные намерения литовских правящих кругов», которые в случае урегулирования конфликта лишь усилят «свою линию против договора, перейдя к «деловому» сговору с Германией, выжидая только удобный момент для прямого удара по советским гарнизонам»¹¹⁶.

По мере развития дипломатического конфликта начались и прямые советские военные приготовления. К лету 1940 г. в Прибалтике размещались следующие советские войска. В Эстонии находились управление 65-го особого стрелкового корпуса, 123-й отдельный батальон связи, 11-й корпусной зенитный артдивизион, 16-я стрелковая дивизия, 18-я легкая танковая бригада, 5-й мотомеханизированный отряд, 414-й, 415-й автотранспортные батальоны. Особая группа ВВС в составе 35-го, 52-го среднебомбардировочных, 7-го, 53-го дальнебомбардировочных, 15-го, 38-го истребительных авиаполков и другие части. В Латвии были развернуты управление 2-го отдельного стрелкового корпуса, 10-й отдельный батальон связи, 86-й корпусной зенитный артдивизион, 67-я стрелковая дивизия, 6-я легкая танковая бригада, 10-й танковый полк, 18-я авиабригада в составе 31-го среднебомбардировочного, 21-го и 148-го истребительных авиаполков, 640-й автотранспортный батальон и другие части. В Литве располагались управление 16-го отдельного стрелкового корпуса,

46-я отдельная рота связи, 19-й корпусной зенитный артдивизион, 5-я стрелковая дивизия, 2-я легкая танковая бригада, 54-й среднебомбардировочный и 10-й истребительный отдельные авиаполки, 641-й автотранспортный батальон и другие части. Всего войска насчитывали 66 946 человек, 1630 орудий и минометов, 1065 танков, 150 бронемашин, 5579 автомашин и 526 самолетов¹¹⁷.

Согласно приказу наркома обороны № 0028 от 3 июня 1940 г., войска, размещенные на территории Прибалтики, с 5 июня исключались из состава ЛВО, КалВО и БОВО и переходили в непосредственное подчинение наркома обороны через его заместителя командарма 2-го ранга А. Локтионова. В тот же день был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому «в связи со сложной международной обстановкой» предписывалось «задержать в рядах Красной Армии красноармейцев 3-го года службы до 1 января 1941 г.» и «до особого распоряжения призванный... командный и начальствующий состав запаса». 4—7 июня 1940 г. войска ЛВО, КалВО и БОВО были подняты по тревоге и начали под видом учений сосредоточение к границам прибалтийских государств, одновременно в состоянии боевой готовности были приведены советские гарнизоны в Прибалтике. 8 июня Локтионов получил приказ подготовить дислоцированные там советские авиачасти к возможным боевым действиям, усилить охрану аэродромов и подготовить их к обороне и приему посадочных десантов. Авиаполки должны были быть готовы к действиям по аэродромам и войскам противника и к перегруппировке на более защищенные советскими войсками аэродромы¹¹⁸.

Вечером 8 июня в городе Лида состоялось секретное совещание командного состава поднятых по тревоге войск БОВО, на котором заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант Ф. Кузнецов (он же командующий 11-й армией) информировал собравшихся о «возможных действиях против Литвы». Там же 11 июня с 13 до 16 часов проходило новое совещание с участием накануне вступившего в командование войсками БОВО генерал-полковника Д. Павлова, изложившего план боевых действий и задачи войск, которые должны были нанести стремительное поражение литовской армии, не допустить ее отхода в Восточную Пруссию и за 3—4 дня занять Литву. Согласно боевому приказу № 002/оп от 12 июня

войска 11-й армии совместно с частями особого 16-го стрелкового корпуса должны были окружить и уничтожить противника в районе Каунаса. Расквартированному в Литве особому 16-му стрелковому корпусу ставилась задача удержать районы своей дислокации, захватить основные мосты на реках Неман и Нярис и обеспечить высадку 214-й воздушно-десантной бригады в 5 км южнее железнодорожной станции Гайжуны, где предполагалось десантировать 935 человек. Совместно с частями 16-го стрелкового корпуса десантники должны были захватить основные объекты Каунаса, на аэродром которого было бы переброшено еще 475 десантников. Подготовку операции предполагалось завершить к утру 15 июня. 13 июня войсками была получена директива Политуправления РККА, которая должна была обеспечить политическое обоснование планируемых действий.

«Наша задача ясна, — говорилось в директиве. — Мы хотим обеспечить безопасность СССР, закрыть с моря на крепкий замок подступы к Ленинграду, нашим северо-западным границам. Через головы правящей в Эстонии, Латвии и Литве антинародной клики мы выполним наши исторические задачи и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков»¹¹⁹. Подготовлены были и лагеря НКВД для более 60 тысяч военнопленных¹²⁰. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), принятое 13 июня, т. е. за день до предъявления ультиматума правительству Литвы, в связи с «особыми мероприятиями» санкционировало создание широкой сети военных госпиталей, эвакуационных пунктов, санитарных поездов, готовых к приему около 24 тысяч раненых»¹²¹. 13 июня для подготовки места десантирования была выброшена парашютная группа в 7 человек, а с 21.30 14 июня радиостанции дислоцированных в Прибалтике советских войск должны были работать только на прием, ожидая условного сигнала о начале операции¹²².

У юго-восточных границ Литвы и Латвии сосредоточивалась 3-я армия в составе 4-го, 24-го стрелковых и 3-го кавалерийского корпусов, управление которой из Молодечно 10 июня передислоцировалось в Поставы. 11-я армия, управление которой находилось в Лиде, состояла из 10-го, 11-го стрелковых и 6-го кавалерийского корпусов и развертывалась на южной границе Литвы. Войска ЛВО и КалВО, выделенные для операции, развертывались у восточных границ Эстонии

и Латвии. Между Финским заливом и Чудским озером сосредоточились части 11-й стрелковой дивизии. Южнее Псковского озера были развернуты войска 8-й армии (управление в Пскове) в составе 1-го, 19-го стрелковых корпусов и Особого стрелкового корпуса из состава войск КалВО. Для усиления войск указанных округов с 8 июня началась переброска частей 1-й мотострелковой, 17-й, 84-й стрелковых дивизий и 39-й, 55-й легких танковых бригад из Московского, 128-й мотострелковой дивизии из Архангельского и 55-й стрелковой дивизии из Орловского военных округов. На границах Литвы войска завершили сосредоточение и развертывание в исходных районах к 15 июня, а на границах Латвии и Эстонии — к 16 июня. Всего для проведения Прибалтийской кампании было выделено 3 армии, 7 стрелковых и 2 кавалерийских корпуса, 20 стрелковых, 2 мотострелковые, 4 кавалерийские дивизии, 9 танковых и 1 воздушно-десантная бригады. Кроме того, войска НКВД выделили для операции один оперативный полк и 105-й, 106-й, 107-й погранотряды, сосредоточенные в Гродно¹²³.

Всего советская военная группировка на границах Прибалтики (с учетом развернутых в Литве, Латвии и Эстонии корпусов) насчитывала около 435 тыс. человек, до 8000 орудий и минометов, свыше 3000 танков, более 500 бронемашин. Группировка выделенных для операции ВВС включала 18 среднебомбардировочных, 3 дальнебомбардировочных, 5 тяжелобомбардировочных, 3 легкособомбардировочных, 2 штурмовых и 16 истребительных авиapolков и насчитывала 2601 самолет. Погранвойскам НКВД было приказано обеспечить переход границы частями Красной Армии, для чего предусматривалось создание ударных и истребительных групп. В их задачу входило ведение разведки и рекогносцировки, выбор места перехода границы, подготовка переправ и плавсредств, а после начала боевых действий — уничтожение штабов и подразделений пограничной службы противника, средств связи, заграждений, минных полей и т. д. Как докладывал Военному совету БОВО командующий 3-й армии, в ходе маршей отработывались вопросы их организации, разведки, управления и охранения, по возможности велась боевая подготовка. «Политико-моральное состояние частей 3-й армии здоровое. Весь личный состав в полной решимости готов выполнять любые задания партии и правительства»¹²⁴.

Далее события развивались столь молниеносно, столь и беспрецедентно. СССР потребовал смены правительства Литвы и ввода войск РККА на ее территорию. 14 июня председатель Совнаркома СССР В. Молотов сделал от имени правительства заявление правительству Литвы: «В результате происходившего в последнее время в Москве обмена мнений между председателем Совнаркома СССР В. М. Молотовым и председателем Совета Министров Литвы г. Меркисом, а также литовским мининделом г. Урбшисом, Советское правительство считает установленными следующие факты:

1. В течение последних месяцев в Литве имел место ряд случаев похищения литовскими властями советских военнослужащих из советских воинских частей, расположенных согласно советско-литовскому Договору о взаимопомощи на территории Литвы, и истязания их с целью выведать военные секреты Советского государства. Установлено при этом, что военнослужащий Бугаев не только был похищен, но и убит литовской полицией после того, как Правительство СССР потребовало выдачи военнослужащего Бугаева. Двум похищенным советским военнослужащим, Писареву и Шмавгонцу, удалось бежать из рук захватившей их литовской полиции, применявшей к ним истязания. Похищенный в Литве военнослужащий Шутов до сих пор не найден. Такими действиями в отношении военнослужащих из расположенных в Литве советских воинских частей литовские власти стремятся сделать невозможным пребывание в Литве советских воинских частей. Об этом свидетельствуют и такие факты, особенно участившиеся в последнее время, как многочисленные аресты и ссылка в концлагерь литовских граждан из обслуживающего советские воинские части персонала — сотрудники столовых, прачки и др., а также массовые аресты литовских граждан из числа рабочих и техников, занятых на строительстве казарм для советских воинских частей. Такие ничем не вызванные и необузданные репрессии против литовских граждан, занятых обслуживанием нужд советских воинских частей, направлены на то, чтобы не только сделать невозможным пребывание советских воинских частей в Литве, но и создать враждебное отношение в Литве к советским военнослужащим и подготовить нападение на эти воинские части.

Все эти факты говорят о том, что Литовское правительство грубо нарушает заключенный им с Советским Союзом Договор о взаимопомощи и готовит нападение на советский гарнизон, расположенный в Литве на основании этого договора.

2. Вскоре после заключения между Литвой и СССР Договора о взаимопомощи Литовское правительство вступило в военный союз с Латвией и Эстонией, превратив этим так называемую Балтийскую Антанту, в которой раньше военным союзом были связаны только Латвия и Эстония, в военный союз трех государств. Советское правительство считает установленным, что этот военный союз направлен против Советского Союза. В связи с вхождением Литвы в этот военный союз усилилась связь генеральных штабов Литвы, Латвии и Эстонии, осуществляемая втайне от СССР. Известно также, что с февраля 1940 года создан печатный орган этой военной Антанты — «Ревью Балтик», издаваемый на английском, французском и немецком языках.

Все эти факты говорят о том, что Литовское правительство грубо нарушило советско-литовский Договор о взаимопомощи, который запрещает обеим сторонам «заключать какие-либо союзы и участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон» (статья VI Договора).

Все эти нарушения советско-литовского Договора и враждебные действия Литовского правительства в отношении СССР имели место, несмотря на исключительно благожелательную и определенно пролитовскую политику СССР в отношении Литвы, которой Советский Союз, как известно, по собственной инициативе передал город Вильно и Виленскую область.

Советское правительство считает, что подобное положение дальше продолжаться не может.

Советское правительство считает абсолютно необходимым и неотложным:

1. Чтобы немедленно были преданы суду министр внутренних дел г. Скучас и начальник департамента политической полиции г. Повилайтис, как прямые виновники провокационных действий против советского гарнизона в Литве.

2. Чтобы немедленно было сформировано в Литве такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Дого-

вора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора.

3. Чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве»¹²⁵.

Москва заговорила императивами. В ультиматуме не было ни слова о том, почему «советское правительство считает установленным» наличие тройственного военного союза балтийских государств и почему он «направлен» против СССР. Требование беспрепятственного пропуска частей РККА для размещения в стратегически важных центрах Литвы в неуказанном цифрой, «достаточном» количестве де-факто означало, что речь идет не только об обеспечении якобы не соблюдавшегося договора о взаимопомощи. 14 июня советскими войсками и флотом была установлена морская и воздушная блокада Прибалтики.

Ответ на требования ультиматума литовская сторона должна была дать не позднее 10 часов утра следующего дня — то есть 15 июня. Априори он мог быть только положительным. Молотов предупредил, что если требования не будут приняты, войска все равно будут введены немедленно. Получив советский ультиматум, президент Литвы А. Сметона настаивал на сопротивлении Красной Армии и отводе литовских войск в Восточную Пруссию, но генерал Виткаускас, выражавший интересы антигермански настроенных офицеров, отказался. Урбшис просил отсрочить принятие столь сложного решения, ссылаясь на литовское законодательство, в котором не было статей, на основании которых можно было бы предать суду Скучасу и Повилайтиса. На это Молотов продемонстрировал своеобразное «уважение» к праву: «Прежде всего, нужно их арестовать, а статьи найдутся. Да и советские юристы могут помочь в этом, изучив литовский кодекс»¹²⁶. Молотов уже не считал нужным соблюдать политес — вопрос о советском вмешательстве в Кремле был уже решен, что и было сообщено Урбшису: «Если ответ задержится, то Советское правительство немедленно осуществит свои меры и безоговорочно»¹²⁷. В итоге в 9.45 утра 15 июня Урбшис со-

общил Молотову об удовлетворении советских требований и составе нового правительства во главе с генералом Раштикисом. В ответ Молотов заявил, что вопрос о составе правительства будет решаться в Каунасе, куда прибудет советский представитель¹²⁸.

РККА заняла Литву, но в день, когда части РККА входили в столицу — Каунас — правительство А. Сметоны уже бежало в Германию, где и было интернировано.

16 июня В. Молотов вызвал латвийского посланника Ф. Коциньша и огласил заявление советского правительства. В отличие от предыдущего, переданного накануне правительству Литвы, в нем не говорилось о похищении советских военнослужащих. Единственным «не только недопустимым и нетерпимым, но и глубоко опасным, угрожающим безопасности границ СССР» поступком правительства Латвии считалось то, что оно «не только не ликвидировало созданный еще до заключения советско-латвийского Пакта о взаимопомощи военный союз с Эстонией, но и расширило его, пригласив в этот союз Литву». Не содержал этот документ и требований предания суду конкретных лиц, но главные претензии были аналогичны тем, что были предъявлены Литве — формирование нового правительства и допуск в Латвию дополнительных советских воинских частей. Беседа Молотова с Коциньшем шла с 14.00 до 14.23, а ответ латвийское правительство должно было дать уже к 23 часам ночи того же дня. Впрочем, оно успело сообщить о своей отставке уже в 22 часа 40 минут¹²⁹.

Ровно через семь минут после окончания «беседы» с латвийским посланником В. Молотов вызвал эстонского представителя А. Рея и вручил ему заявление советского правительства, полностью аналогичное тому, которое он полчаса назад передал посланнику Латвии. От Эстонии требовалось до нуля часов дать согласие на формирование нового правительства и разрешить пропуск на свою территорию дополнительных советских воинских частей. Рей что-то хотел спросить и уже начал со слов «нельзя ли...», но Молотов прервал заявлением, что «нет, нет»¹³⁰.

15—16 июня советские войска заняли большую часть территории Литвы. 16 июня советские войска получили задачу вступить на территорию Эстонии и Латвии. Десантная операция в Гайжунах была отменена, и 16 июня 720 десантников

из состава 214-й воздушно-десантной бригады на 63 самолетах ТБ-3 были переброшены на аэродром Шауляя, где они были в качестве танкового десанта приданы 2-й и 27-й танковым бригадам 3-й армии, сосредоточившимся к исходу дня в районе Ионишкис. Войска 8-й армии, развернутые на границе в боевых порядках «в готовности для наступления», были вынуждены за 1—2 часа перейти в походное положение и, получив задачу занять важнейшие пункты, в 5.00 17 июня начали продвижение в Эстонию и северо-восточные районы Латвии. В 9.00 17 июня военные уполномоченные сторон Й. Лайдонер (Эстония) и К. Мерецков (с 9 июня заместитель наркома обороны СССР) встретились в Нарве, а Д. Павлов и полковник О. Удентыньш (Латвия) — на станции Ионишкис. В 10.20 утра 17 июня танковые бригады и части 121-й и 126-й стрелковых дивизий перешли латвийскую границу и около 13.00 заняли Ригу. Остальные войска 3-й армии заняли юго-восточные, а части 2-го ОСК западные районы Латвии. Части 65-го ОСК в 13.15 17 июня вместе с десантом КБФ заняли Таллин. Переговоры завершились соответственно в 15.00 и в 13.00 подписанием соглашений о вводе дополнительных войск, в которых были указаны места временной дислокации советских войск (9 дивизий в Латвии и 12 в Эстонии) и оговаривались хозяйственные вопросы. В последующие дни войска продолжали занятие Прибалтики, которое в основном завершилось к 21 июня 1940 г. Несмотря на мирное продвижение, войска имели потери, которые, по неполным данным, составили 58 человек убитыми (самоубийств — 15, погибло — 28, утонуло — 15) и 158 человек ранеными¹³¹.

16 июня 1940 г. в советских газетах появилось сообщение ТАСС о «ликвидации советско-литовского конфликта». Далее следовала информация о прибытии в Литву дополнительных частей РККА. Они больше напоминали военные сводки: «Сегодня, 15 июня, в 15 часов советские танковые части и мотопехота перешли литовскую границу и вступили в города Вильно, Каунас, Кедайняй. Продвижение советских войск происходит планомерно и без каких-либо инцидентов»¹³². Рапорты дополнялись оптимистичными заявлениями, вроде такого: «Советские танковые части и моторизованная пехота начали прибывать в город Каунас. В городе необычайное оживление. Десятки тысяч жителей Каунаса рукоплесканиями и криками «ура» приветствуют советские войска. Красноармейцам

и командирам преподносят цветы»¹³³. Спустя два дня подобным же образом представлялась картина вступления РККА в Эстонию и Латвию. Именно так были описаны эти события впоследствии и в советских учебниках.

На самом деле демонстрации в поддержку СССР в балтийских странах начались позднее — 20 и 21 июня, когда ситуация в городах уже контролировалась частями РККА, под прикрытием которых местные левые силы смогли развернуть свою деятельность. Причем участники митингов и демонстраций не только выражали поддержку советским властям на словах, но и перешли к практическим действиям: пытались захватить полицейские управления, тюрьмы, органы власти. Кое-где началось вооружение рабочих. Из Москвы пришла директива «революционные действия прекратить, ... элементов Октября в демонстрации не вносить»¹³⁴.

17 июня 1940 г. Молотов пригласил германского посла Ф. Шуленбурга, «чтобы проинформировать его о балтийских делах» и «поздравить с победой германской армии» (14 июня 1940 г. войска вермахта вошли в Париж). Беседа свелась к следующему: «Советский Союз договорился с Латвией, Литвой и Эстонией о смене правительств этих стран и вводе советских войск на их территорию. Основной причиной мероприятий советского правительства явилось то, что Советский Союз не хочет оставлять в прибалтийских странах почву для английских и французских интриг. С другой стороны, Советский Союз не хочет, чтобы из-за прибалтийских стран его поссорили с Германией. В прибалтийских странах имелись элементы, которые могли быть использованы для этого, что было бы крайне нежелательно. Советский Союз вел переговоры, и они успешно закончились... Политика Советского Союза была всегда пролатвийской, пролитовской и проэстонской. Теперь Советский Союз хочет обеспечить со стороны балтийских стран просоветскую политику. Советские войска уже вошли в прибалтийские страны, причем никаких инцидентов не было... Все эти мероприятия должны обеспечить полное уничтожение какой-либо почвы в прибалтийских странах для проведения антисоветской политики»¹³⁵. Шуленбург ответил, что «он не имеет вопросов и что это дело Советского Союза и прибалтийских стран»¹³⁶. В Берлине к происшедшим событиям отнеслись с ожидаемым спокойствием. Через несколько часов был принят меморандум по «прибал-

тийским делам»: «Германия не имеет намерений вмешиваться в политические дела прибалтийских государств»¹³⁷.

С 21 июня управление 8-й армии размещалось в Тарту, 3-й армии — в Риге, а 11-й армии — в Каунасе. Соответственно было проведено переформирование армий. На командиров корпусов возлагалась ответственность за порядок, сохранность военных объектов, взаимоотношения с вооруженными силами республик, но им запрещалось вмешиваться в политику. Войскам было приказано «в разговорах с населением и местными властями... уважать самостоятельность литовского государства и объяснять, что Красная Армия выполняет лишь мирный договор о взаимопомощи»¹³⁸. Началось свертывание тыловых частей, сформированных для Прибалтийской операции. 21 июня 1940 г. был отдан приказ о расформировании к 26 июня 1940 г. эвакогоспиталей и санитарных поездов. Части связи из Идрицы согласно приказу Генерального штаба № ОМ/755 от 26 июня 1940 г. отправлялись в распоряжение Киевского особого военного округа, куда еще 21 июня была переброшена 214-я воздушно-десантная бригада¹³⁹.

Официальную позицию Советского Союза в июньских событиях 1940 г. определяли требования, изложенные в ультиматумах. Для их выполнения в страны Балтии были направлены специальные представители, имеющие статус уполномоченных правительства СССР: А. Жданов — в Эстонию, А. Вышинский — в Латвию, В. Деканозов — в Литву. Все это были чиновники высокого ранга: Жданов как член Политбюро и секретарь ЦК к тому времени фактически являлся «правой рукой» Сталина; Вышинский как заместитель председателя СНК СССР, а Деканозов как заместитель наркома иностранных дел непосредственно подчинялись Молотову.

По замыслу Москвы, состав новых «народных» правительств не должен был выглядеть как откровенно просоветский. Поэтому ставка делалась на людей авторитетных, не являющихся членами компартии, но при этом лояльно относящихся к СССР. Министерские портфели получили представители научных кругов, профессуры и художественной элиты. В Литве правительство возглавил журналист и общественный деятель Ю. Палецкис, в Латвии — профессор А. Кирхенштейн, в Эстонии — бывший врач и известный поэт Й. Варес-Барбарус¹⁴⁰.

Состав нового правительства Эстонии, когда он был опубликован, вызвал разочарование в рядах коммунистов. Один

из лидеров эстонской компартии, И. Лауристин, недоумевал по этому поводу и говорил, что «если бы дали задание подпольной компартии подобрать состав правительства, то были бы другие люди»¹⁴¹. Более сведущий и наблюдательный современник, П. Вихалем, назначенный на должность заместителя министра внутренних дел, вспоминал: «Политика была такая, чтобы назначать таких министров, чтобы видно было, что правительство не из коммунистов, а коммунистов включить побольше в аппарат, особенно на ключевые позиции»¹⁴². Эта линия проводилась во всех трех балтийских государствах, полностью зависимых от Москвы. Однако для того, чтобы сделать новые правительства гарантированно обеспечивающими интересы Москвы в перспективе, было принято решение делегировать в Каунас, Ригу и Таллин московские кадры¹⁴³. Кроме того, надлежало срочно отменить запрет на деятельность местных компартий.

Информация из Эстонии на 4 июля 1940 г.

«Народному комиссару Внутренних дел СССР

Комиссару государственной безопасности 1-го ранга тов. Берия

Среди кругов населения, враждебно относящегося к новому правительству, упорно циркулируют слухи о предстоящем германо-советском столкновении, когда «Гитлер придет освобождать Эстонию от большевиков». В русских районах продолжают (в меньшей степени) происходить собрания и митинги с требованием о присоединении к Советскому Союзу. Русское население недовольно тем, что в составе нового правительства нет ни одного русского.

Подробный доклад о настроении русского населения будет передан завтра в 3 часа дня.

Газета «Рахва Хеаль» в номере от 3 июля помещает передовую, озаглавленную «Враги народа зашевелились», в которой резко выступает против прежнего правительства и некоторых газет, проводящих замаскированную политику против нового правительства. В заключении статья называет кампанию, проводимую этими газетами клеветнической, напоминая о мерах принимаемых министерством внутренних дел против клеветников, газета пишет: «Министерство внутренних дел в дальнейшем будет интересоваться также и такими распространителями клеветы».

В течение 3-го июля в Таллине в небольшом количестве распространялись листовки, напечатанные типографским способом с лаконическими погромными лозунгами: «Долой правительство», «Бей коммунистов и евреев» и прочее.

В газетах опубликовано сообщение о том, что в ближайшее время следует ожидать роспуска государственной Думы, государственного совета, волостных, городских и уездных управ.

Решением начальника внутренней обороны Г. Хадермана, Карл Эмпалу, как враг народа (дословно) уволен с поста заведующего акционерным обществом «Кескасса», председателя правления Акционерного общества «ЭстиФосфори».

3 июля правительство по предложению министра Н. Рууса постановило ликвидировать рабочую партию, образованную в 1936 году, как не отражающую интересов рабочих, созданную прежним правительством для полицейского контроля над рабочим движением и проводившую политику, враждебную Советскому Союзу.

Сегодняшняя передовая в газете «Рахва Хеаль» посвящена разбору политики угнетения, проводимой прежним правительством по отношению к национальным меньшинствам. В статье газета пишет: «Прежнее антинародное правительство считало по примеру блаженных царских держиморд окраины колониями. Все они могли свободно эксплуатировать и угнетать не эстонцев, считая их людьми 2-го, если не 3-го или 4-го сорта, которые подобны животным».

Новым эстонским пресс-атташе в Москве назначен Эвальд Тамлаан, до этого бывш. редактором газеты «Балтик Таймс».

Сегодня министр Юстиции Борис СЕПП подал в отставку. Отставка принята. Подробности телеграммой.

Приказом президента республики ПЯТС от 3-го июля по соглашению с правительствами Латвии и Литвы объявлен не действительным заключенный 12 сентября 1936 года в Женеве договор о единодушии и сотрудничестве между этими странами»¹⁴⁴.

А вот информация от 5 июля 1940 г.:

«НКВД СССР тов. Берия, тов. Фитину

Решением начальника внутренней обороны заместителем министра внутренних дел Г. Хабермана отменено решение о запрещении деятельности эстонской коммунистической партии. С сегодняшнего дня компартия легализована. Сегод-

ня вышел 1-й номер газеты «Коммунист» министр внутренних дел М. Унть прислал приветствие на имя ЦК КП(б)Э в связи с отменой ее запрещения.

В Первом номере вышедшей сегодня легально газеты ЦК КП(б) Эстонии «Коммунист» редакция обращается к читателям со следующим обращением:

«В сегодняшний исторический день, когда почти после 22-летнего перерыва «Коммунист» снова может выходить легально, мы с глубоким выражением чтим память тех редакторов, печатников, распространителей и других сотрудников, которые оставили свою жизнь в полевых сражениях, казематах политической полиции или были просто застрелены на улицах за то, чтобы орган коммунистической партии мог бы найти путь к сердцам трудового народа даже тогда когда он стоял вне закона. Сознывая лежащую на нас большую ответственность, обещаем достойно нести вперед орошенную кровью этих павших борцов доблестную честь «коммуниста» и боевое знамя в борьбе за великое дело Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, за освобождение рабочего класса».

В первом номере «Коммуниста» опубликовано большое количество приветствий редакции «Коммуниста» по случаю его выхода от различных организаций. В передовой статье, озаглавленной «Против провокаторов войны», «Коммунист» пишет о необходимости укрепления дружбы с Советским Союзом.

Вчера вечером по радио выступил командующий армии генерал Г. ИОНСОН, заявивший о введении в армии института политических руководителей.

Сегодня уже опубликовано постановление правительства и президента о возложении осуществления политического руководства в армии на информационный центр, который должен контактировать свою работу с военным министерством и командованием армии.

Решением начальника внутренней обороны распущены филиалы международной организации «Армии спасения», а также закрыт ее печатный орган.

Продолжается дезертирство из эстонской армии, особенно солдат русской национальности. Солдаты являются в наши части, консульство и пр. организации, заявляя, что обратно они в армию не пойдут, так как их ждет расправа со стороны реакционных элементов.

Внешне в Таллине все спокойно. Прекратилась паническая выемка вкладов из банков и закупка товаров. Бывшие члены кайцелиита («Кайтселиит» — Национальная гвардия. — Ю. К.), не отваживаясь на резкие выступления, ходят по улицам с трехцветными национальными эстонскими значками в петлицах, женщины носят белые цветы, подчеркивая этим, что они белые, а не красные. Но таких лиц немного. Среди враждебно настроенных элементов продолжают упорно циркулировать слухи о возможном столкновении между Германией и Советским Союзом, причем подчеркивается, что Германия в таком случае будет освободительницей Эстонии от большевиков. Предполагают, что первым шагом Германии в этой части будет взятие протектората над Финляндией, которая якобы добровольно отдаст себя под протекторат Германии.

Фактов побега из Эстонии пока нет. Объясняют это невозможностью бежать из-за блокады границ и тем что Министерство внутренних дел не выдает заграничных паспортов. В связи с тем, что Сельтер отстранен с поста представителя Эстонии в Лиге Наций, предполагают, что в Эстонию он не вернется, так как у него предусмотрительно был сделан перевод его капиталов в иностранные банки.

Газеты продолжают проводить различные кампании «о коммерческих» комбинациях членов прежнего правительства Вулуотса — Юримаа.

Сегодня в газетах опубликовано сообщение об освобождении от должности министра юстиции Бориса Сеппа.

Немецкое посольство обратилось к полпредству с просьбой разрешить двум чиновникам немецкого доверительного управления (организация по реализации имущества уехавших из Эстонии немцев) совершить поездку в Нарву для «фотографирования местных архитектурных достопримечательностей» и двум другим чиновникам во главе с советником немецкого посольства в Таллине совершить поездку в город Куресаре на острове Сааремаа для «фотографирования и описания могил немецких солдат в Куресаре»¹⁴⁵.

Политическая жизнь в Прибалтике менялась стремительно. После ревизии исполнительной власти настала очередь законодательной. В один день, 5 июля 1940 г., правительства всех трех республик выпустили постановления о порядке проведения выборов в парламенты¹⁴⁶. Голосование должно было проходить в одни и те же сроки и по одному сценарию. На

предвыборную кампанию отводилось всего 9 дней, выборные технологии были выстроены таким образом, чтобы обеспечить безальтернативный характер голосования.

Представление о том, каким образом должны были проводиться первые после советской аннексии Прибалтики выборы можно получить на примере Эстонии. Документы показывают, как работали «новые технологии». Жданов внимательно ознакомился с избирательным законом Эстонии. Некоторые положения документа он особо отметил:

«Право выборов — 22 года и 3 года в эстонском гражданстве»;

«В выборах не участвует армия»;

«Главный [избирательный] комитет — старорежимный.

Окружные комитеты назначаются главным»;

«Списки [кандидатов] должны быть налицо»;

«За 35 дней публикуются, а раньше можно»;

«Залог — 250 крон»;

«Где один кандидат, выборы не проводятся»¹⁴⁷.

Этот порядок Жданова не устраивал. Во-первых, нельзя было доверить столь ответственное дело прежнему избирательному комитету. Во-вторых, не устраивали сроки — 35 дней, отпускаемые на выборную кампанию. Столько Москва ждать не могла. Наконец, принцип альтернативности выборов («где один кандидат, выборы не проводятся») просто ставил под угрозу саму возможность проведения нужных кандидатов. Другая пометка Жданова: «Параграф 68 Конституции». Это был очень «неудобный» параграф, согласно которому президент страны мог назначить выборы в парламент, но при этом не имел права менять избирательный закон. Пришлось действовать вопреки конституции: так родился новый порядок выборов.

6 июля было объявлено о создании избирательных блоков — «Союза трудового народа» в Эстонии и Литве и «Блока трудового народа» в Латвии¹⁴⁸. 7 июля 1940 г., т. е. через два дня после официального начала избирательной кампании и еще задолго до голосования, В. Деканозов и Н. Поздняков представили Сталину и Молотову проект состава Народного Сейма Литвы. Состав его (всего 79 человек) был «рассчитан» на основе предварительного списка кандидатов, составленного компартией. Больше половины мест в Сейме

должны были занять коммунисты, остальные места — комсомольцы и беспартийные рабочие и крестьяне, интеллигенция, а также солдаты. Был расписан и национальный состав: литовцев — 65, евреев — 5, русских — 2, поляков — 5, латышей — 2¹⁴⁹.

7 июля в эстонских газетах, а также в «Правде» уже была опубликована избирательная платформа «Союза трудового народа» Эстонии. В тот же день появилась платформа «Блока трудового народа» Латвии, а днем позже — его «близнеца» из Литвы. Все три документа были декларативно идентичны: сначала речь шла о том, как «в течение многих лет народ страдал от тяжелого гнета реакционного режима» (вариант: «от бесправия и беззакония старого правительства»), потом о том, что, «потеряв всякое доверие, правительство пало» и «перед народом открылся новый путь»¹⁵⁰. После преамбулы перечислялись требования избирательного блока. В области внешней политики основной пункт — дружба с Советским Союзом¹⁵¹.

Ни в одной платформе не упоминалось ни о национализации, ни о Советах рабочих и крестьянских депутатов, ни о советской власти вообще. Не выдвигалось в этих документах и требования присоединения к СССР.

Для проведения выборов в трех республиках были созданы избирательные комиссии — центральные и окружные. Их аппарат состоял преимущественно из коммунистов, что должно было обеспечить четкое проведение в жизнь «правильного» порядка выборов. Эта «правильность» была закреплена в положении о полномочиях Центризбиркома: его решение об отклонении заявлений об участии в выборах являлось окончательным и не могло быть обжаловано в суде¹⁵². Главная задача избирательных комиссий на подготовительном этапе заключалась в том, чтобы не допустить участия в выборной кампании альтернативных кандидатов, т. е. кандидатов, не входящих в просоветские блоки. И все-таки пока новый порядок проведения выборов еще давал сбои — почти в каждом избирательном округе оказались «альтернативные» кандидаты.

9 июля 1940 г. правительство Эстонии «подкорректировало» избирательное законодательство, внося новые поправки в избирательный закон. На этот раз от всех кандидатов требовали представление избирательной платформы, кото-

рую следовало направить в избирком уже на следующий день. Избирательные комиссии могли отказать кандидату в регистрации в случае, если его платформа «является голословной или откровенно направленной на обман избирателей»¹⁵³. Только кандидаты от «Союза трудового народа» освобождались от обязанности представлять свою избирательную платформу, поскольку та уже была опубликована в средствах массовой информации¹⁵⁴.

Из сводки, полученной НКВД СССР 9 июля 1940 г.:

«Вчера вышел первый номер газеты «Трудовой Путь» на русском языке. Редактором газеты назначен Д. Кузьмин. Тираж первых номеров 15 000 экземпляров. В течение ближайшего времени редакция предполагает довести тираж до 25 000 экз.

Началась избирательная кампания по выборам в государственную думу. Правительство издало распоряжение о порядке производства выборов в государственную думу. Главный избирательный комитет назначил срок исправления и пополнения списков граждан, имеющих право голоса, с 5-е по 9-е июля (включительно). Срок выдвижения кандидатов для голосования также с 5 по 9 июля.

«Союз трудового народа Эстонии», объединяющий центральный совет профсоюзов, коммунистическую партию Эстонии, Союз малоземельных крестьян, Всеэстонский коммунистический союз молодежи и другие профессиональные и культурные организации, проводят избирательную кампанию под лозунгом объединение всех рабочих и крестьян и трудовой интеллигенции вокруг платформы Союза.

В Пярну выдвинуты первые кандидатуры Союза. Кандидатами для избрания в состав государственной думы выдвинут министр внутренних дел М. Унтъ, заместитель городского головы И. Тамм, министр просвещения И. Сампер и пр. Кандидатуры буржуазных кругов пока еще нигде не выставлены.

Во всех газетах опубликованы приветствия нового правительства вождю народов тов. Сталину, главе советского правительства Народному комиссару иностранных дел тов. Молотову.

Начальник 2 отдела штаба армии полковник Саарсен вышел в отставку и уходит с действительной службы в армии.

Газета «Рахваэаль» в большой статье подробно разбирает «избирательные махинации», благодаря которым про-

шел в государственную думу прошлого состава от города Пярну бывший премьер министр Каро Энкало (Эйнбунд).

В эстонской армии продолжается усиление антагонизма между реакционными и левыми элементами, который за последнее время начал принимать резкие формы, вплоть до драк с кровопролитием.

Офицерами среди солдат разжигается национальная рознь между эстонцами и русскими. Реакционное офицерство запрещает солдатам слушать радио, читать левые газеты, уменьшает количество отпусков в город. Во вчерашней демонстрации участвовали также части эстонской армии, которые вышли на демонстрацию с требованием демократизации армии, образования солдатских комитетов и пр.

Отмечены единичные случаи попыток совершения диверсий по отношению к частям Красной армии. В одной из частей эстонской армий, расположенной на границе Советского Союза в Печорском уезде, в которой много солдат русской национальности, произошло несколько случаев отказа от выполнения приказаний эстонских командиров, в результате чего часть солдат разоружена и взята под охрану эстонцев.

Опубликовано письмо организационного центра коммунистического союза молодежи Эстонии с извещением об организации союза»¹⁵⁵.

Выборы проходили одновременно во всех трех балтийских государствах — 14 и 15 июля 1940 г. Каждый участник получал соответствующую отметку в паспорте — своего рода свидетельство о лояльности и благонадежности. Во время голосования избирательный бюллетень в урну должны были опускать члены избиркома, а не сам выборщик. Окончательное решение о признании протоколов окружных и районных комиссий действительными принимала Центральная избирательная, поэтому любое нарушение на местах (а информация о нарушениях и прямых фальсификациях была на многих избирательных участках) нивелировалось через вердикт Центризбиркома¹⁵⁶.

В Эстонии приняли участие в голосовании 84% от общего состава избирателей, из них почти 93% отдали свои голоса за кандидатов «Союза трудового народа»¹⁵⁷. Официальные итоги в Литве и Латвии были аналогичны эстонским: в Литве в выборах участвовали 95,5% всех избирателей, из них за кандидатов «Союза трудового народа» Литвы голосовало

99% участвовавших в голосовании; в Латвии эти показатели составили соответственно 94,8% и 97,8%¹⁵⁸. Итоги оказались по-советски единообразными.

1.4. Союз нерушимый

17 июля 1940 г. А. Жданов, В. Деканозов и А. Вышинский собрались на совещание в Таллине, где обсудили последние детали провозглашения советской власти в Эстонии, Латвии и Литве. Там же был утвержден проект декларации о вступлении этих пока еще независимых государств в СССР. Это был тот самый документ, который через несколько дней предстояло принять балтийским парламентам.

Теперь лозунги, считавшиеся неуместными до проведения выборов, были вполне легально пущены в ход, едва закончилась процедура голосования. 18 и 19 июля 1940 г. в Латвии, Литве и Эстонии прошли организованные митинги, участники которых обращались к только что избранным парламентам с откровенно просоветскими призывами. Митинг в Риге прошел, например, под лозунгами: «Да здравствует Советская Латвия», «Да здравствует Латвийская Советская Социалистическая Республика», «Мы требуем организации Советской Латвии»¹⁵⁹. Участники митинга в Таллине выдвинули лозунг: «Мы требуем вступления Эстонии в СССР». Под аналогичными призывами был организован митинг в Каунасе¹⁶⁰. Сеймы Латвии и Литвы и Государственная Дума Эстонии обратились к Верховному Совету СССР с просьбой о своем вхождении в состав Советского Союза, и в августе 1940 г. VII сессия Верховного Совета СССР приняла решение о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР на правах союзных республик. Публичное ликование местных вновь избранных элит по этому поводу было каноническим. Например, видный деятель компартии Литвы, будущий председатель республиканского Совета народных комиссаров М. Гедвилс заявил: «Господа таутинники и всякого рода демократы пытались запугать литовский народ тем, что приход Красной армии является оккупацией. Однако литовский народ понял, что приход Красной армии означает для него освобождение от гнета буржуазии»¹⁶¹. А руководитель компартии Литвы А. Снечкус закончил свое выступление в Сейме словами: «Я наде-

юсь, что правильно выражу желание всех трудящихся Литвы, если от всего сердца выскажу благодарность человеку, другу и учителю трудящихся всего мира, великому Сталину за его отеческую заботу и помощь народу Литвы для освобождения от сметоновского ига и реакции»¹⁶². Аналогичным образом высказались руководители Эстонии и Латвии — как видно по этой риторике, советской власти в Прибалтике изначально было на кого опереться. Молотов, один из главных участников решения «балтийского вопроса», выступая на сессии 1 августа, не скрывал своего удовлетворения: «Вхождение Прибалтийских стран в СССР означает, что Советский Союз увеличивается на 2 млн 800 тыс. населения Литвы, на 1 млн 950 тыс. населения Латвии и 1 млн 120 тыс. населения Эстонии»¹⁶³.

«Следует отметить, — продолжал Молотов, — что 9/20 всего этого населения входило раньше в состав СССР, но было силой отторгнуто от СССР в момент его военной слабости империалистическими державами Запада. Теперь это население воссоединилось с Советским Союзом». Не забыл премьер сказать и про военно-стратегический фактор, особенно актуальный в условиях продолжающейся в Европе войны: «Первостепенное значение для страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря»¹⁶⁴.

Наркомат иностранных дел опубликовал заявление, которым СССР ставил точку в краткой по времени, но насыщенной по содержанию драматической многоходовке по аннексии прибалтийских территорий и советизации прибалтийских государств, приведшей к потере ими государственного суверенитета.

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановил принять в состав Союза Советских Социалистических Республик 3 августа с.г. Литовскую Советскую Социалистическую Республику, 5 августа с.г. Латвийскую Советскую Социалистическую Республику и 6 августа с.г. Эстонскую Советскую Социалистическую Республику в соответствии с их просьбами... Таким образом, Литва, Латвия и Эстония являются составными частями Союза ССР, на основе полного равенства с другими Советскими Социалистическими Республиками, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями... В связи с этим отныне непосредствен-

ные дипломатические отношения Литвы, Латвии и Эстонии с другими государствами прекращаются. Советское правительство ожидает поэтому, что Германские Миссии в Каунасе, Риге и Таллинне закончат ликвидацию своих дел к 25 августа с. г. ... Дипломатические и консульские представительства Литвы, Латвии и Эстонии в других государствах прекращают свою деятельность и передают свои функции, а равно принадлежащие им архивы и имущество, соответствующим Полномочным представительствам или консульствам Союза Советских Социалистических Республик»¹⁶⁵.

В Указе Верховного Совета СССР сообщалось, что «граждане Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик со дня принятия этих республик в состав СССР являются гражданами СССР». В документе констатировалось, что граждане этих республик, находящиеся за пределами СССР, обязаны не позднее 1 ноября 1940 г. зарегистрироваться как советские граждане в полпредствах или консульствах СССР путем личной явки или посылки по почте заявления с приложением национального паспорта. Также отмечалось, что лица без гражданства, принадлежащие к национальным меньшинствам, которые «в условиях политических режимов, существовавших в Литве, Латвии и Эстонии до установления в них Советской власти», не могли приобрести гражданства этих стран, приобретают гражданство СССР в соответствии со статьями 1 и 2 данного Указа. Остальные лица без гражданства, проживавшие постоянно на территории Литвы, Латвии и Эстонии, могли приобрести советское гражданство на общих основаниях в соответствии со ст. 3 закона «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» от 19 августа 1938 г. Это же положение относилось к лицам, лишенным советского гражданства на основании декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г., находившимся на территории трех прибалтийских республик¹⁶⁶.

14 августа 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О государственном и хозяйственном строительстве Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР» (Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР):

«ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР предлагают руководствоваться при разрешении указанных ниже вопросов следующим:

I. Об образовании высших государственных органов советской власти.

1. Рекомендовать правительствам Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР в августе с. г. (20—25 августа) созвать Чрезвычайную сессию Народного Сейма с следующим распорядком дня:

а) Доклад Конституционной комиссии о проекте новой Конституции.

б) Об образовании высших государственных органов советской власти.

При рассмотрении вопросов об образовании высших государственных органов советской власти надлежит, ввиду принятия новой Конституции, провозгласить Сейм временным Верховным Советом республики, избрать Президиум Верховного Совета и Председателя Верховного Совета и его заместителей.

II. Образовать Совет Народных Комиссаров республики. Персональный состав кандидатов в Совет Народных Комиссаров подлежит дополнительному согласованию с ЦК ВКП(б)¹⁶⁷. Затем началась паспортизация населения прибалтийских республик.

Итак, юридически прибалтийские страны вошли в состав СССР. Причем Эстония, которая по советским законам из-за малочисленности населения (чуть больше миллиона человек) не могла претендовать на статус республики (необходимо было не менее 1.5 млн человек) с высочайшего разрешения стала Эстонской ССР.

В начале августа 1940 г. членов делегации депутатов от Литвы, Латвии и Эстонии, приглашенных на сессию Верховного Совета СССР, принял Сталин. Таким образом процесс вхождения трех новых «братских республик» в состав советского государства был завершен на самом высшем уровне. Началось формирование новых, республиканских органов власти.

Основной комплекс решений по Прибалтике был принят Политбюро уже 22 августа 1940 г. Постановлением Политбюро был утвержден персональный состав руководителей высших органов власти и управления трех балтийских республик — до того, как они формально были приняты временными Верховными Советами Литвы, Латвии и Эстонии. В Литве председателем Верховного Совета республики был утвержден Ю. Палецкис, возглавлявший до этого литовское «народное правительство». Главой нового правительства был назначен М. Гедвилас (министр внутренних дел в составе прежнего ка-

бинета). В Латвии и Эстонии произошли аналогичные перемещения. Бывший глава латвийского правительства А. Кирхенштейн получил почетный пост председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР, а В. Лацис переместился на его место, возглавив Совет народных комиссаров республики. Председателем Президиума Верховного Совета Эстонии стал Й. Варес-Барбарус, а новым премьером был назначен И. Лауристин, один из лидеров коммунистической партии Эстонии. В отличие от формирования так называемых «народных правительств» с относительно разнообразным партийным представительством (лояльных СССР) в июне 1940 г., теперь при формировании кабинетов ставка делалась исключительно на коммунистов.

В то же время Сеймы Латвии и Литвы и Государственное собрание Эстонии пока еще не сыграли до конца отведенной им кремлевским сценарием роли. Им предстояло принять новые конституции и определить сроки выборов в Верховные Советы. Текст постановления, который предстояло принять пока еще действующим балтийским парламентам, был утвержден на заседании Политбюро 22 августа. На основе этого текста теперь разрабатывались проекты постановлений Латвийского и Литовского Сеймов и Эстонской Госдумы. Этим занялись советские полпреды в странах Балтии, теперь получившие новый статус — уполномоченных ЦК ВКП(б) и СНК СССР — В. Деревянский, В. Бочкарев и Н. Поздняков. Характерно, что местным парламентским представителям выполнение такой, достаточно формальной задачи не доверили. Подобная декоративность функций латвийского, литовского и эстонского парламентов население не слишком удивила: в предыдущие годы политические институты либо не действовали вообще, либо существовали лишь номинально.

Главной задачей летом-осенью 1940 г. была организация в Прибалтике институтов и структур, обеспечивающих советизацию этого региона. Одной из ключевых структур в этом процессе, разумеется, должна была стать коммунистическая партия. Местные ресурсы были невелики: численность компартий колебалась от 200 человек в Эстонии до 1 тыс. человек в Литве¹⁶⁸. (В течение нескольких лет до 1940 г. они попросту были запрещены в этих странах.) И, следовательно, их в прибалтийских республиках приходилось фактически создавать заново и в значительной степени — искусственно.

18 сентября 1940 г. Политбюро приняло постановление о составе руководящих структур компартий Латвии, Литвы и Эстонии — Бюро ЦК. Каждое бюро состояло из 7 человек. Компартию Латвии в должности первого секретаря возглавил тогда Я. Калнберзиньш, первым секретарем ЦК КП(б) Литвы был утвержден А. Снечкус, а первым секретарем ЦК КП(б) Эстонии — К. Сярэ. В состав Бюро ЦК Эстонии вошли также другие ключевые фигуры в новом руководстве — Й. Варес, глава временного Верховного Совета, и И. Лауристин, председатель СНК республики. Первые лица Литвы — Ю. Палецкис и М. Гедвилас — также стали членами республиканского Бюро. В Латвии в партийное руководство республики был допущен только председатель правительства В. Лацис. Глава Временного Верховного Совета А. Кирхенштейн вступил в партию только в 1941 г., поэтому при формировании Бюро ЦК КП(б) Латвии в сентябре 1940 г. не был включен в его состав.

Принципиально важным считалось присутствие в руководстве республиканских компартий «подавляющего большинства» представителей титульных национальностей. 8 октября 1940 г. компартии Литвы, Латвии и Эстонии были официально приняты в состав ВКП(б). Одновременно с получением новых партийных документов была проведена «чистка» этих партий, в ходе которой удалили «нежелательных элементов», заподозренных в возможной неполяльности.

По официальным данным, к началу 1941 г. численность республиканских компартий резко увеличилась: в Литве она составила 2486, в Латвии — 2798 и в Эстонии — 2036 чел.¹⁶⁹. Однако такой существенный рост не стоит рассматривать только как следствие увеличения скрыто принудительного приема в партию граждан балтийских республик. Эти показатели в значительной степени были достигнуты за счет «армейского фактора», т. е. за счет учета численности коммунистов, находящихся в частях РККА и НКВД.

Параллельно с созданием советских органов власти и партстроительством происходила и советизация образования и идеологии. «Очистка от капиталистических сил идет полным ходом. Тартуские суды и Тартуский университет остались действовать в прежнем реакционном духе, так как в них работают прежние кадры, — рапортовали новые партийные функционеры. — Хотя их и омолодили, но все равно осталось еще много реакционеров. Партия «Исамаа» имеет мно-

го сторонников, любителей старого тартуского духа. В том числе среди эстонского союза студентов (EUS). Они действуют организованно, враждебно относятся к марксизму-ленинизму, и к преподавателям марксизма... В школах Тарту спокойнее, чем месяц назад. Уже нет враждебных выпадов, подобных тем, которые имели место раньше: неправильно пели Интернационал, испортили портрет Сталина, вывесили портреты Лайдонера и Пятса с лентами сине-черно-белого цвета. Необходимо обратить внимание, что уволенные директора школ и преподаватели сразу же нашли работу в других городах, в том числе в Таллине. Нельзя заразиться болезнью «ценных специалистов», а этой болезни подвержены некоторые наши товарищи: уволенных сажали на ответственные посты в комиссариатах. Кроме того, выявлено много спекулянтов, а суд их оправдывает или дает мягкие взыскания»¹⁷⁰.

Среди мероприятий экономического порядка в качестве первоочередного стоял вопрос о переходе на советскую валюту. Временно было разрешено использование двух валют — советского рубля и местной (латвийского лата, литовского лита и эстонской кроны). Курс обмена национальной валюты на советский рубль был установлен довольно произвольно: 1 лат равнялся 1 руб., 1 лит — 90 коп., 1 крона — 1 руб. 25 коп.

16 сентября 1940 г., за два месяца до перехода на рубль, должно было произойти повышение заработной платы — в среднем от 25% до 40%. В Латвии в «высшую категорию», т. е. с ростом зарплаты на 40%, попали рабочие промышленных предприятий, связи и строительства, учителя, преподаватели высших учебных заведений, агрономы. Прибавку в 25% получали городские врачи, 30% — сельские врачи и инженерно-технические работники. В Литве прибавки к зарплате выглядели в целом скромнее: 30% — рабочим, 25% — агрономам, 20% — профессуре, только учителя начальных школ получали повышение жалованья на 40%. В Эстонии зарплаты повысили почти так же, как и в Латвии¹⁷¹.

В комплексе других социальных мероприятий новой власти значились: введение бесплатного обучения в средней школе, отмена платы за медицинское обслуживание для «рабочих, служащих и крестьян», введение для рабочих и служащих обязательного государственного страхования, объявление запрета на повышение ставок квартирной платы и сто-

имости коммунальных услуг. Для крестьян предусматривалось повышение с 1 октября закупочных цен на все сельскохозяйственные продукты, кроме зерна, в пределах 10—25%.

Но прибавки к зарплате и другие меры поддержки населения не смогли компенсировать потери граждан при переходе на советский рубль. По оценкам современных экспертов, реальный курс кроны и лата к рублю был примерно один к десяти¹⁷². Это сделало неизбежным повышение цен, произошедшее в Прибалтике уже осенью 1940 г., что даже у лояльно настроенных жителей резко пошатнуло веру в новые порядки.

Неясные экономические перспективы вызвали в Прибалтике настоящую панику. Граждане бросились в магазины. «Повышение цен... вызвало резкий рост неудовольствия. Все скупают. Отделы торговли работают плохо, спекуляции не обнаружено. Настроения в городе Нарва. По сравнению с предыдущей неделей обстановка изменилась: перед магазинами огромные очереди. До того они были замечены только у Обувьторга, теперь — повсеместно, особенно у магазинов одежды. Очереди уже стоят за час и более до открытия. Очереди нет только там, где магазины уже пустые. Опасаются трудностей с молоком... Новое явление: командиры РККА и красноармейцы в большом количестве стоят в очередях. Они набрасываются на магазины. Командиры самовольно требуют получения продуктов и одежды без очереди. Это производит плохое впечатление на местное население. Секретарь горкома сообщил, что он заявил об этом в соответствующие органы»¹⁷³.

Такого рода сводками полны отчеты региональных парторганов прибалтийских республик первых месяцев советской власти.

Помимо финансовой реформы началась национализация. В первую очередь государственными должны были стать пароходные общества, торговые предприятия (с оборотом свыше 200 тыс. лат, лит и крон (т. е. предприятия крупного и среднего бизнеса), а также крупные домовладения. Первоначально национализацию планировалось проводить в достаточно гибких формах — постепенно и с возможностью частичного выкупа¹⁷⁴. Однако вскоре от этой гибкости не осталось и следа: предприятия и частная недвижимость национализировались по принципам, уже давно обкатанным советской властью.

Исключение составило лишь имущество граждан Германии или этнических немцев, которым предоставлялось право выехать в Третий рейх. Они получали за оставленную собственность компенсацию. Советское правительство обязалось взять на себя «ответственность за охрану германских интересов» и сделало «исключение из закона о национализации для лиц немецкого происхождения, как литовского, латышского и эстонского, так и германского подданства и приостановить национализацию их имущества с тем, чтобы все имущественные вопросы были урегулированы непосредственно между Берлином и Москвой»¹⁷⁵. Еще до официального включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР между советской и германской стороной были подписаны документы, в соответствии с которыми СССР получал право на приобретение оставшегося в прибалтийских республиках, принадлежавшего гражданам Германии или этническим немцам, имущества и земель владений с возможностью расчета не валютой, а товарами, необходимыми рейху¹⁷⁶.

10 января 1941 г. Правительство СССР и Правительство Германии, «руководимые желанием полностью и окончательно урегулировать взаимные имущественные претензии по Литовской, Латвийской и Эстонской Советским Социалистическим Республикам», заключили соглашение. Документ предусматривал следующее:

«В полное и окончательное возмещение всех претензий Германии к СССР по германскому имуществу, находящемуся на территории Литовской, Латвийской и Эстонской Союзных Советских Социалистических Республик, а равно по имущественным требованиям Германии к физическим и юридическим лицам, имевшим или имеющим местопребывание на территории указанных выше республик, Правительство Союза ССР уплачивает Германскому правительству 200 миллионов (двести миллионов) германских марок.

В полное и окончательное возмещение всех претензий СССР к Германии по литовскому, латвийскому и эстонскому имуществу, находящемуся на территории Германии, а равно по имущественным требованиям этих республик к физическим и юридическим лицам, имевшим или имеющим местопребывание на территории Германии, Германское правительство уплачивает Правительству Союза ССР 50 миллионов германских марок»¹⁷⁷.

В августе-сентябре 1940 г. были определены и первые подходы к решению аграрного вопроса. Была установлена норма владения землей — не более 30 га. Собственность крупных помещичьих имений подлежала национализации. Это обстоятельство не оставило равнодушным крестьянство, о чем сообщают партийные документы тех лет: «Проведение земельной реформы может изменить настроение крестьян, которое пока спокойное. Большинство замеряющих землю (для последующей ее национализации. — Ю. К.) враждебно. Мы вынуждены заменить их. На земельную реформу крестьяне не надеются. Но надеются на коллективизацию. Об этом идет дискуссия. Некоторые крестьяне рады тому, что выделяются пастбища»¹⁷⁶.

Однако уже вскоре оптимизм по поводу коллективизации угас: «Заботы о ближайшем будущем вызывают в среде крестьян обоснованное беспокойство. При прежнем правительстве крестьянство находилось в состоянии нужды и безработицы. В настоящий момент положение ухудшается вследствие неурожая кормов... В связи с повышением цен и оплаты труда, многие считают себя обездоленными по сравнению с городским большинством. Однако большинство крестьян живет с надеждой, что советское правительство примет решительные меры и найдет для крестьян выход из тяжелого положения. **Произошедший в Эстонии переворот** (выделено мной. — Ю. К.) вызвал в среде крестьян очевидный и большой психологический сдвиг. Царившие всегда в Принаровье пьянство и драки значительно уменьшились. Молодежь проявляет горячее желание трудиться на благо общества, однако вследствие полного отсутствия умелого руководства эти попытки по-видимому обречены на провал. Кулацкие слои населения в целях защиты своих интересов стремятся найти в новых условиях новые способы маскировки»¹⁷⁹.

В отличие от бедняков, зажиточные крестьяне отнюдь не спешили идти в колхозы и обобществлять свой скот. Для аграрных регионов, какими веками были Эстония и Латвия, и в значительной мере Литва, советские подходы к сельскому хозяйству был абсолютно чужды.

Вот как описывается ситуация в деревне в одном из отчетов НКВД.

«Совершенно секретно

В департамент госбезопасности поступают данные о том, что по республике идет усиленная сброска скота... Поступает

на убой большое количество племенного высокопородного скота. К/р (контрреволюционный. — Ю. К.) элемент проводит активную агитацию за сброску скота»¹⁸⁰.

Во избежание крестьянских бунтов коллективизацию решили отложить на год-два.

Непростая ситуация в Прибалтике требовала от Москвы внесения корректив и в другие планы. Прежде всего это касалось намеченного на 1 ноября 1940 г. второго повышения цен, что должно было полностью уравнивать преysкуранты на товары в Прибалтике и СССР. Уполномоченные ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Литве, Латвии и Эстонии, а также руководители республик обратились в Москву с предложениями об отсрочке нового повышения цен, поскольку оно могло бы повлечь за собой усиление панических настроений, создать «дополнительные трудности в массово-разъяснительной работе среди населения». В. Деревянский из Латвии обращал внимание на политический момент («второе повышение цен с 1 ноября совпадает с подготовкой к празднованию Великой Октябрьской революции») и предлагал в связи с этим не провоцировать антисоветские настроения»¹⁸¹. Кроме того, эта мера планировалась раньше, чем должны были быть повышены зарплаты (запланировано было на 16 ноября), и таким образом ее негативные последствия населением воспринимались бы более остро.

Для отслеживания вредных настроений заработал аппарат «информаторов» — как назначенных новой властью официально, так и тайно: «Таллинский горком КПЭ утвердил лучших коммунистов предприятий, обязанных информировать горком о настроениях и ситуации. Они стали уполномоченными, им разъяснено, что они отвечают за эти предприятия и за происходящее там»¹⁸². Так было не только в Эстонии, но и в Латвии и Литве. Информация об умонастроениях, разумеется, стекалась в органы госбезопасности. Вот характерные примеры агентурных донесений:

«Совершенно секретно»

Бутас среди жильцов дома проводит антисоветскую агитацию и высказывает всякого рода измышления по адресу СССР, заявляя, что в СССР весь народ сидит голодный, в магазинах ничего нет и вообще в СССР нет никакого порядка»¹⁸³.

«Совершенно секретно»

Литовкин ... выразился, что при новой власти стало хуже жить, что зарабатывают много меньше и что в таком случае

лучше уехать куда-нибудь... Я хотел бы в Германию, все-таки лучше, чем здесь»¹⁸⁴.

Пошатнулись позиции новой власти и среди рабочих: «Состоялось собрание рабочих Кремсгольмской мануфактуры. Мало пели Интернационал. Из зала были возгласы: «Почему не дают слова рабочим?!» Выступали только партийные руководители. Публика холодно реагировала на их речи о социалистическом соревновании. Призыв работать еще больше вызвал протест и выкрики против коммунистов. В голосовании по социалистическому соревнованию приняли участие не более трети собравшихся. И аплодировали только члены партии. Зафиксирован саботаж мастеров Кремсгольмской мануфактуры, вероятно спровоцированный прежним руководством»¹⁸⁵.

Недовольство действиями новой власти нарастало стремительно: «Мелкая городская буржуазия уже начинает открыто выявлять недовольство. Достаточно привести один штрих. Если не так давно проходящие по улицам части Красной Армии дружелюбно приветствовались публикой, то теперь они встречаются и провожаются угрюмым молчанием. Обратную картину наблюдаем мы, когда по тем же улицам проходит соединение национального корпуса. Его не только встречают приветствиями, но его, как правило, сопровождает восторженная толпа в 100—200 человек. Даже были случаи, когда из толпы раздавались антисоветские профашистские лозунги. Органы НКВД своим вмешательством прекратили эти маленькие демонстрации... Это недовольство в рядах мелкой городской буржуазии усилится, как только будет проведена национализация домов, кинотеатров, аптек и проч.

Ворчит и городской обыватель (семья чиновника, офицера или бывшего офицера, люди свободных доходных профессий и пр.). Он недоволен тем, что проводимые новшества нарушают его сложившиеся привычки и быт, что эти новшества потрясают его бюджет (рост цен и проч.).

...Распространяются слухи, что товары скоро исчезнут, что скоро будет новое повышение цен. Националистическое направление агитации систематически бьет в одну точку, что Красная Армия не освободила, а «оккупировала» Литву. Немецкие агенты вносят в этот концерт свою ноту, пуская слухи, что скоро будет германо-советская война и что советская власть долго не продержится в Литве»¹⁸⁶.

А вот как обычные граждане, а не спецслужбы описывали происходящие изменения:

«Дорогой брат Иван,

Письмо передаю через одну уезжающую репатриантку в Германию. Она по приезде в Германию опустит письмо.

Сейчас в Литве коммунистическая власть, иначе говоря большевистская. Пусть ее черт возьмет такую власть. Это власть идиотов, по причине которой тысячи людей сидят в тюрьме, а счастливые уезжают в Германию, удирая через границу... Самое худшее, что власть находится в руках евреев, которые все делают, сидя на теплых местах, провоцируют литовцев.

Ой, если — бы увидел, что делается, то схватился — бы за голову. Словом, не людей власть, а каких-то азиатов, сволочей. Вообще русские не считаются с нашими людьми и офицерами, много расстрелянных. Примерно, напивается русский офицер, немножко поругаются с нашими, вытаскивает пистолет и убивает. Счастливый ты, Иван, что в Германии живешь, может быть не известно, что здесь делается и думаешь иначе, если хотел бы вернуться, что плохо сделал бы. Я тебе от всего сердца советую, не возвращаться, потому что после будет поздно, может там с продуктами плохо, но это ничего, так долго не будет. У нас если и дальше так будет, будет плохо и с продуктами, несмотря на то, что цены сейчас не человеческие. Например: масло килограмм 12 рублей. Рубль равен 1 литу и 10 центам. Обед, который раньше стоил 1 лит 20 центов — сейчас 3 рубля или 4; Костюм, который раньше стоил 200 лит, сейчас стоит 600—700 рублей; Ботинки, которые раньше стоили 30 лит, сейчас стоят 120 рублей и больше, словом, цены повысились на 200—300%. Введены и хорошие дела, например: бесплатное лечение, учение и т. д.

Кроме того, во всей Литве от помещиков и крупных владельцев отнята земля, оставлено только норма — 30 га. Отбранную землю разделили безземельным, батракам, рабочим и другим... Много удрало и много удирают через границу.
г. Вильно. До свидания»¹⁸⁷.

«Неудовлетворенность растет», «прошу принять меры» — как свидетельствуют архивные материалы, в первый год советской власти эти фразы становятся рефреном многих документов¹⁸⁸.

24 октября 1940 г. Политбюро приняло решение об отсрочке нового повышения цен в республиках Прибалтики до 16 ноября 1940 г. Таким образом, повышение цен должно было быть проведено вместе с официальным введением советской валюты.

Еще одной проблемой для советской власти стали национальные армии в прибалтийских республиках. Новая власть пока не решалась распускать эти воинские части и даже собиралась привести их к советской присяге. 14 августа 1940 г. Политбюро (ЦК ВКП(б)) приняло постановление «О преобразовании армий в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР».

«...Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Существующие армии в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР сохранить сроком на 1 год, очистить от неблагожелательных элементов и преобразовать каждую армию в стрелковый территориальный корпус, имея в виду, что состав закончит за этот срок усвоение русского языка и военную переподготовку, после чего территориальные корпуса заменить экстерриториальными, формируемыми на общих основаниях.

Корпусам присвоить наименование:

- а) Эстонскому корпусу — 22 стрелковый корпус.
- б) Латвийскому корпусу — 24 стрелковый корпус.
- в) Литовскому корпусу — 29 стрелковый корпус.

<...>

Всего <...> в трех стрелковых корпусах 45 426 человек.

<...>

4. Для укрепления кадров командного и политического состава обязать НКО (Народный комиссариат обороны. — Ю. К.) выделить частично на командные и политические должности командный и политический состав Красной Армии из числа соответствующих национальностей и русских.

5. Ввести в преобразованных корпусах программы и уставы Красной Армии, обязав НКО перевести их на соответствующие национальные языки.

6. Преобразованные корпуса включить в состав Красной Армии и подчинить:

22 стрелковый корпус Эстонской ССР, 24 стрелковый корпус Латвийской ССР и 29 стрелковый корпус Литовской ССР — командующему войсками Прибалтийского военного округа.

7. В 22, 24, 29 стрелковых корпусах сохранить существующую форму одежды, предложив снять погоны и ввести знаки различия начальствующего состава Красной Армии.

8. В течение двух месяцев после преобразования корпусов в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 января 1939 года о порядке принятия военной присяги всему личному составу указанных корпусов принять военную присягу.

<...>

10. Существующие военно-учебные заведения преобразовать в нормальные пехотные училища Красной Армии, в системе которых иметь по одному батальону для подготовки комсостава национальных частей»¹⁸⁹.

Военнослужащие Латвии, Литвы и Эстонии, мягко говоря, без энтузиазма восприняли включение в состав РККА, де-факто означавшее ликвидацию национальных армий — последнего оплота государственной самоидентификации. Весьма показательным в этом отношении письмо уполномоченного ВКП(б) и СНК по Литовской ССР Н. Позднякова главе наркомата иностранных дел В. Молотову от 27 октября 1940 г.:

«Сов. секретно

Председателю Совнаркома ССР

Товарищу Молотову В. М.

25 октября с.г. в течение нескольких часов на Бюро ЦК КП(б) Литвы обсуждалось положение в литовском корпусе. Присутствовали руководящие работники корпуса, Совета 11 армии и Совета Прибалтийского ОВО.

В результате обсуждения мы пришли к выводу, что политическое состояние корпуса продолжает оставаться неблагополучным, т. к. политические настроения его бойцов продолжают в основном оставаться независимыми от нашего руководства, самостийными. Главнейшие причины тому три. Первая — корпус засорен ущемленным элементом (задетым отрезкой земли и проведенной национализацией). Вторая — созданный в корпусе политический аппарат из кадровых советских политработников еще не нашел каналов влияния на состав бойцов и что этому сильно мешает отсутствие у него контактирующей прослойки из литовцев (просто не могут сговориться). Третья — в корпусе не проведено классовое расслоение, т. е. враждебный элемент еще не вышиблен из седла, который противосоветскую работу ведет путем

сплачивания бойцов на национальной почве (против русификации).

В связи с этим Бюро ЦК намерено просить ЦК ВКП(б) разрешить удалить из корпуса ущемленных. Это тем более необходимо, если учесть, что в связи с предстоящей национализацией домов, кинотеатров, гостиниц к пр., а также с предполагающимся усилением обложения кулака и городского частника, прослойка ущемленных будет увеличиваться.

Одновременно с этим решено в спешном порядке укомплектовать за счет литовцев институт заместителей политруков. Придется это делать частью за счет гражданских кадров и частью за счет приема активистов-бойцов в партию и комсомол. ...Мы указали руководителям корпуса на необходимость иначе построить воспитательную работу среди бойцов. Дело в том, что они мало используют (так в тексте. — Ю. К.) местный материал. Например, они не заостряют вопроса о том, в чью пользу и в ущерб кому произведена отрезка земли, национализация промышленных и торговых предприятий и т. д. Вместо того, чтобы переключить работу на прямой классовый язык и, тем самым, разоблачить суть националистической тактики врага, политработники корпуса до сих пор главным образом занимались беседами и докладами на такие отвлеченные пока для бойцов корпуса темы, как, например, отличие Красной армии от буржуазных армий. Правда, политруку, не знающему литовского языка, трудно овладеть местным материалом. Это мы учитываем. Но вместе с тем это еще раз указывает на всю актуальность вопроса о помощниках политруков из литовцев.

Особый вопрос о приведении бойцов литовского корпуса к красноармейской присяге. После известного отпора (выделено мной. — Ю. К.) командование РККА решило отложить приведение к присяге до 23 февраля 1941 г.

Я лично не уверен в том, что в феврале мы не будем иметь эксцессов. Дело в том, что в литовском крестьянстве католическая религия засела довольно крепко. Раньше литовские солдаты присягали богу, а теперь им предлагают присягу без упоминания о боге. Для бывшего литовского солдата это звучит непривычно и неприемлемо. К тому же мы воздерживаемся пока от антирелигиозной работы. Следовательно, к февралю месяцу литовские бойцы еще не будут в этом отношении перевоспитаны. <...> На настроениях и поведении офицер-

ства не останавливаюсь, т. к. они ясны и без специальных пояснений. Нужно лишь отметить, что оно ведет себя исключительно лояльно (что и подозрительно), и что несмотря на это оно не может быть не причастным к враждебной агитации в корпусе. Но с поличным еще никто не пойман»¹⁹⁰.

Ситуация в Латвии и Эстонии практически не отличалась от литовской. Перлюстрированные письма также ложились на стол «ответственным товарищам». Выдержки из такой корреспонденции красноречивы: «Нам советские политруки говорят, чтобы мы дали присягу советской Конституции. Мы против присяги. Нас демобилизуют или нас вышлют туда, где растет перец, но это не важно. Что будет — пусть будет, но присягу принимать не будем и большевиками быть не хотим»... «Мы еще не потеряли надежду, ожидаем, когда зацветет солнце и возродится Литва. Сначала Советы говорили, что будет свобода, но мы почувствовали на себе, что получается наоборот, хотя нам продолжают пускать туман в глаза. Мы знаем, что нас ожидает, все равно мы не поддадимся. Нас не переделают: как были литовцами, так и останемся литовцами, мы не мальчишки. Нас агитируют, чтобы мы приняли присягу, но нам другой присяги не нужно. Мы знаем, что осенью придут другие друзья»¹⁹¹.

О происходящем в прибалтийских республиках с интересом следили в Берлине. О важности для Германии происходившего в Прибалтике свидетельствует, в частности, тот факт, что информацию по этому поводу отслеживал лично рейхсканцлер. Целесообразно процитировать большой фрагмент записи беседы В. Молотова с А. Гитлером 13 ноября 1940 г., поскольку он дает весьма подробное представление об отношении обеих стран к «балтийскому вопросу» и, что не менее важно, о совместных планах Третьего рейха и СССР на будущее.

«13 ноября 1940 г.

Сов. секретно

Особая папка

Молотов говорит, что он остановится на тех же вопросах, которые затронул рейхсканцлер. Можно считать, что соглашение прошлого года касалось определенного этапа, а именно вопроса о Польше и границ Советского Союза с Германией. Соглашения и секретный протокол говорили об общей советско-германской границе на Балтийском море,

т. е. о прибалтийских государствах, Финляндии, Румынии и Польше. Замечания рейхсканцлера о необходимости корректив, по мнению т. Молотова, правильны. Он считает, что первый этап — вопрос о Польше — закончился осенью прошлого года. Сейчас он говорит с рейхсканцлером уже после завершения не только первого, но и второго этапа, который закончился поражением Франции... Если говорить в данный момент об итогах советско-германских соглашений, то надо сказать, что Германия, **не без воздействия пакта с СССР, сумела так быстро и со славой для своего оружия выполнить свои операции в Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Франции** (выделено мной. — Ю. К.). Что касается литовского вопроса, то СССР не настаивал на пересмотре соглашения от августа 1939 г. в том направлении, чтобы Литва перешла из сферы интересов Германии в сферу интересов СССР, а восточ[ная] часть Польши — к Германии. Если бы Германия возражала против этого, СССР не настаивал бы на своей поправке. Что касается известного «кусочка» Литвы, то СССР, к сожалению, не имеет ответа германского правительства по этому вопросу, но это вопрос мелкий... Гитлер заявляет: для решения вопросов на будущее Советский Союз должен понять, что Германия находится в борьбе не на жизнь, а на смерть, которую она успешно закончит. Но Германия нуждается в определенных хозяйственных и военных предпосылках. Эти предпосылки Германия должна себе при всех условиях обеспечить, и это Советский Союз должен понять, так же, как он, Гитлер, должен был учесть и учел некоторые требования СССР. Эти предпосылки не противоречат соглашениям между СССР и Германией... Балтийское море, по мнению Гитлера, не должно стать театром военных действий. Германия признает, что Финляндия является областью русских интересов.

Из расширенной совместной работы с Германией Советский Союз может получить совсем другие, гораздо большие выгоды, чем если сейчас, во время войны, будут внесены незначительные коррективы, которые не принесут особой пользы Советскому Союзу. Он, Гитлер, видит другие районы, в которых Советский Союз может иметь успех и которые лежат вне районов европейской войны, где Россия может иметь большие результаты, как Германия их имела в Европе.

«Я считаю, — говорит Гитлер, — что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем если мы будем стоять друг против друга грудью и будем бороться друг против друга».

Молотов говорит, что он согласен с выводами рейхсканцлера. **Руководители советского государства, и прежде всего И. В. Сталин, считают, что можно и целесообразно, при определенных условиях, договориться, чтобы идти по пути дальнейшего положительного развития советско-германских отношений, по пути участия в некоторых совместных акциях** (выделено мной. — Ю. К.).

Можно считать бесспорным, что при хороших отношениях между Германией и Советским Союзом Балтийское море не превратится в театр военных действий и там никто не сможет играть никакой роли.

Гитлер сожалеет, что ему до сих пор не удалось встретиться с такой огромной исторической личностью, как Сталин, тем более, что **он думает, что, может быть, и он сам попадет в историю** (выделено мной. — Ю. К.). Он полагает, что Сталин едва ли покинет Москву для приезда в Германию, ему же, Гитлеру, во время войны уехать никак невозможно. Молотов присоединяется к словам Гитлера о желательности такой встречи и выражает надежду, что такая встреча состоится»¹⁹².

* * *

В конце 1940 г. новая власть в Прибалтике оказалась на пороге политического и экономического кризиса. Недовольство во всех слоях населения росло. С ним начали бороться хорошо опробованным в сталинском СССР методом — репрессиями. «Враждебный элемент» следовало не только приструнить, его следовало удалить, в идеале — ликвидировать. В докладной записке НКГБ Литовской ССР от 12 мая 1941 г. говорилось: «... За последние месяцы в республике значительно растет активная враждебная деятельность. Этому способствует непосредственная близость границы и подрывная деятельность германских разведывательных органов...»

В силу этого считали бы необходимым приступить к аресту и принудительному выселению из Литовской ССР наиболее активных категорий лиц:

— Государственный буржуазный аппарат: чиновники государственной безопасности и криминальной полиции; команд-

ный состав полиции; административный персонал тюрем; работники судов и прокуратуры, проявившие себя в борьбе с революционным движением: офицеры 2-го Отдела Генштаба Литовской армии; видные государственные чиновники; уездные начальники и коменданты.

— Контрреволюционные партии: троцкисты; активные эсеры; активные меньшевики; провокаторы охраны (по данным литовской охраны, по этим категориям числится 963 человека).

— Литовская националистическая контрреволюция (считаем необходимым подвергнуть аресту только руководящий состав наиболее реакционных фашиствующих партий и организаций): таутининков; яунои-лиетува (молодые таутининки); вольдемаристы (фашистская организация германской ориентации — всех); руководящий состав «Шаулю Саюнга» (от командиров взводов и выше) (по статистическим данным, бывшей литовской буржуазной прессы руководящего состава насчитывается более 10 тысяч человек).

— Фабриканты и купцы Литвы: фабриканты, годовой доход коих свыше 150 тыс. лит; крупные домовладельцы, недвижимость коих оценивалась более 200 тыс. лит; купцы, годовой оборот коих свыше 150 тыс. лит; банкиры, акционеры, биржевики. По данным б[ывшего] Министерства финансов Литвы (по таким категориям числится 1094 человека).

— Русские белоэмигрантские формирования: Российский фашистский союз; Российский общевоинский союз; младороссы; все офицеры белых армий, контрразведок и карательных органов (по учетам литовской охраны по этим категориям числится 387 человек).

— Лица, подозрительные по шпионажу: уголовный и бандитский элемент — более 1 тысячи человек; проститутки и притоносодержатели — более 500 человек»¹⁹³.

Сценарий для Латвии и Эстонии был похожим. О качестве «расследований», проводимых перед арестом и высылкой, как и о доходившей до курьезов «компетентности» организаторов и исполнителей репрессий, говорят сохранившиеся документы республиканских органов госбезопасности. Вот лишь один из них:

«Постановление о выселении

Я, замнач IV от. НКГБ Лит. ССР Блохас, рассмотрев поступившие материалы в отношении семьи бывшего члена

главного мирового комитета еврейской к. р. фашистской партии сионистов-ревизионистов Димантас Езекелис, арестованного органами НКГБ Литовской ССР, состоящей из 4 человек, нашел:

Димантас Езекелис 1909 г. р. арестован как бывший крупный руководитель еврейской к. р. фашистской партии сионистов-ревизионистов... что его семья является социально опасной.

Полагал бы семью арестованного Езекелис как социально опасную выселить за пределы Литовской ССР»¹⁹⁴.

Не удивительно, что органы госбезопасности фиксировали рост социальной напряженности и активного недовольства. «Классовый враг в последнее время, видя, что ничего серьезного против него не делается, начал вредительскую работу почти открыто. Классово враждебный элемент очень напряжен в связи с депортацией»¹⁹⁵. Надо было спешить: «полумерами» не обойтись. К середине мая 1941 г. в Москве было принято решение о массовой «зачистке» прибалтийской территории. По сути, принятое 16 мая Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента» было написано постфактум, когда работа по массовому аресту и переселению уже шла в трех балтийских республиках полным ходом. Этот документ попросту упорядочивал карательные процессы и выводил их на общегосударственный уровень. Документы свидетельствуют, что эти акции затронули граждан прибалтийских республик самых разных национальностей и не были репрессиями по национальному признаку (например, в Латвии пропорционально больше всего пострадали евреи — 11% репрессированных из 5% населения республики, в Литве евреи и поляки — соответственно 12,5% из 9,6 % и 11,4% из 10,3% населения республики)¹⁹⁶, то есть не являлись актом геноцида по отношению к титульным народам: сталинский террор был интернационален.

«16 мая 1941 г.

При этом направляю копию проекта Постановления ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР о мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента.

Проект Постановления согласован с секретарем ЦК КП(б) Литвы т. Снечкусом и представлен т. Сталину за подписью т. Берии и моей.

Народный комиссар государственной безопасности СССР Меркулов.

**Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР
«О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской
и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного
и социально опасного элемента»**

В связи с наличием в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР значительного количества бывших членов различных контрреволюционных националистических партий, бывших полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии и других лиц, ведущих подрывную антисоветскую работу и используемых иностранными разведками в шпионских целях, ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:

1. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать с конфискацией имущества и направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет и после отбытия наказания в лагерях сослать на поселение в отдаленные местности Советского Союза сроком на 20 лет следующие категории лиц:

а) активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических белогвардейских организаций;

б) бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков, на которых имеются компрометирующие их материалы;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии;

г) бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы;

д) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью.

2. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать и направить в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества следующие категории лиц:

а) членов семей указанных в п. 1 («а», «б», «в», «г») категорий лиц, совместно с ними проживавших или находившихся на их иждивении к моменту ареста;

б) членов семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение и скрываются от органов власти;

в) членов семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к ВМН;

г) лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию в Германию и отказавшихся выехать, в отношении которых имеются материалы об их антисоветской деятельности и подозрительных связях с иноразведками.

<...>

4. Рассмотрение дел на лиц, арестованных и ссылаемых согласно настоящему постановлению, возложить на Особое совещание при НКВД СССР.

5. Обязать НКГБ и НКВД СССР разработать специальную инструкцию о порядке проведения арестов и ссылки указанных в настоящем Постановлении лиц, в которой предусмотреть:

а) организацию специального лагеря, куда будут немедленно после ареста направляться из Литвы, Латвии и Эстонии указанные в п. 1 настоящего Постановления лица;

б) оформление решений особого совещания проводить после сосредоточения арестованных в указанном выше лагере;

в) лиц, указанных в п. 2 настоящего Постановления, после ареста немедленно направлять к месту поселения с последующим оформлением на Особом совещании при НКВД СССР;

г) местами поселения определить Омскую и Новосибирскую области, Красноярский край, Актюбинскую, Павлодарскую, Северо-Казахстанскую и Кустанайскую области Казахской ССР.

<...>

а) командировать в Литву, Латвию и Эстонию наркома государственной безопасности СССР т. Меркулова, заместителя наркома государственной безопасности СССР т. Серова и заместителя наркома внутренних дел СССР т. Абакумова;

б) командировать для использования при проведении операций и следствия 208 курсантов Высшей школы НКГБ СССР, литовцев, латвийцев и эстонцев по национальности;

в) временно, на период подготовки и проведения операции, установить на границе Литвы с Белоруссией заградительную зону, выделив для этого до 400 пограничников.

9. Операцию по арестам и высылке в Литве, Латвии и Эстонии закончить в трехдневный срок»¹⁹⁷.

Повергшая в шок жителей Литвы, Латвии и Эстонии «операция», окончательно определившая их отношение к советскому режиму, была закончена уже к середине июня.

**Докладная записка наркома государственной безопасности СССР В. Меркулова
И. Сталину, В. Молотову, Л. Берия об итогах операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР**

«17 июня 1941 г.

Сов. секретно

ЦК ВКП(б) — т. Сталину

СН СССР — т. Молотову

НКВД СССР — т. Берии

Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

I. По Литве: <...> всего репрессировано — 15 851 чел.

По Латвии: <...> всего репрессировано — 15 171 чел.

По Эстонии: <...> всего репрессировано — 9156 чел.

II. Всего по трем республикам: арестовано — 14 467 чел.; выселено — (25 711) чел.; всего репрессировано — 40 178 чел.

Народный комиссар государственной безопасности СССР Меркулов»¹⁹⁸.

Жестокая и масштабная репрессивная акция, завершившаяся за пять дней до начала Великой Отечественной войны, окончательно определила отношение жителей Прибалтики к советской власти сталинского образца.

---

¹ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945): сборник документов / сост. В. К. Былинин, М. Ю. Крысин, Г. Э. Кучков, В. П. Ямпольский. — М.: Объединенная редакция МВД России: Ассоциация «Военная книга»: «Кучково поле», 2009. — С. 433.

- ² Там же. С. 15.
- ³ Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. — М.: Вече, 2004. — С. 30.
- ⁴ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 20.
- ⁵ Там же.
- ⁶ История Эстонской ССР: с древнейших времен до наших дней / под ред. Г. И. Наана. — Таллин: Эстонское государственное издательство, 1952. — С. 408—409.
- ⁷ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 21.
- ⁸ Pajur A. Die «Legitimierung» der Diktatur des Präsidenten Päts und die öffentliche Meinung in Estland // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel-und Südosteuropa. 1919—1944. — Paderborn, München, Wien, Zürich, 2001. — S. 180—181.
- ⁹ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940—1953. — М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина. — 2008. — С. 34.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Pajur A. Op. cit. S. 192.
- ¹² Ibid. S. 206.
- ¹³ Ibid. S. 207.
- ¹⁴ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 16.
- ¹⁵ Майданов А. Г. Рассудит Клио // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 5. — С. 32.
- ¹⁶ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁷ Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel-und Südosteuropa. 1919—1944. — Paderborn, München, Wien, Zürich, 2001. — S. 11.
- ¹⁸ История Латвии: XX век / сост. Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. — Рига: Jumava, 2005. — С. 190.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 40—41.
- ²¹ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel-und Südosteuropa. 1919—1944. — Paderborn, München, Wien, Zürich, 2001. — S. 134.
- ²² История Латвии: XX век. С. 172.
- ²³ Pajur A. Op. cit. S. 210.
- ²⁴ Lopata R. Op. cit. S. 137.
- ²⁵ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 33.
- ²⁶ Там же. С. 31.
- ²⁷ Oberländer E. Op. cit. S. 17.
- ²⁸ Ильмярв М. Балтийские страны в 1939—1940 гг.: замыслы и возможности // Международный кризис 1939—1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции (Москва, 3—4 февраля 2005 г.) / Инст-т всеобщей истории РАН, Ун-т Латвии, Инст-т современной истории (Мюнхен), Моск. отд. Фонда им. Конрада Аденауэра. — М.: Права человека, 2006. — С. 283.
- ²⁹ Там же. С. 282—283.
- ³⁰ См.: Международная жизнь. — 1989. — № 9.
- ³¹ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. — август 1940 г. / МИД СССР; редкол. В. Г. Комплектов, В. А. Александров, Б. Н. Белоунов [и др.]. — М.: Международные отношения, 1990. — С. 27.
- ³² Там же. С. 31.
- ³³ Там же. С. 39.
- ³⁴ Там же. С. 21.

- ³⁵ Там же. С. 23.
- ³⁶ Там же. С. 37—38.
- ³⁷ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 50.
- ³⁸ Полпреды сообщают... С. 47.
- ³⁹ Там же. С. 37.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941: документы, факты, суждения. — М.: Вече, 2000. — С. 179.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Воробьев В. Таллинская загадка субмарины «Оржел». // Морская газета. — 2006 — 19 сентября. — URL: <http://gazetam.ru/19-sentyabrya/tallinskaya-zagadka-submariny-orzhel.htm> (дата обращения: 20.08.2011)
- ⁴⁴ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 180.
- ⁴⁵ Донгаров А. Г., Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939—август 1940) // Вопросы истории. — 1991. — № 1. — С. 34—35.
- ⁴⁶ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 182.
- ⁴⁷ Международная жизнь. — 1991. — № 7. — С. 129—131.
- ⁴⁸ Лебедева Н. С. Германия и присоединение Литвы к СССР // Международный кризис 1939—1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции (Москва, 3—4 февраля 2005 г.) / Инст-т всеобщей истории РАН, Ун-т Латвии, Инст-т современной истории (Мюнхен), Моск. отд. Фонда им. Конрада Аде-науэра — М.: Права человека, 2006. — С. 249.
- ⁴⁹ Международная жизнь. — 1991. — № 7. — С. 135.
- ⁵⁰ Документы внешней политики. 1939. Т. XXII: в 2 кн. / МИД РФ. — М.: Международные отношения, 1992. — Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1939 г.) — С. 611—612.
- ⁵¹ Лебедева Н. С. Указ. соч. С. 250.
- ⁵² Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 135—136.
- ⁵³ Там же. С. 617.
- ⁵⁴ Лебедева Н. С. Указ. соч.
- ⁵⁵ См.: Известия. — 1939. — 29 сентября.
- ⁵⁶ Полпреды сообщают... С. 63.
- ⁵⁷ Там же. С. 75.
- ⁵⁸ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Полпреды сообщают... С. 77.
- ⁶¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 54—55.
- ⁶² Полпреды сообщают... С. 78.
- ⁶³ Там же. С. 80—81.
- ⁶⁴ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 184.
- ⁶⁵ Полпреды сообщают... С. 86.
- ⁶⁶ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 57.
- ⁶⁷ СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов: в 2 т. / Инст-т истории Литвы, Инст-т всеобщей истории РАН; сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н.С. Лебедева; редкол. А. Каспаравичюс [и др.]. — Vilnius: LII leidykla, 2006. — Т.1. — С. 184.
- ⁶⁸ Конфиденциальная памятная записка чрезвычайного и полномочного посла Литвы в СССР Л. Наткявичюса от 04.10.1939 г. в МИД Литвы о первом и втором раунде литовско-советских переговоров в Кремле // Lietuvos okupacija ir aneksija 1939—1940. Dokumentu rinkinys. — Vilnius, 1993. — P. 73—74
- ⁶⁹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов. Т. 1. С. 245—246.

⁷⁰ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 57.

⁷¹ Там же.

⁷² Каспаравичюс А. Дипломатическая реакция Литвы на пакт Риббентропа — Молотова // *Международный кризис 1939—1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции (Москва, 3—4 февраля 2005 г.) / Инст-т всеобщей истории РАН, Ун-т Латвии, Инст-т современной истории (Мюнхен), Моск. отд. Фонда им. Конрада Аденауэра — М.: Права человека, 2006. — С. 98—99.*

⁷³ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). — София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1997. — С. 185.

⁷⁴ Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>

⁷⁵ Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М.: Воениздат, 1990. — С. 164—168.

⁷⁶ Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>

⁷⁷ Венков Н. Н. «Допустить размещение войск...». О вводе частей Красной Армии на территории Литвы, Латвии, Эстонии в 1939—1940 гг. // *Военно-исторический журнал*. — 1990. — № 4. — С. 31—32.

⁷⁸ Полпреды сообщают... С. 123.

⁷⁹ Там же. С. 124.

⁸⁰ Там же. С. 140.

⁸¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 63.

⁸² *Военно-исторический журнал*. — 1988. — № 12. — С. 12—13.

⁸³ Письмо Н. Позднякова В. Молотову от 20.12.1939 г. // *Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 012. (Секретариат Деканозова). Оп. 2. П. 21. Д. 215. Л. 4.*

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Полпреды сообщают... С. 189.

⁸⁶ Там же. С. 144.

⁸⁷ См.: *Известия*. — 1939. — 1 ноября.

⁸⁸ Письмо Н. Позднякова В. Молотову от 20.12.1939 г. // *АВП РФ. Ф. 012. (Секретариат Деканозова). Оп. 2. П. 21. Д. 215. Л. 4.*

⁸⁹ *Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ) Ф-Р-961. Оп. 1. Д. 376. Л. 47—58.*

⁹⁰ Полпреды сообщают... С. 350.

⁹¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 64.

⁹² Отчет о настроениях после выборов от 14.04.1941 г. // *Eesti Riigisarihiivi Filiaal (далее — ERAF). F. 1. N. 1. T. 54. L. 27.*

⁹³ ERAF. F. 1. N. 1. T. 53. L. 10—12.

⁹⁴ Записка об организации базы РККФ на Сааремаа // ERAF. F. 1. N. 1. T. 53. L. 1.

⁹⁵ Докладная записка командира БВМБ КБФ К. I ранга Кучерова Военному совету Балтфлота // РГА ВМФ. Ф-Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 12.

⁹⁶ РГА ВМФ. Ф-Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 39—40.

⁹⁷ Полпреды сообщают... С. 292.

⁹⁸ Там же. С. 297.

⁹⁹ Докладная записка коменданта БО БВМБ КБФ комбрига Кабанова и военкома БО БВМБ КБФ бриг. комиссара Дорофеева командиру БВМБ КБФ К. I ранга Кучерову // РГА ВМФ. Ф-Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 38.

¹⁰⁰ Доклад командира порта КБФ полковника С. Баранова // РГА ВМФ. Ф-Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 23.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² См.: РГА ВМФ. Ф-Р-1887. Оп. 4. Д. 3.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ См.: Капитанец И.М. Война на море: 1939—1945: военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. — М.: Вече, 2005. — С. 106. — (Военные тайны XX века); Петров П.В. Расширение системы базирования и береговой обороны КБФ в Прибалтике весной 1940 — весной 1941 годов // Цитадель. — № 18. — «Остров», 2011. — С. 128—152.

¹⁰⁵ Письмо Н. Позднякова В. Молотову от 20.12.1939 г. // АВП РФ. Ф. 012. (Секретариат Деканозова). Оп. 2. П. 21. Д. 215. Л. 4.

¹⁰⁶ Ильмяярв М. СССР и проблема создания Балтийской Антанты // Россия и Балтия. Вып. 1. Народы и страны. Вторая половина XIX — 30-е гг. XX в. — М.: Инст-т всеобщей истории РАН, 2000. — С. 130—156.

¹⁰⁷ 1941 год: документы: в 2 кн. Кн.1. / сост. Л.Е. Решин, Л.А. Безыменский, В.К. Виноградов [и др.]; под ред. В.П. Наумова. — М.: Международный фонд «Демократия», 1998. — С. 30. — («Россия. XX век. Документы»).

¹⁰⁸ Полпреды сообщают... .. С. 267—268.

¹⁰⁹ См.: Донгаров А. Г., Пескова Г.Н. Указ. соч. С. 33—39; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. — М.: Высшая школа, 1992. — С. 209—214.

¹¹⁰ История СССР. — 1990. — № 4. — С. 50—51; Сиполс В. Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939—1941. — М., 1997. — С. 235—239; Война и политика 1939—1941 / ред. Н. И. Егорова. — М.: Наука, 2000. — С. 202.

¹¹¹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://millitera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>

¹¹² Медведев Р. А. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. — 1989. — № 4. — С. 152—154; Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://millitera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>

¹¹³ Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://millitera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Полпреды сообщают... .. С. 337—338.

¹¹⁶ Там же. С. 340—341.

¹¹⁷ Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://millitera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>

¹¹⁸ Полпреды сообщают... .. С. 339.

¹¹⁹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 199.

¹²⁰ Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: документы / отв. сост. Н.С. Лебедева. — М.: Весь Мир, 2001. — С. 31—32.

¹²¹ Лебедева Н. С. Указ. соч. С. 255.

¹²² Еременко А. И. Год 1940-й: Каунас встретил цветами // Военно-исторический журнал. — 1994. — № 3. — С. 39—40.

¹²³ Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://millitera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ См.: Известия. — 1940. — 16 июня.

¹²⁶ Полпреды сообщают... .. С. 374.

¹²⁷ Там же. С. 372—373.

¹²⁸ История Литовской ССР: с древнейших времен и до наших дней / Инст-т истории АН Литовской ССР. — Вильнюс: Мокслас, 1978. — С. 403—404.

¹²⁹ Прибалтика вступает в Союз: документы об отношениях СССР со странами Прибалтики в 1939—1940 годах // Международная жизнь. — 1990. — № 3. — С. 126—127, 131.

¹³⁰ Там же. С. 128—130.

- ¹³¹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>
- ¹³² См.: Правда. — 1940. — 16 июня.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 84.
- ¹³⁵ Прием германского посла Шуленбурга 17.06.1940 г. // АВП РФ. Ф. 06 (Секретариат Молотова). Оп. 2. П. 14. Д. 155. Т. 1. Л. 206.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ АВП РФ. Ф. 06 (Секретариат Молотова). Оп. 2. П. 15. Д. 156. Т. 1. Л. 22.
- ¹³⁸ Прозектор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. — М.: Наука, 1989. — С. 85.
- ¹³⁹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. — URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/05.html>
- ¹⁴⁰ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 80.
- ¹⁴¹ 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. — Таллинн: Опион, 1989. — С. 116.
- ¹⁴² Там же. С. 117.
- ¹⁴³ Полпреды сообщают... ... С. 419.
- ¹⁴⁴ Информация из Эстонии в НКВД от 04.07.1940 г. // Служба внешней разведки Российской Федерации. — URL: <http://svr.gov.ru/material/prib07.htm#28> (дата обращения: 20.08.2011).
- ¹⁴⁵ Информация из Эстонии в НКВД от 05.07.1940 г. // Служба внешней разведки Российской Федерации. — URL: <http://svr.gov.ru/material/prib07.htm#29> (дата обращения: 20.08.2011).
- ¹⁴⁶ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 85—86.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 85.
- ¹⁴⁸ СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов. Т.1. С. 665.
- ¹⁵⁰ Правда. — 1940. — 7 июля.
- ¹⁵¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 90—91.
- ¹⁵² Meissner B. Die Baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954—1994. — Hamburg, 1995. — S. 63—87.
- ¹⁵³ 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. — Таллинн: Опион, 1989. — С. 140.
- ¹⁵⁴ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 86—87.
- ¹⁵⁵ Оперативная сводка НКВД СССР. Информация из Эстонии на 07.07.1940 г. // Служба внешней разведки Российской Федерации. — URL: <http://svr.gov.ru/material/prib07.htm#33> (дата обращения: 20.08.2011).
- ¹⁵⁶ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Полпреды сообщают... ... С. 473.
- ¹⁵⁸ См.: Правда. — 1940. — 19 июля.
- ¹⁶⁰ Там же. 20 июля.
- ¹⁶¹ Каспяравичус А. Литовцы и Красная армия в 1944—1945 гг. Мобилизация и участие в войне // Вторая мировая война и страны Балтии. 1939—1945/ Материалы международной научной конференции. Рига, 2008. — С. 83.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 93.
- ¹⁶⁴ См.: Известия. — 1940. — 2 августа.
- ¹⁶⁵ Полпреды сообщают... ... С. 502.
- ¹⁶⁶ См.: Правда. — 1940. — 08 сентября.
- ¹⁶⁷ На чаше весов: Эстония и Советский Союз, 1940 год и его последствия / сост. и ред.: П. Варес, О. Журьяри. — Таллинн: Евроуниверситет, 1999. — С. 232—234.

- ¹⁶⁸ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 106.
- ¹⁶⁹ Семиряга М. И. Указ. соч. С. 239.
- ¹⁷⁰ Отчет Тартуского горкома КПЭ в ЦК КПЭ // ERAF. F. 1. N. 1. T. 55. L. 7—8.
- ¹⁷¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 114—115.
- ¹⁷² Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt— zur Kommandowirtschaft. — Hamburg, 2006. — S. 238.
- ¹⁷³ Отчеты Нарвского горкома КПЭ ВЦК ЦК КПЭ от 08.10.1940 г. // ERAF. F. 1. N. 1. T. 49. L. 2, 13.
- ¹⁷⁴ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁷⁵ Из дневника В. М. Молотова // АВП РФ. Ф. 06. (Секретариат Молотова). Оп. 2. П. 15. Д. 156. Л. 31.
- ¹⁷⁶ Сообщение германского посла Шуленбурга от 17.07.1940 г. // АВП РФ. Ф. 06. (Секретариат Молотова). Оп. 2. П. 15. Д. 156. Л. 26—28.
- ¹⁷⁷ Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII: в 2 кн. / МИД РФ. — М.: Международные отношения, 1998. — Кн. 2. (2 марта 1941 — 22 июня 1941). — С. 303—306.
- ¹⁷⁸ Отчет Нарвского горкома КПЭ ВЦК ЦК КПЭ от 08.10.1940 г. // ERAF. F. 1. N. 1. T. 49. L. 1.
- ¹⁷⁹ Доклад в ЦК КП(б)Э «О настроениях крестьян Принаровских областей» от 19.10.1940 г. // ERAF. F. 1. N. 1. T. 49. L. 5.
- ¹⁸⁰ Донесение в департамент госбезопасности о сброске скота // Lietuvos Ypatingas Archyvas (далее LYA). f. k-1. ap. 62. b. 13. l. 96.
- ¹⁸¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 117.
- ¹⁸² Записка Таллинского горкома КП о ситуации на предприятиях от 24.12.1940 г. // ERAF. F. 1. N. 1. T. 54. L. 6—8.
- ¹⁸³ Агентурное донесение от 09.05.41. // LYA. f. k-1. ap. 62. b. 24. l. 17.
- ¹⁸⁴ Агентурное донесение от 05.05.41. // Ibid. l. 12.
- ¹⁸⁵ Отчет Нарвского горкома КПЭ ВЦК ЦК КПЭ от 13.10.1940 г. // ERAF. F. 1. N. 1. T. 49. L. 3.
- ¹⁸⁶ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁸⁷ LYA. f. k-1. ap. 63. b. 67. l. 16.
- ¹⁸⁸ См.: ERAF. F. 1. N. 1. T. 54. и LYA. f. k-1. ap. 63. b. 12.
- ¹⁸⁹ 1941 год: документы. Кн. 1. С. 131.
- ¹⁹⁰ Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII. — Кн. 2. — С. 59.
- ¹⁹¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁹² Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII. — Кн. 2. — С. 63—71.
- ¹⁹³ Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом. Документы о литовских событиях 40-х — 50-х гг. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 10. — С. 132—133.
- ¹⁹⁴ Постановление о выселении от 14.06.41. // LYA. f. k-1. ap. 63. b. 70. l. 3—3 ар.
- ¹⁹⁵ Сообщение о настроениях населения от 17.06.1941 г.] // ERAF. F. 1. N. 1. T. 53. L. 80.
- ¹⁹⁶ История Латвии: XX век. С. 245.; Каспяравичус А. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁹⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов: в 8 т. — М.: «Книга и бизнес», 1995. — Т. 1. Накануне. Кн. 2. (1 января — 21 июня 1941 г.). — С. 144—146.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 248; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. — М.: РОССПЭН, 2004. — Т. 1. Массовые репрессии в СССР. — С. 405.

Глава 2

Территория «Остланд»

2.1. «Новый порядок» — общие принципы

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война между гитлеровской Германией и Советским Союзом была воспринята большинством населения прибалтийских республик позитивно: здесь надеялись, что «борьба гигантов» даст шанс на восстановление независимости Литвы, Латвии и Эстонии, насильственно присоединенных к СССР в 1940 г. Во многом именно жестокая сталинская советизация сделала из жителей Прибалтики «пятую колонну», дезавуировав и до того отнюдь не бесспорные предположения о выгодности «переноса границы» на запад. (См. гл. 1.) Прибалтика, оставшись независимой (или хотя бы не испытав на себе тяжесть массовых репрессий при включении в состав СССР), могла бы сыграть роль буфера между агрессором и Советским Союзом. Жители Прибалтики в силу исторических обстоятельств воспринимали немцев как работников, теперь же многие из них готовы были содействовать вермахту, теснящему Красную Армию.

Между тем А. Гитлер и его единомышленники относились к народам Прибалтики с опасливым презрением. Им припомнили и массовую эффективную вооруженную поддержку большевиков в 1917 г. (олицетворением ее стали знаменитые латышские стрелки, подразделения которых практически в полном составе были зачислены в состав ВЧК и благодаря которым латыши занимали второе после русских место в центральном аппарате советской «чрезвычайки»)¹, и резкое неприятие немецкой оккупации 1918 г., когда по Брестскому миру

территории, принадлежавшие до Первой мировой войны России, отошли кайзеровской Германии. Эстонцы и латыши пытались сопротивляться попыткам немецких рыцарств Эстляндии, Лифляндии и Курляндии включить эти провинции в состав Германии на правах Герцогства Балтийского, как противодействовали они и возвращению земель остзейским немецким баронам (земля эта была отнята у них в 1919 г.).

23 мая 1939 г., на собрании в рейхсканцелярии Гитлер однозначно заявил: «Для нас речь идет о расширении жизненного пространства и обеспечении снабжения, а также о решении балтийской проблемы. Население негерманских областей... должно использоваться как рабочая сила»². В меморандуме от 2 апреля 1941 г. «уполномоченного по централизованному решению проблем восточно-европейского пространства», каковым до назначения на пост руководителя «восточного министерства» являлся ближайший сподвижник Гитлера, прибалтийский немец А. Розенберг, были сформулированы главные направления деятельности немецких оккупационных властей для каждого из 7 запланированных новых территориальных образований. В отношении Эстонии, Латвии и Литвы в этом документе говорилось: «Следует решить вопрос о том, не возложить ли на эти области особую задачу как на будущую территорию немецкого населения, призванную ассимилировать наиболее подходящие в расовом отношении местные элементы. Если такая цель будет поставлена, то к этим областям потребуется совершенно особое отношение в рамках общей задачи. Необходимо будет обеспечить отток значительных слоев интеллигенции, особенно латышской, в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян. Можно было бы, вероятно, использовать для этой цели большой контингент колонистов из числа немцев Поволжья, отсеяв предварительно нежелательные элементы. Но не исключено переселение в эти районы также датчан, норвежцев, голландцев, а после победоносного окончания войны и англичан, чтобы через одно или два поколения присоединить этот край, уже полностью онемеченный, к коренным землям Германии. В этом случае, видимо, нельзя было бы обойтись и без перемещения значительных по численности неполноценных групп населения Литвы за пределы Прибалтики».

Еще 25 мая 1940 г. Гиммлер подготовил для фюрера специальную записку об обращении с местным населением предполагаемых к захвату восточных территорий. В ней, среди прочего, говорилось: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, то мы не намерены стремиться к их сплочению и численному росту, а тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры». Монолитный народ способен оказывать сопротивление оккупантам и претендовать на независимость, чего нацисты потерпеть не могли. Потому установка Гиммлера реализовывалась после оккупации Прибалтики, как свидетельствуют документы, путем «дробления» населения на этнические группы, искусственного разжигания национальной розни или усиления «тлеющих» противоречий, как в случае, например, с поляками и литовцами в Литве, белорусами и латышами в Латвии т. д.³ Для немеческого населения восточных территорий не должно было существовать высших школ, «вполне достаточно четырехклассной народной школы». Главное, чему должны учить там детей, — простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, а также знать божественную заповедь о том, чтобы «повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным». Те родители, продолжал Гиммлер в том же документе, которые хотят дать детям хорошее образование, должны ходатайствовать об этом перед высшими органами СС и полиции. Основная же масса населения восточных территорий, которая будет признана «расово неполноценной», должна, по замыслу Гиммлера, представлять собой руководимую арийцами рабочую силу и поставлять Германии рабочих для использования на черных работах (на прокладывании дорог, в каменоломнях, на стройках).

Изначально Гитлер планировал присоединить Прибалтику к рейху на правах рейхсгау — области рейха: «У нас нет интереса в сохранении балтийских государств...»⁴. Гитлер говорил: «На востоке следует препятствовать всякой организации крупного государственного управления, и наши комиссары должны будут лишь контролировать управление экономикой. Уже тем самым отрицается всякая другая форма организации покоренных народов... Целью восточной политики

в перспективе должно быть создание на восточном пространстве территории для расселения приблизительно ста миллионов представителей германской расы... Необходимо приложить все силы к тому, чтобы с железным упорством заселять Восток немцами миллион за миллионом... Не позднее чем через десять лет, я ожидаю рапорта по колонизации уже включенных к тому времени в состав Германии или оккупированных нашими войсками восточных областей по меньшей мере двадцатью миллионами немцев»⁵.

В период, непосредственно предшествовавший нападению на СССР, вопрос о будущей судьбе Прибалтики служил темой особенно интенсивной проработки в руководящих кругах нацистской партии, государства, вооруженных сил. Так, на совещании Розенберга с руководителем военной разведки и контрразведки «Абвер» адмиралом В. Канарисом 31 мая 1941 г., Розенберг просил Канариса оказать помощь в подборе руководящих кадров и управленческого персонала для будущих оккупационных администраций на территории СССР из числа агентов «Абвера». Канарис дал соответствующее обещание, заявив, что такие люди у него найдутся⁶.

25 июня 1941 г. был подписан, так сказать, общетеоретический меморандум известного в то время в Германии геополитика, историка и философа Ф. Хассельблата, который выступал как неофициальный советник германского МИДа, а затем, с 1941 г. стал советником «восточного министерства» и систематически привлекался к разработке долгосрочных планов политики нацистов. Высказывая свои детально разработанные предложения по расчленению территории СССР, Хассельблат уделял особое внимание Прибалтике. Он предлагал, в частности, строго различать население прибалтийских республик по расовым, этническим и культурным признакам и для каждой из групп проводить особую политику, онемечивая одних, используя в качестве подсобной силы других и выселяя с родных мест третьих, не пригодных для того, чтобы превратиться в немцев. Наиболее подходящими для онемечивания автор меморандума считал эстонцев, в гораздо меньшей степени — литовцев и латышей (позже, когда идеи блицкрига на территории СССР потерпели крах и нацистам понадобились новые рекруты на оккупированной территории, в отношении латышей и эстонцев были сделаны некоторые «ослабления» — их в 1943 г. объявили «германскими наро-

дами», дабы обосновать призыв в легионы, а в 1944 г. — когда крах рейха уже стал очевиден, их даже признали «родственными немцам», а к началу 1945 г., в последнем пароксизме мобилизации латышей и эстонцев, их и вовсе объявили «фольксдойче» — этническими немцами⁷. Хассельблат выступал за массовое заселение Прибалтики немцами из рейха, которые должны составить руководящую элиту «нового общества» на прибалтийских землях. Для того чтобы освободить для них место, он «настоятельно рекомендовал» переселить из Прибалтики, в первую очередь из Латвии, в глубинные районы России 400 тысяч коренных жителей. В дальнейшем эту переселенческую политику следовало продолжить.

Двадцатилетняя комплексная программа освоения, колонизации и германизации «восточного пространства», эксплуатации его природных и экономических ресурсов, порабощения, онемечивания и частичного истребления населяющих его народов начала разрабатываться по личному указанию Гитлера уже в самом начале войны против СССР и в своем первоначальном виде была утверждена 15 июля 1941 г. Главными авторами документа были рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, который был назначен имперским комиссаром по делам укрепления немецкой расы, а также подчиненные ему высокопоставленные руководители ряда управлений и служб СС и Главного управления имперской безопасности (РСХА). Задачи практического осуществления колонизаторской политики германского нацизма на захваченных территориях Польши, Чехословакии и особенно Советского Союза получили свое концентрированное выражение в так называемом генеральном плане «Ост» (созданном в нескольких вариантах и до 1944 г. подвергавшемся коррективам). В разработку этого плана активно включился также весь многочисленный аппарат сформированного на основании указа Гитлера от 17 июля 1941 г. «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий во главе с Розенбергом.

Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий должно было взять на себя внутреннее управление захваченных нацистами областей, а общее генеральное — комиссар по делам востока, подчинявшийся непосредственно фюреру. Имперские комиссариаты предпола-

галось создать по принципу провинциальных министерств рейха. Генеральные комиссариаты имели расширенные полномочия, соответствующие полномочиям глав самоуправлений в самой Германии, а областные комиссариаты планировалось построить по принципу ландратов — земельных советов. «Выкачать из подчиненных областей все, что необходимо для германского государства и его вооруженных сил. Выполняя эти указания, нам нечего было считаться с потребностями местного населения. Волей Адольфа Гитлера является превратить в будущем территорию восточных областей в составную часть Германии и заселить ее немцами. Мы должны были руководиться этими указаниями и постепенно их осуществлять»⁸ — таковы были задачи генеральных и областных комиссариатов.

Оккупированная территория Прибалтики управлялась немецкой военной администрацией до 28 июля 1941 г. При этом военные руководствовались распоряжением Верховного главнокомандующего сухопутных сил Германии генерал-фельдмаршала Г. фон Браухича от 3 апреля 1941 г. о военном управлении занятых восточных территорий⁹. Затем была организована немецкая гражданская администрация, в подчинении у которой была и полиция. Оккупированная территория делилась на две зоны со строго определенными границами между ними. В первую входила полоса от линии фронта до тыловых границ групп армий. Во вторую — собственно тыл оккупированной советской территории. Во главе военной администрации стоял генерал-квартирмейстер верховного командования сухопутной армии. Вся остальная занятая вермахтом зона находилась под властью гражданского управления Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий, фактическая власть на местах находилась в руках рейхскомиссаров. Для управления подведомственной территорией Розенберг уже 14 июля 1941 г. издал временные положения для гражданского управления. Литва, Латвия, Эстония, северные области Белоруссии (Барановичская область, западные и северо-западные районы Минской области, северные районы Пинской области и часть районов Вилейской, Брестской и Полесской областей) были объединены в одно административно-территориальное образование — «Остланд». Управление всем гражданским населением этой территории было передано рейхскомиссару,

чья штаб-квартира располагалась сначала в Каунасе, а затем в Риге. В министерстве Розенберга был создан отдел, который ведал делами немецкой администрации в Прибалтике, руководил им П. Клейст. Пост главы рейхскомиссариата «Остланд» занял Х. Лозе, в 1944 г. короткое время эту должность занимал Э. Кох¹⁰.

Уже 21 июля 1941 г. А. Розенберг, рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий, направил рейхскомиссару Остланда Х. Лозе инструкцию, касающуюся претворения в жизнь планов «освоения пространства и работы с населением подчиненных областей» Прибалтики: «...район, расположенный между Нарвой и Тильзитом, всегда имел тесные связи с немецким народом. Семисотлетняя история внутренне сориентировала большую часть живущих там народов... — эти народы свыклись со своей принадлежностью к жизненному пространству Великой Германии. Цель рейхскомиссара Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии заключается в организации на этой территории протектората рейха, а затем путем привлечения на свою сторону полноценных с расовой точки зрения элементов и мер по переселению в превращению этой территории в часть Германского рейха»¹¹.

28 июля 1941 г. Лозе официально объявил о введении гражданского управления в «Остланде». Однако гражданская власть там начала функционировать постепенно: 1 августа 1941 г. в Литве и только 5 декабря 1941 г. в Эстонии, которая была оккупирована нацистами позже остальных прибалтийских республик. Кроме того, такая «задержка» была связана с тем, что гражданское управление могло функционировать лишь на удалении 200 км от линии фронта¹².

В проекте постановления рейхсминистерства оккупированных восточных территорий «О структуре руководства и управлении генеральными округами в Остланде», утвержденном в октябре 1941 года, указано, что руководство генеральными округами осуществляется генеральными директорами. Они, в свою очередь, назначаются рейхскомиссаром и «осуществляют свою деятельность в рамках направляющих линий имперской политики и нового порядка на Востоке»¹³. Что касается реализации «направляющих линий» политики Третьего рейха в Прибалтике, то и в этом отношении в Берлине не было дилеммы: «Политическая задача в рейхскомиссариате Остланд может быть решена только путем добровольно-

го саморастворения народов. Создание же «головки» народного самоуправления делает достижение этой политической цели невозможным и даже опасным для политических и экономических интересов рейха»¹⁴. Руководству Остланда надлежало «препятствовать возникновению претензий на создание эстонского, латышского и литовского государств... Необходимо также постоянно давать понять, что все эти области подчиняются немецкой администрации, которая имеет дело с народами, а не с государствами»¹⁵.

Остланд поделили на генеральные округа: Белоруссия, центр в Минске (генеральный комиссар В. Кубе, затем после его убийства К. фон Готберг), Литва, центр в Каунасе (генеральный комиссар Т. фон Рентельн), Латвия, центр в Риге (генеральный комиссар О. Дрекслер), Эстония, центр в Таллине (генеральный комиссар К. Литцман). Генеральные комиссариаты делились на окружные — гебитскомиссариаты. Германское руководство прекрасно понимало, что без помощи местного населения эффективно управлять Остландом и реализовать проводимую политику невозможно. К тому же создание самоуправления, которое фактически являлось дополнительным элементом оккупационного режима и, что не менее важно, связующим звеном между нацистами и местным населением, позволяло сократить штат немецких чиновников, работавших в аппарате рейхскомиссариата. Потому помимо немецких генеральных комиссаров — в округах (за исключением Белоруссии) были созданы местные администрации, во главе которых стояли: в Литве — генеральный советник генерал П. Кубилюнас, в Латвии — генеральный директор внутренних дел генерал О. Данкерс, в Эстонии — национальный директор Х. Мяз. Территория «Остланда» составила 232 тысячи кв. км, а население — 8 200 000 человек (по немецким данным)¹⁶.

«Самоуправления» набирались немцами из максимально лояльных представителей коренного населения. По мнению Гитлера, «любое движение к самоуправлению всегда, в конце концов, приводит к самостоятельности»¹⁷. Поэтому оно было декоративным, что неизменно подчеркивалось в немецких документах, касающихся формирования органов власти в Остланде и направляемых из оперативного штаба Розенберга в Берлин и в директивах, исходящих из столицы рейха: «Двадцать лет независимости принесли доказательства, что

органы государственного и народного руководства здесь (в Прибалтике. — Ю. К.) были всегда неполноценными. На основании констатации этого факта необходимо создание немецкого надзора — верхушки — над всеми самоуправлениями. При этом все политические вопросы должны быть под особо пристальным наблюдением. Вся полнота руководства, надзора и контроля должна находиться в руках генерального комиссара и его уполномоченных — гебитскомиссаров»¹⁸.

Новый этап в деятельности самоуправлений был связан с директивой Розенберга от 7 марта 1942 г., которая конкретизировала функции управления генеральными округами и указывала, что непосредственная работа должна вестись силами сформированных из местных жителей учреждений. Немецкое руководство, говорилось в распоряжении Розенберга, «в этих трех генеральных округах (Литве, Латвии и Эстонии. — Ю. К.) будет осуществлять надзорные функции». В документе подчеркивалось, что высшая политическая власть и контроль по-прежнему сохранятся за немецкими учреждениями. Оговаривалось также, что количество генеральных директоров самоуправлений и объем работы, находящейся в их компетенции, будут определять нацистские власти. О сколько-нибудь серьезной самостоятельности и независимости самоуправлений не было и речи. Их задача — выполнять указания нацистов¹⁹.

Начальник СС и полиции в рейхскомиссариате «Остланд» обергруппенфюрер Ф. Еккельн так характеризовал деятелей самоуправления: «Мне приходилось нередко сталкиваться с руководителями латвийского, литовского, эстонского «самоуправления»... Должен сказать, что все они были большими друзьями немцев. Эти люди имели только наши немецкие интересы и нисколько не думали о судьбе своих народов. Это были всего-навсего немецкие марионетки... Они считали, что если даже Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, если они и немцы ликвидируют советских патриотов и особенно коммунистов, так как без коммунистов им будет легче продать свои народы другим сильным державам мира»²⁰.

Некоторые положения генерального плана «Ост», неоднократно подвергавшегося «редактированию» в различных нацистских военных и идеологических инстанциях, были первоначально сформулированы недостаточно четко и вызвали

разгоряченные дискуссии. Эти споры, продолжавшиеся на протяжении 1942—1943 гг., велись главным образом вокруг того, сколько немцев из рейха и когда могут быть реально поселены на захваченных восточных территориях, а также какой именно процент местных жителей должен быть для этого «эвакуирован» в другие районы.

Этой теме было, в частности, посвящено специальное совещание в «восточном министерстве», в котором кроме 6 высокопоставленных сотрудников этого министерства участвовали представители ведомства Гимmlера, главного управления РСХА по вопросам расовой и переселенческой политики, рейхскомиссариата по укреплению немецкой расы, института антропологии и других учреждений. В центре споров стояли проблемы онемечивания, или германизации, местного населения применительно к Прибалтике.

Для нацистов германизация означала освоение захваченных земель немцами с последующим «вытеснением» вплоть до полного физического уничтожения или «растворяющей ассимиляции» местного населения. Пытаясь укоренить в народах оккупированных территорий немецкий язык, традиции, немцы неизбежно с течением времени смешивались бы с этими народами, что, по мнению гитлеровских идеологов, было вредно для чистоты расы. Стремясь германизировать оккупированные восточные регионы, нацисты планировали перевезти туда как можно больше немцев с территории рейха, непременно оберегая их от кровосмешения с местными жителями. Также предполагалось выделение из общей массы населения лиц немецкого происхождения (фольксдойче) и их «продвижение» на все социально и культурно значимые де-юре и де-факто посты²¹. При этом годных к ассимиляции «с точки зрения расы» местных жителей Литвы, Латвии, Эстонии надлежало переселить в Германию, а негодных — в отдаленные районы, на «русский Восток» или уничтожить. Начальник специальной группы «Расовая политика» министерства Розенберга Э. Ветцель особое внимание уделял германизации интеллигенции. По мнению Ветцеля (ставшего позднее известным в качестве одного из авторов плана массового уничтожения людей в «душегубках»), она могла стать главным препятствием германизации народов Балтии. Участники заседания констатировали, что «преобладающая часть городской интеллигенции, не расположена к германизации

в целом и гражданскому управлению в особенности и практически не может быть использована. При всех обстоятельствах она любые явления и мероприятия будет стремиться использовать против немцев, в особенности против немецкого управления, для агитации и создания трудностей, потому что интеллигенция с полным основанием желает быть самодостаточной частью государства. Именно потому против интеллигенции был направлен первый удар оккупационных властей. Как и против образования и науки, которые были сведены в Остланде на нет путем закрытия значительной части высших учебных заведений и практически всех научных центров. «Необходимо пресечь намерения относительно создания собственных эстонских, латышских, литовских и белорусских университетов и высших учебных заведений»²². По распоряжению Розенберга от 19 ноября 1941 г. высшие школы на территории «Остланд» должны были быть закрыты.

Из протокола совещания, подписанного Ветцелем, видно, что все его участники были также убеждены в необходимости эвакуировать «расово неполноценную» часть населения Прибалтики на Восток, а именно в Западную Сибирь (а не в Белоруссию, как первоначально предполагалось генеральным планом «Ост»).

Вопрос заключался лишь в том, какую часть населения прибалтийских республик составляют «расово неполноценные элементы» и каким образом их следует переселять — добровольно или принудительно. Выступивший на совещании штандартенфюрер СС профессор Д. Шульц из главного управления расовой и переселенческой политики заявил, что по результатам проверки, среди поляков «полноценными» и поэтому пригодными для онемечивания оказалось лишь 3% населения. По его мнению, доля «расово полноценных» среди населения Прибалтики также невелика и во всяком случае составляет менее половины. Один из участников совещания — И. Фишер из института антропологии — утверждал, что «фюрер уже отдал приказ» об эвакуации из Прибалтики «нежелательных» элементов. Большинство участников совещания пришло к выводу, что было бы предпочтительным побуждать эстонцев, латышей и литовцев к «переселению в глубинные русские районы».

Гиммлер в письме от 12 июня 1942 г. начальнику штаба имперского комиссариата по вопросам укрепления германской

расы бригаденфюреру СС У. Грайфельту, касаясь правовых, экономических и территориальных аспектов генерального плана «Ост», разработанных в аппарате Грайфельта, в целом выражал одобрение этого документа, который ему «очень понравился». Вместе с тем он писал: «Мне кажется, что в одном пункте меня неправильно поняли. Этот двадцатилетний план должен включать полное онемечивание Эстонии и Латвии... Я лично убежден, что это можно сделать... Хуже обстоит дело с Литвой. Здесь мы в меньшей степени можем рассчитывать на онемечивание населения. Более того, нам следует разработать общий план колонизации этой территории. И это должно быть сделано»²³.

Автор документа, оценку которому дал Гиммлер, руководитель отдела планирования в главном штабе СС оберфюрер СС К. Майер выражал мнение, что германизацию завоеванных территорий на Востоке можно будет считать завершенной после того, как здешняя земля и природные богатства будут принадлежать немецким хозяевам и владельцами частных предприятий, чиновниками, служащими и квалифицированными рабочими повсюду будут немцы. Онемечивание людей в сельской местности Майер считал возможным осуществить за 5 лет, а в городах — за 10 лет с момента победоносного окончания войны. Он приводил в своем проекте подробные расчеты числа немцев, необходимых для заселения восточных земель, отдельно по городам и сельской местности. Он отмечал, что уже началось заселение немцами западной части Литвы за счет возвращения прибалтийских немцев, репатриировавшихся в Германию после заключения советско-германского договора 1939 г. По оценке Майера, из числа прибалтийского населения на месте нынешнего проживания могут быть оставлены и онемечены свыше 50% эстонцев, до 50% латышей и до 15% литовцев²⁴.

По приказу Розенберга и Гиммлера для осуществления политики германизации Остланда в конце 1942 г. начали функционировать учреждения Имперского комиссариата по укреплению немецкого народного духа и Центр по делам фольксдойче. Тогда же в Латвии, Эстонии и Литве были открыты переселенческие сельскохозяйственные школы — предполагалось, что после окончания войны представители титульных национальностей Прибалтики в качестве рабочей силы будут обрабатывать плодородные поля Третьего рейха — в Баварии, Пруссии, Саксонии и т. д.

Но еще в 1939 г. начался отбор колонистов из немцев для переселения в Остланд и его «естественной германизации». По поводу заселения восточных территорий Гиммлер говорил так: «Нашей задачей является германизировать Восток в старом смысле этого слова, т. е. ... заботиться о том, чтобы на Востоке жили бы только настоящие немцы, немецкой крови. Не считайте обеспеченным государство, если оно не может каждому предоставить землю и почву. Не забывайте, что священнейшее право на этом свете есть право на землю, которую хотят сами обустроить, и священнейшая жертва есть кровь, которую проливают за эту землю.

Таким образом победа на Востоке — предпосылка для обеспечения нашего будущего, когда жертвами приобретенная земля станет немецкой, немецкой через людей, которые ее заселяют и застраивают, немецкой через большую работу немецкого плуга»²⁵.

Руководство Остланда исходило из идеологических установок, полученных еще до оккупации, и стремилось пунктуально претворять их в жизнь. Так, в частности, один из военных руководителей этой территории штандартенфюрер А. Беккинг признавал: «В связи с тем, что Прибалтика должна была быть заселена немцами, то ясно, что ими должны были руководить люди, преданные существующему строю. Гитлером было предусмотрено, что для заселения Восточных областей должны были привлекаться самые лучшие люди. О предстоящей работе, которая ожидала в Прибалтике, нам были даны подробные указания еще на курсах в Орденбург-Кресенге. (Школа для командного состава вермахта, направляющегося в Остланд. — Ю. К.) Гаулейтер, показывая на карте будущие границы Германии на Востоке, ясно сказал, что в наши задачи будет входить превращение этих областей в немецкую землю, в составную часть Германии»²⁶.

Согласно нацистским планам, первыми в Остланд должны были переехать немцы из Вестфалии и Баварии. В качестве компенсации за переселение на Восток они должны были получить там земельные участки, многократно превосходившие по площади те, что имелись у них в Германии. И, конечно, по прибытии колонисты должны были получить себе дармовую прислугу из представителей прибалтийских народов.

Особое место в германизации Прибалтики уделялось национальному вопросу. 27 июля 1942 г. был подписан цирку-

ляр рейхскомиссара Остланда Х. Лозе «О национальной политике в Восточных областях», адресованный немецким комиссарам в различных городах. «Эстонцы, латыши и литовцы имеют тенденцию слиться с национальными меньшинствами, проживающими на их территории. Немецкие власти считают эту ассимиляцию нежелательной, так как их больше устраивает существование отдельных национальных групп, чем монолитного народа. Кроме того, ассимиляция могла бы привести к нарушению чистоты арийской крови... Что же касается дискриминации, которой подвергают латышские органы самоуправления национальные меньшинства, то она играет на руку большевикам, так как лица, подвергающиеся дискриминации, легче поддаются большевистской пропаганде, поэтому национальная политика должна находиться в руках немцев, а не местного самоуправления... Чтобы облегчить проведение в жизнь национальной политики, следует от каждой группы выделить доверенное лицо, которое представляло бы интересы той или иной национальной группы. Эти лица должны находиться при немецком комиссаре. Вопрос о евреях и цыганах должен решаться особо»²⁷. Упомянутая в документе дискриминация, проводимая органами местных самоуправлений, нацистов не устраивала — у них была разработана своя программа, касающаяся «титulyных» народов Латвии, Литвы и Эстонии.

Немаловажное значение немецкие власти придавали экономическому освоению захваченных территорий. В Латвийском государственном историческом архиве сохранился приказ рейхсмаршала Г. Геринга от 22 апреля 1942 г. о четырехлетнем плане. Руководство выполнением этого плана было возложено на рейхсминистра промышленности А. Шпеера, генерал-фельдмаршала А. Мильха и государственного секретаря П. Кернера. А осуществление «замыкалось» на имперского министра по делам оккупированных восточных территорий Розенберга. «Четырехлетний план по приказу фюрера включает прежде всего перемещение заводов Германии, важных в военном отношении, в восточные оккупированные области для предохранения от неприятельских воздушных налетов. Для проведения этих мероприятий отдел по освоению пространства комиссариата Остланд готовит необходимые территории и помещения для немедленного вывоза военных заводов Германии в оккупированные восточные области,

в генерал-губернаторство (Польшу. — Ю. К.), Богемию и Моравию... Четырехлетний план включает также разработку новых или уже имеющихся ресурсов местного (т. е. находящегося на оккупированных территориях. — Ю. К.) сырья, его распределение (особенно железа и драгоценных металлов), добычу угля и выработку энергии, организацию транспорта для всего хозяйства, выполнение заданий, важных для войны»²⁸. Рейхскомиссар Остланда передал генеральному комиссару для выполнения индустриального плана карты, атласы, статистические данные и детальные планы²⁹. Отдел «освоения пространства» рейхскомиссариата с 1942 г. планировал и осуществлял создание военных и гражданских заводов и фабрик на базе предприятий Прибалтики, переориентировав их работу на нужды рейха³⁰. При этом руководящие и требующие квалификации должности должны были занимать только немцы — прибалтийским народам отводилась роль «вспомогательной неквалифицированной рабочей силы». По мере освоения «жизненного пространства на Востоке вплоть до Урала и Сибири», нацисты планировали «переброску» рабочей силы в различные точки «завоеванного пространства» для их освоения в «необходимых для этого количествах».

Распоряжением рейхскомиссара Остланда от 15 августа 1941 г., касающегося использования рабочей силы, был поставлен крест на надеждах жителей Прибалтики избежать депортаций — в параграфе 9 этого документа говорилось: «Для важных и поспешных работ органы наемного труда могут подходящие этим работам силы... использовать и в другом месте, не на месте их постоянного жительства»³¹. Была введена всеобщая трудовая повинность и начат вывоз литовцев, латышей и эстонцев в возрасте от 17 до 45 лет на работы в Германию. Еще более внятно немецкие власти разъяснили свое отношение к правам, вернее, к бесправию населения Остланда в распоряжении отдела труда рейхскомиссариата «Об обязательном привлечении к труду»³² от 29 сентября 1941 г., касавшемся всех работоспособных граждан.

В 1941 г. рабочая сила на территории «Остланд» вербовалась на работу в Германию на добровольных началах. Добровольцев находилось не слишком много. Потому уже в 1942 г. нацисты вынуждены были провести принудительный набор: только из Латвии в Германию было отправлено более 9 тысяч

человек³³. Потребности рейха в рабочей силе все возрастали. Уже в 1942 г. план мобилизации рабочей силы из Остланда был настолько высок, что, пользуясь только принципом добровольной вербовки, его не смогли выполнить. «Трудности объяснялись плохим положением дел немецкой армии на Восточном фронте, в результате чего народ не хотел ехать добровольно на работу в Германию. Кроме того, к этому времени на территорию «Остланд» из Германии были вывезены некоторые предприятия, которые требовали рабочей силы. В большом количестве рабочая сила нужна была и для сельского хозяйства, из которого выкачивались... большие налоги в натуре. Начиная с 1942 года, мы начали насильно угонять советских граждан на работу в Германию»³⁴. Гитлер поручил в январе 1943 г. угнать из Остланда 200 тысяч человек³⁵. Заместитель рейхскомиссара «Остланд» П. Матизен заметил, что если «снять с мест 200 тысяч рабочих, то вся хозяйственная жизнь в Прибалтике заглохнет, что Эстония и Латвия уже не могут послать в Германию ни одного рабочего»³⁶.

Напрасно местное население Литвы, Латвии и Эстонии надеялось на возвращение земли и имущества, национализированных Советами. 18 августа 1941 г. было опубликовано распоряжение рейхскомиссара Остланда, в соответствии с которым вся собственность, принадлежавшая СССР на 22 июня 1941 г., переходила в собственность немецкого государства³⁷. Промышленные предприятия на выгодных условиях были переданы крупным германским концернам. Крупные промышленные предприятия как управлялись военными властями, так и были переданы во временное управление немецким фирмам по отраслевому принципу. Часть крупных и средних предприятий и основная масса мелких были отданы их бывшим собственникам во временное управление и владение. (Право лишить временного управления или владения было, разумеется, оставлено на откуп оккупационным властям.)

В соответствии с директивами об «имущественном управлении Остландом» к весне 1942 г. все МТС были взяты под немецкий контроль. В них назначили управляющих — немцев, и в будущем они должны были быть переданы в собственность новым постоянным хозяевам, разумеется, «арийцам». Крупные дома, которые были национализированы со-

ветским правительством, их прежним владельцам не возвращались и были зачислены в разряд так называемых домов Остланда. Управление ими осуществлялось исключительно представителями «арийской расы». (Все дома, принадлежавшие евреям, как и все их имущество, также были зачислены в имущество Остланда.)

Крестьяне Остланда получали землю не в собственность, а только на условиях аренды. Исключение делалось для тех, кто имел «заслуги перед рейхом». (Лишь в конце 1943 г., когда кардинально поменялась обстановка на фронтах и немцы вынуждены были принять меры для стимулирования поддержки своего режима, начался процесс возвращения земельных участков бывшим собственникам. Тогда же крупным домовладельцам вернули право собственности на недвижимость. Но даже в конце войны, в апреле 1945 г. Гитлер не согласился вернуть всю национализированную собственность жителям.) При этом одним из основных направлений экономической политики рейхскомиссариата «Остланд» было обеспечение бесперебойного снабжения вермахта и тыловых регионов Германии продовольственными и частично промышленными товарами. Приоритетное внимание уделялось сельскому хозяйству — нацисты считали Прибалтику сельскохозяйственным регионом. Закупочные цены, установленные оккупантами, были очень низкими, что, кстати, вызывало серьезное неудовольствие самих крестьян, подавлявшееся карательными мерами. Невыполнение плана поставок сельскохозяйственной продукции рейху жестоко каралось³⁸. Внутренний рынок Остланда обеспечивался по остаточному принципу. Оптовая торговля находилась в руках оккупационных властей, розничная была оставлена мелким торговцам. В рейхскомиссариате была введена система распределения продовольствия, текстиля, одежды, обуви и т. д. по карточкам.

О том, какие материальные условия жизни были уготованы жителям Прибалтики в условиях германизации, красноречиво говорит меморандум о главных итогах совещания по вопросам экономической политики, состоявшегося еще 8 ноября 1941 г. у рейхсмаршала Г. Геринга с участием представителей важнейших министерств, а также военного командования. В части, касающейся Прибалтики, в этом документе говорится: «Для «Остланда» обеспечение потребительскими товарами сможет на первом этапе осуществляться лишь в скром-

ных размерах. Долгосрочный план онемечивания «Остланда» не должен вести к общему повышению жизненного уровня всего живущего там населения. Привилегиями в этом отношении могут пользоваться только живущие и поселяющиеся там немцы, а также онемечивающиеся элементы... Необходимо сделать все для того, чтобы производить там как можно больше сельскохозяйственной продукции и поставлять ее в войска и в рейх... Новое будет заключаться только в том, что жизненный уровень местного населения должен быть максимально низким»³⁹.

Особое внимание оккупационных властей, получавших директивы из Берлина, уделялось перепрофилированию уже существующих промышленных предприятий на выпуск для армии техники, оружия, боеприпасов, запчастей. Из-за стремительного наступления вермахта из Прибалтики не успели эвакуировать промышленные предприятия, не были вывезены стратегические запасы сырья, почти все население осталось на месте. Поэтому быстро перепрофилировать промышленность на военные нужды для оккупантов было вполне реально, что и происходило до коренного перелома в войне. Уже в июле 1941 г. немцам удалось включить промышленные предприятия Остланда в систему обслуживания фронта, произвести частичное перепрофилирование выпускаемой продукции. Крупные промышленные предприятия, частично средние и мелкие, на 70—80% работали для фронта⁴⁰. В 1941—1943 гг. в рейхскомиссариат ввозилось и оборудование из Германии — фронт продвигался на восток, и обеспечивать его нужды удобнее было из близлежащих регионов. Курировали эту сферу военная инспекция Остланда, Управление военной экономики и промышленности главного штаба вермахта⁴¹.

Помимо перепрофилирования предприятий, началось строительство военной инфраструктуры. Глава рейхскомиссариата Х. Лозе издал серию приказов о сооружении военных объектов: аэродромов, учебных плацев, верфей, казарм, лазаретов, помещений для военных складов, управлений военного снабжения⁴².

Финансовая система была также полностью в руках оккупационных властей. Для ее обслуживания были созданы немецкие банки. Советский рубль заменила остмарка, единая денежная единица на всех территориях Остланда. Она была

в 10 раз дешевле рейхсмарки. Оптовые цены производителям устанавливались в рейхсмарках по аналогии с ценами в самой Германии, но составляли 60% от них⁴³.

Иллюзии о предоставлении суверенитета или хотя бы существования в статусе протекторатов должны были исчезнуть довольно быстро, поскольку практически сразу после занятия территории Прибалтики нацисты запретили использование национальных флагов и гимнов независимых Литвы, Латвии и Эстонии, равно как и празднование Дня независимости⁴⁴. Например, директивой рейхскомиссара Остланда от 5 ноября 1941 г. был отменен не только «назначенный» в 1940 г. советской властью праздник — день официального принятия Латвии в состав СССР, но и не возвращен День независимости, отмечавшийся в течение 20 лет до 1940 г. Вместо этого был издан циркуляр о праздновании 1 июля — дня, когда немецкие войска вошли в Ригу⁴⁵, пышно отмечавшийся как «день освобождения». Немецкой и местной прессе (т. е. издаваемой под контролем оккупационных властей на национальных языках) были даны указания «в своих заметках подчеркнуть», что любой иной день независимости «является чистой утопией»⁴⁶. Аналогично нацисты поступили в отношении Литвы и Эстонии. Была введена цензура, в частности, в нацистских директивах, касающихся пропаганды на территории «Остланд», указывалось, что использование понятий «свобода», «государственная независимость» и «самостоятельность» запрещено даже при агитации вступления в добровольческие легионы СС⁴⁷. Запрещено было празднование национальных праздников, имеющих «политическое значение», т. е. связанных с историей национально-освободительного движения, военной историей, историей культуры. Из всех сфер общественной жизни, включая радиовещание и театр, вытеснялись национальные языки⁴⁸. Государственным языком в рейхскомиссариате «Остланд» стал немецкий (в соответствии с указом Х. Лозе от 1 сентября 1941 г.) — это являлось одним из непреложных аспектов германизации.

Использование латышского, литовского, эстонского языков допускалось лишь вне официальных учреждений и в структурах низового административного уровня. Оккупационные власти резко отрицательно относились и к любым попыткам создать национальные военные формирования (не говоря уже о воссоздании национальных вооруженных сил).

«Фюрер не желает никаких воинских соединений из Прибалтики для использования их на фронте, так как после войны это привело бы к политическим требованиям с их стороны. Однако следует формировать возможно большее количество охранных батальонов для несения караульной службы на оккупированных территориях»⁴⁹. Розенберг пояснял руководству рейхскомиссариата «Остланд»: «Из запрета образовать независимые государства — о чем, однако, не нужно заявлять публично, — вытекают и меры, необходимые для предотвращения формирования так называемых национальных армий»⁵⁰. Нелишне упомянуть, что немцы, разумеется, не предоставляли жителям оккупированной Прибалтики гражданства рейха. Лишь когда ситуация на фронтах стала стремительно меняться не в пользу Германии и после Сталинградской битвы стало ясно, что эти изменения необратимы, нацистское руководство «снизошло» до создания национальных легионов СС. 10 февраля 1943 г. Гитлер подписал соответствующий указ⁵¹.

Не менее категоричны были оккупационные власти и в пресечении любых попыток восстановить общественно-политическую жизнь в Прибалтике: помимо закономерного (и радостно воспринятого населением) запрета коммунистической партии и реквизиции (в пользу рейха) ее имущества, немцы уже в сентябре 1941 г. запретили и «основание всяких других политических партий», ограничив и иные проявления социальной активности: «Общественные собрания могут происходить только с разрешения гебитскомиссаров»⁵².

Нацистами была разработана и масштабная пропагандистская работа на территории «Остланд». С июня по декабрь 1941 г. пропаганда на территории оккупированной Прибалтики проводилась под руководством и контролем отделов пропаганды вермахта. В начале июля был создан отдел пропаганды Остланда, подразделявшийся на группы «Рига», «Таллин», «Ковно». В его компетенцию входило написание и распространение листовок, плакатов, контроль за прессой и радио. Этим занимались зондерфюреры рот пропаганды, большинство из которых составляли прибалтийские немцы и представители балтийских национальностей, эмигрировавшие в Германию в 1939—1941 гг.⁵³. С декабря 1941 г. по декабрь 1943 г. пропагандистская работа здесь находилась под контролем Министерства оккупированных восточных терри-

торий, который осуществлялся отделом пропаганды рейхс-комиссариата «Остланд». 17 декабря пропаганда перешла в ведение Министерства народного просвещения и пропаганды (руководимого Й. Геббельсом). Пропагандой также занимались структуры СС — в части, касающейся агитационных акций по мобилизации местного населения в легионы СС и их деятельности. Также влияние на пропаганду оказывало Министерство иностранных дел Третьего рейха. Основным каналом пропаганды, разумеется, являлись периодические издания и радио. (Например, только в Латвии во второй половине 1941 г. выходили 43 легальные, подконтрольные нацистам газеты, в 1942 г. их количество превысило 50 единиц)⁵⁴. Важное место в деле пропаганды было отведено кино. В Латвии на базе Рижской киностудии было создано предприятие «Остландфильм», выпускавшее киножурналы «Остланд вохеншау» (Недельное обозрение «Остланда») — идеологический аналог выходившего в Третьем рейхе «Дойчланд вохеншау». Кроме того, «Остландфильм» выпускал художественную (по жанру) агитационную продукцию. Она распространялась с помощью большого количества стационарных кинотеатров и передвижных киноустановок. Еще одной из форм воздействия на населения была наглядная пропаганда — плакаты, карикатуры. Особое место уделялось скрытой пропаганде — инспирированным слухам. В общем стратегия немецкой пропаганды, особенно в первый годы войны, была достаточно примитивна и основывалась на нескольких сентенциях: ошибки политиков независимых Латвии, Литвы и Эстонии привели эти государства к советской оккупации, главными носителями советской идеологии были евреи, которые осуществляли репрессии против прибалтийских народов, от ужасов «жидобольшевизма» Прибалтику освободила немецкая армия и немецкая идеология, отныне благодарные прибалтийские народы должны строить свое будущее под защитой Третьего рейха. Одна из важнейших тем в нацистской пропагандистской работе — апелляция к народной истории. Нацисты стремились навязать свое понимание историзма для жителей Прибалтики для формирования образа внутреннего и внешнего врага и, соответственно, образа хозяина и защитника. Как отмечал в меморандуме руководитель отдела культуры рейхс-комиссариата «Остланд» К. фон Стрицкий, формирование нового восприятия истории на оккупированной территории

соответствует политическим целям рейха. Стрицкий назвал два важнейших аспекта, служащих этим целям: вместо народной истории — история Земли (территории), связь истории Земли с германской историей⁵⁵. Главная мысль — прибалты во все времена защищали свои земли от агрессоров с Востока — славян. И помогали им в этом немцы. Этот абсурдный тезис для латышей, литовцев и эстонцев, веками страдавших от господства немецких баронов, пытались обосновать идеологией о том, что именно остзейские немцы и были гарантом от экспансии с Востока, ведущей к их порабощению. Местные пронацистские идеологи от истории так формулировали фабулу «нового историзма»: «Немцы не только освободили и продолжают защищать нас от духовного влияния русских, но и познакомили наших предков со многими ремеслами, а также при посредничестве Ганзы крепко связали с хозяйством и культурой Западной Европы»⁵⁶. Так нацисты пытались подменить историческую реальность 700-летнего подавления прибалтийских народов немцами на мифологему о 700-летнем пребывании их в европейской цивилизации под эгидой германцев. «Назначенные» оккупантами исторические праздники и памятные даты также должны были сыграть роль в формировании нового исторического, а на деле — псевдоисторического — самосознания. С их помощью пытались актуализировать важные для режима даты, события и имена. (Например, в Латвии, из 43 дней памяти, отмечавшихся в период оккупации, 33 были связаны с историей Германии.)

Пристальное внимание уделялось прогерманской пропаганде среди молодежи и созданию юношеских нацистских организаций в Остланде. Для них выделялось особое финансирование⁵⁷. (Наиболее лояльные к нацистам эстонские и латвийские молодежные активисты даже были отправлены на Всемирный конгресс европейской молодежи, проходивший 14—18 апреля 1942 г. в Вене⁵⁸.) В директивах о работе с этой категорией населения в оккупированных областях Прибалтики говорится, что для более эффективной деятельности по привлечению молодежи на свою сторону немецкая администрация должна иметь полное представление о численности молодежи в этих областях, о ее моральном облике, о ее трудовых навыках, должна вникать во все стороны ее жизни и «направлять эту жизнь в русло германизации». «Без ведома немецких властей органы самоуправления не имеют права

проводить какие-либо, связанные с молодежью, мероприятия. Необходимо четко структурировать работу с молодежью начиная со школы, о воспитательной работе с девочками и девушками для воспитания их немецком духе»⁵⁹.

Жизнь немцев в Остланде регулировалась специальными законами. В оккупированных краях представители «народов господ» находились в привилегированном положении. Такая политика основывалась на теориях, пропагандировавших главенство «нордической расы» и ее право управлять «маловажными» восточными народами⁶⁰. Немецкие государственные, военные и партийные инстанции заботились обо всех областях жизни немцев, проживающих на захваченных территориях: бытовых условиях, зарплате, материальном обеспечении и удовлетворении культурных потребностей — для немцев были созданы отдельные учреждения просвещения, организовывались специальные культурные мероприятия, создавались кружки пения, спорта и т. д. Особую неприязнь местного населения вызвали особые магазины, изобилующие товарами, где делать покупки могли только «арийцы». В Остланде бывших колонистов, немцев рейха и членов СС регистрировали — для уточнения численности «арийцев», которая должна была в перспективе расти до указанных фюрером количеств и с целью недопущения смешения их с «неперспективными народами». Для немцев было создано даже специальное брачное бюро — «Бюро писем для укрепления онемечивания». Жившие в Литве колонисты были обязаны получить разрешение отдела здравоохранения Генерального комиссариата, подтверждающее чистоту крови тех, с кем они намеревались вступить в брак⁶¹. В городах Прибалтики создавались немецкие организации экономической и социальной поддержки, школы, аптеки, больницы, универсальные и специализированные магазины, отделения банков и сберегательных касс Германии, кинотеатры, гостиницы, столовые, книжные магазины и другие учреждения. В Остланде выпускалась газета «Дойче цайтунг им Остланд». В провинциальных городах создавались общежития и интернаты немецких учащихся. В некоторые немецкие учреждения местным жителям входило было запрещено и на дверях висела надпись «Вход только для немцев»⁶². Вопросы деления людей «по сортам» были продуманы до мелочей: в частности, появились указания об обособлении немцев от гражданского насе-

ления в поездах, в кафе, в магазинах⁶³. «Арийцам» негоже было ездить в одних вагонах с латышами, литовцами и эстонцами, не говоря уже о славянах.

Своя роль в системе оккупационного режима была отведена и юридическим органам: суду и прокуратуре, которые были созданы в Остланде 6 октября 1941 г. по распоряжению Лозе. Судебная система состояла из двух ступеней: низшей — так называемого немецкого суда, находившегося в подчинении генерального комиссара, и высшей — Немецкого верховного суда, который в этой системе выполнял функции апелляционного суда и рассматривал жалобы на решение суда низшей ступени. В немецком суде дела рассматривал один судья, в немецком Верховном суде — трое судей. В целях дальнейшего укрепления оккупационного режима 12 января 1942 г. рейхсминистр оккупированных восточных территорий Розенберг издал указ о создании чрезвычайных судов наряду с уже существующими. Надо сказать, что сами немцы не подпадали под юрисдикцию этого суда. Чрезвычайный суд обычно созывал генеральный комиссар. Суд состоял из трех человек — офицера полиции или руководителя СС в качестве председателя и двух его подчиненных⁶⁴. Приговоры Чрезвычайного суда были окончательными и обжалованию не подлежали.

Говоря об оккупационном режиме в Прибалтике, нельзя не коснуться трагической темы Холокоста. В соответствии с нацистской расовой теорией евреи на оккупированной территории, в том числе в Литве, Латвии, Эстонии, оказались вне закона. Осуществление планов массового истребления евреев нацисты начали безотлагательно (хотя официально понятие «окончательное решение еврейского вопроса» было введено нацистами на Ваннзейской конференции в 1942 г.). При этом они активно опирались на местное население, эксплуатируя и дополнительно разжигая антисемитские настроения. Первые погромы, грабежи и убийства евреев, а также поджоги синагог произошли еще до того, как на этих территориях установился оккупационный режим⁶⁵. 27 июля 1941 г. глава рейхскомиссариата «Остланд» Лозе издал приказ о строжайшей регистрации всех евреев. В нем содержались и дискриминирующие меры. Евреи должны были носить на одежде звезду Давида, не имели права менять место жительства, пользоваться общественным транспортом, посещать те-

атры, музеи, школы и пр. Предписывалось создание гетто, которые евреям под страхом смертной казни запрещалось покидать. Санкционировалось использование их в качестве рабочей силы на самых тяжелых работах⁶⁶. Нетрудоспособные подлежали немедленному уничтожению, остальные должны были быть умерщвлены путем непосильной работы или ликвидированы по мере того, как необходимость в их использовании упадет⁶⁷. Наиболее чудовищные масштабы расправы над евреями приняли в Литве. К началу оккупации здесь, по разным оценкам, находилось от 225 до 265 тыс. евреев, включая 13—15 тыс. беженцев из Польши⁶⁸. Территория Литвы была полностью оккупирована германскими войсками уже в первую неделю войны, поэтому бежать из Литвы просто никто не успел. За время оккупации было уничтожено только на территории Литвы не менее 215—222 тыс. человек⁶⁹. Эти потери в процентном отношении составляют 95—96% от довоенного еврейского населения и являются самыми высокими среди всех оккупированных республик бывшего СССР, а также наибольшими среди еврейских общин всех европейских государств в границах на 1 сентября 1939 г.⁷⁰.

В Литве погибло 4/5 всех евреев, проживавших в Прибалтике — здесь исторически была большая еврейская диаспора. Лишь несколько тысяч человек (по некоторым данным 8—9 тыс.) пережили здесь Холокост, в том числе 2—3 тысячи, которые были освобождены Красной Армией, скрывались с помощью местных жителей или сражались в партизанских отрядах. Остальные уцелели, пройдя концентрационные и трудовые лагеря⁷¹. В Латвии с июня 1941-го до 1944 г. погибло до 70 000 евреев. Это более 85% от числа тех из них, кто здесь проживал до войны⁷². В Эстонии, где количество еврейского населения было мизерным (около 5 тыс., по данным на январь 1941 г.) и которая была занята нацистами не настолько катастрофически быстро, как остальные прибалтийские республики, к моменту полной оккупации осталось около 2 тыс. жителей-евреев. Практически все они были уничтожены к концу 1941 г. Остальные, в числе других беженцев, успели уйти на восток, в Россию. По материалам Ваннзейской конференции (на которой было санкционировано «окончательное решение еврейского вопроса»), Эстония стала первой из оккупированных Третьим рейхом «свободной от евреев» территорией⁷³. И в Литве, и в Латвии, и в Эстонии активными пособ-

никами нацистов в геноциде евреев и цыган были разного рода военизированные «вспомогательные» и «охранные» формирования, состоящие из местного населения⁷⁴. В небольших населенных пунктах соотношение немецких карателей (в основном офицеров) и местных жителей, участвовавших в убийстве евреев, было 1 к 8 и даже 1 к 45⁷⁵. (Причем нередко в расстрелах принимали участие местные жители, до войны активно сотрудничавшие с советской властью и теперь таким образом стремившиеся «замолить» грех» перед нацистами.) Немцы старались, чтобы всю «черновую работу» по уничтожению «низших рас» и большевиков делали сами литовцы, эстонцы, латыши «без участия немецкой стороны»⁷⁶.

Эти же формирования соучаствовали в истреблении евреев из Германии, Польши, Чехии, Белоруссии, и др., привозимых в гетто и концлагеря, расположенные на территории Прибалтики, а также «командировались» на осуществление карательных акций и охрану гетто и концлагерей в Польше, России, Белоруссии, на Украине и т. д.

Борьба с партизанами, которая проходила «в форме упредительного уничтожения всех подозрительных без предварительного следствия»⁷⁷ (включая ликвидацию целых деревень, жители которых были заподозрены в сотрудничестве с ними), в Белоруссии и регионах России, прилегающих к прибалтийским, также во многом дело рук членов коллаборационистских формирований. «Немецкие оккупанты провели... немало массовых репрессивных акций. Они были особенно безжалостны по отношению к участникам советского подполья, однако их жертвами стало и немало невинных людей. О массовых (и даже единичных) казнях с циничной откровенностью объявлялось в официальных изданиях, выпускаемых под контролем оккупационной власти, или в специальных воззваниях высокопоставленных (чаще всего окружных комиссаров) оккупационного режима»⁷⁸.

Охрана советских военнопленных, сопровождение их на работы, выполнение карательных — вплоть до расстрела — акций в отношении них также входили в функции вспомогательной полиции, охранных батальонов и подразделений самозащиты. Поведение пособников оккупантов, «несмотря на отдельные исключения, не было более гуманным, нежели немецкое»⁷⁹. На территории Прибалтики, по различным данным, погибло от 400 до 600 тыс. военнопленных. Лагеря Са-

ласпилс, Клоога, Межапарк (Кайзервальд), Пагегай и еще более сотни лагерей для военнопленных стали местами уничтожения советских военнослужащих. Формально, в нацистской классификации, они не числились лагерями уничтожения — здесь не было газовых камер и крематориев, — однако смертность в большинстве из них в 1941—1943 гг. достигала 70—90%⁸⁰. Главный военный комендант Литвы генерал-майор Э. Юст после войны на «Рижском процессе», состоявшемся в 1946 г. над нацистскими руководителями Остланда, касаясь вопроса об уничтожении советских военнопленных, объяснял, что к ним «применялись методы психического истощения и массового расстрела»⁸¹. В 1941—1942 гг. вследствие многодневной перевозки в нечеловеческих условиях (в вагонах для скота, зачастую без обуви, зимой в одних гимнастерках, без еды и воды) или в результате многодневных пеших маршей погибало около половины из доставленных военнопленных⁸². «Дневной рацион для военнопленных в Прибалтике составлял 250 граммов хлеба и один раз в сутки суп»⁸³. Да и та еда, что выдавалась, была малосъедобна и готовилась из отходов. «Положение пленных было ужасное. Они находятся под открытым небом, все оборванные и разутые... пищу дают один раз в день, и то приготовленную из картофельной шелухи»⁸⁴. В октябре 1941 г. питание было уменьшено на четверть, и это ускорило запланированную немцами смертность в лагерях⁸⁵. К тому же военнопленные использовались на тяжелых работах. Рабочий день длился 14—16 часов⁸⁶.

Только в Литве, по различной информации, погибло 170—230 тыс.⁸⁷ военнопленных, в Латвии — от 200 до 300 тыс.⁸⁸, в Эстонии — до 60 тыс.⁸⁹.

Таковы в целом были общие принципы оккупационной политики нацистов, реализуемой на территории Остланда. Специфику ее реализации применительно к каждой из прибалтийских советских республик имеет смысл рассмотреть особо.

2.2. Генеральный округ «Литва»

В Каунасе и Вильнюсе немецкие войска были уже к вечеру 24 июня 1941 г. Не известно ни одного факта спонтанного или организованного сопротивления наступающему вермахту со стороны литовцев⁹⁰. (За исключением литовских

179-й и 184-й дивизий РККА, значительная часть личного состава которых после начала военных действий не покинула их и с тяжелыми боями отступила в Белоруссию и Россию.) Происходило прямо противоположное. 23 июня, когда части Красной Армии и представители советской власти спешно отступали из Литвы, почти одновременно практически во всех городах и в крупных населенных пунктах республики вспыхнуло антисоветское восстание, организованное Фронтом литовских активистов (ФЛА был создан 17 ноября 1940 г. в Берлине, его численность к июню 1941 г. превышала 25 тыс. человек)⁹¹.

Действия вооруженных отрядов были скоординированы: они громили офисы органов советской власти, занимали радиостанции (первой была захвачена радиостанция Каунаса), расправлялись с бывшими советскими чиновниками и — нередко — их семьями, выискивали коммунистов и учиняли расправы над ними, устраивали еврейские погромы (преимущественно — при приближении вермахта), наконец, пытались разоружить отступающие части Красной Армии.

«Восстание июня 1941 г. не было совершенно стихийным и спонтанным (как иногда утверждают в историографии). Во многих местах Литвы его организационные структуры... при помощи эмигрантских организаций и немецкой разведки — Абвера. Они вооружались, у них были стычки с советской милицией, от них еще до войны пострадали первые чиновники советской власти»⁹². Формально ФЛА руководил посол Литвы в Берлине полковник К. Шкирпа, активный сторонник сближения Литвы с Германией еще с середины 1930-х гг. В 1938 г. он создал и возглавил пронацистскую организацию «Жигис» в Клайпеде, финансируемую из Берлина⁹³. В 1940 г. Шкирпа не выполнил указание советского МИДа, адресованное дипмиссиям включенных в состав СССР республик, ликвидировать их зарубежные представительства, и не вернулся в Литву после ее советизации. Уже летом 1940 г. он в результате нескольких встреч с представителями германского МИДа начал формирование Фронта литовских активистов. В октябре эту организацию взял «под опеку» Абвер. 25 января Шкирпа представил полковнику Абвера И. Греббе план «освобождения Литвы».

Вот его основные тезисы: «Немецкая армия представляется как освободитель Литвы и других угнетенных народов СССР..., предлагается: во-первых, организовать общее вос-

стание в Литве после вступления немецких войск; во-вторых, препятствовать снабжению и помощи Красной Армии путем саботажа; в-третьих, встречать немецкие войска как освободителей, оказывая им всяческую поддержку и помощь»⁹⁴. В Каунасе есть улица, носящая имя Шкирпы. Таким образом Каунас является единственным в мире городом, где увековечено имя официального пособника Абвера.

В воззвании Литовского информационного бюро — пропагандистского центра Фронта литовских активистов в Берлине — от 19 марта 1941 г. содержался призыв, когда начнутся военные действия, поднимать «местные восстания», взять власть в свои руки, «незамедлительно арестовать местных коммунистов и иных предателей Литвы, чтобы ни один не избежал возмездия за свои действия»⁹⁵. В «Инструкции по освобождению Литвы» от 24 марта 1941 г., выпущенной Фронтом литовских активистов, говорилось: «Нашей целью является изгнание евреев из Литвы вместе с Красной Армией... Пришел час окончательного расчета с евреями. Литва должна быть освобождена не только от рабства большевиков-азиатов, но и от многолетнего еврейского ярма»⁹⁶. ФЛА в отношении коммунистов и советских работников литовского происхождения был относительно лоялен — письменные и устные инструкции лидеров ФЛА предписывали не расстреливать литовцев, сотрудничавших с Советами.

Де-факто Шкирпа был марионеткой в немецких руках — с началом управляемого из Берлина восстания его даже не выпустили из Германии. Нацисты не были заинтересованы в том, чтобы восстание обрело национального лидера, находящегося на территории Литвы. Надо заметить, что и после этого, симптоматичного шага сколько-нибудь заметного охлаждения в отношениях между литовским руководством ФЛА и германскими властями не произошло — ФЛА продолжал играть по берлинским правилам.

В Вильнюсе восстание началось вечером 23 июня. Литовские солдаты, полицейские, студенты и служащие захватили важнейшие административные объекты города, на башне Гедеминаса вывесили литовский национальный желто-зелено-красный флаг. До утра в городе звучали выстрелы.

После начавшегося в тот же день восстания в Каунасе вооруженные отряды ФЛА захватили склады с оружием на площади Парода. В руки восставших попало 25 тысяч еди-

ниц стрелкового оружия: автоматы, винтовки, пулеметы, пистолеты. Студенты на машинах «скорой помощи» развезли оружие по отрядам повстанцев. Восставшие проникали на военные склады с горючим, техникой и боеприпасами, пользуясь зачастую хаотичным отступлением советских войск. Бойцы ФЛА пытались захватить и мосты (хотя в ряде случаев их успели опередить красноармейцы, взорвавшие переправы).

Всего в эти дни в Литве погибло около 2 тысяч повстанцев — больше чем во времена борьбы за независимость в 1918—1920 гг.⁹⁷. Вермахт за время наступательной операции в Литве потерял погибшими почти 3 тысячи человек⁹⁸.

23 июня, в день восстания ФЛА, было создано Временное правительство Литвы (ВПЛ). Временным оно должно было оставаться до установления отношений между независимой Литвой и Германией. За месяц с небольшим своего существования ВПЛ издало более ста законов и распоряжений, большинство из которых отменяло законодательные акты советского времени и восстанавливало досоветскую государственно-правовую систему. Часть документов, выпущенных Временным правительством, касалась вопросов государственных институтов в военное время. Вопрос о легитимности ВПЛ по сути является риторическим: назвав себя верховной властью в республике в условиях хаоса первых дней войны, Временное правительство не было даже самопровозглашенным — оно действовало «под прикрытием» наступающих германских войск, которые считали союзниками. Кстати, находившийся в эмиграции в Лондоне президент независимой Литвы А. Сметона, прагматично заявил, что «восстание, видимо, было инспирировано в Германии» и что «объявление независимости Литвы преждевременно»⁹⁹.

Бывают странные сближения. 12 сентября 2000 г. Сейм Литвы принял закон о признании правовым актом заявления Временного правительства Литвы «Декларация о восстановлении независимости», опубликованного 23 июня 1941 г. В ней сказано: «Образовавшееся Временное правительство возрождающейся Литвы этим объявляет о восстановлении свободного и независимого Литовского государства. Перед лицом всего мира молодое Литовское государство с энтузиазмом обещает присоединится к новым основам организации Европы. Литовский народ, измученный жестоким большевистским террором, решил строить свое будущее на основах

национального единства и социальной справедливости»¹⁰⁰. Сейм отметил, что основной целью вооруженного восстания жителей Литвы 23 июня 1941 г. была борьба и против советской, и против предстоящей нацистской оккупации, чего, как свидетельствуют документы, не подразумевали даже сами члены ВПЛ в июне 1941 г.: «Миссия Гитлера мирового масштаба и ее значение вполне понятно, (она. — Ю. К.) может оцениваться положительно и искренне поддерживаться»¹⁰¹.

25 июня 1941 г. ВПЛ издало обращение «Слово независимого Временного правительства к народу Литвы». В нем была осуждена большевистская оккупация и коммунистическая система, выражена благодарность Германии — «Временное Литовское правительство благодарно спасителю Европейской культуры рейхсканцлеру Великой Германии Адольфу Гитлеру и его отважной армии, освободившей Литовскую территорию»¹⁰². По уже послевоенному признанию К. Шкирпы (умершего в 1979 г. в США), ВПЛ решило множество организационных задач, без чего продвижение германских вооруженных сил через Литву было бы более затруднительным¹⁰³. ВПЛ делало различные реверансы в сторону Берлина, стараясь получить признание государственного суверенитета Литвы. В частности, начало сотрудничество с немецкой временной военной администрацией. 27 июня 1941 г. был назначен связной офицер между ВПЛ и руководством вермахта в Каунасе и ответственный за связь с другими немецкими учреждениями. Немецкий военный комендант генерал-майор Р. фон Поль отказывался разговаривать с представителями Временного правительства Литвы. Более того, оккупационные власти требовали в официальной переписке и объявлениях не употреблять слова «Литовская республика», «независимость», «министры временного правительства»¹⁰⁴. Радиостанции уже 26—27 июня были включены в радиосеть Третьего рейха, и соответственно все передачи контролировались немецкой цензурой — таким образом ВПЛ было лишено возможности влиять на большую часть населения. По вопросу о признании независимости Берлин отмалчивался — оккупация республики еще не была закончена, и прямой отрицательный ответ мог осложнить относительно легкое продвижение вермахта.

«Летом 1941 г. в Литве происходила оргия арестов, пыток, расстрелов лиц — не евреев, обвиненных в сотрудниче-

стве с советской властью, сначала стихийная, а потом как бы узаконенная. Поскольку партийные и административные руководители, тем более работники НКВД, успели эвакуироваться, террор обрушился на оставшихся на родине рядовых членов компартии, комсомольцев, участников подготовки июньской депортации, подозреваемых в доносах, членов земельных комиссий, проводивших национализацию»¹⁰⁵. Резюме Комиссии по расследованию преступлений тоталитарных режимов в Литве гласит: «Антикоммунистический террор был неоправданно жестоким, беспощадным, незаконным... Масштабами этого террора и их трагичностью Литва, по-видимому, выделялась среди всех стран Восточной Европы»¹⁰⁶.

С самого начала войны мишенью литовских коллаборационистов стало еврейское население. Когда летом 1941 г. по Литве прошли погромы, их первой жертвой была еврейская интеллигенция, верующие иудеи — раввины и студенты ешив (еврейские религиозные школы. — Ю. К.). Объектом издевательств погромщиков становились не столько коммунисты, сколько ортодоксы и вообще верующие евреи, а также соблюдавшие иудейские традиции в одежде. Кроме насилия над евреями-ортодоксами, погромщики сжигали еврейские книги и свитки Торы. В некоторых местах раввинов заставляли самих сжигать свитки Торы или плясать вокруг костра со свитками¹⁰⁷. Расправа с евреями Каунаса началась 24 июня, еще до вступления в город немцев. Из тюрьмы были выпущены узники, и туда «партизаны» начали собирать евреев «для проверки» по подозрению в сотрудничестве с советской властью. Поскольку в тюрьме не хватало места, евреев повели в 7-й форт каунасской крепости, на северной окраине города. Здесь было собрано и убито более трех тысяч человек. 27 июня в Каунасе начался второй погром. Свидетель описывал то, что он увидел в тот день:

«С левой стороны большого двора находилась группа мужчин от 30 до 50 лет. Их там было человек 45—50. Этих людей пригнали туда какие-то гражданские. Эти гражданские были вооружены винтовками и носили на руках повязки... Молодой мужчина (это был литовец) в возрасте примерно 16 лет, с засученными рукавами, был вооружен железным ломом. К нему подвели человека из стоящей рядом группы людей, и он одним или несколькими ударами по затылку убивал его. Таким образом он менее чем за час убил всех 45—50 человек...»¹⁰⁸.

Ненависть к евреям в Литве достигла такого масштаба, что даже сотрудники немецких спецслужб удивлялись рвению своих литовских помощников. Из донесения командира айнзатцгруппы А бригаденфюрера СС В. Штальэекера о деятельности группы в оккупированных областях Белоруссии и в Прибалтике становится ясным механизм раскрутки еврейских погромов руками литовских коллаборационистов. Немцы не стали приказывать литовцам произвести погромы, все было обставлено иначе:

«Для этой цели был использован Климайтис, руководитель партизанского отряда, который преуспел в возбуждении погрома только после совета, данного ему небольшим отрядом, действовавшим в Ковно (Каунасе. — Ю. К.), и сделал это таким образом, что извне не было заметно никакого германского руководства или подстрекательства. В течение первого погрома... в Литве уничтожили более чем 1500 евреев, сожгли несколько синагог, разрушили... квартал, где было примерно 60 домов. В течение последующих ночей примерно 2300 евреев было обезврежено подобным же путем. В других частях Литвы имели место такие же действия по примеру Ковно, хотя менее значительные и направленные против оставшихся в тылу коммунистов. Эти самоочистительные действия проходили гладко, поскольку армейские власти, которые были информированы обо всем, помогали в этой процедуре»¹⁰⁹. Местом массовых казней евреев гитлеровцами и их литовскими пособниками были избраны форты Каунаса, а также лес в Понеряе (Понарах), где только за один день в апреле 1943 г. было уничтожено два эшелона советских граждан в количестве около 5 тысяч человек. В понеряйских расстрелах принимали активное участие отряды полиции безопасности и СД (состоящие преимущественно из литовцев). В девятом каунасском форте было расстреляно 80 тысяч человек, в шестом — 35 тысяч, в седьмом — 8 тысяч. В октябре 1941 г. литовцы под руководством немцев вывезли из каунасского гетто 10 тысяч евреев и уничтожили их¹¹⁰. Штандартенфюрер СС К. Егер докладывал 1 декабря 1941 г. в своем отчете командующему полиции безопасности и СД Штальэекеру, что литовскими партизанами и зондеркомандами айнзатцгруппы А было уничтожено с 2 июля 1941 г. 99 804 еврея и коммуниста¹¹¹. О том, как происходило «освобождение от евреев» и как при отступлении в 1943—1944 гг. нацисты пы-

тались скрыть следы этих своих преступлений, опубликовано множество архивных документов и мемуаров очевидцев. И, увы, минимум воспоминаний выживших, поскольку таких были единицы. Вот одно из таких уникальных свидетельств. Автор этого документа — Ю. Фарбер, инженер-электрик из Москвы, в 41-м добровольцем пошел на фронт, попал в нацистский плен, бежал, попал к партизанам, а оттуда был доставлен в опергруппу майора госбезопасности Волокитина из партизанского отряда Вилейского обкома КП(б) Белоруссии. По прибытии в чекистскую опергруппу Фарбер сделал письменное заявление о зверствах, совершенных немцами в 1941—1944 гг. в Понарах. Документ доставили в Москву. Нарком госбезопасности СССР Меркулов 13 сентября 1944 г. принял решение передать «Заявление Юлия Фарбера о зверствах, совершенных немцами в 1941—1944 годах в мест. Понары, близ Вильно, и о мерах, принятых оккупантами по сокрытию следов своих преступлений» председателю Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников Швернику.

9 сентября 1944 г. в Понарах закончила свою работу Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК). Результаты ее расследования были предъявлены советской стороной Международному трибуналу в Нюрнберге: «Пункт массовых расстрелов в местечке Понары был организован в июле 1941 года и действовал до июля 1944 года... Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 года до июня 1944 года. За это время из девяти ям с общим объемом 21 179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тыс. трупов»¹¹².

Свидетельствует Ю. Фарбер: «Слева от шоссе, у колючей проволоки, часовые. На воротах надписи: «Не подходить. Опасно для жизни. Мины». В центре, за двойной колючей проволокой, круглая яма диаметром 24, глубиной 4 метра. Крупные камни образуют совершенно отвесные стены. На дне ямы — деревянная хижина-бункер, в котором мы будем жить. Нас заковывают в цепи, которые плотно обжимают ноги чуть пониже колен и не дают возможности сделать шаг более полуметра. После этого шеф — штурмфюрер держит речь: «Вы будете работать на специальной работе государственного

значения, поэтому во избежание побега вы закованы в цепи. Бежать не пытайтесь, так как никто никогда не убежал из Понар и не убежит. За попытку снять цепи — расстрел. Работайте хорошо. Иначе за саботаж — расстрел. Всякие распоряжения выполнять безоговорочно, иначе расстрел...» И далее длинное перечисление всех возможных нарушений порядка, за которые — смерть. Невольно возникает мысль: «А возможно ли вообще выбраться отсюда живым?» Ответ ясен. Если и возможно, то во всяком случае не следуя указаниям штурмфюрера, а наоборот, нарушив основные из них. Идем на работу. Котлован диаметром до 100 метров засыпан песком. Если снимешь пару лопат песка, то обнаруживаются... разложившиеся трупы людей; по немецкой терминологии «фигуры». Рядом с котлованом сооружен очаг. Этот деревянный помост 7 на 7 метров с трубой посередине. Нужно очистить фигуры от песка. Из плотно слежавшейся массы фигур железными крюками вырывают одну. На носилках перенести фигуру на очаг, где они укладываются елями, плотно, одна к другой. Когда слой готов, его обкладывают сверху еловыми ветвями, сухими поленьями и поливают горячим маслом. Сверху кладут следующие слои. Когда костер содержит 3500 фигур, его обкладывают по бокам сухими термитными шашками и поджигают. Фигуры горят более трех суток — до тех пор, пока не останется груда пепла с пережженными костями. Кости эти толкут трамбовками до состояния порошка. Порошок лопатами перебрасывают через мелкие железные сетки для того, чтобы пепел не содержал ни одной крупной частицы. Просеянный пепел смешивается с большим количеством песка так, чтобы песок даже не изменил цвета, и засыпается в котлован, из которого уже извлечены все фигуры. Смысл «особой работы государственного значения» ясен. Убийцы пытаются скрыть следы своих преступлений. Штурмфюрер не скрывает этого. Он говорит: «Вражеская пропаганда распространяет слухи о том, что в Понарах лежит 80 тыс. расстрелянных. Чепуха. Пусть через пару месяцев ищет, кто хочет и как хочет, ни одной фигуры здесь не найдут». Возразить ему нечего. Какова емкость понарских ям, точно сказать невозможно. Немцы называли цифру 80 тыс. Из них 55 тыс. евреев. Несколько тысяч (до 10 тыс.) русских, литовцев и людей различных национальностей. Остальные поляки»¹¹³.

25 июля 1941 г. Верховное командование сухопутных сил (ОКХ) передало Литву ведомству А. Розенберга, а рейхскомиссаром Остланда стал обергруппенфюрер СА Х. Лозе. Управлять Литвой был назначен генеральный комиссар Т. А. фон Рентельн — высший носитель немецкой гражданской власти на территории Литвы. В воззвании оккупационных властей немецкие войска были представлены как «друзья и спасители от большевистского ига», которые «несут свободу» и возвращают «человеческие условия жизни». Цена этим словам стала ясна уже в первые дни после оккупации, когда немцы приступили к введению норм «нового порядка», немедленно ликвидировав любые ростки государственной самостоятельности литовцев, начав репрессии среди интеллигенции и «неблагонадежных» в расовом и политическом отношении. Национальные литовские флаги были сняты и запрещены к использованию под угрозой штрафов или тюремного заключения. Немцы, используя ВПЛ для «смягчения» реакции населения на приход оккупантов и для удобства проведения первых административных оккупационных мероприятий, 5 августа 1941 г. Временное правительство распустили.

Фронт литовских активистов продолжал существовать и после роспуска ВПЛ. 15 сентября ФЛА обратился к Гитлеру и главнокомандующему германскими войсками В. фон Браухичу с меморандумом, в котором указывал на свои заслуги в борьбе с советской властью:

«Меморандум Фронта литовских активистов А. Гитлеру и главнокомандующему германскими войсками В. Браухичу о положении в Литве в связи с созданием немецкой гражданской власти.

15 сентября 1941 г. Каунас

Фронт литовских активистов создан во время большевистской оккупации как военная организация, задачей которой было восстановление независимости Литвы с помощью вооруженного восстания. ФЛА для этой цели завязал контакт с немецким военным командованием. Основой сотрудничества между ФЛА и немецким военным командованием являлось то, что последнее признало главную цель ФЛА — борьбу за независимость Литвы. В присяге литовских добровольцев, которую они давали немецкому военному командованию, говорится: «Принимая добровольно на себя задание по освобождению моей родины Литвы, добровольно обязуюсь пе-

ред Богом и моей совестью выполнять это задание сознательно, не жалея своего здоровья и жизни»¹¹⁴.

После начала войны ФЛА совместно с остатками частей литовской армии начал восстание и совершил целый ряд акций, согласованных с немецким военным командованием. Руководители ФЛА считали, что в борьбе с большевизмом цели литовского и немецкого народов совпадали. В ФЛА полагали, что Германия не будет искать никакой территориальной экспансии за счет Литвы. «Вся благоприятно настроенная в отношении Германии молодежь Литвы, уважая и высоко оценивая национальный принцип, доминирующий в немецкой политике, считала и считает, что в основе национальной идеи лежит и уважение другой национальности»¹¹⁵, — этот тезис в сентябре 1941 г. мог вызвать в Берлине только снисходительную улыбку.

ФЛА, обращаясь к «Вождю Великой Германии Адольфу Гитлеру и его доблестной армии», надеялся, «что кровь молодежи Литвы, пролитая в борьбе с большевизмом», позволяет уповать на предоставление независимости¹¹⁶.

Авторы письма недоумевали, почему работа правительства, «которое, несмотря на большие трудности, выполнило ряд организационных задач, без решения которых марш немецкой армии был бы значительно затруднен», теперь остановлена. В Литву — «в область бывшего (выделено мной. — Ю. К.) независимого литовского государства»¹¹⁷ — был назначен генеральный комиссар, в скором времени взявший гражданскую власть в свои руки. К этой откровенности «господина рейхскомиссара» фронт литовских активистов оказался не готов, предпочитая по-прежнему уповать на фюрера.

«После вступления немецкой армии в Литву здесь повсюду встречала благожелательные ей литовские органы власти, а не учреждения большевиков. Части литовской армии, литовские партизаны везде, как смогли, помогали наступающей через Литву немецкой армии. Литовцы воевали вместе с Германией, а не против Германии. Но, несмотря на это, органы немецких властей рассматривают Литву как оккупированную территорию противника»¹¹⁸, — писали руководители ФЛА в Берлин, и эта их оценка положения дел была вполне реалистичной.

По сути в меморандуме ФЛА содержится анализ ситуации в оккупированной Литве, причем анализ, подтверждаю-

щий крах иллюзий в отношении нацистов как «освободителей». «Отмена частной собственности и отмена частной инициативы в области хозяйства в глазах литовцев являлись ненавистными чертами советского строя. Понятно, что как литовские крестьяне, так и горожане нетерпеливо ждали конца большевистской власти в Литве, чтобы как можно скорее опять начать творческую хозяйственную и культурную работу. Условием для такой творческой работы в глазах каждого литовца является частная собственность и свобода частной инициативы, которые могут быть раскованы настолько, насколько этого требует общественный интерес. Литовское правительство, начав свою работу, немедленно приняло все меры к тому, чтобы вернуть законным собственникам частное имущество, изъятое большевистской властью. Городские дома, предприятия, земельные наделы должны были быть возвращены тем, кому все это принадлежало до вторжения в Литву большевиков. Однако немецкие гражданские власти в Литве, остановившие работу литовского правительства, начали уничтожать все то, что было сделано для возвращения национализированного имущества законным собственникам. Имущественные отношения приводятся в такое положение, в каком они были, когда в Литве правили большевики. Мало того, указ генерального комиссара в Каунасе от 20 августа настоящего г. об уборке урожая и севе делает имущественные отношения **еще более неустойчивыми, чем они были в большевистские времена** (выделено мною. — Ю. К.). Хотя большевистскими актами во время национализации земля и была признана собственностью государства, но каждый, кому она была оставлена, владел ею лично. Если это и не была собственность, то все равно каждый знал, что владеет землей по праву вечного пользования. Указом генерального комиссара то вечное пользование, которое признавалось законами большевиков, делается иллюзорным. Каждый собственник земли по этому указу наталкивается на «законного управляющего», права которого неизвестны. Кроме того, целый ряд людей, у которых и большевики не считали нужным отнять землю, по этому указу лишаются ее, так как они не утверждаются законными хозяевами своей земли. Например, те, которые по какой-либо причине во время большевистской оккупации сами землю не обрабатывали, а давали ее на прокат или пенсионерам для обработки. По указу земли должны лишиться и так

называемые нехозяева. Указ, правда, не говорит, кого он считает нехозяевами. Но можно предвидеть, что под нехозяином по указу будет пониматься каждый, кто кроме хозяйства занимается другой работой: такими профессиями, как, например, учитель, профессор или занимающий другие общественные должности. Большевики тоже хотели эту категорию людей лишить земли, но этого не сделали, столкнувшись с большой народной оппозицией, так как лишение земли этой категории хозяев означало не что другое, как выталкивание из деревни в основном самых сильных и образованных хозяев... Тысячи хороших хозяев, которые продержались в сельском хозяйстве в большевистские времена, хотя вытолкнули из сельского хозяйства по совсем непонятным причинам. Имущественные отношения, которые были расстроены большевистской властью, еще больше разрушаются»¹¹⁹.

Аграрный вопрос и проблема денационализации земли для Литвы — один из самых важных как в экономическом, так и политико-правовом отношении. Потому и место ему в меморандуме уделено максимальное. «Указ генерального комиссара по уборке урожая мало руководствуется хозяйственными соображениями, видно из положения в так называемых советских хозяйствах (совхозах). Большевистская власть отняла у лучших хозяйств землю, не оставив ни одного гектара и не отдав эту землю безземельным и малоземельным крестьянам, а эксплуатировала ее как большие хозяйственные единицы. Владельцами таких хозяйств в основном являлись лучшие крестьяне Литвы, которые умели образцово распоряжаться хозяйством. Все эти хозяйства немецкая гражданская власть оставила в своем распоряжении, не вернув их собственникам, несмотря на то, что худшие хозяйства, которые не были оставлены для эксплуатации как совхозы, возвращены владельцам... Владельцы хозяйств, которые в основном вложили немалый в условиях Литвы капитал и еще больше труда, теперь живут как бездомные у своих соседей или должны искать какую-то другую работу, к которой они меньше подготовлены, и только потому, что они были очень хорошими хозяевами и их хозяйства понравились большевистской власти, которая сделала из них так называемые совхозы. Экономическое и моральное положение складывается непоправимое»¹²⁰.

Авторы меморандума не скрывали горького сарказма: «Понятно, что большевистские инстанции хотели навязать

литовцам советскую власть, но литовцам совершенно непонятно, почему немецкая гражданская власть в Литве хочет руководить их жизнью большевистскими принципами»¹²¹. Как показали последующие события в Литве, «методы большевиков» были куда более мягкими по сравнению с методами национал-социалистов.

Выполняя политэкономическую задачу «выкачать из подчиненных областей все, что необходимо для германского государства и его вооруженных сил», рейхскомиссариат «Остланд» исходил из того, что «нечего было считаться с потребностями местного населения»¹²². Литовские экономисты — авторы упоминавшегося меморандума фюреру — констатировали, что в условиях искусственно установленного грабительского курса марки к рублю полная распродажа литовских товаров происходит и из-за установленных цен на литовские продукты немецким гражданским правительством в Литве, особенно цен на литовские промышленные товары. Вся промышленность Литвы была обязана продавать свои товары в соответствии с директивами рейхскомиссариата. «В результате такой политики может быть только всестороннее разрушение литовской промышленности или возникновение огромной ее задолженности. Все это настолько противоречит интересам литовского народа и хозяйству Литвы, так не оправданно по некоторым рациональным соображениям, что литовский народ следит за распоряжением немецкого гражданского правительства в области экономики с большой озабоченностью. Все более вызывает озабоченность тот факт, что актуальные проблемы хозяйства Литвы целыми месяцами не были решены:

а) сельское хозяйство не поставило городу продуктов питания при отсутствии доверия к рублю, так как вопрос валюты остается открытым;

б) торговля работает с ущербом, потому что не переоборудована огромная большевистская система торговли, хотя количество товаров каждый день уменьшается;

в) продовольственная норма для жителей города установлена такая маленькая, что они должны или голодать, или взяться за спекуляцию;

г) не упорядоченный до сих пор транспорт парализует обращение хозяйского добра и тем самым весь процесс производства.

Двигаясь дальше по этой дороге, литовское хозяйство будет абсолютно разрушено, и тем самым нанесен ущерб не только Литве, но и Германии»¹²³.

Сопоставление большевистского и нацистского режимов привело авторов документа к таким выводам: «Если власть большевиков была так ненавистна в Литве, так это, между прочим, потому, что она пробовала силой выселять нежелательных себе литовцев в дальние области России. То насильственное переселение литовцев в дальние земли России оставило на все времена незабываемое впечатление. Один из приказов рейхскомиссара по делам Остланда напомнил литовцам недавние трагичные переживания, связанные с насильственным выселением многих тысяч литовцев из Литвы. Мы имеем в виду распоряжение рейхскомиссара по делам Остланда от 15 августа с.г. по использованию рабочей силы. В параграфе 9 этого распоряжения говорится: «Для важных и поспешных работ органы наемного труда могут подходящие этим работам силы за соответственную доплату использовать и в другом месте, не на месте их постоянного жительства». Так как это распоряжение издано рейхскомиссаром по делам Остланда и таким образом касается не только Литвы, но и других стран, руководство которыми входит в компетенцию рейхскомиссара по делам Остланда, то это распоряжение интерпретируется таким образом, что, судя по этому распоряжению, литовцев хотят посылать для работы в другие страны, находящиеся в ведении рейхскомиссара по делам Остланда»¹²⁴. Эта «интерпретация» была правильной — уже с 1942 г. литовцев стали угонять на работы в различные территории Остланда и в рейх.

В августе 1943 г. появился приказ Гитлера о вывозе с территории «Остланд» 18 тысяч военнопленных в рейх для добычи угля: речь в данном случае шла о литовцах, служивших в РККА и взятых в плен на поле боя, — все мужчины с 16 до 55 лет отныне приравнивались к военнопленным и вывозились в рейх¹²⁵.

Эти депортации к концу 1943 г. приобрели столь массовый характер, что немецкие власти вынуждены были сообщить в Берлин, требовавший все больше рабочей силы с Востока: «В отношении поставки рабочей силы из Литвы не следует питать завышенных ожиданий по следующим основополагающим обстоятельствам. Общая численность населения Лит-

вы имеет около 1,5 млн человек в возрасте 15—45 лет, т. е. в том возрасте, когда мужчина и женщина могут рассматриваться как пригодные для трудовой повинности. Однако, напротив, почти исключительно этого же возраста 25 667 человек были поставлены для отправки за рубеж, 14 200 добровольно поступили в охранную полицию, 541 человек — добровольно на рабочую службу. Около 60 тыс. человек из коренного населения были угнаны большевиками или взяты с собой, около 10 тыс. бежали в Германию через зеленую границу. Приблизительно 200 тыс. евреев были выселены или направлены в рабочие соединения центрального округа. Кроме возвращенцев фольксдойче, около 30 тыс. человек как фольксдойче были выселены в Германию. 67 тыс. сезонных рабочих ежегодно прибывали в Литву из нынешних областей Белоруссии и центр. губернии. Это составляет приблизительно 0,5 млн. человек, т. е. треть общего населения Литвы в возрасте 15—45 лет. Если представить себе, что эти 500 тыс. человек почти без исключения являются принадлежащими к этой возрастной категории, то станет очевидным, что резерв рабочей силы в центральном округе Литвы уже максимально себя исчерпал»¹²⁶.

Кроме того, в Литве после изначально дружелюбно встреченной немецкой оккупации ожидали возвращения на родину литовцев, бежавших в Германию в 1940 г. Однако этого не произошло — Рейх не намеревался подпитывать национальный дух какой-либо из частей «Остланда», разрешив репатриацию тех, кто выступал против лишения Прибалтийских государств независимости. «Большинство литовцев воспользовалось гостеприимством Германии. Литовский народ с благодарностью будет всегда вспоминать эту помощь. Но надо заметить, что положение литовцев, бежавших в Германию, делается все труднее, — писал ФЛА Гитлеру. — Многие из них имеют в Литве имущество, легко могли бы получить здесь работу и опять стать полезными гражданами Литвы, но по неизвестным соображениям их возвращение всячески затрудняется. Положение становится все страннее, в среде беженцев есть очень много людей, известных всей Литве, которым оказанная Германией помощь по неизвестным причинам была заменена принудительным задержанием в рамках Германии, хотя эти люди очень необходимы Литве»¹²⁷. Оккупантам вовсе не нужны были влиятельные, имеющие обществен-

ный вес реэмигранты, как не собирались они возвращать и оставшееся в Литве их имущество, которое должно было быть «освоено» арийцами, направляемыми сюда с колонизаторскими целями.

Кстати, по имеющимся документам, возвращение фольксдойче в Литву произвело на литовских крестьян хорошее впечатление. Он видели в нем знак, что Германия рассматривает Литву как «полностью защищенный от возврата большевизма». Случаи, когда немецкие крестьяне на сборных пунктах встречались литовцами с радостью и дружелюбием и помогали им добраться до своих дворов, были далеко не единичными... Русские крестьяне, — сообщали в Берлин представители нацистской гражданской администрации, — в большинстве индифферентны, поляки большей частью настроены негативно¹²⁸. (Также отмечалось, что настроение рабочих чрезвычайно подавленное, а интеллигенция и вовсе настроена конфронтационно.)

Надо отметить, что умонастроения литовских поляков перманентно были поводом для раздражения представителей оккупационных властей. В этом отношении особенно неудобным для немцев был Вильнюсский край, где поляков было большинство. Вот один из характерных отчетов, касающихся настроений населения региона: руководитель местной городской полиции в письме от 2 марта 1942 г. начальнику Вильнюсского округа обозрел положение в Вильнюсском крае: «Разные пришельцы из бывшей Польши и бывшие служащие Польши не перестают распространять разные злые придуманные ими слухи: 1) что увозимые в Германию рабочие будут поселены в тех областях, которые англичане постоянно бомбят и поэтому они должны будут там погибнуть; 2) что немецкие военные ловят женщин и используют их и, кроме того, у схваченных женщин насильно берут кровь и переливают ее раненым и ослабевшим немецким воинам; 3) что немцы посылают на Восточный фронт уже последние свои силы и если только зима продержится еще дольше, то немцев настигнет конец Наполеона, потому что на Восточном фронте тысячи воинов погибают не от пуль, а от свирепых зимних холодов и 4) что по Вильнюсскому краю разъезжают лица польской национальности, которые тайно скупают оружие, организуют в Вильнюсском крае партизанские отряды и призывают всех поляков быть готовыми»¹²⁹. Историки

и правоведы констатируют: «Политика нацистских оккупантов (и литовской администрации самоуправления) по отношению к полякам была несравненно более жесткая нежели по отношению к литовским жителям. За все время нацистской оккупации Литвы подверглись репрессиям и были уничтожены польское духовенство, офицерство и др. Во время разных массовых экзекуций против поляков могли быть убиты более 1000, из Вильнюсского края на работы в Германию вывезены около 7000 поляков»¹³⁰.

Впрочем, вскоре негативное отношение к оккупационной власти стало все более четко проявляться и у литовцев. Так, например, в докладе полиции безопасности Паневежского района от 12 ноября 1942 г. утверждается:

«В настоящее время общественность очень недовольна немцами. Распространившиеся слухи, что в провинции немцы выселяют из хозяйств литовцев, на их место поселяют немецких репатриантов, говорят, что теперешнее время равняется 14 июня 1941 г., когда большевики вывозили литовцев в СССР, так же немцы теперь выселяют литовцев из хозяйств, где жили они и отцы их отцов. Другие рассказывают, что у литовских крестьян есть оружие и они готовятся их применить против немцев. ... Что у немцев теперь одна цель — как можно больше немцев насадить в провинции и хозяйства, чтобы была более широкая сеть шпионов и движение к ассимиляции литовского народа»¹³¹.

В отчете СД от июня 1943 г. указывалось, что литовские военно-политические слои и общественность все больше верят, что Германия войну проиграет. «Надежду на это дают следующие действия: 1) высадка английской и американской армии в Европе (на Сицилии); вермахт не сможет устоять, потому что его силы рассеяны на огромном пространстве — от Атлантики до середины России; Италия остается послушной Германии только потому, что в ней находятся войска Германии, интенсивные бомбардировки авиации союзников причинят огромные убытки военной промышленности Германии;

2) политическое руководство немцев раньше придерживалось позиции воевать только силами немцев и их сателлитов, а теперь оно вынужденно старается мобилизовать мужчин оккупированных областей в вспомогательные военные подразделения и бросить их на Восточный фронт, однако эти принудительно организованные части ненадежны; заметив,

что вермахт слабеет и проигрывает, они могут восстать и направить оружие против немцев»¹³².

Литовцы очень боялись «второй советской оккупации», уповая, однако, на то, что союзники СССР по антигитлеровской коалиции будут отстаивать право Литвы на суверенитет. Поляки, хотя и отлично помнили события раздела Польши между СССР и Германией в 1939 г., все же, судя по имеющимся документам, были настроены куда более позитивно: врагом номер один для них оставалась гитлеровская Германия. Кроме того, они рассчитывали на обещания возродить после войны польское государство. Большинство русских в Литве и оставшихся евреев хотели скорейшего возвращения Красной Армии, надеясь спастись от преследований нацистских оккупантов и местных коллаборантов¹³³.

«Приобщение» к национал-социалистической идеологии шло карательными методами. В Литве было арестовано примерно 20 тысяч человек, большинство — литовцы по национальности. Органы СД и гестапо имели общую директиву ликвидировать просоветски настроенных и национально ориентированных политических деятелей¹³⁴. Начальник СД и гестапо «Остланд» В. Штальэккер «имел книжечку в темно-красной обложке, в которой были перечислены все антифашисты, советские активисты и коммунисты в СССР, в том числе в Латвии, Литве и Эстонии. Причем особо опасные для нас (нацистов. — Ю. К.) люди были в этой книжечке отмечены крестами, что означало необходимость их немедленного расстрела. Эту книжечку В. Штальэккеру выдал Гейдрих, согласно приказу Гимmlера»¹³⁵. Среди «ликвидированных» был и экзарх Русской православной церкви в Прибалтике митрополит Сергей, отказывавшийся сотрудничать с оккупационными властями. Начальник полиции и СД «Остланда» Ф. Еккельн вспоминал: «Митрополит Сергей как антифашист находился давно под наблюдением СД и гестапо... В 1943 году, в одну из встреч со мной, Гимmlер интересовался поведением митрополита Сергея и сказал, что вопрос о нем скоро решит. Затем... дал мне прочитать приказ о ликвидации митрополита Сергея, за подписью Кальтенбруннера, из которого следовало, что Сергей должен быть убит таким способом, чтобы путем провокации его убийство можно было свалить на советских партизан. Так и было сделано фактически. Когда митрополит Сергей в марте или апреле 1944 г. проезжал на легковой

машине по дороге из Каунаса на Вильно, он вместе с его шофером был убит из автомата сотрудниками СД и гестапо, а наши газеты написали, что это было сделано якобы советскими партизанами»¹³⁶.

Политический отдел министерства Розенберга в ноябре 1942 г. подготовил «Рассуждения по вопросу онемечивания народов Восточного края». Нацисты не ставили себе целью всеобщую германизацию народов Балтии. Главной проблемой было отобрать и медленно онемечить «годные с точки зрения расы» элементы и изолировать, устранить «нежелательных с точки зрения расы». В упомянутых «Рассуждениях» литовцы были оценены подобным образом, как и в докладах антропологических комиссий. Было отмечено, что расовое строение литовцев сильно отличается от немцев, эстонцев и латышей и более близко к белорусам. Были предложены два способа онемечивания: 1) эвакуация ценных с точки зрения расы инородцев в Германию; 2) ценных с точки зрения расы инородцев онемечить на их родине. Оба способа могли быть применены одновременно или последовательно. По вопросу онемечивания литовцев в «Рассуждениях» писали, что лишь около 25—30% литовцев могут быть годными для онемечивания. В отличие от эстонцев и латышей, ценных с точки зрения расы, литовцы, по мнению авторов документа, должны были быть онемечены только в Германии. Таких могло бы быть до полумиллиона. Годных литовцев следовало везти на работы в Германию, крестьян рассеять в немецких населенных областях Генералгубернаторства (территория Польши), Западной Пруссии, Верхней Силезии. Литовские крестьяне были бы германизированы за одно поколение. Ввиду того, что большая часть литовского народа не годилось для этого, предлагалось не проводить интенсивной политики языковой и культурной ассимиляции.

Один из пяти экземпляров «Рассуждений» был отправлен советнику министерства Розенберга, уже упоминавшемуся В. Хассельблату, который 21 декабря 1942 г. прислал свои замечания к «Рассуждениям». Хассельблат по сути одобрил его идеи и предлагал во время войны в Эстонии и Латвии медленнее проводить политику онемечивания, а в Литве и Белоруссии ее осуществление отложить на послевоенное время: политика германизации могла вражески настроить народы Балтии и уменьшить их вклад в борьбу с большевиз-

мом. 17 марта 1943 г. на базе «Рассуждений» были подготовлены «Директивы по вопросу онемечивания эстонцев, латышей и литовцев». В них была повторена мысль, что «годные с точки зрения расы» литовцы должны быть германизированы в Рейхе, а в Литве не нужно осуществлять активную языковую и культурную ассимиляцию. Поражения немцев на фронтах замедлили осуществление проектов германизации. В мае 1943 г. было решено отложить реализацию этих планов до «уточнения» военного положения¹³⁷.

На оккупированных восточных территориях по приказу министерства Розенберга от 13 мая 1942 г. было начато составление списков местных немцев (фольксдойче). Их должны были поддерживать экономически, юридически и воспитывать в националистическом духе. Руководство Литовского отделения НСДАП зарегистрировало всех жителей Литвы немецкого происхождения. В 1943 г. в Каунасе проживали 304 фольксдойче, в Каунасском округе — 2000, в Вильнюсе — 370, в Вильнюсском округе — 60, в округах Шауляй и Паневежис — 6850. Всего в Литве было зарегистрировано 9584 жителя немецкого происхождения.

19 июля 1943 г. руководство литовского отделения НСДАП приказало посещающих немецкие школы детей немецкого происхождения поддерживать материально и воспитывать их настоящими немцами¹³⁸. Были также зарегистрированы дети смешанных (немецких и литовских) семей. Они, как и жители немецкого происхождения, были самым благонадежным резервом в Литве. Нацисты рассчитывали детей из смешанных семей превратить в «настоящих немцев и национал-социалистов». К концу оккупации в Литве насчитывалось около 54 тыс. граждан рейха и литовских немцев.

Из обобщающего доклада Т.фон Рентельна в Берлин:
«Каунас. 16 октября 1942 года. Секретно.

Чтобы справиться с чудовищной нехваткой жилья в Каунасе, которая еще более обострилась вследствие возвращения нескольких сотен семей фолькс- и рейхсдойче (этнических немцев и немцев — граждан рейха. — Ю. К.), а также тем чтобы справиться с обращениями вермахта... необходимо часть литовской администрации и других чиновников перевести в Вильно. Сюда же относятся научные институты, университет, семинария. Наряду с решением жилищного вопроса, это имеет целью также переместить часть литовской ин-

теллигенции из Каунаса в Вильно, где она свою «энергию» несомненно направит прежде всего в антипольское направление (выделено мной. — Ю. К.). В высшей степени интересно отметить, что готовность перебраться из Ковно в Вильно у литовцев весьма невелика. Вопреки всем пропагандистским мероприятиям лишь немногие желают добровольно переехать в «сердце Литвы», хотя там, с литовской позиции их ждут заманчивые перспективы. Переселение до сего момента не сопровождалось особыми волнениями. Естественно, экстремальные националисты пытались предпринять пропагандистские акции по немедленному обратному переселению и распространять слухи об окончательной теперь германизации Литвы... Поселение с численностью примерно 30 тысяч рейхсдойче создает в генеральном округе Литвы в целом ситуацию, которая принципиально отличается от других округов рейхскомиссариата. Обслуживание этих немцев во всех сферах обуславливает особую специфику, о которой я отдельно сообщу.

Доктор фон Рентельн»¹³⁹.

Созданной в Каунасе высшей немецкой школе было поручено готовить корпус руководителей для управления Литвой. Приезжавшие в Литву из Берлина и Праги профессора читали немцам доклады о «Новой Европе» и о «цивилизационной роли немцев на Востоке».

В 1943 г. после того, как был закрыт Литовский университет, 86 подходящим в политическом и расовом смысле студентам было разрешено продолжить обучение в Германии¹⁴⁰. В Литве политика германизации в целом была более ориентирована не на онемечивание местных жителей, а на защиту литовских немцев и лиц немецкого происхождения от влияния «неарийцев». Особое внимание уделялось воспитанию фольксдойче в немецком и национал-социалистическом духе, объединению местной немецкой общины и ее превращению в опору нацистов в Литве¹⁴¹.

Нацистская культурная политика в Литве была направлена на ограничения и подавление национальной культуры — в еще более жестких формах, нежели в Латвии и Эстонии. Литовцы, как уже упоминалось, в расовой иерархии среди балтийских народов были самыми «неперспективными». Сознывая значение культуры и образования для национального самосознания и народного сопротивления, нацисты созна-

тельно старались ограничить влияние интеллигенции и учреждений просвещения в Литве.

Оккупационные власти создали Управление просвещения, генеральным советником которого 18 августа 1941 г. был назначен П. Германтас-Мешкаускас. Управлению следовало согласовывать вопросы просвещения с Отделом культуры Генерального комиссариата. В комиссариатах областей и городов работали референты по делам культуры, следившие за деятельностью школ. Посредником между Генеральным комиссариатом и Управлением просвещения был немецкий уполномоченный по делам просвещения в Литве¹⁴².

Поначалу немцы старались не трогать действующую структуру образования. 20 ноября 1942 г. Розенберг даже подписал специальный приказ о временном сохранении структуры школ Литвы, однако еще с осени 1941 г. различные подразделения армии Германии занимали их здания для своих нужд, так сказать, явочным порядком остановив учебный процесс. В некоторых гимназиях 1941—1942 учебный год начался лишь 15 октября. В первый год нацистской оккупации в литовских школах учились по программам 1936 г.

На 1942—1943 учебный год Управление просвещения подготовило новые программы начальных школ и гимназий и изменило структуру школ. Обязательной начальной школой была пятилетняя (I—V классы), а старшая ступень (VI—VII классы) стала более специализированной. В сельских школах больше часов выделялось ведению сельского хозяйства, а в городских школах — торговле. Продолжительность общего образования была установлена в 12 лет (5 лет начальной школы и 7 лет гимназии)¹⁴³.

Летом 1942 г. проверявшие работу управления образования чиновники Генерального комиссариата предъявили жесткие требования: 1) школы Литвы приблизить к немецким школам и больше времени в них уделять немецкому языку; 2) уменьшить классы гимназий и ликвидировать в них параллельные классы; 3) создавать больше ремесленных и торговых школ¹⁴⁴.

В 1943—1944 г. действовали 32 ремесленные, 2 технические, 19 торговых школ. Оккупанты были заинтересованы в подготовке рабочих и ремесленников. В начале 1943 г. в Вильнюсе был создан Институт учителей ремесел.

Особое внимание уделялось изучению в литовских школах немецкого языка. Другие иностранные языки были вычеркнуты из программ. В 1941—1942 г. в утвержденных оккупационной властью расписаниях уроков немецкому языку было выделено больше уроков, нежели литовскому и литовской литературе. На уроках истории старались обходить войны литовского народа с орденами крестоносцев и меченосцами, время кайзеровской оккупации. Летом 1942 и 1943 гг. в разных местах Литвы для учителей начальных школ были организованы курсы усовершенствования немецкого языка. В округах постоянно действовали передвижные школы немецкого языка (районные школы). В них пропагандировали идеологию национал-социализма¹⁴⁵. Оккупанты старались превратить литовские школы в очаги германизации. В 1941 г. было принято решение начинать обучение немецкому языку со второго класса и уделять ему 6 уроков в неделю, исключить из школьных программ уроки истории Литвы, религии, сократить количество уроков пения — хоровое пение у литовцев и других балтийских народов было связано с глубокими традициями.

С 20 января 1942 г. во всех школах Литвы были введены уроки немецкого языка 5 раз в неделю. По требованию отдела культуры генерального комиссариата в 1943—1944 учебном году в Каунасе немецкий язык был введен со второго класса, а на периферии — с третьего¹⁴⁶.

Особо перспективных — с точки зрения оккупантов — учителей посылали на семинары языка и истории в рейх. Там их «обрабатывали» методами национал-социалистической пропаганды с тем, чтобы вернувшись, они вели пропагандистскую работу среди коллег и учеников.

Не только, насильно внедряя немецкий язык, нацисты старались заглушить национальное самосознание и онемецить край. Для этой цели годились и другие дисциплины. Преподавание истории Германии должно было вытеснить преподавание истории Литвы. Оккупационная власть запрещала печатать новые учебники истории, разрешая пользоваться только цензурированными нацистскими чиновниками пособиями. 20 мая 1942 г. появился приказ об изъятии из всех школьных учебников (по разным периодам истории) не лояльных немцам статей.¹⁴⁷

«Один из вопросов, очень взволновавший литовский народ, это вопрос высшего образования в Литве, — писали «Великому Вождю Адольфу Гитлеру» собравшиеся в Каунасе лидеры литовской общественности. — В высших школах Литвы учится около 5000 молодых людей. Литва никогда так не нуждалась в новых дополнительных кадрах врачей, учителей, правоведов и т. д., как после трудных большевистских оккупационных лет. Но в то же время, когда вся Литва ждет интенсивной работы высших школ, немецкая гражданская власть в Литве не только не разрешает прием новых студентов в высшие школы, но и останавливает деятельность высших семестров (курсов), исключая последние. В Литве никто не понимает этих действий немецкой гражданской власти иначе, как действие по остановке культуры и экономического развития литовского народа. Литовцам трудно подумать, что органы немецкой администрации в Литве добиваются подавления литовского народа, но должны констатировать факт, что культурная и народная жизнь литовцев теперь всячески подавляется:

а) литовцам в Литве в настоящее время нельзя иметь ни одной газеты на литовском языке, потому что приказано в литовских еженедельниках помещать статьи на немецком языке;

б) с начала войны немецкая цензура не разрешила выпуск ни одной литовской книги в Литве (даже научный словарь литовского языка, отпечатанный перед войной, не мог показаться на книжном рынке);

в) в радиодинамках Литвы все более вытесняется литовский язык или его разрешается употреблять только рядом с немецким языком;

г) в радиодинамках Литвы не разрешается исполнять национальный гимн Литвы;

д) в одном из самых почитаемых мест Литвы, в каунаском Военном музее, колокола звонили перед Большой Войной властью русского царя запрещенную песню «Литовцами мы родились, литовцами хотим и быть». Музыку для этой песни написал известный литовский композитор Стасис Шимкус, а слова песни написаны в конце XIX в. большим другом литовцев немецким ученым Зауэрвейном. Администрацию Военного музея попросили эту песню больше не исполнять;

- е) в самом святом месте для всех литовцев на горе Гедемина в Вильнюсе снят литовский национальный флаг;
- ж) не разрешается праздновать литовские народные праздники»¹⁴⁸.

Но, разумеется, в отлаженном военно-политическом механизме Третьего рейха не было случайностей и «самодеятельности»: работа в генеральном округе Литва рейхскомиссариата «Остланд» шла по плану. И этот губительный план выполнялся.

3 ноября 1942 г. чиновники министерства Розенберга создали план «Регулирования молодежи в Литве в 1942/1943 г.». В нем предусматривалось разрешить учиться в высших школах лишь 12—15% (т. е. около 5 тыс.) 14—15-летних подростков, а остальных 29 тыс. отправить работать в сельском хозяйстве и промышленности. В начале 1943 г. для всех 18-летних учащихся была введена трудовая повинность — они должны были заготавливать топливо. Ученики и учителя обязаны были отработать 8 недель на добыче торфа и рубке леса. Кроме того, все достигшие 14 лет ученики были обязаны выполнять сельскохозяйственные повинности.

В январе 1943 г. оккупанты сильно сократили выделяемые школам средства. Поэтому Советам учителей и родительским комитетам пришлось организовать сбор пожертвований для содержания учителей. Жертвовали деньги и продукты питания. Школам очень не хватало учебников и письменных принадлежностей.

Из-за тяжелых материальных условий и нехватки учителей в 1942—1943 учебном году не могли посещать начальные школы 60 тыс. детей¹⁴⁹.

Особенно усилилось давление на систему образования Литвы в 1943 г., когда нацистам не удалось создать литовский легион СС.

Весной 1943 г. планировалось уменьшить количество гимназий Литвы, превратив их в средние школы немецкого типа. В 1943—1944 учебном году вместо старых гимназий стали действовать средние школы. Кроме того, были уничтожены педагогические классы, готовившие недостающие кадры учителей, из расписания уроков были полностью вычеркнуты уроки пения и национального воспитания и включены занятия по расовой теории¹⁵⁰.

Высшие школы притеснялись еще в большей степени, нежели начальные и средние. Оккупанты более терпимо относились только к подготовке специалистов в области сельского хозяйства, техники и медицины. Студенты гуманитарных специальностей им были не нужны и даже опасны. К тому же немцы массово занимали помещения высших учебных заведений и научных учреждений и общежития студентов, грабили их имущество.

В начале оккупации была проведена массовая чистка преподавателей и подсобного персонала. Были уволены с работы все евреи, марксисты, подозреваемые в лояльности к советской власти, а также национально ориентированные. До 10 сентября 1941 г. из Вильнюсского университета были лишены мест 98 научных сотрудников и служащих. Были заменены и руководители высших школ¹⁵¹. Немцы старались включить в программу высших школ как можно больше немецкого языка и курсов «национал-социалистических теорий». Студентам-правоведам преподавались Нюрнбергские антисемитские законы, пропагандировались культ фюрера и принципы вождизма. Расовая теория была включена в программы университетов как один из основных предметов.

В июне 1942 г. чиновники Рижского филиала штаба Розенберга инспектировали университеты Литвы. Университетам было запрещено выдавать дипломы, проводить ученые дискуссии, защищать диссертации и присваивать ученые степени и имена. Это могли осуществлять только высшие учебные заведения Германии. Высшие школы Литвы должны были стать специальными школами, которые готовят кадры для учреждений самоуправления — и только. Факультеты права, экономики, истории и филологии в соответствии с приказами оккупационных властей закрылись. Было разрешено продолжать обучение только медикам, техникам, химикам старших курсов. Генеральный комиссар Рентельн подчеркнул, что учебу смогут продолжить студенты тех специальностей, которые нужны во время войны¹⁵². К 1943 г. в Литве остались только два высших учебных заведения — Каунасская академия сельского хозяйства и Ветеринарная академия¹⁵³.

Говоря о специфике немецкой оккупации в Литве, нельзя не остановиться на таких аспектах политики «германизации» и «растворения» литовского народа, как уничтожение науки, литературы, искусства, исторического наследия и других основ национальной самоидентификации.

Война застала Академию наук Литвы (ЛАН) на этапе становления — она была основана при Советской власти. Научную деятельность начали только институты отдела гуманитарных наук (литовского языка, литовской литературы, этнологии, истории). Накануне войны здесь работало около 100 сотрудников. Главной целью Академии, согласно ее уставу, было «сплотить научные силы литовского народа для решения научных проблем, изучать прошлое Литвы, ее настоящее, народную культуру, природные богатства, согласовывать работу науки и культуры Литвы с деятельностью других учреждений»¹⁵⁴. В составе Академии работало три отдела: гуманитарных, социально-экономических и естественных наук. В начале войны нацисты мало вмешивались в деятельность академии, однако со временем они все больше старались подчинить ученых Литвы военным и пропагандистским интересам Германии. Весной 1942 г. оккупационная власть более чем наполовину уменьшила количество штатных работников: 1 января 1942 г. в ней работали 133 сотрудника, а 1 июня 1942 г. — 61 сотрудник¹⁵⁵. По поводу сокращения штатов президиум ЛАН не раз обращался в учреждения власти. 7 января 1943 г. председатель Литовской академии наук В. Юргутис писал генеральному советнику просвещения:

«Весной 1942 г. штаты Академии наук Литвы были настолько сокращены, что некоторые институты, как, например, права и хозяйства Литвы, и учреждения, как Исторический музей в Вильнюсе... оставлены совсем без служащих и смотрителей <...> Директора Институты, которые отвечают за работу учреждений и руководят ими, не оплачиваются. У других сотрудников академии, специалистов в своей области и окончивших высшие учебные заведения, оставлена совсем низкая зарплата. Таким образом сознательно или бессознательно созданы такие условия, которые не только мешают работе, но и не соответствуют Академии наук как самому высокому учреждению науки»¹⁵⁶.

Не хватало средств не только для зарплат, но и для самых обыкновенных бытовых нужд: на дрова, на канцелярские принадлежности и т. д. Хотя выплата зарплаты руководителям многих институтов и отделений академии была прекращена, все же большинство ученых продолжало работу и заботилось о сохранении ценностей культуры и науки.

До войны ЛАН размещалась в четырех зданиях. Вермахт уже в начале войны для своих нужд занял три здания Академии: библиотеки, Исторического музея и Института литовского языка. 17 марта 1943 г. немецкая полиция захватила и единственное незанятое оккупационными структурами помещение академии. Урон был нанесен не только недвижимому имуществу, но и научным фондам. Отступая, немцы увезли в Германию немало ценных картин и оборудования¹⁵⁷.

В марте 1943 г. когда были закрыты университеты Литвы, деятельность ЛАН официально не была прервана, однако де-факто ее работа была приостановлена¹⁵⁸. По распоряжению Х. Лозе от 1 сентября 1942 г., при рейхскомиссариате «Остланд» в Риге был создан специальный ученый совет, которому оккупанты поручили составить планы научно-исследовательских работ в странах Балтии и руководить всеми этими работами в научных и учебных учреждениях. 1 мая 1943 г. в Вильнюс приезжал руководитель упомянутого совета профессор. Х. Стегман. Он встретился с научными сотрудниками и обсудил заботящие немцев темы. По указанию оккупационной власти все научно-исследовательские работы были разделены на четыре группы: А — важные для войны, В — важные для хозяйства, С — значительные с других точек зрения и D — неактуальные темы. Изучающим темы А и В немцы гарантировали платить всю зарплату по штату и обещали освободить от трудовых повинностей. Ученые обязаны были согласовывать темы исследований. Большинство тем факультета гуманитарных наук Вильнюсского университета причислили к группе С (из 41 темы к этой группе были причислены 24). Из 12 тем языковых учений лишь одна тема была причислена к группе В — создание немецко-литовского словаря¹⁵⁹.

Посетившие Вильнюс чиновники оперативного штаба Розенберга во время совещания 4 июля 1943 г. подчеркнули, что «исследование большевистской идеологии и ее практического влияния» является одной из важнейших задач. Они остались недовольны опубликованными антибольшевистскими работами, назвав их малонаучными. На этом совещании немцы требовали привлечь к этим исследованиям больше людей, чтобы в течение трех месяцев появились бы первые результаты работы. Чиновники штаба Розенберга обязали также найти в Литве ученых, которые до 1 апреля 1944 г. подготовили бы для печати статьи на следующие темы:

- 1) отражение взаимоотношений немцев и литовцев в литературе и фольклоре;
- 2) влияние немецкого права на Литву за столетия;
- 3) влияние германской культуры на литовский язык;
- 4) влияние немцев на искусство Литвы и т. п.

Эти темы должны были считаться «по-военному важными»¹⁶⁰.

Исследования явлений природы также старались подчинить потребностям тотальной войны. Уполномоченный по делам просвещения Литвы И. Шрейнерт 12 октября 1943 г. письменно указал действующим факультетам университетов и Ветеринарной академии исследовать группы А поддерживать и закончить до 1 апреля 1944 г. К ним должны были быть привлечены и ассистенты, занимающиеся исследованиями групп С и D, однако упомянутые указания практически не исполнялись не только до 1 апреля, но и до окончания оккупации.

Нацисты отлично понимали значение печати для формирования общественного мнения, поэтому она была взята под тотальный контроль. Печатная продукция выходила по правилам, установленным отделом Пропаганды Генерального комиссариата. Литовские газеты могли публиковать только разрешенные цензурой статьи; редакция немецкие чиновники посылали обязательные для публикации передовицы, пропагандистские статьи и различные объявления. Уже в начале оккупации была введена военная цензура, в руки немцев перешли типографии, книжные магазины, другие предприятия и учреждения печати и распространения. По распоряжению Лозе от 22 декабря 1941 г. все желающие работать в печати были обязаны получить письменное разрешение оккупационных властей. По распоряжению Лозе от 5 марта 1942 г. контроль за печатью был еще более ужесточен. Разрешения выдавались не только для выпуска газет и журналов, но и для изготовления другой печатной продукции (книг, календарей, плакатов и т. д.). Выданное разрешение могло быть отозвано и могло быть выдано с какими-нибудь дополнительными «отягощениями». За невыполнение распоряжения грозила тюрьма и большой денежный штраф. Службы надзора над прессой генерального комиссариата и военная цензура зорко следили за литовскими СМИ и «оберегали» ее от «вредных» статей. Постоянно уменьшался и тираж литовских газет. Например, в феврале 1942 г. тираж еженедельни-

ка «Советник крестьянина» немцы сократили со 160 тыс. до 60 тыс. экземпляров.

В годы гитлеровской оккупации в Литве выходили только две ежедневные газеты — «К свободе» (с 1943 г. — «Будущее») в Каунасе и «Новая Литва» в Вильнюсе. Еженедельники: «Совет крестьянина» в Каунасе, «Родной край» в Шауляе, «Земля Жемайтии» в Тельшае, «Голос Паневежиса» и «Биржайские ведомости». Также издавались несколько журналов: «Неделя», «Огонек», «Новая усадьба» и дважды в месяц выходившие «Ведомости взаимопомощи». Лишь в конце 1943 г. было получено разрешение для журнала культуры «Творчество». Для немцев в Литве издавались две ежедневные газеты «Каунер цайтунг» («Каунасская газета») и «Вильнер цайтунг» («Вильнюсская газета») ¹⁶¹.

Тиражи некоторых подпольных газет («К свободе», «Независимая Литва», «Борец свободы» — всего более 20 наименований) были не намного меньше тиражей официально издаваемых газет. Подпольная печать пыталась заполнить вакуум объективной информации.

23 сентября 1942 г. был создан немецкий «Союз печати» Литвы, под его контроль перешли все издательства, типографии и торговые предприятия печатных изданий. Члены «Союза печати» были прямо подчинены руководителю, который в свою очередь был служащим Генерального комиссариата ¹⁶². Издание литовских книг в годы оккупации практически прекратилось. Небольшим тиражом вышло едва 100 наименований. Исключение делалось для литературы, необходимой немецкой пропаганде ¹⁶³.

Помимо образования и печати оккупанты жестко контролировали все сферы искусства, в том числе театр. Во время оккупации на территории генерального округа «Литва» постоянно действовали Каунасский драматический, оперный, молодежный театры и оперетта, Вильнюсский драматический и оперный театры, Шауляйский, Паневежский и Мариямпольский драматические театры. Вильнюсский и Каунасский театры литовцам нередко бывали недоступны, поскольку несколько раз в неделю в них шли закрытые спектакли, предназначенные для чиновников немецкой военной или гражданской власти. Как и в других сферах жизни, были введены и цензурные ограничения. Распоряжениями от 19 декабря 1941 г. и 18 мая 1942 г. рейхскомиссар «Остланд» установил, что для

исполнения всех сценических произведений нужно предварительное письменное разрешение генерального комиссара или уполномоченного им учреждения. Из репертуаров театров вычеркивались произведения авторов-евреев и демократов, вместо них ставились «арийские» пьесы¹⁶⁴.

Во время оккупации резко сократилось количество библиотек. В самом начале войны вермахт часто использовал для своих нужд их помещения. Так, читальные залы часто превращались в казармы. Вместо матрасов солдаты использовали подшивки газет и журналов.

Множество книг попросту уничтожали. Уже 29 июля 1941 г. отдел пропаганды рейхскомиссариата «Остланд» приказал изъять из библиотек марксистскую и советскую литературу, еврейские рукописи, монографии зарубежных авторов, запрещенных в рейхе. Из библиотек изымались произведения писателей и ученых с мировым именем. Например, только из Каунасской центральной государственной библиотеки было изъято около 1500 наименований¹⁶⁵.

Из Литвы, как и из других оккупированных территорий, в Германию вывозились культурные ценности. С 1 сентября 1941 г. в эту акцию включилось и подразделение штаба Розенберга. Розенберг лично контролировал этот процесс. Тысячи книг, картин и др. в начале оккупации было вывезено из Литвы в библиотеки Кенигсберга. В Вильнюсе нацисты печатали 100 синагог, 2 еврейские библиотеки, Государственный архив на улице Миндауго, архив Университета, архив Метрик, собрание Академии наук. В Каунасе немцы ограбили театры оперы, драмы и оперетты, в Шауляе сожгли краеведческий музей с уникальными этнографическими, археологическими коллекциями¹⁶⁶.

Из сообщения созданной после освобождения оккупированных территорий Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников:

«17 марта 1943 года гестаповцы оцепили здание старейшего Вильнюсского университета, разбили в нем статуи и орнаменты, изорвали картины, разграбили экспонаты, ценные учебные пособия, научную литературу, эпидиаскопы, электромоторы, станки и другое научно-вспомогательное оборудование; увезли в Германию 1743 грамма платины. В разгроме университета принимали активное участие немецкие

«ученые» доктора Мюллер и Вульп. Такая же участь постигла и другой крупный литовский государственный университет и химический институт. Немцы разрушили в Вильнюсе и Каунасе 14 гимназий и 46 начальных школ, а также учебные заведения в Шауляе, Мариамполе, Паневежисе, Укмерге; взорвали и уничтожили сельскохозяйственную академию, Высшую сельскохозяйственную школу и 7 низших сельскохозяйственных школ.

Гебитскомиссар города Вильнюс Хингст присвоил и вывез из Вильнюсского государственного художественного музея ценные коллекции мебели, старинный фарфор, ковры, картины, гравюры и другое музейное имущество. Из этого же музея немцы похитили 40 ценных картин XIX и XX веков, 130 матриц очень редких гравюр на меди (XVII, XVIII, XIX веков), конкурсную модель проекта памятника Петру Великому скульптора Т. Крюгера. Генерал Рунау вывез ценные картины «Святое семейство» (мастерской Рубенса) и «Пейзаж» (Тенирса). Из библиотеки Академии искусств были похищены немцами 743 книги наиболее старинных и редких изданий, коллекции исторических золотых и серебряных медалей. Полному разгрому подверглись широко известные еврейские культурные учреждения: 1) Библиотека им. М. Страшуна; 2) Еврейский научный институт Академии наук Литовской ССР; 3) Историко-этнографический музей. 10 тыс. экземпляров старинных изданий XV, XVI, XVII веков были направлены в Берлин. Немецкие захватчики отправили во Франкфурт-на-Майне ценные картины Репина, Левитана, Марка Шагала, скульптуры М. Антокольского, Гинцбурга, Аронсона, Н. Трегера, рукописи и письма Максима Горького, Льва Толстого, Романа Роллана, Шолом-Алейхема и др.»¹⁶⁷.

С самого начала оккупации немцам требовались добровольные помощники для охраны военных объектов, исполнения полицейских функций. Уже при вступлении немецких войск в Литву дезертировавшие из рядов РККА (как мобилизованные, так и проходившие срочную службу) местные жители и милиционеры предложили немецкому командованию свои услуги¹⁶⁸. Из них в июле 1941 г. оккупационные власти создали полицейские батальоны. Литовских добровольцев, желавших сотрудничать с оккупантами, также направляли на тыловую службу или в части обеспечения. Число таковых к осени 1941 г. достигло 20 тыс. человек¹⁶⁹.

Два батальона были переданы командующему оккупационными войсками Остланда для охраны железной дороги и других стратегических объектов. Еще два согласно приказу Гимmlера были предоставлены в распоряжение армейской группировки «Север». Сначала они считались надежными, но к концу 1943 г. отношение к ним радикально поменялось. Три батальона по приказу Гимmlера были переданы высшему руководителю СС и полиции армейской группы «Центр» и Украины для несения караульной службы. Остальные три были оставлены в Литве для несения караульной службы и обеспечения порядка¹⁷⁰. В общей сложности во время войны в Литве было создано не менее 26 полицейских батальонов¹⁷¹. Наряду с ними на службе в уголовной полиции, гестапо и ПВО находились еще около 2000 человек. К концу 1942 г. примерно 30 тыс. литовцев служили в армии и в полиции. Большинство из них было в возрасте до 30 лет и происходило, главным образом, из мелких крестьян¹⁷².

После того как Литва была полностью оккупирована, разрозненные повстанческие группы были реорганизованы нацистами в 22 стрелковых (из них 1 кавалерийский) батальона самообороны («Шумы»), численностью 500—600 человек каждый. Батальоны имели в своем составе немецкие группы связи, состоявшие из офицера и 5-6 унтер-офицеров. Общая численность военнослужащих этих формирований достигала 13 тыс., из них 250 были офицерами. В районе Каунаса все литовские полицейские группы были объединены в батальон «Каунас» в составе семи рот. Вместе с немецкими частями он вел борьбу против советских партизан. Батальоны принимали участие в карательных акциях на территории Литвы, Белоруссии и Украины. 2-й литовский батальон под командованием майора А. Импулявичюса был организован в 1941 г. в г. Каунасе и дислоцировался в его пригороде — Шанцах. 6 октября 1941 г. в 5 часов утра батальон в составе 23 офицеров и 464 рядовых отбыл из Каунаса в Белоруссию в район Минска, Борисова и Слуцка для борьбы с советскими партизанами. С прибытием в Минск батальон перешел в подчинение 11-го полицейского резервного батальона майора И. Лехтгаллера, на территории Белоруссии участвовал (получив новый номер — 12-й) в карательных действиях против партизан и мирного населения до лета 1944 г. (В апреле 1942 г. часть его личного состава была распределена по ох-

ранным частям СС в районе Люблина, лагерям военнопленных, часть его членов поступила на курсы подготовки охранников концлагерей в Травниках.) В феврале-марте 1943 г. 2-й литовский батальон участвовал в проведении печально известной антипартизанской акции «Зимнее волшебство» на границе Латвии и Белоруссии, взаимодействуя с несколькими латышскими и 50-м украинским охранными батальонами. (2-й — Вильнюсский — охранный батальон с 1942 г. был отправлен в Польшу, где использовался в качестве охраны концлагеря «Майданек».)

Из Белоруссии приходила в Литву информация о том, чем занимается батальон: «2-му батальону вспомогательной полиции было поручено расстреливать привезенных из Белоруссии и Польши евреев, русских, коммунистов и военнопленных Красной Армии. По полученным сведениям они уже расстреляли свыше 46 тысяч человек и повесили свыше 10 человек. Все эти экзекуции фильмируются, а особенно массовым путем фильмовалось вешание, фильмовались только литовские подразделения. Немцы в это время отступают в сторону...»¹⁷³. (В 1962 г. правительство СССР потребовало от правительства США выдачи А. Импулявичюса — на Вильнюсском процессе было установлено, что в 1941 г. в Каунасе, Запишкисе, Йонаве при участии возглавляемого им батальона было убито несколько тысяч человек, в Минске — около 9 тысяч советских военнопленных, в Дукоре 618 граждан, в Рудепске 188 человек, в Смиловичах 1300, в Слуцке около 5 тыс. Верховным судом Литовской ССР Импулявичюс был осужден заочно к смертной казни. Однако во времена «холодной войны» из США выдачи не осуществлялось, и требование советской стороны было отклонено.) Расправы производились с такой изощренностью и безудержностью, что вызвали обеспокоенность даже у многоопытных нацистских карателей. Так, например, гебитскомиссар Слуцка Г. Карл сообщил своему руководству о происходившем:

«В 8 часов утра 27 октября 1941 года из Каунаса (Литва) прибыл старший лейтенант, который представился как адъютант командира 12-го литовского полицейского батальона безопасности. Он сообщил, что их батальон получил задание в течение двух дней ликвидировать все еврейское население города. Батальон, состоящий из четырех рот, приступил к исполнению данного приказа немедленно по его при-

бытии... Я попросил его отложить начало акции на день, но он категорически мне отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что обязан проводить такие же акции и в других городах, а на Слуцк ему отведено только два дня. В течение этого времени Слуцк должен быть полностью очищен от евреев... Я должен с сожалением признать, что их действия граничили с садизмом. Весь город выглядел ужасающе. С неопишуемой жестокостью литовцы из данного полицейского батальона выгоняли из домов евреев. По всему городу слышались выстрелы. На некоторых улицах появились горы трупов расстрелянных евреев. Перед убийствами их жестоко избивали чем только могли — палками, резиновыми шлангами, прикладами, не щадя ни женщин, ни даже детей. О еврейской акции не могло больше быть и речи, это было похоже на настоящие акты вандализма. Я со своими сотрудниками все время находился в городе и старался спасти то, что еще можно было спасти. Были случаи, что я с револьвером в руках выгонял этих литовцев с предприятий. Подчиненные мне жандармы выполняли мои распоряжения, но они должны были поступать очень осторожно, ибо улицы города простреливались. В расстрелах за городом я не участвовал и о происходящем там ничего не могу написать. Однако следует отметить, что спустя довольно много времени после акции из закопанных ям все еще выползали раненые... Заканчивая, я должен отметить, что во время акций солдаты данного полицейского батальона грабили не только евреев. Много домов белорусов были ими ограблены. Они забирали все, что только могло пригодиться — обувь, кожу, ткани, золото и другие ценности. По рассказам солдат вермахта, они буквально вместе с кожей стаскивали кольца с пальцев своих жертв. Даже склад, в котором хранилось имущество гражданских учреждений, тоже был ограблен. В казармах, куда их распределили, были проломлены и высажены рамы окон и дверей, которые они использовали для вечерних костров. Ночью со вторника на среду данный батальон оставил город. Они уехали по направлению к Барановичам. Жители Слуцка обрадованы этой вестью... Прошу в дальнейшем оградить меня от этого полицейского батальона. Карл»¹⁷⁴.

Всего в Литве было сформировано 22 литовских батальона «Шумы» (номера с 1-го по 15-й с 251-го по 257-й). В августе — октябре 1942 г. литовские батальоны располагались

на территории Украины: 3-й в Молодечно, 4-й в Сталино, 7-й в Виннице, 11-й в Коростене, 16-й в Днепропетровске, 254-й в Полтаве, а 255-й в Могилеве (Белоруссия). В октябре 1942 г. 250-й литовский шума-батальон был включен в состав частей группы армий «Север» и на его базе были созданы 650-я и 651-я восточные охранные роты (литовские). В марте 1944 г. началось формирование еще 13 батальонов (номера с 263-го по 265-й и с 301-го по 310-й), однако до конца эти мероприятия не были доведены.

Несколько немецких полицейских батальонов, в состав которых были включены литовские роты, действовало за пределами Литвы: в Ленинградской области (5-й и 13-й), в Белоруссии (3-й, 12-й, 15-й, 254-й, 255-й), в Польше (2-й).

23 января 1943 г. Гитлер одобрил предложение Гиммлера о создании литовских и латышских частей СС. На территории Литвы развернулась широкая пропаганда под лозунгом участия всех европейских наций в «крестовом походе против большевизма». По всей территории Литвы были развешаны в общественных местах красочные цветные плакаты «Воззвание к Добровольческому литовскому легиону СС»:

«Учитывая героическое поведение бойцов уже находящихся на фронте литовских батальонов самообороны, Фюрер разрешил в составе войск СС организовать Добровольческий литовский легион СС»¹⁷⁵.

Однако литовцы первоначально не спешили воспользоваться разрешением фюрера, пытаясь создать собственные вооруженные силы, пусть и воевавшие бы в нацистском «фарватере». Они претендовали на статус союзнической вермахту армии. 5 апреля 1943 г. в Каунасе прошла Литовская конференция. Участвовавшие в ней представители разных слоев населения Литвы (всего 91 человек) приняли три резолюции, в которых выразили протест против каких-либо претензий Советского Союза на территорию Литвы и против любых попыток говорить от имени литовского народа; также было заявлено, что литовский народ, вступая в борьбу с большевизмом, на все века отвергает навязанные ему связи с Советским Союзом. Конференция, решила, «для успешной борьбы с большевизмом» на добровольных началах организовать вооруженные формирования Литвы, которыми командовали бы литовские офицеры. В конце конференции была оглашена приветственная телеграмма Гитлеру. Также на конференции

был создан Совет Литвы, который действовал как совещательный орган при генеральном советнике Литвы генерале П. Кубилюнасе¹⁷⁶.

Согласно показаниям Ф. Еккельна, в июле 1943 г. Кубилюнас просил его о встрече. «Кубилюнас и два сопровождавших его господина из состава литовской администрации настаивали на своих политических требованиях. Кубилюнас предлагал:

1. Сформировать две литовские дивизии под командованием литовских офицеров.

2. Право литовского самоуправления участвовать в решении вопроса об использовании этих дивизий.

3. Создание генеральной инспекции литовских вооруженных сил, причем была названа фамилия генерала фон Плевхавичуса.

4. Издание специального закона Гитлера, по которому Литва была бы объявлена самостоятельным государством и литовское самоуправление получило бы права суверенного правительства.

Это предложение я отверг, как совершенно неосуществимое в данное время, и посоветовал Кубилюнасу вновь обсудить весь этот вопрос между собой и отказаться от политических требований. Я также отказался принять меморандум, содержащий политические требования»¹⁷⁷.

Еккельн, тем не менее, сообщил о планах литовцев Гиммлеру, который оценил их категорично: он заявил, что «литовцы сошли с ума»¹⁷⁸.

Мобилизация в СС провалилась. Это стало предлогом для оккупантов ужесточить репрессии против литовской интеллигенции и высшей.

«Июль, 13 день 1943 год

Гиммлер — Борману

Товарищ по партии! События в Литве мне известны. Все это возникло оттого, что там все делалось мягко, стремясь легко уладить дела. Так и сложилось очень опасное положение, что оба университета в Вильнюсе и Каунасе Восточным министерством были выпущены из под /нашего/ контроля и управлялись самостоятельно. Немецкий Вермахт добровольцев раздражил — студенты уехали в деревни и не ответили благодарностью за доброжелательные обещания Рейха. Пользуясь распоряжениями Восточного министерства, продолжают свои студии за пределами университетов.

Подобные условия в Литве создались... из-за наших слишком мягких и нерешительных методов. Теперь, конечно, должны будут применены более тяжкие и решительные решения для восстановления порядка.

Хайль Гитлер
Гиммлер»¹⁷⁹.

Между тем, ситуация на Восточном фронте становилась для Германии все более сложной, и вопрос о привлечении литовцев в военные формирования снова стал актуальным. По указанию генерального комиссара фон Рентельна Кубилюнас 23—24 ноября 1943 г. в Каунасе созвал специальное совещание, на котором присутствовали генеральные советники литовского самоуправления, приглашенные офицеры довоенной армии Литвы, представители науки, общественности и духовенства, всего 46 человек. Участников совещания попросили выразить свое мнение по двум основным вопросам: «Первый — нужно ли прилагать усилия, чтобы было разрешено организовать вооруженные силы Литвы, и второй — в какой форме проводимая эта организация возымела бы большее одобрение в стране и в обществе и гарантировала бы успех организации таких вооруженных сил»¹⁸⁰.

По первому вопросу все участники совещания единогласно решили, что нужно «организовать вооруженные силы в Литве, которые бы защищали край от угрожающего вторжения большевиков». По второму вопросу было высказано мнение о создании чисто литовской армии. Совещание приняло следующую резолюцию:

«1. Литовцы в целях защиты своей территории энергично включаются в борьбу с большевизмом, для чего необходимо иметь свои вооруженные силы в форме литовской армии.

2. Литовской армией должен руководить немец, пользующийся доверием как немцев, так и литовцев.

3. Эта армия должна быть создана путем мобилизации»¹⁸¹.

Все участники высказались против создания литовского легиона СС. Получив указания из Берлина, Т. фон Рентельн руководитель СС и полиции приказали закрыть университеты и другие высшие школы Литвы. Были закрыты Каунасский и Вильнюсский университеты, Академия наук и Академия искусства, Педагогический институт, Государственная филармония. Проводились обыски в квартирах профессоров и известных деятелей культуры. Были брошены в концлагерь Штут-

тхоф несколько десятков «национально ориентированных» представителей литовской интеллигенции. Среди арестованных был генеральный советник просвещения Р. Германтас, пять профессоров и четыре директора гимназий. Высшие школы Литвы, как «гнезда национализма» были закрыты, помещения разорены, инвентарь и учебные пособия во многих местах уничтожены. Нетронутой осталась только Сельскохозяйственная академия. Одновременно были закрыты и четыре учительские семинарии¹⁸². Еккельн отчитывался в Берлин:

«Центр военного производства

Касается: мобилизации в Литве

За бойкот легиона СС в Литве выполнены следующие указания литовскому народу:

1. Закрыты все высшие учебные заведения всей Литвы;
2. Три литовца генеральных советника гражданской власти и 29 интеллектуалов из разных слоев резистенции арестованы и заключены в концентрационный лагерь Штутгоф в Германии;

3. Использование студентов до сих пор идет без заметной пользы, потому что в Литве есть только 233 полицейских низшего и высшего ранга.

Снятие полиции из Вильнюса и Каунаса и тем более из борьбы с бандитами (речь идет о партизанах. — Ю. К.) в приграничных областях в имеющихся условиях невысказано. В следующие дни намерен в Каунасе встретиться с А. фон Рентельном и обсудить целесообразность применения в дальнейшем более суровых наказаний для литовцев. Еккельн, обергруппенфюрер СС.02.04.43»¹⁸³.

В начале 1944 г., после согласования с немцами, для борьбы с советскими партизанами и выполнения других полицейских функций на территории Литвы, по инициативе генерала П. Плехавичюса были предприняты первые шаги по организации литовской армии. 31 января руководитель СС и полиции в Литве бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Г. Харм сообщил Кубилюнасу, что создаваемые литовцами части могут называться только батальонами для уничтожения бандитов — немцы категорически не хотели создавать в Литве даже подобие самостоятельных армейских частей. Однако позже было согласовано компромиссное название — Местная дружина Литвы (МДЛ).

МДЛ создавалась прежде всего для борьбы с советскими партизанами и для противостояния приближающейся Красной Армии. Активисты МДЛ рассчитывали после ухода немцев защитить воссоздаваемое независимое литовское государство. Границы действия МДЛ должны были простираться от Нарвы до Вильнюса, а ее операции в начальном этапе должны были проводиться против советских партизан. Многие из тех, кто выступал против мобилизации, поддержали МДЛ, потому что считали, что дружина, при приближении Красной армии, станет основой для восстановления вооруженных сил Литвы¹⁸⁴.

Когда ухудшились дела на фронте и появилось всеобщее недовольство литовцев политикой оккупантов, местная немецкая администрация была вынуждена искать компромиссы. На обещания литовского самоуправления поставить рабочих для работ в рейхе, Т. фон Рентельн ответил обещаниями открыть в университетах Литвы «важные для надобностей войны факультеты». По его устному распоряжению, студентам последних курсов лесохозяйственного, фармацевтического, медицинского и технического факультетов Вильнюсского университета было разрешено готовиться к выпускным экзаменам¹⁸⁵.

На многочисленные просьбы руководителей Вильнюсского и Каунасского университетов разрешить работать высшим школам генеральный комиссар Рентельн ответил: «Заккрытие высших школ в свое время было применено как наказание за неучастие литовского народа, особенно его интеллигентного слоя, в активных военных мероприятиях. Поэтому их открытие зависит от того, когда именно этот военный взнос будет выполнен»¹⁸⁶. (До конца немецкой оккупации университетам так и не было разрешено возобновить свою работу.)

В феврале 1944 г. Кубилюнас снова прибыл в Ригу, в штаб рейхсшлятера Розенберга, и привез с собой генерала П. Плехавичуса — для обсуждения «военного взноса». На этот раз он предлагал сформировать одну литовскую дивизию. Никаких политических требований он не предъявлял. «Командиром дивизии должен был стать Плехавичус, так как он являлся в Литве единственной личностью, известной народу. В Литве якобы каждый знает Плехавичуса, как ярого врага большевиков, и его обращение с призывом добровольно вступить в литовскую дивизию безусловно будет иметь успех. «Они

сказали, что настроение в Литве, в связи с неблагоприятным для Германии оборотом войны, очень ухудшилось, и многие рассчитывают на возвращение Красной Армии. Сформированная дивизия поэтому должна будет остаться в стране для обороны Литвы, — показывал уже после войны Еккельн. — Принимая во внимание тяжелое положение, я не стал отклонять сделанное мне предложение... Я предложил сначала сформировать 10 батальонов с общим количеством в 6000 человек, чтобы убедиться, возможно ли будет создать дивизию, а кроме того, как можно скорее очистить от партизан южные и восточные районы Литвы. Плехавичус принял это предложение, и он выпустил обращение, подписанное Кубилиюнасом и им, с призывом вступать в добровольческую литовскую часть»¹⁸⁷.

13 февраля 1944 г., после совещания генерала П. Плехавичюса с высшим руководителем СС и полиции в Остланде обергруппенфюрером СС и генералом полиции Ф. Еккельном и руководителем СС и полиции в Литве бригаденфюрером СС и генерал-майором полиции Г. Хармом, было объявлено соглашение о создании МДЛ. Командиром Местной дружины Литвы с 1 февраля 1944 г. был назначен Плехавичюс. При вербовке добровольцев в МДЛ директор Департамента литовской полиции В. Рейвитис 18 февраля дал секретное указание полиции оказывать всяческую помощь комендатурам, начальникам уездов, бургомистрам и старостам волостей¹⁸⁸.

Была развернута широкая агитация за вступление мужчин в МДЛ: ученикам старших классов гимназий было обещано выдать аттестаты досрочно, без выпускных экзаменов. Немецкое руководство, чтобы со своей стороны простимулировать мобилизацию, пообещало прекратить вывоз жителей Литвы на работы в Германию¹⁸⁹.

Желающих вступить в дружину было так много, что Плехавичюс уже 11 марта был вынужден прекратить регистрацию добровольцев, потому что вместо разрешенных 18 000 записалось 30 000 юношей. В конце марта 1944 г. призыв был закончен. В дружину было принято около 12 000 добровольцев, из которых сформировали 13 батальонов¹⁹⁰. (Сотрудникам литовской полиции было категорически запрещено поступать на службу в МДЛ¹⁹¹.) Среди добровольцев было много офицерских сыновей, богатых крестьян, студентов — около тысячи человек. Плехавичюс отобрал их для офицерского

резерва¹⁹². Снаряжение, обмундирование и оружие уже были готовы, и можно было начинать военную подготовку.

Еще до завершения организационной стадии немцы решили взять МДЛ под свое командование, потребовали мобилизовать литовскую молодежь и дать на нужды вспомогательной службы немецкой армии 70—100 тыс. мужчин. 22 марта командующий Северного фронта генерал-фельдмаршал В. фон Модель и высший руководитель СС и полиции в Остланде Ф. Еккельн, находясь в Полоцке, потребовали у Плехавичюса до 15 апреля создать 15 новых батальонов (9000 человек) и передать их в распоряжение вермахта — для охраны военных аэродромов. После отказа Плехавичюса выполнить это требование Рентельн потребовал, чтобы генерал объявил всеобщую мобилизацию, однако она провалилась. На фоне успешно прошедшего недавнего призыва в МДЛ ситуация выглядела опасной для немцев. И без того небезосновательно не доверявших ее руководителям: оккупанты понимали, что при отступлении (перспектива которого прорисовывалась в это время уже довольно четко) МДЛ может обратить оружие против них. Поэтому в начале мая своим приказом Еккельн переподчинил себе находящиеся в Вильнюсском крае батальоны МДЛ (их там было 7), а все остальные батальоны, все комендатуры Местной дружины в уездах и все другие части передал в подчинение немецких областных комиссаров. В мае все литовские батальоны получили униформу СС и стали вспомогательными батальонами немецкой полиции¹⁹³.

«Через несколько месяцев обнаружилось, что у литовцев мало боевого духа, они допускали многочисленные злоупотребления по отношению к ненавистным им полякам. Однако в бою против польских партизанских групп они отступали. Они боялись сблизиться с крупными отрядами советских партизан, находившимися в лесах между Вильно и Молодечно. Батальоны потеряли много оружия, снаряжения и обмундирования, так как партизаны взяли много пленных, которых они отпускали назад полуголыми. Все поведение батальонов говорило о том, что их руководство не отвечало требованиям, поставленным перед ним, — утверждал Еккельн. — По поведению генерала Плехавичюса я заключил, что виновником этого является он. Когда же в некоторых батальонах появились признаки разложения, то я приказал немедленно раз-

оружить и расформировать батальоны и арестовать Плехавичуса со всем его штабом»¹⁹⁴.

15 мая 1944 г. в Каунасе руководство дружины вместе с генералом П. Плехавичюсом и начальником штаба О. Урбонасом были арестованы гестапо и отправлены в находящийся в Латвии Саласпилский концентрационный лагерь. (Плехавичюс вскоре был освобожден¹⁹⁵.) Литовские части были расформированы. Еккельн заявил, что литовская нация, как негодная, выбрасывается из сообщества создателей «новой Европы»¹⁹⁶. Все офицеры и солдаты ликвидированной МДЛ обязаны были сдать в военную комендатуру униформу, оружие и боеприпасы¹⁹⁷. Разоружение батальонов немцам удалось провести только частично. Около половины бывших добровольцев скрылись, не сдав оружия. 3000 человек были направлены во вспомогательные авиачасти в Германию.¹⁹⁸ Около 3000 человек из батальонов и 500 кандидатов в офицеры ушли в леса или разошлись по домам¹⁹⁹.

После приближения фронта к Литве 24 июня 1944 г. усилиями генерала Кубилюнаса было получено разрешение нацистов в уездах создать охранные команды²⁰⁰. Немцы рассчитывали, что литовцы будут сопротивляться советской армии, пытаясь задержать ее наступление, и тем самым дадут частям вермахта больше времени для отступления.

Характерно, что приток литовских добровольцев в Красную Армию начался после того, как советские войска пересекли границы Литвы. В призывные комиссии освобожденного Каунаса с 25 августа по 5 сентября явились 10 145 горожан. За первые две недели после освобождения Вильнюса в РККА вступили 1417 человек. До 16 сентября 1944 г. из освобожденных уездов республики в советские вооруженные силы вступили 83 941 человек. Всего же из Литвы в Красную Армию на завершающем этапе войны вступили, по официальным советским данным, 108 378 человек²⁰¹.

В освобождении Литвы от оккупации принимала участие и 16-я литовская дивизия, приказ о формировании которой «по просьбе ЦК КП(б) Литвы и Правительства Литовской ССР» Государственный Комитет Оборона СССР принял 18 декабря 1941 г. Она формировалась в Московском военном округе, на территории Горьковской области. На 1 января 1943 г. в ней было 10 250 человек, из которых около 7 тыс. составляли литовцы или жители довоенной Литвы. Национальный

состав был разнороден: литовцы — 36,3%, русские — 29,9%, евреи — 29%, представители других национальностей — 4,8%²⁰². Первый бой дивизия под командованием генерал-майора Ф. Жемайтиса приняла 21 февраля 1943 г. под деревней Алексеевка в 50 км от Орла в рамках зимнего наступления Красной Армии 1942—1943 г. на Орловском направлении²⁰³.

Литовская дивизия, участвовавшая в наступлении войск 1-го Прибалтийского фронта с 30 июня по 8 июля, обеспечивая правый фланг 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта, вела бои по разгрому гитлеровских войск в ходе Полоцкой наступательной операции, освободив 148 населенных пунктов. В декабре 1943 г. войска 1-го Прибалтийского фронта (командующий — генерал армии И. Баграмян) прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника южнее Невеля, вышли на подступы к Городку, освободили его, перерезали железную дорогу Витебск — Полоцк. В этой операции севернее озера Коша участвовала и 16-я дивизия.

4 июля 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта вышли в районе озера Дрисвяты (юго-восточнее Даугавпилса) к стыку границ Литовской и Латвийской ССР. 7 июля 3-й Прибалтийский фронт начал бои в столице Литвы Вильнюсе, завершившиеся его освобождением 13 июля. К началу августа были освобождены другие крупнейшие литовские города — Каунас, Паневежис и Шауляй.

В середине августа 44-го дивизия отличилась в ходе Шауляйской операции при отражении контрнаступления, предпринятого немцами с использованием до 800 танков и штурмовых орудий с целью восстановить коммуникации группы войск «Север» с Восточной Пруссией. К исходу 19 августа немецкая танковая дивизия «Великая Германия», оставив на поле боя горящие танки и много убитых солдат, прекратила попытки пробиться в Шауляй²⁰⁴.

За отличие в боевых действиях при освобождении Клайпеды 19—28 января 1945 г., в результате которых территория Литовской ССР была окончательно освобождена от немецко-фашистской оккупации, дивизии в числе 18 соединений и частей, участвовавших в этих боях, было присвоено почетное наименование Клайпедской. 167-й стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени. По случаю освобождения Клайпеды в Москве был дан салют 20 артиллерийскими залпами из 124 орудий. Как сообщила официальная

советская пресса, «во всей Литве было с ликованием встречено известие о том, что части Красной Армии вошли в Клайпеду, что территория Советской Литвы полностью очищена от гитлеровских войск»²⁰⁵. Разумеется, в официальные сводки не вошла информация о более чем 60 тыс. литовцах, бежавших в этот период на Запад. Состав этих беженцев был исключительно разнообразен — от преступников, осуществлявших Холокост, и журналистов коллаборационистской печати, до ничем себя не запятнавших представителей интеллигенции.

31 января 1945 г. Литовская дивизия получила приказ выдвинуться в Курляндию (Латвия), где в течение зимы и весны продолжала воевать против гитлеровцев. Утром 8 мая 1945 г. в 12 часов дня дивизия вместе с другими соединениями Красной Армии приняла капитуляцию Курляндской группировки вермахта. В середине июля 16-я дивизия вернулась на родину. В Вильнюсе прошел парад победителей.

Литовцы в рядах антигитлеровской, антифашистской коалиции воевали, разумеется, не только под знаменем 16-й Литовской дивизии. Немало их было и в партизанских отрядах, и в других частях Красной Армии. Более 150 тыс. граждан Литовской ССР, по официальным советским данным, участвовали в годы войны в активной вооруженной борьбе с нацистами.

В справке Чрезвычайной комиссии Литовской республики от 25 июля 1945 г. сообщается, что в Литовской ССР за время немецкой оккупации были убиты 436 535 мирных жителей, 229 738 военнопленных, угнаны в рабство 36 540 человек²⁰⁶.

2.3. Генеральный округ «Латвия»

22 июня 1941 г. немецкая военная авиация в 4 часа утра совершила налеты на латвийские города Вентспилс и Лиепая. Бомбардировке подверглись аэродромы советских воздушных сил, штабы, места концентрации отдельных войсковых соединений. В Латвию вторглась группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала В. фон Лееба, предпринявшая удар в четырех направлениях: на Лиепая, Даугавпилс, Крустпилс и Ригу. Части Красной Армии стремительно и хаотично отступали. Самые серьезные бои велись в

Лиенае, где 23 июня в окружение попали подразделения 67-й стрелковой дивизии генерала Н. Дедаева и части военно-морского флота. В оборонительных боях за Лиенаю на стороне советских войск сражались и группы латвийского комсомольского актива²⁰⁷. По приказу командира флота в порту были взорваны шесть подводных лодок. На военном аэродроме в Гробиня гитлеровцы захватили готовые к вылету самолеты²⁰⁸.

Немецкие войска быстро продвинулись вперед. 26 июня был занят Даугавпилс, а на десятый день войны (1 июля) немцы без серьезных боев заняли Ригу. Город фактически защищали только 5-й полк внутренних войск СССР и отряды рабочей гвардии.

Советское руководство Латвии покинуло Ригу 27 июня и перебралось в город Валта, но и тут задержалось ненадолго, поскольку немецкие войска стремительно продвинулись на восток. В ночь с 4 на 5 июля правительство покинуло Валку и перебазировалось в Новгород (в 1941 г. входил в Ленинградскую область. — Ю. К.). 8 июля 1941 г. немецкая армия оккупировала всю территорию Латвии. Во многих местах войска вермахта встречали как освободителей от Советов.

В конце июня — начале июля 1941 г., когда советские войска отступали и в Латвию входили немецкие войска, несколько дней или даже недель царило безвластие. Воспользовавшись ситуацией, латышские «инициативные группы» создавали вооруженные отряды, расправлявшиеся с советскими активистами, коммунистическими функционерами, отступавшими красноармейцами, устраивали еврейские погромы. Последнее — участие латышей в истреблении евреев в этот период — является предметом острой дискуссии как среди историков²⁰⁹, так и среди политиков. Выявление исторической истины здесь затруднено тем, что официальных письменных документов, в которых бы содержались точные данные о приказах устраивать погромы и т. д., по понятным причинам либо не сохранилось, либо вообще не существовало. Подобные распоряжения отдавались, как правило, в устной форме, нередко же погромные акции возникали «самостоятельно» без всяких приказов, о чем сохранились свидетельства очевидцев и немногих, чудом выживших жертв²¹⁰ — некоторые латвийские историки опровергают эти утверждения²¹¹. В свою очередь, эти утверждения опровергаются но-

вейшими исследованиями немецких историков. Например, в них констатируется, что после того как столицу Латвии покинули последние части Красной Армии, «латышские националисты сразу же начали охоту на евреев города. Около 2700 евреев после издевательств было расстреляны в лесу Бикерниеки, 300 евреев согнали в самую крупную синагогу города, большую хоральную синагогу, и вместе с ней сожгли»²¹².

Еще до вторжения нацистов в Латвию во многих местах республики стали возникать вооруженные группы, называвшие себя национальными партизанами. Особенно активно они стали действовать с началом войны. Решив воспользоваться сложившейся ситуацией, партизаны хотели как можно быстрее ликвидировать коммунистический режим и восстановить государственность Латвии. В движение включилось и гражданское население, желавшее отомстить Советам за недавние депортации, «айзсарги», военнослужащие Латвийской армии, дезертиры из сформированного после включения Латвии в состав СССР Латвийского 24-го территориального корпуса. Уже 22 июня группы антисоветски настроенных латышей (вышедшие из лесов и с дальних хуторов) в Приекуле попытались занять здание почты и телеграфа. Нападения на отступающие советские войска были зафиксированы в Риге и других городах по всей территории республики. Летом 1941 г. в Латвии действовало 129 антисоветских партизанских групп. Вылазки «айзсаргов» и других организованных националистами латышских вооруженных групп в первые дни войны вносили дезорганизацию в отступление Красной Армии, эвакуацию, создавали панику и хаос. После оккупации Латвии немцами отряды айзсаргов и «родственников» им военнизированных формирований были расформированы — немцы были отнюдь не заинтересованы в неконтролируемых ими действиях вооруженных людей. Некоторые, наиболее отличившиеся в расправах, участники были направлены в немецкую военную комендатуру, в распоряжение сил полиции, а также в формируемые нацистами латышские структуры самообороны.

С первых же дней нацистской оккупации по предложению нового режима и при его поддержке повсюду в Латвии начали создаваться комендатуры самообороны. Документальные источники свидетельствуют, что немецкие сельские и городские комендатуры строго контролировали ситуацию на своих

территориях, и ничто в Латвии не происходило без их ведома. Латышские силы самообороны на местах действовали в соответствии с распоряжениями немецких учреждений. Коменданты решали хозяйственные вопросы, проблемы обеспечения населения, вопросы безопасности, назначали должностных лиц в самоуправлениях находящихся в их подчинении волостей. В первые недели оккупации было создано около 700 таких учреждений. Формировались они по территориальному принципу. Существовали уездные, городские и волостные комендатуры. Начальник латышских сил самообороны полковник А. Пленснерс 8 июля 1941 г. призвал латышских солдат, участников отрядов самообороны и полицейских для укрепления порядка на местах теснее сотрудничать с немецкими военными частями и учреждениями, что было встречено с энтузиазмом. Участники отрядов самообороны имели при себе винтовки и пистолеты для произведения «зачисток» на предмет выявления «неблагонадежных» лиц, к которым априори относились все, «заподозренные в симпатиях к советскому режиму». Немецкие власти не скрывали, что силы самообороны не имеют никакого отношения к государственности Латвии или восстановлению ее армии, что они сформированы только как вспомогательная сила для поддержки немецких войск²¹³. Но и это «самооборонцев» не смутило — количество желающих на добровольных началах сотрудничать с армией государства-оккупанта росло.

Силы самообороны подчинялись командирам дислоцированных в данной местности частей вермахта. Отряды самообороны насчитывали примерно 7000 человек. Уже в августе 1941 г. комендатуры были ликвидированы — завершилась первая фаза укрепления нацистского оккупационного режима, и больше немцам они были не нужны. Впоследствии из сил самообороны была сформирована латышская вспомогательная полиция.

В первые же дни немецкой оккупации некоторые бывшие государственные деятели Латвии, лидеры политических партий и офицеры делали попытки сформировать новое Латвийское правительство и национальные вооруженные силы. Против этого возражали нацистские руководители Остланда, считавшие, что и так называемых национальных партизан, и силы самообороны нужно использовать прежде всего для уничтожения евреев и укрепления немецкого оккупационного

режима, и были категорически против любых проявлений национальной активности. Уже в августе-сентябре 1941 г. латышские отряды самообороны были расформированы, их обязали сдать оружие, запретили носить военную униформу.

Пока развивалось наступление вермахта, в еще не занятых германскими войсками частях республики продолжались советские репрессии: расстрелы ранее арестованных «врагов народа», аресты, конфискации имущества. Так, в Латгалии (территория Латвии, прилегающая к белорусской границе) с 23 по 25 июня документально зафиксировано 104 ареста гражданских лиц²¹⁴. Собственно, такова была практика советской власти в начале войны — при ухудшении обстановки, тем более. При отступлении она санкционировала расправы над неблагоденственными или подозреваемым в непопулярности. Заключенные тюрем в регионах, куда вот-вот должны были вступить немецкие войска, были практически обречены на смерть: эвакуировать их, как правило, не было возможности, да и заниматься этим в хаосе отступления никто не стал бы, — потому они подлежали ликвидации.

Однако репрессии, осуществляемые на советской территории Латвии (территория эта стремительно уменьшалась), не шли ни в какое сравнение с масштабами расправ, учиненных отрядами латышской самообороны: «До сих пор полностью не уточнено, сколько коммунистов и поддерживающих их лиц (выявлении которых было отдано немцами на откуп латышам и к которым можно было отнести любого, не понравившегося им. — Ю. К.) всего было уничтожено во время немецкой оккупации. Но это были тысячи, не считая других жертв»²¹⁵. Одним из трагических сюжетов начала войны в Латвии стало сожжение деревни Аудрины, жителей которой заподозрили в том, что они скрывают красноармейцев. Всех ее жителей уничтожили гитлеровцы при содействии местных карателей.

По инициативе нескольких бывших министров Латвийской республики, офицеров и политиков, собравшихся в начале июля 1941 г. в Риге в Доме Рижского латышского общества, был создан Центр латышских организаций, который решил предпринять активные шаги для восстановления государственности. Б. Эйнбергс, бывший министр путей сообщения, взял на себя руководство центром, который, как он считал, станет основой будущего национального правительства.

Центр пытался наладить контакты с немецкими учреждениями, перенять на местах власть, издавать газету «Брива земе» («Свободная земля»). Однако вышел всего один номер этой газеты, затем газета была закрыта, редакция разогнана. После чего был организован выход куда более лояльной нацистам газеты «Тевия» («Отчизна»). «Тевия» продолжала выходить до последних дней нацистской оккупации Латвии, став официальным органом печати, контролируемым оккупационными властями. Однако усилия Центра оказались безрезультатными.

Решать дальнейшую судьбу Латвии после ухода коммунистов пытались и те латыши, которые в 1939—1940 гг. бежали в Германию. Вместе с немецкой армией они возвратились на родину. Наиболее заметными из них были связанные с немецкой контрразведкой-абвером военнослужащие независимой Латвии. Еще будучи в Германии, полковник-лейтенант В. Деглавс, полковник А. Пленснерс и др. создали группу из более чем 200 человек, которая активно содействовала наступавшему вермахту. Сотрудничество с оккупантами Пленснерс мотивировал тем, что рассчитывал включиться в процесс организации органов управления и в создание сил самообороны Латвии, пусть и под нацистским руководством. Но и такие «вольности» в виде делегирования минимальных управленческих прав латышам, разумеется, в планы гитлеровцев не входили. Комендант Риги полковник вермахта Л. Петерсен 9 июля 1941 г. издал распоряжение, в котором говорилось: «В последнее время отдельные лица самовольно занимают различные должности, самовольно восстанавливают центральные учреждения, существовавшие до большевиков. Подобные действия недопустимы и наказуемы»²¹⁶. Центр латышских организаций был ликвидирован. Надежды латышей восстановить государственность окончательно рухнули.

В соответствии с ранее разработанными планами нацисты создали свои, оккупационные органы власти — генеральный комиссариат Латвия в Остланде. Возглавил его генеральный комиссар О. Дрекслер. Хотя и было издано распоряжение о создании гражданского управления, в июле-августе 1941 г. в Латвии сохранялось также и военное управление (окончательно гражданское управление переняло власть от военного только в декабре). С 25 августа верховным командующим

вооруженных сил Остланда был назначен генерал-лейтенант кавалерии В. Бремер. Он напрямую подчинялся высшему командованию вермахта в Берлине. В распоряжении Бремера была широко разветвленная управленческая и разведывательная служба, сеть комендатур, а также военные части, дислоцированные в Остланде. В задачу Бремера входило обеспечение стабильного функционирования оккупационного режима.

Оккупационные власти создали в Латвии разветвленную структуру управления: гражданские управления, полиция безопасности и СД, жандармерия, учреждения вермахта. Количество немецких чиновников было довольно большим — прежде всего в связи с задуманной немцами колонизацией Прибалтики. Большинство немецких оккупационных учреждений размещалось в Риге, ставшей столицей Остланда. Здесь находился рейхскомиссариат Остланда (900 немецких чиновников) и Латвийский генеральный комиссариат (280 немецких чиновников). В Риге же работали такие учреждения оккупационного режима, как управление пропаганды, представительство экономического штаба «Ост», хозяйственная команда «Рига», центральные органы нацистской партии в Остланде и др.

Спустя некоторое время после окончательного установления оккупационного режима в Остланде некоторые его руководители пришли к заключению, что успешное управление территорией возможно лишь при участии местного населения. Так возникла идея о создании местного самоуправления. Возглавлять латышское самоуправление немцы поручили бывшему командиру Курземской дивизии генералу О. Данкерсу. Самоуправление латышских земель стало называться генерал-дирекцией. В конце 1941 г. генерал-дирекция приступила к исполнению своих функций.

Создание системы самоуправления не было достижением местных латышских политиков, это было инициативой оккупационных властей. Способствовала ее созданию также ситуация на фронте, в частности неудачи немцев под Москвой осенью 1941 г.

Главное руководство латышского самоуправления размещалось в Риге. Здесь оно находилось до сентября 1944 г. и с приближением советских войск было переведено в Лиепаяу.

Понимая, что поддержка оккупационного режима со стороны латышей в определенной степени основывается на надеждах возрождения государственности, первоначально германские власти не блокировали публичное обсуждение этой темы. Перманентные обсуждения идеи автономии должны были способствовать еще более интенсивному вовлечению народов Балтии в осуществление нацистских целей. 7 июля 1942 г. О. Данкерс на заседании земельного самоуправления сообщил, что обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн дал обещание латышским фронтовым офицерам, что Латвия и Эстония в будущем, возможно, получат культурную и экономическую самостоятельность — у них будет своя валюта, войска, свой представитель в Генеральном штабе Германии: это максимум возможного, и на этот «максимум» латыши смогут рассчитывать, если делом докажут свою преданность нацистской идее «создания Новой Европы». Но управляться они будут заместителями из Берлина. В ноябре 1942 г. генеральный директор юстиции А. Валдманис в меморандуме на имя О. Дрекслера писал, что Германия могла бы разрешить Латвии создать независимое государство по образцу Словакии, получив взамен поддержку в виде мобилизации латышей в легион. А. Валдманис обещал поставить вооруженным силам Германии 100 тыс. человек. Разумеется, это предложение было с раздражением отвергнуто немецкими властями. Однако обстановка на фронте ухудшалась, и обострять ситуацию перед неизбежной мобилизацией попросту не стали. Потому латышскому самоуправлению было заявлено, что «Розенберг же распорядился, чтобы сотрудники «восточного» министерства подготовили предложения Гитлеру, которые бы содержали мысль о предоставлении в будущем Латвии и Эстонии политической самостоятельности под непосредственным контролем рейха и при подчинении ему. В свою очередь Гиммлер подготовил проект, предполагавший нечто среднее между протекторатами Богемии и Моравии и государством Словакия»²¹⁷.

16—17 февраля 1943 г. после совещания в Ставке у Гитлера с участием А. Розенберга, М. Бормана, Г. Гиммлера, Х. Лозе и др. латвийскому самоуправлению было сообщено, что вопрос об автономии откладывается до конца войны и что фюрер вернется к этой проблеме, оценив поведение латышских и эстонских солдат на восточном фронте. Ухудше-

ние положения вермахта требовало усиления «приманок» для латышей: Гиммлер летом 1943 г. уже «допускал возможность» автономии Латвии. Однако, хотя ситуация изменилась, Лозе и в 1943 г. продолжал сопротивляться идее автономии Балтийских стран. Он подчеркивал, что это отдалит Остланд от Германии. Лозе сомневался также в политической благонадежности местных жителей.

Противником автономии был и министр иностранных дел Германии И. Риббентроп. Как и другие приверженцы жесткой линии, в декабре 1943 г. он говорил, что необходимо прекратить любые политические дискуссии о государственно-правовом положении генеральных округов Латвия и Эстония.

Взамен идей национальной автономии германские власти предложили латышам идеи немецкого национализма. СД инспирировало создание пронацистской латышской националистической организации «Лидумниекс». В соответствии с уставом «Лидумниекс» ее действие распространялось на всю территорию Латвии, резиденция размещалась в Риге. Цель организации: способствовать развитию национальной культуры, знакомить с ней другие народы, разъяснять латышскому народу, что влияние евреев, большевиков и масонов наносило вред латышской культуре. Организация должна была укрепить в латышском народе стремление к борьбе против евреев и большевиков. Предполагалось создать филиалы, выступать с лекциями, организовывать концерты, учреждать стипендии для активистов, выпускать газеты. Руководили деятельностью «Лидумниекс» немецкие власти. По их мнению, многие латыши хотели бы сотрудничать с немцами, и этим нужно воспользоваться. Учреждение организации, равно как и приостановление ее деятельности, разрешалось только по указу немецких властей. Членами сразу после создания стали порядка 2000 человек²¹⁸.

Позже аналогичную организацию создали уже из русских. Был издан приказ имперского генерального комиссара от 21 ноября 1943 г. об образовании русской националистической организации в Латвии с так называемым доверенным лицом при немецких властях. Это лицо, с одной стороны, должно было отстаивать интересы русского меньшинства, а с другой — помогать немцам в проведении национальной политики. Генеральный комиссар назначал доверенное лицо, которое в свою очередь, по договоренности с генеральным

комиссаром назначало себе помощников. Эта организация освобождалась от всех налогов, финансировалась за счет фондов русского национального меньшинства. Ликвидирована она могла быть «доверенным лицом» по соглашению с генеральным комиссаром по приказу последнего. Организация была обязана поддерживать действия «доверенного лица»²¹⁹.

В целом же нацисты стремились культивировать у латышей резко негативное отношение к русским, которых в Латвии до 1940 г. проживало более 200 тыс. (В 1941 г. это количество увеличилось за счет приехавших из «старых» республик СССР.) Русские как «неполноценные славяне» в расовой иерархии нацистов стояли еще ниже латышей и к тому же «были заражены вирусом большевизма». Немцы, особенно в 1941 г., стремились создать у латышей представление о русских как о губителях латвийской государственности, так и противниках немецкого «нового порядка»²²⁰.

В феврале 1944 г. Розенберг посетил Ригу, чтобы встретиться с руководителями Остланда, и затем совершил поездку по генеральным округам — Латвии, Литве, Эстонии²²¹. Руководители самоуправлений попытались вновь поднять вопрос об автономии. Но Розенберга больше интересовали вопросы сельхозпроизводства и выполнения плана по поставкам продовольствия вермахту и в тыловые районы Рейха. Рейхсминистр остался недоволен: количество мясных и молочных поставок было невыполнено (например, по мясу — на 30%, по маслу — на 90%). «В деревнях остались большей частью женщины, военнопленные и эвакуированные, среди которых ходят слухи о призыве их в армию»²²². Местное немецкое руководство настаивало на необходимости ужесточения наказаний за недоставки сельскохозяйственной продукции рейху, невзирая на то, что к этому времени значительная часть населения жила практически впроголодь. Кроме того, Розенбергу сообщили еще одну неприятную новость — среди населения Латвии на фоне неудач вермахта «коммунистическая пропаганда активна и имеет успех»²²³. Особое внимание в этом контексте было уделено положению в Латгалии. Было отмечено, что «ввиду частых и значительных реквизиций скота и инвентаря для армии, а также несправедливо большого объема обязательных поставок фронту, значительная часть крестьян (а Латгалия — сугубо аграрный регион) с семьями и

скарбом уходит в леса к партизанам. Необходимо проводить жесткие меры и усилить наказания»²²⁴. В Земгалии, где «влияние немецких баронов было малым, а русское влияние преобладало, ... также усиливаются прокоммунистические настроения (характерно, что под прокоммунистическими, автор документа подразумевает антинемецкие. — Ю. К.): если еще в 1942 г. местные крестьяне пришли к убеждению, что могут жить только при национал-социализме..., то теперь средний крестьянин говорит, что «красивые слова так и остались красивыми словами, а жизнь к лучшему не изменилась»²²⁵. Невыполнение данных правительственными немецкими органами определенных обещаний населению, штрафы за невыполнение поставок (20 тыс. штрафов в 1942—43 гг.) отрицательно влияют на солдат — сыновей крестьян, приезжающих на отдых домой. Докладчики, отчитывавшиеся перед Розенбергом за ситуацию в рейхскомиссариате «Остланд», теперь высказывались «за изменение общей политики управления, ибо только это может привести к активному сотрудничеству латышей и немцев и эффективной помощи германскому государству, за синхронизацию между руководящими органами и латышскими легионерами, стоящими на рубежах страны: необходимо привлекать в органы власти больше латышей — для укрепления доверия среди легионеров»²²⁶. Выдвинутый впервые еще 1942 г. латвийской национально ориентированной интеллигенцией лозунг «Латвия для латышей» означал борьбу за независимую Латвию, как было еще в 1919 г., с одной стороны — против «красных», с другой — против «наследников рыцарей». Это движение приобретало все более массовый характер и антинемецкую направленность²²⁷.

Таким образом «укрепление доверия» стало в 1944 г. принципиально важным: еще вчера открыто презираемые нацистами, теперь латыши стали необходимы рейху: категорически не хватало «малоценного человеческого материала» для ведения кровопролитных боев на восточном фронте.

15 мая 1944 г. было объявлено о создании Рабочего штаба при генеральном комиссариате Риги и комиссий по различным вопросам, связанным с эвакуацией населения и учреждений²²⁸.

9 июня 1944 г. оккупационные власти выпустили директиву о мерах по эвакуации населения и поддержанию порядка. Помимо массового вывоза населения из Латвии, предписы-

валось вывозить в рейх все движимое имущество и оборудование ориентированных на нужды вермахта предприятий, а в районах, оставляемых вермахтом под натиском Красной армии, любые ценные в промышленном, бытовом и военном отношении объекты взрывать²²⁹.

Ф. Еккельн, на проходившем в 1946 г. суде над руководителями Остланда, показывал: «Я хочу еще раз подчеркнуть, что... Бангерскис и Данкерс принимали активное участие в этой операции. Со своими офицерами они находились на хуторах и требовали, чтобы крестьяне быстрее готовились к эвакуации... Латвийская газета «Тевия» также призывала латышей покинуть родину и уйти вместе с отступающими немцами.

Лозе, а позже Кох предлагали мне применить решительные меры для угона населения гор. Риги на работу в Германию. Кох предлагал угнать из Риги 50 тысяч человек.

Кох удивлялся, что латышский народ — эта, по его мнению, низшая раса очень прилично одевается и имеет хороший внешний вид. Кох говорил далее, что латышам совершенно не требуется это и что он лично на Украине навел соответствующий порядок»²³⁰.

Кох был отнюдь не одинок в своих воззрениях. Об истинном отношении оккупантов к латышам говорят не только приказы и расовые исследования, но и примеры из повседневной жизни. «Из всех крупных больниц большие были частично выброшены, а частично перевозились в подсобные помещения, а сами больничные помещения были заняты под немецкие больницы и госпиталя. Отношение немецкого медицинского персонала к медицинскому персоналу латышскому было издевательское... Немецкая медицинская сестра избивала латышскую медицинскую сестру. Латышские врачи и медсестры питались за одним столом с немецкими санитарями, которые также старались их унижить...»²³¹.

«Все рижские школы были из своих помещений выброшены, их здания превратились в немецкие казармы. Из многих факультетов Латвийского университета были оставлены медицинский и технический, остальные были закрыты, а сам Латвийский университет был переименован в университет в Риге»²³² — «неперспективному» латышскому народу не полагалось иметь свой университет. Разрешено было сохранить, но как «немецкое учебное заведение», Рижскую высшую техническую школу²³³.

Еще одна чудовищная страница периода оккупации Латвии — опыты над людьми.

В Риге были созданы Зоологический и Гигиенический институты СС, где объектами «экспериментов» были евреи и военнопленные. Как свидетельствуют документы, «Институт медицинской зоологии был создан для научного контроля дезинфекционных учреждений и бактериологической работы над сыпняком... Гигиенический институт СС был создан СС 06.10.1942 для надзора над концлагерями и лагерями для военнопленных. Директором Зоологического института был д-р Фриц Штейнигер... директором гигиенического института СС был штурбманфюрер д-р Блудау... Зоологический институт готовил дезинфекторские кадры, которые потом были переданы СС. Они руководили газировкой одежды убитых и в дальнейшем — газацией людей. Кадры эти комплектовались из СС и полицейских и были разосланы в различные области Латвии, Литвы, Эстонии и Белоруссии»²³⁴. Из свидетельских показаний, приобщенных к материалам Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков: «28.09.42. я был направлен к месту новой работы, в медицинский Зоологический институт. Работа моя там главным образом заключалась в собирании вшей из гетто, концлагерей и лагерей военнопленных, а также я должен был собою кормить их. Два и иногда три раза в день к моим рукам привязывались коробки-клетки со вшами, которые в течение 20-30 минут должны были питаться моей кровью... Мне за ворот сорочки было засыпано от 500 до 700 вшей. Эту сорочку я был обязан носить днем и ночью в течение 15 суток, пока вши выложат свежие яички. После этого сорочку держали на морозе две недели и затем я вновь должен был носить эту сорочку в течение 15 дней, чтобы проверить, насколько яички вшей выдержат холод... В июне 1943 г. нашу группу хотели заменить каторжанами, эту замену запретил окружной комиссар Лозе, мотивируя тем, что кормить вшей должны исключительно евреями»²³⁵. «Такие же эксперименты делались с клопами, причем клопов сначала кормили морские свинки, но впоследствии решили, что это негуманно и заставили евреев клопов кормить... Директор института Гигиены д-р Блудау полагал, что легко бороться с сыпняком, когда вместе с вшивой одеждой и вшивым помещением можно газировать и самих вшивых людей, т. е. военнопленных.

«Тотальная война дает право и путем таких искусственных эпидемий освободиться от нежелательного элемента. Конечно, это надо делать сугубо осторожно, чтобы эпидемия не перебрасывалась на районы, которые можно еще считать областями Новой Европы... немецкая наука уже пошла по этому пути...» Комендант гетто Краузе отдал в распоряжение Блудая бывшего доцента Сорбонны, гражданина Французской республики... Блудая отвез его в институт, открыл ему артерию и наблюдал за деятельностью внутренних органов при истощении крови. Еще один заключенный погиб — «ему вытаскивали сухожилия и наблюдали за рефлексамии... Д-р Ланге — начальник гестапо — дал Блудая бланк-полномочие выбирать из лагеря сколько угодно евреев и заключенных для нужд опытов»²³⁶.

Для поднятия боевого духа латышских дивизий с благословения рейхсфюрера СС Гиммлера, которому к этому времени было передано гражданское управление Латвией, 20 февраля 1945 г. в Потсдаме был образован Латвийский Национальный Совет. На нем был избран Латвийский Национальный комитет (ЛНК) во главе с президентом — генералом Р. Бангерскисом. ЛНК был задуман как замена латышского самоуправления — с теми же сугубо номинальными полномочиями. В январе 1945 г. Гиммлером был разработан план создания «протекората СС» в Курляндии, где местную власть должны были передать ЛНК. Германия не собиралась признавать ни независимое Латвийское государство, ни его правительствво.

С первых же дней оккупации нацисты в Латвии приступили к созданию широко разветвленной репрессивной системы, считая ее важнейшей частью укрепления и сохранения режима. Наиболее существенными элементами этой системы были: полиция, служба безопасности, суды, прокуратура, тюрьмы, концентрационные лагеря. В эту репрессивную систему включались и латыши, их использовали и в полиции, и в службе безопасности.

Большое влияние в оккупированных областях имели силы полиции, подчинявшиеся напрямую рейхсфюреру СС Гиммлеру. Возглавил СС и полицию в Латвийском генеральном округе оберфюрер СС В. Шредер (он же возглавлял и немецкую полицию порядка). Айнзацгруппу «А» — особый оперативный отряд СД, занимавшийся «окончательным решением еврей-

ского вопроса», — возглавлял бригаденфюрер СС В. Штальэкер. Оберштурмбанфюрер СС Р. Ланге командовал Полицией безопасности Латвии и СД.

Как сообщал Штальэкер, уже 15 октября 1941 г. в тюрьмах Латвии содержалось 7046 заключенных, из них только 308 уголовных преступников. В 1942 г. в различных местах заключения находилось уже 20 872 человека. 15 созданных в Латвии тюрем были переполнены. Так, в Центральной тюрьме число заключенных вдвое превышало расчетное. В конце 1941 года оккупанты приступили к созданию концентрационных лагерей.

Решающая роль в организации преступлений и зверств против гражданского населения принадлежала Ф. Еккельну, который находился в Латвии с ноября 1941 по 1945 г. Именно он спланировал и организовал ликвидацию Рижского гетто в Румбульском лесу. С его именем связаны и многие другие акции массового уничтожения мирного населения. В мае 1945 г. он был взят в плен советскими войсками.

Во главе созданной в годы войны в Латвии репрессивной системы была немецкая Полиция безопасности и СД. Ее центральный аппарат находился в Берлине, она входила в состав Главного управления безопасности Рейха (РСХА). В Латвии СД являлась передовым отрядом сил оккупационного режима, обладавшим широчайшими полномочиями. И хотя между вермахтом и гражданским управлением, с одной стороны, и СД — с другой существовали противоречия, СД зачастую навязывала свои условия. Штальэкер считал ее единственным стабильным немецким учреждением в Остланде. В СД существовали те же звания, что и в СС. Айнзатцгруппа «А» была одним из мобильных карательных подразделений СД, в задачу которых входило уничтожение коммунистов, чекистов, евреев и цыган. СД обеспечивала также безопасность в тылу. В распоряжении СД, когда она появилась в Латвии, уже имелась информация об учреждениях НКВД, местонахождении структурных отделений милиции, имелись списки представителей властных структур коммунистического режима. 22 июня 1941 г. вместе с силами вермахта в Латвию вошла и айнзатцгруппа «А» в составе 900 человек. Это были профессионалы и фанатики, готовые исполнять самые чудовищные приказы.

В Латвию прибыли три команды айнзатцгруппы «А». Одна из них (50—60 человек) была направлена в Лиепаяу, вторая в Даугавпилс и Резекне, главные же силы под командованием Штальэекера были сосредоточены в Риге. В айнзатцкоманду входили представители ваффен-СС, немецкой полиции порядка, технический персонал (шоферы, телеграфисты, шифровальщики и т. п.). После оккупации Латвии некоторые отряды айнзатцкоманды были переведены в Эстонию и Северную Россию. 3 декабря 1941 г. руководство силами СД в Латвии принял Р. Ланге. Он же считался и так называемым вторым командиром айнзатцгруппы.

1 июля 1941 г., сразу же по прибытии в Ригу, Штальэекер приступил к формированию центра Полиции безопасности и СД. Разместился он на улице Реймерса, 1. В Полиции безопасности и СД было пять управлений: личного состава, административное, разведывательное, государственной тайной полиции и криминальной полиции. Четвертое управление (государственная тайная полиция) обслуживалось всеми прочими подразделениями. Оно, в свою очередь, состояло из нескольких отделов: IVa — занимался коммунистами, IVb — еврейским вопросом, IVn — шпионами и агентами. Несомненно, именно Четвертое управление несло ответственность за все масштабные репрессии против мирного населения, за уничтожение евреев. В подчинении этого управления находились все концентрационные лагеря и гетто.

Для скорейшего достижения целей оккупационного режима по инициативе Штальэекера при СД было начато формирование латышских соединений СД, которые стали составной частью нацистской репрессивной системы.

Первый латышский отряд СД был создан в Елгаве. Приказом Штальэекера его командиром был назначен М. Вагуланс. Примерно за полтора месяца Вагуланс создал разветвленную сеть групп СД: в Елгаве, Бауске, Тукумсе, в Екабпилсском уезде. В них главным образом вошли бывшие айзсарги и полицейские. В команде Вагуланса было примерно 300 человек, около 100 из них — в Елгаве. 16 августа 1941 г. отряд был расформирован и на его основе создана латышская вспомогательная полиция. Начальником ее стал В. Юрсонс.

Вторым крупным соединением в составе СД, сформированным из местных жителей в начале оккупации — в середине июля 1941 г., — была группа Х. Тейдеманиса из Валмиере-

ре. Она насчитывала примерно 100 человек. Самой многочисленной латышской зондеркомандой была так называемая команда Арайса, куда изначально тоже входило около сотни карателей. Однако уже к 1942 г. ее состав увеличился до 1200 человек, и помимо уничтожения евреев она занималась борьбой с партизанами²³⁷.

К ее формированию приступили в начале июля по приказу Штальэккера, поручившего бывшему (до 1937 г.) лейтенанту латышской полиции В. Арайсу организовать особый отряд вспомогательной полиции. В него активно привлекали студентов, бывших офицеров, полицейских и военнослужащих. Члены команды Арайса участвовали в самых кровавых операциях. Так, 4 июля при участии зондеркоманды Арайса была сожжена хоральная синагога в Риге на улице Гоголя. Такая же судьба постигла синагогу на улице Стабу, сожженную вместе с находившимися там прихожанами, и молельный дом в Латгальском предместье. 8 июля был сожжена молельня и на еврейском кладбище в Шмерли. Команда Арайса ответственна «за уничтожение примерно 26 000 человек, включая около 2000 цыган и душевнобольных, и около 2000 коммунистических активистов»²³⁸. За особые заслуги и для дальнейшего карьерного роста члены команды Арайса, отличившиеся в карательных операциях, прошли обучение в школе полиции безопасности СД в Фюрстенберге, где изучали структуру немецких полицейских органов, уголовное дело, различные службы тайной полиции²³⁹.

Один из членов команды Арайса Р. Застерс уже после войны, будучи привлеченным к ответственности, показывал: «В школе преподавались уроки, учение расовой теории и истории Германии. Наряду с этим проходили строевую подготовку и изучали материальную часть оружия (винтовки, пулемета, миномета, автомата и пистолета). В конечном счете в Фюрстенбергской школе полиции безопасности нас, участников команды Арайса, готовили для зачисления в специальные команды СД по проведению борьбы с партизанским движением на оккупированной немцами территории, что впоследствии и было»²⁴⁰. Арайс также прошел ускоренное обучение в школе СД в Фюрстенберге, после чего ему было присвоено звание майора СС. Когда практически все евреи Латвии были уничтожены, команду Арайса все чаще использовали в борьбе с партизанами на оккупированной территории Рос-

сии и Белоруссии²⁴¹. В конце 1941 г. первые латышские команды СД были отправлены в Ленинградскую и Минскую области. Рота К. Калейса, входившая в команду Арайса, некоторое время действовала и в районе Нарвы.

В 1943 г. в составе латышских СД насчитывалось пять рот. Главные силы были расквартированы в Риге (около 340 человек), две роты осуществляли внешнюю охрану Саласпилского лагеря для военнопленных, часть была отправлена на Восточный фронт. Отдельные отряды использовались на охране объектов СД: центрального штаба, тюрем, лагеря в Юмправмуйже. В конце 1943 г. из местных сил СД было сформировано два батальона: 3-й под командованием В. Арайса и 4-й под командованием К. Озолса.

В 1944 г. с приближением Красной Армии подразделения латышских СД были расформированы. Соединения Арайса и Озолса влились в состав Латышского легиона, созданного в 1943 г. Арайс в конце войны попал в плен к англичанам и долгое время укрывался от возмездия. Лишь в 1979 г. за участие в убийствах мирных жителей Гамбургский земельный суд приговорил его к пожизненному заключению.

Помимо подразделений СД, немцы по инициативе Гимmlера начали создавать полицейские формирования из жителей Латвии. 20 июля 1941 г. В. Штальэkker издал приказ о создании вспомогательной полиции в Риге и ее окрестностях. Начальником полиции был назначен лейтенант-полковник В. Вейсс, его заместителем — Р. Осис.

По приказу Гимmlера от 6 ноября 1941 г. вспомогательная полиция в оккупированных восточных районах была переименована в полицию порядка. Отдельные отряды исполняли обычные полицейские функции, закрытые отряды участвовали в боевых действиях на восточном фронте, в карательных операциях против партизан, охраняли гетто и пр.

В составе полиции порядка было три категории сотрудников: А, В и С. В категорию «А» входили активно действующие полицейские, получавшие жалованье. Полицейские отряды категории «В» выполняли специальные задания: охраняли мосты, склады, дороги и пр. объекты. Категорию «С» составлял так называемый пассивный резерв, к помощи которого прибегали в особых случаях. Количество участковых и сельских полицейских было относительно постоянным, а численность закрытых отрядов после 1942 г. резко возросла.

Военная политика в Остланде предполагала широкое использование местных жителей не только для поддержания порядка на оккупированных территориях, но и для участия в боевых действиях на Восточном фронте. 4 сентября 1941 г. на принципе абсолютной добровольности нацисты приступили к формированию 1-го Рижского отдельного батальона службы порядка. К концу сентября было сформировано два Рижских батальона службы порядка, к концу года их насчитывалось уже пять. Во второй половине октября 1-й Рижский отдельный батальон был отправлен на Восточный фронт.

В декабре 1941 г. были сформированы 19-й (Видземский) и 17-й (Латгальский) батальоны. Когда поток добровольцев стал иссякать, немецким властям пришлось приложить определенные усилия для вербовки новых бойцов. 11 февраля 1942 г. Еккельн обратился к латышам с призывом вступить в ряды полицейских батальонов: акция пропагандировалась через радио и газеты. К вербовке привлекли и земельное самоуправление. При нем был создан «Главный комитет латышской добровольческой организации» во главе с Г. Целминьшем. К июню 1942 г. немецким властям удалось сформировать еще 13 полицейских батальонов. В дальнейшем от вербовки пришлось отказаться, во вновь формируемые батальоны привлекали полицейских категорий «А» и «В», а также резерв (категория «С»). Использовались и завуалированные средства пополнения полицейских рядов: договор заключали якобы на полгода, но после истечения срока людей не освобождали, а заставляли подписывать новый договор — до конца войны. С 11 июня 1942 г. полицейские батальоны были переименованы в батальоны службы обороны. А с 24 мая 1943 г. приказом рейхсфюрера СС Гимmlера — в Латышские полицейские батальоны. Названо было и количество бойцов в каждом батальоне — 501 человек.

За время нацистской оккупации в Латвии было сформировано 42 латышских и 7 так называемых Латгальских, — в состав которых входили русские и белорусы, — полицейских батальона. В середине 1943 г. эти воинские соединения насчитывали 9700 военнослужащих, а в июле 1944-го — 14 884.

Помимо поддержания порядка на оккупированных территориях, латышские полицейские батальоны участвовали в репрессивных акциях и за пределами Латвии. Типична в этом

отношении история некоторых из них. Так, 18-й полицейский батальон в мае 1942 г. был направлен в Белоруссию. 22-й и 272-й полицейские батальоны в июле-октябре 1942 г. были отправлены в Варшаву. В августе-декабре 1943 г. 22-й батальон принимал участие в боях с партизанами в районе Луцка, в Западной Украине. 313-й и 316-й батальоны участвовали в борьбе с партизанами под Вильнюсом, а четыре батальона Рижского полицейского полка воевали с партизанами в районе Браслава, в Западной Белоруссии. Латышские полицейские батальоны, находившиеся в подчинении немецких военных структур, в 1942—1945 г. участвовали в различных операциях на территории Польши: охраняли Варшавское и Слонимское гетто (а затем участвовали в его ликвидации), составы с евреями, отправляемые в концлагерь Треблинка, участвовали в боях с советскими партизанами, Красной Армией, с ее союзницей — польской Армией Людовой. «Члены латышских полицейских батальонов стали наемниками, которым платят за проведенную работу... полицейские батальоны для немецкого полицейского руководства были своего рода иностранным легионом, который можно использовать всюду и по любым надобностям»²⁴².

С ухудшением ситуации на Восточном фронте у немцев возросла потребность в новых латышских военных формированиях. 23 января 1943 г. Гитлер сначала разрешил устно, а потом и приказал Гиммлеру сформировать Латышский добровольческий легион СС. Письменный приказ фюрера появился, как уже упоминалось, только 10 февраля. Гиммлер же 24 января объединил шесть латышских батальонов службы обороны, воевавших в составе 2-й бригады ваффен-СС, создав новое воинское подразделение. С этого момента началось формирование Латышского добровольческого легиона СС. 26 мая Гиммлер издал новое распоряжение, предписывавшее впредь называть все латышские соединения в составе войск СС и полиции Латышским легионом. Гиммлер считал, что под Латышским легионом надо понимать все те соединения, которые были сформированы в составе войск СС и полиции. «Однако в реальной жизни существовала некоторая разница между полицейскими батальонами и легионом. Первые формировались на добровольных началах, а легион в основном состоял из призванных по мобилизации. Полицейские батальоны поддерживали безопасность в тылу,

воевали с партизанами, охраняли концлагеря и гетто, а легион был фронтовой единицей»²⁴³. В составе Латышского легиона были сформированы две дивизии — 15-я и 19-я.

Бойцы Латышского легиона СС проходили подготовку под руководством инструкторов из полицейских батальонов. Разумеется, что все латвийские (как и эстонские) легионеры давали присягу на верность Адольфу Гитлеру, и в тексте этой присяги не было ни слова о какой-либо независимости: «Именем Бога, я свято клянусь в борьбе против большевиков всецело подчиняться Главнокомандующему вооруженными силами Германии Адольфу Гитлеру и за эту клятву я, как храбрый воин, всегда готов отдать свою жизнь»²⁴⁴.

Первой, к середине июня 1943 г. была проведена мобилизация и сформирована 15-я дивизия Латышского легиона СС.

Впоследствии она получила название 15-я гренадерская дивизия СС. В конце 1943 г. насчитывала 15 192 человека, а летом 1944-го — 18 413. 15-я дивизия Латышского легиона вела оборонительные бои в основном на Восточном фронте, на территории России. 18 февраля 1944 г. получила приказ отойти на оборонительные позиции (так называемые позиции Пантеры) на берегу реки Великой. С марта по апрель 1944-го вела бои в районах городов Остров, Псков и Опочка.

После тяжелых потерь лета 1944 г. остатки 15-й дивизии в июле приказом немецкого командования были отправлены в Германию на переформирование. Во второй половине августа дивизия уже прибыла в Восточную Пруссию, получив пополнение из молодых призывников Латвии, которые заранее были отправлены в Германию. К концу года дивизия находилась в боевой готовности, а в начале 1945-го уже вела тяжелые бои на территории Восточной Пруссии, у Данцига, в Померании, под Мекленбургом. В начале мая остатки дивизии под командованием полковника В. Янумса сдались в плен союзническим войскам.

В начале 1944 г. высшее руководство СС решило сформировать вторую добровольческую дивизию в составе Латышского легиона. 7 января Гиммлер издал приказ о создании 19-й латышской добровольческой дивизии СС, в состав которой вошли три гренадерских полка. Формирование ее завершилось в середине марта, когда вместе с частями 15-й дивизии она заняла оборонительные позиции на реке Великой. Последним командиром этой дивизии был бригаденфюрер СС

Б. Штрекенбах. В июне 1944 г. в 19-й дивизии насчитывалось 10 592 человека, к осени состав ее увеличился до 12 507.

С марта по июль 1944 г. 19-я дивизия вместе с 15-й участвовала в тяжелых боях на территории Ленинградской области, что привело к задержке наступления Красной Армии и позволило немцам успеть вывести войска из Эстонии.

Чтобы обеспечить боевые части живой силой, немецкие власти вынуждены были прибегнуть к мобилизации мужского населения. В Латвии она проходила по спискам для выполнения населением трудовой повинности, составленным еще в декабре 1941 г. Мероприятия продолжались с марта 1943 г. по август 1944 г. Призыву подлежали родившиеся в 1919—1925 гг.

Для осуществления этих мероприятий при социально-трудовом управлении генерального комиссариата был создан специальный штаб. Необходимое количество подлежащих мобилизации: в легион СС — 15 500, во вспомогательные подразделения вермахта — 22 000, на трудовую повинность — 15 600 мужчин. Согласно директиве о мобилизации, призывник вправе добровольно выбрать один из трех предлагаемых видов службы.

Земельное самоуправление также было привлечено к процессу мобилизации. 9 марта 1943 г. было обнародовано воззвание генерала О. Данкерса, призывавшее латышей вступить в легион. Но Земельное самоуправление выдвинуло условия, на которых оно могло бы поддержать формирование легиона. Одно из требований гласило: командиром легиона должен быть генерал Р. Бангерскис, и обучение солдат должно длиться не менее шести месяцев. Самоуправление предлагало обеспечить латышских солдат всем необходимым, предоставить им те же права, что и немецким солдатам, использовать латышские соединения в северном секторе Восточного фронта, ближе к границам Латвии.

Немецкие оккупационные власти не собирались всерьез принимать требования латышского самоуправления. Вначале, правда, нацистское руководство обещало, что Бангерскис возглавит 15-ю латышскую дивизию СС, однако командирами и 15-й, и 19-й дивизий легиона были немцы. Р. Бангерскис же был назначен генерал-инспектором легиона. Ему было присвоено звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС. Права его были ограничены и неопределенны,

реальных возможностей вмешиваться в командование латышскими воинскими соединениями он не имел.

Во время первого призыва в феврале 1943 г. в Латышский легион СС был мобилизован 17 971 человек (53% от общего числа призывников), в вермахт — 12 979 (36,4%), в прочие службы — 4769 (13,3%). Второй призыв проходил в октябрь-ноябре 1943 г. Третий призыв состоялся в декабре 1943 — январе 1944 г. Призыву подлежали родившиеся в 1917—1918 гг., а также 1922 и 1924 гг. рождения. В июле уже призвали мужчин 1926 г. рождения. В начале 1944 г. немецкое командование издало документ, согласно которому за уклонение от призыва грозила смертная казнь. С 14 февраля 1944 г. распоряжения о призыве на военную службу подписывали О. Данкерс или Р. Бангерскис.

Однако оккупанты были вполне откровенны в отношении перспектив «латвийской независимости» даже когда под их ногами уже в буквальном смысле горела земля. «Выполняя предписание о цензурировании всех речей, сообщений, объявлений, подлежащих публикации через газеты или радио, а также оглашаемых публично, считаем невозможным речь Бангерскиса, о мобилизации публиковать в исходном виде. В его речи, посвященной формированию добровольческого легиона СС, прозвучала фраза: «Латыши только через борьбу и работу смогут одержать сегодня победу и завоевать свободу и независимость Латвии»... Формулировки «свободная Латвия», «государственная независимость и самостоятельность» и аналогичные им недопустимы»²⁴⁵, — гласило предписание Отдела пропаганды рейхскомиссариата «Остланд».

В первой половине 1944 г. призыву подлежали более 42 000 мужчин разных возрастов. В июле оккупационные учреждения объявили тотальную мобилизацию, проверке подвергались все, начиная с 1910 г. рождения, все ранее освобожденные и так называемые «незаменимые». В это же время начался призыв юношей 1927—1928 годов рождения во вспомогательные части Воздушных сил. К сентябрю 1944 г. было мобилизовано около 19 000 человек, призыв продолжался до тех пор, пока необходимое «пушечное мясо» не было набрано в заданном количестве. Кроме полицейских батальонов и 15-й и 19-й дивизии СС, в немецких вооруженных силах действовали и другие латышские соединения.

«Во избежание недоразумений» предлагалось согласовывать основные идеологемы устных выступлений с представителями отдела пропаганды или с другими представителями оккупационных властей. Вот образчик агитационной статьи, призывающей к мобилизации в газете «Тевия» №166 от 18 июня 1944 г.:

«Отечеству и свободе — латвийский народ!

Немецкая армия будет охранять Латвию!

Точно так же, как несколько недель тому назад немецкая армия помогала Финляндии, так она будет бороться и за Латвию — до победы! Мы все стоим вместе, готовые положить последние силы в борьбу.

Совместно дадим единственно возможный ответ большевикам:

Теперь — тотальная война!

Вождь мне поручил мобилизовать на балтийской территории всех боеспособных и работоспособных мужчин и передать их армии для этой оборонительной борьбы... Вся Латвия должна превратиться в единый воюющий народ. Еккельн»²⁴⁶.

Весной 1943 г. был сформирован 672-й латышский саперный батальон; он выполнял свои непосредственные функции на Восточном фронте и участвовал в боях.

По приказу начальника Полиции порядка в Латвии штандартенфюрера СС М. Кнехта от 1 августа 1943 г. четыре полицейских батальона — 276-й, 277-й, 278-й и 321-й, были объединены в Латышский добровольческий полицейский полк под командованием Р. Осиса. Полк участвовал в боях с партизанами в России, в боях с Красной Армией на Восточном фронте и в Латвии. В октябре 1944 г. полк был передислоцирован в Германию, где вошел в состав 15-й латышской дивизии и был направлен на строительство укреплений.

В феврале 1944 г. на базе 22-го, 25-го, 313-го и 316-го полицейских батальонов было начато формирование Лиепайского латышского полицейского полка под командованием подполковника Я. Гросбергса. Лиепайский полк участвовал в боях с партизанами в Белоруссии, а также во фронтовых действиях и был расформирован в августе 1944 г. после понесенных потерь в боях на территории Латвии.

В середине февраля 1944 г. был создан 3-й Цесисский полицейский полк, а в сентябре того же года — Курземский

латышский добровольческий полк. После того как в начале 1944 г. был прорвана линия фронта в направлении Ленинград—Волхов и Красная Армия начала стремительно продвигаться на запад, по инициативе Еккельна началось формирование шести латышских пограничных полков. В поддержку решения Еккельна латышское самоуправление объявило призыв в армию мужчин 1906—1914 г. рождения. Мобилизации подлежало около 20 000 человек. Три полка были сформированы в Риге, по одному в Тукумсе, Айзпите и Кулдиге. Призывники были плохо обеспечены и мало обучены. В связи с критической ситуацией на фронте полки использовались не для охраны границ Латвии, а в качестве пополнения 15-й и 19-й дивизий Латышского легиона. В июне 1944 г. Гиммлер издал приказ, по которому пограничные полки влились в состав фронтовых дивизий.

Летом 1944 г. Р. Бангерскис предложил создать два батальона из граждан Латвии, отправленных в Саласпилский лагерь за уголовные и административные проступки. Еккельн инициативу поддержал. К сентябрю было сформировано 7 строительных батальонов. Их отправили на фронт в качестве вспомогательных сил для немецких саперных войск. В августе 1944 г. для повышения боевой подготовки призывников были созданы три учебных батальона, по 500 человек в каждом. В конце войны они были переведены в Германию и влились в 15-ю дивизию Латышского легиона. В условиях тотальной мобилизации в немецкие военные формирования начали призывать и непригодных для военной службы, в основном рядовыми для несения вспомогательной службы в немецких воздушных частях. Было мобилизовано 5000 человек. Некоторые проходили службу в 3-й немецкой парашютно-десантной дивизии, другие в зенитной артиллерии, на аэродромах.

В феврале началась агитация службы в немецком военном и гражданском флотах. Необходимо было охранять не только сухопутные, но и морские границы Латвии. В итоге в немецкий военный флот записалось почти 900 латышей.

В немецких воздушных войсках у латышей были тоже свои отряды — создавать подобные соединения предложил бывший командир воздушного полка Латвийской Республики Р. Кандис. В сентябре 1943 г. в г. Гробиня был открыт Лиепай-

ско-Гробиньский учебный центр по подготовке пилотов. Гробиньский аэродром был местом обучения латышских летчиков и местом формирования боевых эскадрилий. Командовал этим центром майор Люфтваффе В. Эндрес. В марте была сформирована 1-я латышская эскадрилья ночного боя, которая совершала вылеты в районы Пскова, Острова, Опочки. 22 июня 1944 г. была создана 2-я латышская эскадрилья ночного боя, насчитывавшая 18 машин, в июле 3-я (всего восемь самолетов). 10 августа приказом немецкого главнокомандования был создан авиационный легион «Латвия», командиром которого был назначен полковник-лейтенант Я. Руцелис. В октябре 1944-го легион был направлен в Германию, боевые машины поступили в распоряжение немецких соединений и легион «Латвия» прекратил свое существование.

К весне 1944 г. ситуация на фронте стала настолько тяжелой, что в немецкую армию — во вспомогательные части воздушных войск — стали призывать несовершеннолетних латышей. Было издано распоряжение мобилизовать 7000 человек. 12 июля О. Данкерс обратился к молодежи с призывом вступать добровольцами во вспомогательные части вермахта. Откликнулись немногие, и 26 июля был издан приказ о призыве 1927—1928 г. рождения, во вспомогательные части было мобилизовано более 3600 несовершеннолетних. (Около четверти из этого числа погибло.) Когда на территорию Латвии вошли части Красной Армии, вспомогательные части воздушных войск были переведены в Германию. В конце войны большинство призванных в 1944-м юношей попали в плен к союзническим войскам.

Есть еще одна, специфическая страница участия латышей во Второй мировой войне. В начале 1944 г. по распоряжению Гиммлера на базе дивизии «Бранденбург» было создано соединение «Бранденбург-800» — разведывательно-диверсионный орган «Ваффен СС Ягдвербанд» (Истребительное соединение войск СС). Соединение находилось в личном подчинении Гиммлера. Толчком для создания данного «спецназа» послужила удачно проведенная О. Скорцени операция по освобождению Б. Муссолини.

Штаб соединения под руководством оберштурмбанфюрера СС Скорцени располагался в местечке Фриденталь в 5 км севернее г. Ораниенбурга.

В своей структуре «Истребительное соединение» имело три подразделения:

1. «Ягдвербанд Ост.» (Истребительное соединение «Восток») осуществляло диверсионно-террористическую деятельность против Красной Армии. Во главе подразделения стоял балтийский немец, гауптштурмфюрер СС А. фон Фелькерзам, одновременно являвшийся начальником штаба «Ягдвербанда». В подчинении «Ягдвербанд Ост.» находилось подразделение, именуемое «Ягдайнзатц Балтикум.» во главе с штурмбанфюрером СС М. Пехау. Деятельность данного органа ограничивалась пределами советских прибалтийских республик. Еще одно подразделение «Ягдайнзатц Руссланд им гезанд» («Истребительная команда вся Россия») подчинялось также Скорцени и действовало на всем советско-германском фронте. Главная квартира подразделения размещалась в городе Хохензальце, как и штаб «Ягдайнзатц Балтикум.»

2. «Ягдвербанд Вест» (Истребительная команда Запад.) действовал на территориях Франции, Бельгии, Голландии и имел в подчинении подразделения «Истребительная команда Норд-Вест.» и «Истребительная команда Зюд-Вест.». Диверсанты «Ягдвербанд Вест» фактически взорвали тылы наступающих союзников высадкой своих диверсантов, облаченных в униформу армии США.

3. «Ягдвербанд Зюд» действовало на территориях Италии и Албании²⁴⁷.

Остановимся подробнее на деятельности балтийского подразделения.

«Ягдайнзатц Балтикум» ограничивал свою деятельность Латвией и Эстонией и имел в своем подчинении латвийский и эстонский штабы.

Начальником латвийского штаба являлся А. Райтумс — руководитель уже упоминавшейся «Лидумниекс». Именно Райтумс проводил вербовку желающих вступить в диверсионный орган из числа личного состава латышских дивизий СС. Штаб занимался подбором агентуры и готовил рекомендации руководству «Ягдайнзатц Балтикум.» по ее использованию. Личный состав агентурной сети на территории Латвии подбирался из числа служащих 15-й латышской дивизии СС, национальных полицейских и саперных частей, а также лагерей беженцев на территории Германии. Добровольцы в первый же день пребывания заполняли специальную анкету

и в ней же давали подписку о сотрудничестве. Псевдонимы они получали перед заброской в советский тыл.

Курс обучения агентуры включал диверсионное и стрелковое дело, изучалось и поведение в тылу противника. В каждой группе два человека проходили подготовку радистов.

Срок обучения составлял не менее двух месяцев. Курсанты в период подготовки носили форму войск СС, на складах имелась гражданская одежда и красноармейское обмундирование. Агенты жили в казармах группами и ротами с учетом их предстоящей заброски в советский тыл²⁴⁸.

В феврале 1945 г. готовились к заброске следующие группы:

«1. Группа обершарфюрера СС Т. Башко. 18 человек, из них три девушки. Состав: латыши и русские, проживающие на территории Латвии. Цель заброски: проведение диверсионных актов на участке железной дороги Двинск (Даугавпилс)—Режица (Резекне), сбор сведений о военных перевозках на этом участке и их передача в штаб соединения «Ягдвербанд Ост.» по рациям. Группе также было дано задание совершать теракты против работников НКВД путем минирования зданий, вести антисоветскую агитацию среди населения.

2. Группа ротенфюрера СС Р. Ионеса. 17 человек, в их числе 3 радиста с одной радиостанцией. Группа закончила подготовку и ожидала заброски в район железной дороги Индра — Двинск для проведения диверсий. Группа также должна была контролировать параллельную железной дороге шоссейную магистраль.

3. «Курляндская группа» во главе с унтерштурмфюрером СС И. Янкаусом была сформирована в октябре 1944 г. с задачей организации повстанческого движения в освобожденных от немцев районах Латвии. Укомплектована группа была 600 латышами, служившими ранее в легионе СС и полицейских частях. Группа должна была действовать в районе озера Лобее и совершать диверсии на железнодорожных и военных объектах в слабоохраняемых районах, захватывать власть в свои руки, вести антисоветскую агитацию, вовлекать население в борьбу против Советской власти. Псевдоним группы «Межа Кати» («Дикие Кошки»).

4. При «Балтикуме» постоянно находилась обученная группа радистов, 3 человека, двое из которых ранее воевали в составе 15-й и 19-й латышских дивизий СС»²⁴⁹.

Помимо диверсантов-латышей в составе «Ягдвербанд Ост.» были преподаватели — уроженцы Латвии. Так, старший преподаватель радиодела шарфюрер СС М. Эйжане ранее служил в полицейских формированиях, в 1944 г. преподавал в «Предприятии Цеппелин» (разведка). Обершарфюрер СС Э. Фрицнович (также преподаватель радиодела) до войны работал радистом на торговых судах. Преподаватель подрывного дела гауптшарфюрер СС Г. Лиспинг также служил ранее в «Цеппелине».

Всего были подготовлены 64 группы общей численностью 1164 человека. Кроме них — еще 160 человек для объединения многочисленных групп и отрядов латышских повстанцев, действовавших в тылах советских войск²⁵⁰.

К лету 1945 г. советские органы госбезопасности располагали информацией о том, что в первой половине ноября 1944 г. из Германии в местечко Кабилес Кулдигского уезда прибыл Янкаус, который поставил перед руководителями групп «Межа Кати» задачу оставаться на покидаемой немцами территории и подготовить бункеры на 5—6 человек каждый. В конце ноября и в декабре 1944 г. руководители групп получили оружие, боеприпасы и продовольствие со складов «Ягдвербанд Ост.» в г. Кулдиге. Штаб Янкауса располагался на хуторе Дравас Кабилесской волости Кулдигского уезда, а его филиалы — в городах Талси и Стенде.

В первых числах апреля 1945 г. началась переброска групп «Межа Кати» в глубь Латвии. В день капитуляции Германии 8 мая 1945 г. Янкаус со своим штабом ушел в лес, где собрал командиров групп, объявил им о капитуляции Германии и приказал направляться в заданные районы для организации и осуществления акций. Первая группа, возглавляемая лейтенантом Карклиньшем, с радистами К. Пумпансом и В. Петбронсом и вторая группа во главе с айзсаргом Ладыньшем отбыли в Рижский уезд. Третья группа под командованием Гибжей и Лиепиньша и четвертая, под руководством Балодиса с радистом В. Калниньшем — в район Лимбажи.

Пятая во главе с Крустсом — в Цесисский уезд, и шестая во главе с лейтенантом Г. Корки — в Екабпилсский уезд.

Борьба советских органов госбезопасности с «Дикими Кошками» шла не один месяц. Руководитель штаба отрядов «Межа Кати» был захвачен лишь в январе 1947 г., последняя «кошачья» группа была ликвидирована в апреле того же года²⁵¹.

Помимо людей Скорцени, в тылах советской прибалтийской группировки действовали диверсионно-разведывательные резидентуры Абвера. Абвергруппы 111, 211 планомерно и постоянно вербовали агентуру из числа местных жителей с целью дестабилизации советского тыла. Только в сентябре 1944 г. в советский тыл было заброшено 8 групп латышей численностью от 3 (группа «Вега») до 120 (группа «Незабудка») агентов²⁵². Еще несколько групп айзсаргов были вскрыты и ликвидированы советской военной контрразведкой. В их числе группа диверсантов, заброшенная в окрестности Риги Абвергруппой-212 с задачей всеми средствами тормозить продвижение советских войск после отхода немецкой армии. Аналогичное задание имели также группы П. Леминьша и Э. Дамбитиса, подготовленные тем же разведорганом²⁵³.

Абвергруппы 102, 104, 166М, 206, 304, «Остланд», «Таллин» и другие органы создали на территории Прибалтики множество школ и курсов по подготовке разведчиков, диверсантов и радистов.

В августе 1944 г. после освобождения от немцев территории Мадонского уезда Латвии при прочесывании лесного массива в районе Левайссилс контрразведчиками 2-го Прибалтийского фронта был задержан бывший член организации айзсаргов Л.Э. Лаускис. На допросе задержанный показал, что он вместе с группой других агентов оставлен немцами на оседание в тылу Советской армии для ведения диверсионной и пропагандистской работы. В том же месяце, при попытке перехода линии фронта был задержан П.Я. Беркис, который по заданию начальника Мадонской тайной полевой полиции собирал сведения о советских воинских частях.

В сентябре 1944 г. органами военной контрразведки 1-й Ударной армии 3-го Прибалтийского фронта была арестована группа агентов-латышей, оставленных немцами на территории Абрэнского уезда для сбора разведанных о наступающих советских войсках.

В октябре 1944 г. в зоне боевой деятельности 3-го Прибалтийского фронта было ликвидировано несколько диверсионно-террористических групп. Среди них была группа Спрингиса, заброшенная в советский тыл 1 октября 1944 г. Абвергруппой-206 для проведения терактов в отношении командного состава советских войск. У группы из семи человек было изъято оружие, 19 ящиков аммонала и 48 противотанковых мин.

В это же время в районе города Смилтене была арестована группа диверсантов-латышей во главе с капитаном немецкой армии Зендером. Подготовленные в разведоргane «Цепелин-Норд», они были одеты в советскую военную форму, частично в гражданскую одежду и снабжены большим количеством взрывчатки.

В районе Риги была ликвидирована разведывательно-диверсионная группа во главе с Р. Пусселем, подготовленная Абвергруппой-112, а вместе с ней и обширная радиофицированная резидентура.

Еще в начале августа 1944 г. немцами и их пособниками начали создаваться на территории Латвии специальные склады с оружием, взрывчаткой и продовольствием для снабжения действующих антисоветских повстанческих отрядов и подполья. В Рижском уезде формированием таких отрядов и созданием баз для них руководил бывший генерал латвийской армии Я. Курелис. К концу сентября 1944 г. ему удалось создать партизанский отряд из 400 человек, который официально именовался «Группой генерала Курелиса 5-го полка айзсаргов». Личный состав отряда прошел курс подготовки по стрелковому и подрывному делу, а также методам действия мелких групп, применительно к тыловой зоне советских войск. Отряд Курелиса был ликвидирован СД в ноябре 1944 г.: командный состав расстрелян, рядовые члены отправлены в концлагерь «Штуттгов».

Между тем в ходе Рижской наступательной операции, Красная Армия теснила немецкие части на всей территории Латвии. 6 октября 1944 г. начался отвод вермахта из Риги. Вслед за ним на Запад насильно вывозилось и мирное население. «За несколько дней до изгнания германских войск из города по приказу боевого коменданта... стали производиться массовые облавы по захвату гражданского населения и угону его в Германию. 7 и 9 октября в Риге были произведены массовые облавы на мужчин и подростков, большая часть города... была охвачена войсками, ... хватали они людей прямо на улице, отправляли большой группой, в количестве 400—500 человек, на сборные пункты, оттуда силой оружия в рижский порт, где стоял подготовленный пароход, и увозили в Германию. Те, которые сопротивлялись, их расстреливали на месте»²⁵⁴. Так было в Риге, но на периферии этот метод не работал. Там приходилось применять иные карательные меры.

Вот, например, как была организована «эвакуация» в Курляндии:

«Распоряжение об эвакуации беженцев.

Отъезд в Германию латышских беженцев, получивших предложение об эвакуации, должен быть закончен к 20 января 1945 года. Несмотря на многократные извещения и предложения указанным лицам, многие остались здесь и таким непростительным образом ставят под угрозу выносливость Курляндской крепости... Все, до 20 января 1945 года не подчинившиеся вторичному предложению выехать..., будут эвакуированы насильственным путем армией и полицией. 25.12.1944»²⁵⁵.

«Приказываю: а) у всех беженцев, получивших повестки для поездки в Германию, отбирается весь скот и лошади, уплачивая за них установленные цены. У тех беженцев, которые не должны эвакуироваться, также отбираются коровы, оставляя на каждые 10 беженцев 1 корову. б) Беженцы, которым предложено выехать в Германию, впредь не будут получать продовольственных карточек; в) беженцам не будут выдаваться разрешения на проезд по железной дороге, пока не закончится эвакуация; г) у беженцев, которым предложено эвакуироваться, при получении повестки, отбираются паспорта... д) у хозяев, которые будут держать у себя беженцев, также после предложения уехать в Германию, и не заявив письменно в течение 24 часов, будет безвозмездно отобран скот. 16.12.1944. Гебитскомиссар Северной Курляндии»²⁵⁶.

В октябре 1944 г. немецкие оккупационные власти «вывезли всех детей из 8 детских домов в Германию... Дети были погружены в трюме на полу... Грузовой пароход с детьми в Рижском порту простоял несколько дней»²⁵⁷. С начала ноября 1944 г. было вывезено в Германию 14 тыс. человек, еще 8 тысяч в марте 1945 г.²⁵⁸.

Ситуация на Восточном фронте становилась катастрофической для немцев. В октябре 1944 г. 19-я латышская дивизия совместно с частями 16-й и 18-й немецких армий отступила в Курляндию — западную часть Латвии, где в окружении находилась крупная немецкая группировка войск. Возник так называемый Курляндский котел — Талсинский, Вентспилсский, часть Кулдигского, Айзпутский, Тукумский и Лиепайский уезды, всего 13 городов и 76 волостей. В Курземской крепости оказалось примерно 230 тыс. местных жителей, 150 тыс.

беженцев из других районов Латвии, а также около 35 тыс. беженцев из регионов СССР.

В Курляндском котле оборонялись примерно 32 немецкие дивизии. На начальном этапе боев группировкой командовал генерал-полковник Ф. Шернер. Протяженность фронта составляла около 170 км.

15 октября 1944 г. советские войска начали первое масштабное наступление в Курляндию. Основное направление удара — от Добеле к Джуксте. За восемь дней боев Красная Армия не добилась существенных успехов и лишь незначительно потеснила немецкие силы. Второе наступление началось 27 октября в секторе Приекуле—Вайнеде и Ауце. 28 октября немцы оставили Ауце. (Всего в наступлении прошло шесть этапов, последнее крупное сражение — 12 марта 1945 г.). 8 мая 1945 г. Курляндская группировка вермахта капитулировала. В плен сдались около 146 тыс. солдат, в том числе 14 тыс. латышей.

С капитуляцией Курляндской группировки 8 мая 1945 г. завершилось освобождение территории Латвийской ССР от оккупантов. Накануне прекратили свое существование остатки участвовавшей в нацистской обороне Берлина латышской 15-й пехотной дивизии СС, которую судьба обрекла быть среди последних защитников гитлеровского рейхстага и рейхс-канцелярии²⁵⁹.

В годы оккупации в различные военные формирования немцами было мобилизовано около 110 000 граждан Латвии. Большинство тех, кто активно сотрудничал с оккупантами, в конце войны бежали в Германию. В начале марта 1945 г. Латвийский национальный комитет во главе с президентом Р. Бангерскисом перебрался в Лиепая. Бангерскис опять поднял вопрос о восстановлении государственности Латвии. Немецкое командование бойкотировало ЛНК. Р. Бангерскис, организовавший позорную мобилизацию соотечественников и обрекший таким образом на верную и бессмысленную смерть (что как профессиональный военный отлично понимал) десятки тысяч латышей, сдался в плен западным союзникам ССР. Бангерскис умер в 1958 г. в Западной Германии, так и не представ перед судом — в 1945 г. его интернировали британцы, в 1946 г. он был выпущен из лагеря для военнопленных). В 1995 г. останки Бангерскиса были доставлены в Ригу и торжественно захоронены на братском Воинском кладбище Латвии.

Латвийские участники формирований СС ежегодно, в День памяти легионеров, проходят шествием по улицам столицы Латвии, когда-то бывшей столицей территории «Остланд»²⁶⁰.

С 1944 г. началось массовое бегство латышского населения: Красная Армия наступала стремительно, и вслед за отступавшим вермахтом тысячи жителей Латвии отправились в Германию. (Часть населения в конце войны в Германию доставили в принудительном порядке, когда немцы увозили предприятия и обслуживавший их персонал.) Всего около 150 тыс. человек²⁶¹, не считая легионеров, покинули республику, бежав в различные страны.

Латыши воевали не только на стороне вермахта, но и в составе Красной Армии. 201-я Латышская стрелковая дивизия была создана 3 августа 1941 г. в соответствии с постановлением Государственного Комитета Оборона СССР. Это было первое национальное подразделение с начала Великой Отечественной войны. В постановлении Госкомитета, в частности, говорилось: «... приступить к формированию Латвийской стрелковой дивизии из состава бойцов бывшей рабочей гвардии, милиции, партийно-советских работников и других граждан Латвийской ССР, эвакуированных на территорию РСФСР»²⁶². В связи с неудачным началом войны мобилизацию военнообязанных в Латвийской ССР провести не удалось. В тыловые районы СССР в первые дни войны эвакуировали из Латвии 53 тыс. человек. Латышская стрелковая дивизия была создана по просьбе советского руководства республики. Рассчитывалось, что на неоккупированной территории СССР проживало 150 тыс. латышей, часть которых тоже можно будет включить в национальное формирование.

Дивизия располагалась в Гороховецких лагерях под Горьким. Сюда из разных местностей РСФСР, в основном из Северного Поволжья, начали съезжаться латыши и граждане Латвийской ССР других национальностей. Некоторые из них уже получили боевой опыт в борьбе с врагом: бойцы батальонов рабочей гвардии и отрядов партийно-советского актива, городские и сельские партийные и советские работники, милиционеры, рабочие, служащие, крестьяне и другие граждане Латвийской ССР, эвакуировавшиеся на территорию РСФСР, бойцы и командиры бывшего 24-го территориального (латвийского) стрелкового корпуса, 1-го и 2-го латышских стрелковых полков, воевавших в июле — августе 1941 г. в 8-й армии²⁶³.

Значительную часть среднего командного состава дивизии составили 228 выпускников Рижского пехотного училища, которые начали воевать с 24 июня 1941 г. Училище было затем эвакуировано в Стерлитамак, где произвело выпуск курсантов из числа граждан Латвийской ССР²⁶⁴.

На командные должности в дивизии назначались также граждане Латвийской ССР, служившие в других частях и соединениях Красной Армии, участники Гражданской войны (1917—1921 гг.). Представление о подготовке личного состава дает донесение политотдела дивизии от 22 сентября 1941 г.: «Из числа прибывших бойцов значительная часть не служила на военной службе и не знакома с военным делом. Комсостав и красноармейцы, ранее служившие в латвийской армии, не знакомы с современными средствами вооружения Красной Армии, вследствие чего требуется основательная подготовка личного состава»²⁶⁵.

Большинство политруков подразделений и комиссаров частей — а ими стали в основном партийные работники Латвии — не имело военной подготовки²⁶⁶. Уже в сентябре 1941 г. численность дивизии составила 10 348 человек²⁶⁷. На 90% это были латыши и граждане Латвийской ССР других национальностей²⁶⁸. Национальный состав дивизии был следующим: латыши — 51%, русские — 26%, евреи — 17%, поляки — 3%, представители других национальностей — 3%²⁶⁹. Боевая деятельность, учеба, внутренний распорядок в дивизии строились на основе наставлений, уставов и директив, принятых во всей Красной Армии. Однако разговорным языком наряду с русским был латышский. На нем велось обучение военному делу, политическая работа и т. д.

В феврале 1942 г. приказом командования Московского военного округа в Гороховецких лагерях был на базе Латвийского запасного батальона сформирован 1-й отдельный запасной Латвийский стрелковый полк²⁷⁰. Согласно специальной директиве Управления мобилизации и укомплектования Красной Армии всем фронтам и армиям предлагалось направлять весь рядовой и младший начальствующий состав латышской национальности в этот полк²⁷¹. Всего в запасном полку было подготовлено и отправлено на фронт около 33 тыс. человек²⁷².

Во второй половине января 1942 г. Латышская дивизия была включена в состав 1-й ударной армии. Начиная с 13 фев-

раля части дивизии принимали участие в боях по окружению Демянской группировки противника.

В феврале — марте 1942 г. в расположение 201-й Латышской дивизии прибыла группа в 200 человек — бывших бойцов и командиров 1-го и 2-го латышских рабочих полков, отступивших с боями из Латвии и Эстонии и оказавшихся в блокадном Ленинграде. Бойцов смогли переправить на Большую землю только после открытия Дороги жизни через Ладогу. 5 октября 1942 г. за проявленные в боях под Москвой и у Старой Руссы мужество и стойкость, за героизм личного состава приказом народного комиссара обороны дивизии было присвоено гвардейское звание. Отныне она именовалась 43-я гвардейская Латышская стрелковая дивизия. 19 октября 1942 г. Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР А. Кирхенштейн вручил дивизии гвардейское знамя²⁷³.

В начале 1943 г. в тылу была сформирована Латышская авиационная эскадрилья, на основе которой позже был создан 1-й Латышский авиационный полк. Во время Рижской наступательной операции, во взаимодействии с наземными войсками авиаполк уничтожал подразделения противника на территории Латвии в населенных пунктах Карсава, Лудза, Резекне, на узлах дорог и переправах Лубаны, Ромули. 24 июля 1944 г. Латышский авиаполк перелетел на территорию Латвии.

В преддверии скорого начала боев за освобождение Латвии 5 июня 1944 г. приказом Генерального штаба Красной Армии был сформирован 130-й Латышский стрелковый корпус²⁷⁴.

13 октября за прямое содействие войскам, которые вели бои за Ригу и в этот день освободили ее основную, правобережную часть, Верховный Главнокомандующий в своем приказе объявил благодарность личному составу Латышского корпуса. В ознаменование полного освобождения столицы Латвии бойцы Латышского корпуса, по решению Военного совета 2-го Прибалтийского фронта, участвовали в параде, который прошел в Риге. За бои в сентябре и октябре 1944 г. были награждены 3418 воинов Латышского стрелкового корпуса, проявивших доблесть и мужество в боях за свою столицу, за родные города и села. Корпусу была объявлена благодарность, и он был награжден орденом Суворова II степени.

43-й гвардейской дивизии было присвоено почетное наименование Рижской вместе с другими особенно отличивши-

мися частями и соединениями. Всего в РККА во время Великой Отечественной войны служило более 70 тыс. латышей. Рижская наступательная операция завершилась к 21 октября 1944 г.

В Латвии за годы нацистской оккупации было уничтожено более 200 тыс. человек.

2.4. Генеральный округ «Эстония»

К южным границам Эстонии фронт докатился 7 июля 1941 г. В это время в эстонских лесах находилось около 20 тыс. человек, бежавших в середине июня от массовых депортаций. Часть скрывавшихся объединились в вооруженные отряды так называемых лесных братьев. Чем ближе был фронт, тем активнее становились эстонские партизаны. Они нападали на мелкие подразделения отступавшей Красной Армии, на советских активистов, представителей волостных управ и других советских органов власти. В некоторых районах, в частности в Пярнумаа, «лесные братья» захватили власть в свои руки, провозгласив местное самоуправление до прихода немцев.

Немецкие войска вышли на линию Пярну — Вильянди — Тарту, но были остановлены контрударными силами Красной Армии. Линия фронта на две с лишним недели стабилизировалась. Советское командование намеревалось оборонять Таллин — одну из важнейших баз Краснознаменного Балтийского флота — до последней возможности. В окрестностях эстонской столицы поспешно возводились укрепления, которые не успели создать до начала войны, несмотря на имевшиеся уже в 1940 г. планы.

Верховное командование вермахта не спешило прорывать советскую оборону в Центральной Эстонии, сосредоточив силы в направлении главного удара на северном фланге — на Ленинграде. Немцы полагали, что при удачном развитии ситуации на Ленинградском фронте находящиеся в Эстонии советские войска окажутся в окружении.

Уже с первых месяцев войны в составе наступающей германской армии воевал созданный из бывших военнослужащих эстонской армии 22-й территориальный стрелковый корпус. В июне 1941 г. этот корпус был отправлен в учебный лагерь Вярска, где 13—14 июня было арестовано около 300 старших

эстонских офицеров, большинство из которых было отправлено в Норильский лагерь. Часть командиров корпуса уже была арестована ранее²⁷⁵. В начале войны корпус был доукомплектован новобранцами из различных республик Советского Союза. При отходе корпуса из Эстонии часть личного состава разбежалась, примкнув к «лесным братьям», часть вернулась домой. Из оставшихся 7 тыс. эстонцев в боях погибли 2 тыс., перешли на сторону немцев 4,5 тыс.²⁷⁶.

Стабилизация фронта в Центральной Эстонии позволила советским войскам в значительной степени нейтрализовать деятельности лесных братьев в Северной Эстонии. Для борьбы с ними были направлены регулярные части НКВД и истребительные батальоны. Они формировались в основном из местного населения, а также из бежавших из оккупированной Латвии советских милиционеров и партактивистов²⁷⁷. Всего в истребительных батальонах насчитывалось до 6 тыс. человек²⁷⁸. В ходе столкновений с «лесными братьями» погибло около 2 тыс. человек.

В августе 1941 г. для обороны Таллина были созданы и два полка рабочего ополчения. В их составе находились преимущественно военнослужащие отступивших к Таллину истребительных батальонов. Боеспособность полков рабочего ополчения была низкой, их быстро разбили наступавшие германские войска. Полк рабочего ополчения был создан и в Нарве.

Советские власти уже 2 июля 1941 г. начали на территории Эстонии мобилизацию мужчин призывного возраста. Всего в РСФСР было отправлено около 32 тыс. человек²⁷⁹, но на фронт они отправлены не были: сталинское руководство после летней кампании 1941 г. небезосновательно не доверяло новобранцам из балтийских республик. В сентябре 1941 г. сформированные из эстонцев трудовые батальоны были переданы в подчинение ГУЛАГа НКВД²⁸⁰. По некоторым данным, в них к осени 1942 г. умерло около 10 тыс. человек²⁸¹.

К августу немцы вышли к Финскому заливу и отрезали Таллин от остальной части Эстонии. Военные действия на материковой части республики шли не очень интенсивно и продолжались целый месяц. Красная Армия оставила Таллин 28 августа. С таллинского рейда в Кронштадт двинулся огромный караван, по разным данным, из 160—197 судов

с десятками тысяч человек на борту. Переход был катастрофическим: корабли наткнулись на минные поля. К тому же со стороны Эстонии и Финляндии их обстреливали береговые батареи, бомбила авиация. «Посадка на корабли в Таллине была организована беспланово и настолько поспешна, что сейчас крайне трудно установить не только число и размещение отступавших по кораблям и погибших, но и убедиться в том, что из Таллина и островов эвакуированы все. Многие командиры не отрицают, а утверждают, что довольно значительная часть людей, особенно занятых баррикадными боями, осталась в Таллине... Непродуманность эвакуации приводила к тому, что приходилось бросать боевую технику и автотранспорт. Так, когда возникла необходимость эвакуировать личный состав и материальную часть 3-го и 4-го зенитных полков ПВО Главной базы КБФ, отличившихся в обороне Таллина, для погрузки подали не баржи, а транспорты, которые из-за мелководья не могли подойти к пристани ближе 1000—1500 метров. Поэтому почти всю материальную часть пришлось или уничтожить, или бросить. Из-за большой волны шлюпки за личным составом долго не приходили, хотя час отправления давно прошел»²⁸². Хаос, царивший во время эвакуации, подтверждают донесения участников тех событий. «Забывтая группа бойцов... вплоть до 28 августа сдерживала натиск противника и ушла с позиций только тогда, когда стало известно, что все соседи и начальники ушли... Огромные толпы красноармейцев, краснофлотцев и командиров подвергались панике. Начальников не было. Большие толпы направились на прорывы (из разговоров мне известно, что многие из них вернулись, увидя транспорт на Купеческой пристани). Материальная часть орудий, приборов, автотранспорт, лошади и многое другое ценное имущество в огромном количестве осталось на пристани. Из разговоров известно, что часть л[ичного] с[остава] также осталась не погруженными»²⁸³. Возникшая в результате неразберихи паника, отсутствие твердого руководства эвакуацией приводили к тому, что на пристанях метались, не видя выхода, вооруженные толпы красноармейцев и краснофлотцев. Здесь же стихийно формировались отряды, которые под началом командиров-самозванцев уходили в Ленинград по суше.

Еще 22 августа 1941 г. советской контрразведкой был перехвачен подписанный 17 августа приказ Гитлера, требовавший уничтожения всего Балтийского флота на минно-артиллерийской позиции в районе средней части Финского залива. Эта задача возлагалась на береговые батареи, торпедные катера, подводные лодки и авиацию. Несмотря на имеющуюся информацию о планах врага, сколько-нибудь серьезного противодействия Красная Армия и Балтийский флот оказать не смогли. Были кое-какие попытки траления мин в фарватере, но так как он не охранялся, немцы возвращались туда и устанавливали мины заново. Также очень остро сказывалось почти полное господство Люфтваффе в воздухе²⁸⁴. Трагические итоги Таллинского перехода таковы: немцы потопили 12 боевых кораблей (еще три серьезно повредили), погибло 19 вспомогательных судов (еще 4 получили серьезные повреждения). Есть данные о гибели в общей сложности 53 судов²⁸⁵. В первые дни после прибытия в Кронштадт отсутствовала даже точная цифра кораблей, вышедших из Таллина: одни командиры называли 163, другие — 190 единиц. Людские потери также не установлены — никакого учета эвакуируемых, тем более поименных списков не велось — в хаосе отступления корабли наполнялись до отказа самими военнослужащими, членами их семей, просто мирным населением, не желавшим оставаться «под немцами». До сих пор называются цифры от 6 до 15 тыс. человек погибших²⁸⁶. По данным на 2 сентября 1941 г. было спасено 14 800 человек²⁸⁷.

В первые месяцы оккупации в Эстонии началось возрождение довоенных националистических партий. Была вновь воссоздана аграрная партия — «Отечественный Союз» («Исамаалиит»), являвшаяся единственной правящей партией до 1940 г. В нее входили в основном крупные собственники земли, представители финансового капитала, военные и гражданские чиновники, владевшие лучшими участками земли, в числе которых были последний президент Эстонии К. Пятс и военный министр генерал Лайдонер. Именно из бывших членов «Исамаалиита», политиков времен Пятса, которые не были депортированы из страны при советской власти и в момент германского вторжения находились на территории Эстонии, образовалась группа во главе с бывшим председателем Государственного совета и последним премьер-министром независимой Эстонии Ю.Улуотсом. Впоследствии она

была известна как «группа Улуотса». Свою программу сотрудничества с оккупационными властями «группа Улуотса» сформулировала на конференции в Тарту 27—28 июля 1941 г., на которой был принят меморандум с обращением к германскому правительству, переданный командующему группы армий «Север» генерал-фельдмаршалу В. фон Леебу. «Меморандум группы Улуотса» был составлен в довольно осторожных выражениях. В нем говорилось, что эстонцы готовы и дальше бороться «за окончательное освобождение своей страны от господства России и за освобождение 100 000 угнанных в Россию эстонцев»²⁸⁸ (в действительности эта цифра завышена почти в 10 раз²⁸⁹). С этой целью Улуотс выражал готовность восстановить эстонские вооруженные силы, но для проведения мобилизации просил воссоздать правительство независимой Эстонии. Будучи официальным заместителем президента Пятса, Улуотс считал себя его последним конституционным главой. Поэтому он намеревался восстановить прежний государственный строй в Эстонии путем создания нового кабинета министров по «принципу преемственности». Такое правительство, по его мнению, должно было пользоваться полным доверием эстонского народа и могло бы гарантировать немецким властям любую помощь и сотрудничество²⁹⁰.

Меморандум был отправлен в Министерство иностранных дел рейха, но официального ответа на него так и не последовало. Лишь в середине августа 1941 г., после того как документ был рассмотрен германским МИДом, по неофициальным каналам был получен ответ примерно следующего содержания: «На оккупированной территории не может быть никакого правительства и самостоятельных вооруженных сил». Одновременно эстонцам дали понять, что верховное политическое руководство рейха не заинтересовано в предоставлении независимости Прибалтийским республикам, даже самой ограниченной. Не может идти речь и о действительном самоуправлении: допустимо лишь вспомогательное самоуправление под контролем немецкой администрации²⁹¹.

Еще в конце мая 1941 г. в Хельсинки был создан «Эстонский комитет освобождения» во главе с Х. Мяз. Комитет провозглашал своей целью достижение «свободы и независимости эстонского народа... при поддержке дружественных государств» и заявлял о готовности взять на себя верховную

политическую власть в Эстонии, пока «не будет восстановлена государственность на основе новой конституции, выработанной во взаимодействии с германским рейхом»²⁹². О своей политической концепции Мяз проинформировал представителя германского Министерства иностранных дел. Его политическая программа предполагала «1/2 года на [пропагандистскую] подготовку эстонского народа», после чего будет возможна «надежная тесная связь Эстонии с рейхом». Главной идеей идеологической подготовки эстонского народа Мяз считал воспитание «общевропейского мировоззрения». Мяз отнесся «с пониманием» к германским планам колонизации Прибалтики и создания там немецких поселений. Для этого эстонцы должны были принять участие в борьбе за «новую Европу» против большевизма, чтобы почувствовать «общую судьбу с немецкими солдатами»²⁹³. (Впоследствии эти лозунги оказались очень живучими и были заимствованы кругами СС для пропаганды.) Лидеров довоенных эстонских партий типа Улуотса предполагалось оттеснить на второй план и не допустить к политической деятельности. Разумеется, эта программа произвела благоприятное впечатление на сотрудников германского МИДа²⁹⁴. И самому Мяз, и немецкому МИДа было ясно, что ее «изнаночная» сторона являлась безоговорочно прогерманской даже по сравнению с программой Улуотса. Мяз и его «штаб» прибыли в Эстонию сравнительно поздно, но это не помогло его конкурентам. В Министерстве оккупированных восточных территорий в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) сделали ставку именно на него — Мяз был хорошо проверен на безоговорочную преданность еще во время пребывания в Финляндии.

Между тем на оккупированной немцами территории Эстонии устанавливался новый порядок. Немаловажную роль в этом процессе сыграли бойцы эстонской полувоенной организации «Кайтселиит» («Союз защиты»).

«Кайтселиит» был создан правительством Эстонии еще в 1918 г., а с 1934 г. являлся военизированной опорой партии «Исамаалиит». До июня 1940 г. он был в республике подобием Национальной гвардии. Его отряды продолжали тайно существовать и после июня 1940 г., с присоединением к СССР многие руководители организации ушли в подполье, договорившись между собой не сдавать оружие и поддерживать связь друг с другом²⁹⁵. «Кайтселиит» был легализован в пер-

вые же дни немецкой оккупации, по мере продвижения линии фронта. Раньше всех отряды «Кайтселиит» были организованы в провинции Пярну (3 июля 1941 г.), позднее всех — на острове Сааремаа.

Однако, когда услуги «Кайтселиита» немцам стали не нужны (это произошло в начале сентября 1941 г., когда оккупационный режим уже полностью укрепился), организацию распустили, устроив напоследок «в порядке особой чести» совместный с немецкими подразделениями парад, завершившийся благодарностью «великому фюреру Германии Адольфу Гитлеру как спасителю Европы от большевизма»²⁹⁶. Нацистам не нужны были претендующие на самостоятельность, хорошо вооруженные формирования. Оставили лишь 200 человек, которые должны были войти в состав вспомогательной полиции. Им разрешалось сохранить оружие. Эстонские руководители «Кайтселиита» послушно выполнили распоряжение, издав в дополнение к немецкому свой собственный приказ, объявлявший о вхождении эстонских вооруженных формирований в состав вспомогательной полиции. В каждом городе, селе или деревне надлежало сформировать полицейский отряд, численностью не превышающий 1% от общего числа населения. Все служащие этих отрядов поступали в подчинение немецких начальников полиции²⁹⁷.

Также после оккупации Эстонии была создана эстонская вооруженная организация «Омакайтсе» («Самозащита»), курировавшаяся оккупационными властями. Во главе этой организации был поставлен прибывший из Германии полковник бывшей эстонской армии Й. Соодла (в дальнейшем ему было присвоено звание генерал-майора). Чтобы стать членом «Омакайтсе», кандидату требовалось доказать, что в советское время он не состоял в Коммунистической партии и не имеет родственников-евреев. После этого произносилась клятва быть готовым отдать свою жизнь за дело борьбы с большевизмом²⁹⁸.

«Омакайтсе» как организация самозащиты народа, сразу нашла полное признание со стороны немецких военных и полицейских властей. Возникло отношение взаимного доверия, что способствовало содействию при достижении общих целей»²⁹⁹, — констатирует сайт Эстонского музея оккупации, концептуально ориентированный на использование термина «оккупация» преимущественно к периоду советского присут-

ствия на территории Эстонии. Заметим, цели у оккупантов и их подручных были общие, т. е. ни о какой борьбе за независимость речи не шло. «Омакайтсе» была подчинена непосредственно немецким военным властям. Организации была поручена чистка ближнего и отдаленного тыла от остатков Красной Армии, сбор и охрана брошенной материальной части, интернирование коммунистических деятелей, конвоирование и охрана военнопленных, военная охрана шоссе и железных дорог, гетто и несение караульной службы при разных объектах военного значения и при общественных предприятиях. Позднее к перечисленным задачам добавились береговая охрана на взморье и закрытие границы на бывшей восточной границе Эстонии. Подразделения «Омакайтсе» также использовались на оккупированной немцами территории РСФСР, Белорусской и Украинской ССР для карательных акций против мирного населения и в антипартизанских кампаниях. На 1 января 1942 г. в «Омакайтсе» состояло 40 709 человек»³⁰⁰.

До 1942 г. «Омакайтсе» формировалась исключительно из добровольцев, в дальнейшем — по мобилизационным спискам. она состояла из 13 территориальных полков, которые, в свою очередь, делились на батальоны, роты, взводы и отделения. В 1941—1942 гг. ею было проведено более 7000 облав для задержания партизан, парашютистов, бежавших из лагерей советских военнопленных и других «враждебных» лиц. Именно эта организация в большей степени, нежели другие «вспомогательные» соединения, сформированные в период оккупации Эстонии, участвовала в «окончательном решении еврейского вопроса» на территории этой республики³⁰¹. Как уже упоминалось, важнейшей задачей «Омакайтсе» была караульная служба. В среднем ежедневно на постах находилось около 3000—4000 человек.

При взятии Таллина вермахтом в плен попали 12 тыс. бойцов РККА, но еще больше оказались в окружении. Лесные братья, боевики «Омакайтсе» при поддержке вермахта устроили настоящую охоту на пытающихся вырваться из кольца красноармейцев. Во время этих боев было пленено еще 27 тыс. советских военнослужащих, погибло более 2,5 тыс. «Осенние облавы „Омакайтсе“ были еще более жестокими и масштабными, чем летние акции (истребительных батальонов. — Ю. К.) против лесных братьев»³⁰².

Проводились репрессии и против мирного населения. Самостоятельно и вместе с немецкими военными и полицейскими частями «Омакайтсе» арестовала и передала оккупационным властям 4919 коммунистов³⁰³. С лета 1941 г. по лето 1942 г. по приказу Немецкой полиции безопасности при участии «Омакайтсе» были убиты не менее 5500 граждан и жителей Эстонии, примерно такое же количество отправлено в лагеря³⁰⁴.

Со временем эстонские вооруженные добровольческие формирования стали использоваться и на фронтах. Подразделения «Омакайтсе» также участвовали в боевых действиях. По существующим данным подразделения «Омакайтсе» участвовали более чем в 100 боях³⁰⁵.

История формирования эстонской разведывательно-диверсионной группы «Эрна» началась задолго до июня 1941 г. Еще в середине 1939 г. в Финляндии был создан филиал военной разведки Германии (Абвера), вошедший в историографию как «Бюро Целлариуса» — по имени фрегаттен-капитана Абвера А. Целлариуса, имевшего опыт совместной работы с разведками прибалтийских государств до 1939 г. В марте 1941 г. последний военный атташе независимой Эстонии в Финляндии майор А. Кристиан (оставшийся там после ввода советских войск в Эстонию и последовавших за этим событий) организовал обучение 18 эстонцев на курсах радиотелеграфистов в разведывательной школе в городе Рованиеми.

Подготовка их в апреле—июне 1941 г. велась на финских базах в Стаффани и Мунккинеми под руководством немецких инструкторов обер-лейтенанта К. Рейнхардта и зондерфюрера В. Шварце из учебного батальона полка специального назначения «Бранденбург-800»³⁰⁶. Вооружение, обмундирование и снаряжение у групп было финским. 23 июня, уже на следующий день после нападения Германии на СССР, из наиболее подготовленных членов упомянутых боевых групп был создан батальон особого назначения, получивший название «Эрна». Он был включен в состав 18-й армии вермахта, входившей в группу армий «Север». 24 июня 1941 г. личный состав подразделения был приведен к присяге финляндскому государству, что, однако, никак не повлияло на статус «Эрны» как спецподразделения Абвера. «И финны, и немцы были очень заинтересованы в «Эрне». Она отвечала общим задачам Эстонии, Германии и Финляндии»³⁰⁷.

Первая группа отряда «Эрна» катерами финских ВМС вечером 8 июля 1941 г. была доставлена на побережье бухты Кунда, а вторая — самолетами в уезд Харьюмаа Эстонской ССР. База отряда была создана на болотном острове Каутла. О том, как осуществлялась эта переброска, рассказывается в рапорте полковника Курга. Характерно, что документ написан на немецком языке, тогда как практически вся служебная документация внутри «Эрны» велась на финском или на эстонском. Этот же рапорт предназначался, вероятно, непосредственно для «Бюро Целлариуса».

«Подразделение ERNA-I (так «Эрна» обозначалась в документах Абвера) в составе 4-х офицеров и 34 рядовых 10.07.41 в 2.30. /утра / было высажено и размещено с финских сторожевых катеров №№ 10 и 17 и малых весельных лодок примерно в 1 км от эстонского северного берега между Сальмисту и Андинееме. На вооружении находилось 10 автоматов, 30 пистолетов и 5000 патронов. Кроме того, подразделение располагало еще более чем 40 кг взрывчатки без взрывателей и соединительных кабелей, а также 2 рациями. Высадка прошла незаметно для противника. Чтобы избежать возможного преследования, я решил насколько возможно продвинуться на юг и в тот же день пересечь ж/д линию. Место высадки час спустя было обнаружено противником и... подверглось нападению (частей Красной Армии. — Ю. К.). У дороги на Пиибе преследователи потеряли наши следы...»³⁰⁸.

Уже сутки спустя после высадки «Эрны», 11 июля, была проведена разведка советских позиций в Кере. Действовала «Эрна» группами по несколько человек. «Там находился советский истребительный батальон с 20 грузовиками, броневиком и противотанковой пушкой. Наблюдалось движение в направлении Нарвашен и Пиибе, а также по ж/д путям, оно было очень ограниченным... Марш проходил в 2 этапа, и утром 13.07. был организован бивак между Равила и Козе. В тот же день были предприняты попытки повреждений телефонной связи у Алавере, Козе и Равила... Первой группе удалось повредить трактор и убить одного русского офицера и одного солдата... Вторая группа напала на 3 автомобиля и остановила их, однако сама подверглась атаке истребительного батальона и была вынуждена вернуться»³⁰⁹. Подобные вылазки группа совершала ежедневно.

15 июля 1941 г. дозор «Эрны» наткнулся на советскую автоколонну. В ходе боя диверсантам удалось уничтожить весь состав военного трибунала фронта, направлявшийся в село Арду. На следующий день группа была обнаружена и, пытаясь уйти от преследования, с помощью местных проводников вышла в район Каутла, где организовала опорный пункт. 17 июля в Каутла к отряду Х. Курга присоединился отряд лейтенанта Т. Яанхолда, дезертировавшего из советской кавалерийской части под городом Тапа. С 19 июля бойцы «Эрны» осуществляли наблюдение за деятельностью штаба советской 8-й армии в местечке Поркуни и за передвижениями войск 10-го стрелкового корпуса РККА, который в это время вел тяжелые бои за города Тюри и Пайде. (Вся информация передавалась в «Бюро Целлариуса»³¹⁰.)

23 и 28 июля к отряду Курга присоединилась группа К. Рейнхардта — 17 человек с грузом вооружения, снаряжения и боеприпасов. Информация об «Эрне» мгновенно распространилась среди населения, более чем доброжелательно отнесшегося к ней, — ее миссию воспринимали как освободительную. Бойцы «Эрны» задерживали «подозрительных лиц» и вершили быстрый «суд» — времени разбираться не было. Одного подозрения порой было достаточно для немедленного расстрела. Добровольных помощников у «Эрны» было множество. Они добывали сведения, приносили провиант, а порой, и оружие. «Деятельность «Эрны» в течение 4 недель в тылу врага была возможной исключительно благодаря бескорыстной самоотверженной помощи эстонского населения»³¹¹.

Документы свидетельствуют о том, что в течение первых двух недель своего пребывания на территории Эстонии, еще не оккупированной войсками вермахта, эрновцы передавали в «Бюро Целлариуса» в Хельсинки от 50 до 100 радиogramм в сутки. Фиксировалось все — передвижение и численность советских воинских частей, расположение штабов и наблюдательных пунктов, эвакуация партийного и советского актива, обстановка среди населения³¹².

Деятельность «Эрны» и «лесных братьев» не была секретом для подразделений НКВД, отвечавших за охрану тыла Красной Армии. После нескольких стычек с истребительными батальонами НКВД, вследствие которых были сожжены хутора Симисалу и Саэ и уничтожены их жители, 26 июля 1941 г.

«Эрна» и примкнувшие к ней повстанцы предприняли неудачный штурм волостного центра Альбу, где был расквартирован один из истребительных батальонов. (Истребительные батальоны, как упоминалось выше, состояли из представителей местного населения.) В результате этой вылазки особый отдел штаба 8-й армии получил точные данные о дислокации «Эрны» и приступил к блокированию и уничтожению ее базы силами шести эстонских истребительных батальонов и одного латышского добровольческого стрелкового полка. В операции участвовало около тысячи человек³¹³. 31 июля 1941 г. группировка «Эрны» была рассеяна. 6 августа остатки групп «Эрны» вошли в контакт с германскими войсками и были включены в состав 311-го пехотного полка в качестве отдельного батальона³¹⁴.

Полковник Кург в одном из локальных боев в окрестностях Таллина был легко ранен, и этим воспользовались в «Бюро Целлариуса», где были недовольны настойчивым желанием Курга вести «Эрну» в наступление на эстонскую столицу. Абвер и вермахт, разумеется, не предполагали участия эстонцев, пусть и находившихся у них в подчинении, в «освобождении Таллина от советских оккупантов». На место Курга был назначен более сговорчивый майор Р. Хиндпере. К этому времени «Бюро Целлариуса» старалось «притормозить» деятельность «Эрны», ограничивая любые проявления самостоятельности, — гитлеровцы не считали целесообразным создавать даже видимость независимости для эстонцев, тем более эстонцев с оружием. Именно поэтому с середины августа доставка оружия из Финляндии (оно сбрасывалось с самолетов) была прекращена³¹⁵.

«Мы видели силуэт города в дыму. В 10 километрах от нас начали двигаться русские войска, которые отступали под натиском 61-й дивизии вермахта. Мы стремились не дать уйти отступавшим... Войти в Таллин нам не дали, задержали»³¹⁶. В это время часть разочарованных эрновцев покинула отряд, присоединившись к «лесным братьям» или вовсе «выйдя из игры». Но таких было немного: большая часть продолжала сражаться на стороне оккупантов, уже не имея иллюзий по поводу «независимости».

Очередным заданием «Эрны» стало участие в операции по занятию островов Западно-Эстонского архипелага. Задания по-прежнему раздавало «Бюро Целлариуса», ему же на-

правлялись и радиogramмы. «Мы получили инструктаж, как частями уничтожать русских. На островах (там находились советские военные базы. — Ю. К.) взяли много пленных, заставили их готовить площадки для посадки немецких самолетов на Сааремаа... В 14 часов приняли первый самолет, потом еще несколько — с оружием и боеприпасами»³¹⁷.

«Эрна», ставшая уже батальоном, получила наименование «Эрна II», находясь на островах Муху и Саарема, до 27 сентября, принимала участие в боевых действиях в составе 217-й пехотной дивизии вермахта. Затем ее направили в Таллинн и 10 октября 1941 г. расформировали³¹⁸. Личный состав был частично переведен в созданные оккупационными властями подразделения местной «самозащиты» влился в подразделения финской разведки³¹⁹.

Бойцы группы «Эрна» оказались в числе первых, кто на территории Эстонии вступил в борьбу на стороне нацистских оккупантов и продолжал ее, служа нацистской разведке и контрразведке, когда никаких иллюзий не осталось даже у самых наивных. «Поход Эрны» — так называется военно-спортивная игра, имитирующая высадку в июле 1941 г. разведывательно-диверсионной группы «Эрна» в тылу советских войск на побережье залива Колга. Участники игры — представители подразделений спецназа стран НАТО. Финансирует проект Министерство обороны Эстонской республики, глава которого Я. Аавиксоо так обозначил цель учений: «Повторяя доблестный путь миссии «Эрны», участники похода должны выполнить задачу, используя простейшие средства и, прежде всего, свою смекалку, а также физическую выносливость и психологическую устойчивость»³²⁰.

По архивным данным, 10 членов группы «Эрна» были награждены гитлеровским командованием «Железным крестом II степени», еще 30 — «Крестом за заслуги и доблесть на восточных территориях»³²¹.

Первое подразделение вермахта, в составе которого воевали эстонцы, — полицейский батальон СС «Остланд». Формирование батальона началось 6 июля 1941 г. под Берлином из эстонцев и латышей, переселившихся в Германию. Он подчинялся Немецкой полиции безопасности. Командиром батальона был латышский полковник Х. Браншневитц. Две остальные роты состояли из эстонцев. В октябре 1941 г. батальон был отправлен на Украину. Летом и осенью 1942 г.

нескольких бойцов отправили в учебный лагерь в Дебицу (Польша), как ядро формирующегося Эстонского Легиона СС. Остальных бойцов в 1943 г. также отправили в Хайделлагерь, где они стали основой батальона «Нарва». Затем батальон «Остланд» был расформирован³²². К этому времени на Восточном фронте на стороне Германии постоянно воевало около 10 тыс. эстонцев.

Но ситуация менялась, и идея формирования эстонского легиона уже в начале августа 1942 г. получила одобрение Гитлера. В связи с этим Гиммлер выразил пожелание, чтобы к эстонцам применялось совершенно иное обращение, нежели к другим народам, так как он сам якобы считает эстонцев «лучшим народом в мире»³²³. Гиммлер даже высказал мнение, что даже те эстонцы, которые «по расовым критериям» непригодны к службе в эстонском легионе СС, должны иметь более высокий статус в составе полицейских батальонов, чем представители других национальностей³²⁴.

В годовщину взятия немецкими войсками Таллина (28 августа 1942 г.) на торжественной церемонии на площади Свободы генеральный комиссар Эстонии К. Литцман объявил о согласии Гитлера на формирование Эстонского легиона СС. В своей речи Литцман подчеркнул, что будущее Эстонии прямо связано с ее вкладом в борьбу против большевизма³²⁵. На этой же церемонии выступил и глава самоуправления Мязэ. Воздав хвалу Гитлеру за спасение от «коммунистического ужаса», он заявил, что священная обязанность каждого эстонца — принять участие в борьбе против большевизма³²⁶. В вышедшем на следующий день номере газеты «Эстонское слово» говорилось, что принадлежать к СС — особая честь для эстонцев³²⁷.

Несмотря на интенсивную агитацию на радио и в печати, заявлений от добровольцев, желающих вступить в Эстонский легион СС, поступило очень мало. Согласно донесению фюрера СС и полиции Эстонии бригаденфюрера СС Х. Меллера от 13 октября 1942 г. число добровольцев на этот момент составило всего около 500 человек³²⁸. Было решено прибегнуть к принудительным мерам: в качестве «добровольцев» в состав Эстонского легиона СС была зачислена, по приказу Гиммлера, часть служащих эстонской полиции безопасности. Еккельну было приказано отобрать из личного состава полиции «расово пригодных» для службы в войсках СС³²⁹.

Зимой 1942—1943 г. мероприятия по вербовке в Эстонский легион СС заметно оживились.

В результате всех этих мер удалось набрать всего 1280 человек³³. 15% численности Эстонского легиона СС в этот период составляли бывшие солдаты эстонских полицейских батальонов и охранных батальонов вермахта³³¹. Из них был сформирован эстонский добровольческий батальон СС «Нарва», «самое элитное из когда-либо существовавших эстонских подразделений; в 1943—1944 г. он проявил незаурядную отвагу в боях на Украине»³³², — не скрывают гордости авторы современного эстонского учебника истории для гимназии.

В штабе немецкой 3-й танковой армии начали вербовать добровольцев в лагерях военнопленных, в том числе среди эстонцев, дезертировавших из Красной Армии в первые дни войны³³³.

В начале 1943 г., вскоре после разгрома войск вермахта и его союзников под Сталинградом, в Германии была объявлена тотальная мобилизация. Эстонское радио сообщило об этом 10 февраля 1943 г., добавив, что положение «тотальной войны» скоро будет объявлено и в Эстонии. 24 февраля 1943 г. в Эстонии, как и во всем рейхскомиссариате «Остланд», началась «совместная» мобилизация в войска СС, вспомогательные службы вермахта и немецкую военную промышленность шести призывных возрастов (1919—1924 г. рождения)³³⁴. В тот же день в Таллине прошло торжественное мероприятие — собрание по случаю Дня независимости Эстонии (т. е. независимости от СССР). Помимо руководителей немецкой гражданской администрации и самоуправления, на нем присутствовали также представители эстонской интеллигенции, православного и лютеранского духовенства. К собравшимся обратился с речью генеральный комиссар Литцман. Он сказал, что битва под Сталинградом коснулась не только Германии, но и всей Европы, поэтому эстонцы, чье будущее неразрывно связано с Рейхом, должны принять активное участие в «тотальной войне»³³⁵.

Рейхскомиссар Лозе также обратился к эстонцам с призывом вступать в Эстонский легион, так как это — их «долг перед Германией и немецкими солдатами, освободившими Эстонию от большевизма по приказу Адольфа Гитлера». А раз это «долг», то его нужно платить. В порядке «стимулирующей награды» Лозе объявил, что готов даже разрешить

празднование «Дня независимости Эстонии», правда, под «псевдонимом» — «День труда»³³⁶. На следующий день после начала мобилизации было обнародовано распоряжение имперского министра Розенберга о частичном возвращении в Эстонии частной собственности крестьянам. Эта мера была также напрямую связана с вербовкой в легионы СС. Властям необходимо было заручиться поддержкой основной части эстонского общества — зажиточного крестьянства.

Весной 1943 г. началось массовое бегство эстонцев в Финляндию — ход войны складывался не в пользу Третьего рейха, и возвращение советской власти в Эстонию было предсказуемым, но отнюдь не желанным для значительной части эстонцев. До этого в Финляндии находились более 400 эстонских беженцев. В апреле-мае в Финляндию перебежало 300—400 человек, а к концу года — еще не менее 2500 человек³³⁷.

7 марта 1943 г. по инициативе главы эстонского самоуправления Мяз в газете «Eesti Sona» был помещен призыв всех директоров самоуправления о вступлении в Эстонский легион. В нем говорилось, что борьба против большевизма достигла своей высшей фазы, когда решается будущее всей Европы, и поэтому долг каждого эстонца сражаться за свою страну и ее существование. Эта же мысль то и дело звучала в передаваемых по радио призывах к эстонской молодежи: «Будущее нашего народа требует, чтобы мы участвовали в этой войне. Не должно быть тех, кто остался дома в ожидании, что война кончится без них, и тогда они решат, как действовать дальше. Поступайте в Эстонский легион для борьбы за эстонский народ!»³³⁸.

Бургомистр Таллина К. Террас также обратился к призывникам по радио 17 марта 1943 г. Он заявил: «Каждый должен выполнять свой долг. Призывникам, желающим поступить в ряды Эстонского легиона, дается возможность тут же подписать заявление об этом офицеру, занимающемуся вербовкой добровольцев в Эстонский легион. Остальные определяются на работы в порядке трудовой повинности. Нам придется, по мере надобности, приносить такие жертвы. Лица, не выполняющие своих обязанностей по отношению к трудовой повинности или мешающие выполнять ее другим, подлежат привлечению к ответственности со следующим наказанием: тюремное заключение, каторга или трудовой лагерь»³³⁹.

Текст клятвы легионера однозначно говорил о том, за какую и за чью независимость придется сражаться: «Я клянусь перед Богом этой священной клятвой, что в борьбе с большевизмом я буду беспрекословно выполнять приказы Верховного главнокомандующего германского вермахта Адольфа Гитлера и как храбрый солдат буду готов в любое время отдать свою жизнь за эту клятву»³⁴⁰. Присягу принимали, разумеется, при поднятом флаге со свастикой — использование эстонского флага было запрещено³⁴¹.

В результате весенней мобилизации 1943 г. численность Эстонского легиона СС увеличилась до 8000 человек. Из этих добровольцев были сформированы 3 батальона. В качестве «политической» силы они продолжали именоваться «Эстонским легионом СС», в качестве же боевой единицы они образовали 1-й эстонский добровольческий гренадерский полк СС. В марте 1943 г. 1-й батальон Эстонского легиона СС был придан для участия в активных боевых действиях 5-й моторизованной добровольческой дивизии СС «Викинг», действовавшей на Восточном фронте. В самый разгар мобилизации директор внутренних дел Эстонского самоуправления О. Ангелус решил вновь напомнить об устремлениях эстонских националистов и 15 марта 1943 г. направил Литцману свой меморандум. В нем он заявил «от лица всех эстонцев», что их желание — всеми средствами бороться «вместе с Германией против большевизма»³⁴². Ангелус считал, что «восстановление независимости», которое является главным желанием эстонцев, могло бы высвободить «скрытые до сих пор силы». Он подчеркнул, что в этом случае стала бы возможной мобилизация 60—70 тыс. человек³⁴³. Подобный меморандум с предложением о создании собственных эстонских вооруженных сил был направлен в Верховное командование вермахта (ОКВ) 20 апреля 1943 г. группой эстонских офицеров через уже упоминавшегося фрегаттен-капитана, сотрудника абвера А. Целлариуса. Его авторы вновь просили разрешить им сформировать вместо Эстонского легиона СС свою, эстонскую армию. Они также настаивали на том, чтобы формирование и обучение эстонских частей проходило в Эстонии, а весь командный состав состоял из эстонских офицеров. Правда, при этом не отрицалось подчинение эстонских вооруженных сил Верховному командованию вермахта. Эстонские вооруженные силы должны формироваться из тех эстон-

цев, говорилось в документе, кто в настоящий момент уже служит в составе различных германских частей. Вооружение и боеприпасы, а также обучение использованию новых видов вооружений предполагалось возложить на германский вермахт. Но меморандум на имя начальника Верховного командования вермахта фельдмаршала В. Кейтеля остался без ответа³⁴⁴. Гиммлер, как и ранее Кейтель, ознакомившись с меморандумом, заявил, что предлагаемые меры в корне противоречат проводимой фюрером политике в отношении восточных народов. «Эта политика была определена раз и навсегда, и не может быть изменена!»³⁴⁵ — заявил он. Нацистам не нужна была независимость какой-либо части Эстонии: в условиях «тотальной войны» она становилась едва ли не более опасной, нежели в период успешного для немцев начала восточной кампании. Теперь они небезосновательно полагали, что получившие из их рук независимость эстонцы, вероятно, повернут оружие против них. И уж во всяком случае не станут прикрывать отступающие на запад части вермахта.

30 июня 1943 г. Гиммлер приказал Еккельну перевести в ходе следующих мобилизаций всех пригодных к службе в СС эстонцев в ряды Эстонского легиона СС. Мобилизация туда продолжалась до августа 1943 г. Мяэ в свою очередь обязал офицеров и унтер-офицеров, служивших в эстонском самоуправлении, вступать в Эстонский легион. Позже эту обязанность распространили и на офицеров и унтер-офицеров — эстонцев, служивших в полиции безопасности и СД³⁴⁶.

3 августа 1943 г. Гиммлер разрешил командиру Эстонского легиона СС Ф. Аугсбергеру пополнить батальон «Нарва», понесший большие потери под Сталинградом, за счет «хорошо подготовленных и строжайше отобранных для службы в СС эстонцев». Аугсбергер был чрезвычайно доволен своими солдатами, о чем даже доложил Гитлеру. В своем письме генеральному комиссару Эстонии Литцману Аугсбергер выразил свое восхищение мужеством эстонцев из батальона «Нарва» и просил его передать Мяэ, что эстонцы могут гордиться своей молодежью³⁴⁷. Участие эстонских частей в катастрофической для вермахта Сталинградской битве не прошло мимо внимания высшего руководства, что зафиксировала издаваемая в оккупированной Эстонии пресса: «Генерал-комиссар Литцман... указал, что созданный по его инициативе Эстонский легион из небольшой войсковой единицы

давно уже вырос в крупное соединение. Это соединение воплощает боевой дух эстонского народа и его волю к борьбе против большевизма до его окончательного уничтожения... рейхсфюрер СС (Гиммлер. — Ю. К.)... всегда обнаруживал особый интерес к эстонском народу... СС-обергруппенфюрер Еккельн подчеркнул активное участие эстонского народа в борьбе против большевизма. Этой борьбе посвящены все его силы. О том, как эстонцы сражаются с Советами, ярко свидетельствуют геройские подвиги батальона «Нарва», недавно отметившегося в тяжелых боях... Та же воля к борьбе характеризует боевую деятельность состоящих из эстонцев восточных батальонов на восточном фронте»³⁴⁸.

Эти похвалы, а также некоторый успех недавней мобилизации, сыграли свою роль: руководство СС решило преобразовать Эстонский легион СС в бригаду. Она была сформирована 23 октября 1943 г., получив название 3-й эстонской добровольческой бригады СС, и состояла из двух пехотных полков, группы артиллерии и дополнительных подразделений. Командиром был назначен уже упомянутый Аугсбергер. В первое время 3-я эстонская добровольческая бригада СС использовалась исключительно для борьбы с партизанами на территории Эстонии. Позже она была отправлена на Восточный фронт для участия в боевых действиях³⁴⁹.

Ситуация на Восточном фронте после поражения в Сталинградской битве становилась для немцев все более катастрофичной. Потому, по указанию Гиммлера, была создана генеральная инспекция эстонских добровольческих частей, которая занялась мобилизацией в войска СС³⁵⁰. Было решено, что бывший полковник эстонской армии, а в годы оккупации — легион-штанدارтенфюрер, Й. Соодла возьмет на себя руководство мобилизацией, возглавит Эстонский легион СС и будет назначен начальником так называемой «Команды пополнения войск СС «Эстония»». Команда должна была подчиняться Инспекции пополнения СС «Остланд». Вскоре после этого Соодла получил звание легион-оберфюрера (т. е. высшего руководителя легиона).

26 октября 1943 г. Мяз опубликовал Указ о мобилизации призывников 1925 г. рождения для воинской службы на основе закона Эстонской республики о всеобщей воинской повинности³⁵¹.

В начале ноября 1943 г. последовало новое распоряжение Гитлера о мобилизации в Латвии и Эстонии 10 призывных возрастов (1915—1924 г. р.) в легионы СС. На совещании в ставке фюрера 16 ноября 1943 г. для Эстонии была установлена цифра в 10 000 человек — именно такое количество призывников надлежало призвать в Эстонский легион СС³⁵². 2-й этап осенней мобилизации 1943 г., затянулся до января 1944-го года³⁵³. Использовалось положение о трудовой повинности и предоставлялась возможность выбора: между государственной трудовой повинностью, так называемой военной вспомогательной службой, и Эстонским легионом СС — при принятии решения призывников чаще склоняли в пользу легиона³⁵⁴. Это вызвало сбои в работе оккупационных властей, отвечавших за трудовую мобилизацию для нужд рейха. «В 1943 году очень много мужского латышского и эстонского населения было мобилизовано в легионы «СС», что также отрицательно отразилось на мобилизации рабочей силы»³⁵⁵.

После снятия блокады Ленинграда 27 января 1944 г. Красная Армия продолжила наступление на Северо-Западе. Войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов Красной Армии и части Балтийского флота прорвались сквозь линию фронта группы войск «Север» (протянувшуюся от Ленинграда до Белоруссии) и к началу марта вышли к линии реки Наровы, Чудского озера и точки соприкосновения границ Латвии, Литвы и Белоруссии. Фронт установился на оборонной полосе «Линия пантеры», созданной в 1943 г. и являвшейся в свою очередь северным участком так называемого «Восточного вала», прошедшего по границе между Эстонской ССР и Ленинградской областью (теперь это территория Псковской области). На юге от города Нарва 8-я армия советских войск переправилась через реку и сформировала свой плацдарм в ее предместьях. В конце февраля — начале марта эстонские, норвежские, датские и голландские полки СС ликвидировали этот плацдарм. Затем сражения на нарвском фронте затихли.

В этой ситуации германское политическое руководство дало разрешение верховному командующему СС и полиции государственного комиссариата Остланд Еккельну на организацию в Эстонии и Латвии тотальной мобилизации. 1 февраля 1944 г. оккупационные власти объявили о призыве мужчин 1904—1923 г. рождения³⁵⁶.

Сохранение контроля над территорией Эстонии являлось важной задачей для военного руководства Германии. Во-первых, это препятствовало выходу Балтийского флота в Балтийское море; во-вторых, отступление из Эстонии могло бы привести к выходу Финляндии из войны; и в-третьих, военная промышленность Германии нуждалась в эстонском сланцевом масле.

7 февраля 1944 г. Ю. Улуотс выступил по радио с обращением к эстонскому народу, призвав к мобилизации. От этого, по его словам, зависело будущее Эстонии³⁵⁷. По данным на 8 января 1944 г., в различных вооруженных формированиях гитлеровской Германии служило в общей сложности около 14 000 эстонцев. На 21 февраля 1944 г. было призвано 32 000 человек³⁵⁸.

27 марта 1944 г. в рейхскомиссариате «Остланд» было получено распоряжение из Восточного министерства, в котором Еккельну поручалось провести мобилизацию призывников 1926 г. рождения.

Летом 1944 г., за считанные дни до эвакуации вермахта стали призывать 16—17-летних юношей. Их отправляли во вспомогательные части Люфтваффе.

Всего в 1944 г. было мобилизовано около 40 000 человек³⁵⁹. Это была последняя широкомасштабная мобилизация.

Мяэ решил воспользоваться возникшими у союзников трудностями и вновь напомнил Гиммлеру о его обещаниях относительно автономии Эстонии. В письме от 9 февраля 1944 г. он заверил рейхсфюрера СС, что провозглашение независимости (в форме автономии) не повредило бы германским интересам³⁶⁰. Однако предоставление Эстонии независимости, даже в форме автономии, не входило в планы нацистов.

20 апреля 1944 г. в Таллинне тайно открылось заседание Избирательного собрания Эстонской Республики (структуры, предусмотренной конституцией для выборов президента). Оно назначило исполняющим обязанности Президента Республики Ю. Улуотса. 1 августа 1944 г. с согласия Улуотса Комитет провозгласил себя носителем высшей власти в Эстонии. Об этом сообщалось в специальном манифесте.

18 сентября 1944 г. Улуотс, исполняющий обязанности Президента Республики, назначил правительство под руководством О.Тифа. От имени правительства Тифа были изданы два номера «Государственного Вестника» и декларация

правительства о нейтралитете Эстонии в советско-германской войне. Правительство, еще недавно призывавшее к тотальной мобилизации, теперь намеревалось с помощью немногих уклонившихся от призыва удерживать Таллин до получения признания западных союзников СССР. 21 и 22 сентября на башне Тоомпеа развевался эстонский флаг. Эти обстоятельства — возникновение самопровозглашенного правительства, его декларация и появление государственного флага Эстонии — порой трактуются в современной эстонской историографии как юридическая основа восстановления независимости. Разумеется, эти же обстоятельства стали основанием для репрессий советских органов госбезопасности в отношении членов правительства Тифа (Улуотсу удалось бежать в Швецию).

24 июля Красная Армия начала крупномасштабное наступление на северо-западном направлении. 25 августа был освобожден Тарту. 14 сентября началось наступление 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов в сторону Риги с целью отрезать войсковую группу «Норд» от Германии. Красная Армия продолжала развивать наступление — на Таллин и Западную Эстонию.

16 сентября 1944 г. Гитлер дал разрешение на эвакуацию жителей материковой Эстонии (план «Астер»). 18 сентября немецкие войска стали покидать свои позиции, угоняя с собой мирное население и прикрывая отступление остатками эстонских охранных батальонов и вспомогательной полиции. Пограничные войска, состоящие из эстонцев, и некоторые батальоны 20-й эстонской дивизии СС, не успели отступить и 20 сентября в Авинурме произошло столкновение между ними и 45-м отдельным танковым полком 8-го эстонского стрелкового корпуса Красной Армии. 21 сентября в Поркуни отступающие эстонские подразделения вермахта вступили в бой с частями 249-й эстонской стрелковой дивизии Красной армии. В бою погибло около 400, в плен попало 700 эстонцев в немецких мундирах³⁶¹.

22 сентября последние подразделения вермахта оставили Таллин. (При этом часть находившихся в их числе эстонских военнослужащих обратила оружие против немцев.) В город вошел передовой отряд 8-го эстонского стрелкового корпуса Красной Армии.

9 декабря 1941 г. Наркомат обороны СССР издал директиву Центральному комитету Компартии Эстонии, Совету народных комиссаров ЭССР, командующему войсками Уральского военного округа и другим центральным учреждениям. Уральскому военному округу этой директивой давалось распоряжение о формировании 7-й Эстонской стрелковой дивизии. Ее личный состав комплектовался из граждан ЭССР — военнослужащих 22-го Эстонского территориального стрелкового корпуса Красной Армии, истребительных батальонов и рабочих полков, призывников и мобилизованных из запаса. Почти три четверти личного состава были людьми, еще не бывавшими в боях и не имевшими военной подготовки³⁶². В дни битвы под Москвой, 18 декабря 1941 г., Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР принял постановление о формировании 7-й Эстонской стрелковой дивизии Красной Армии. Это решение было принято, как сообщалось официально, в связи с предложением ЦК КП(б) Эстонии и Совета народных комиссаров Эстонской ССР о формировании эстонского национального соединения Красной Армии — Эстонской стрелковой дивизии, с которым они обратились в Государственный Комитет Обороны СССР 24 октября 1941 г.³⁶³.

4 февраля 1942 г. ЦК КП(б) Эстонии обратился в Государственный Комитет Обороны с просьбой разрешить формирование эстонского запасного батальона. Наркомат обороны разрешил формирование в Свердловской области 1-го отдельного Эстонского запасного стрелкового полка³⁶⁴. В начале августа 1942 г. эстонские дивизии получили приказ передислоцироваться из-за Урала. Обе дивизии сосредоточились в Московской области: 7-я в районе Егорьевска (13—21 августа), 249-я в районе Коломны. В мае 1942 года в Государственном Комитете Обороны был положительно решен вопрос о формировании эстонского корпуса. После того как обе дивизии были сформированы, полностью укомплектованы, подготовлены для ведения боевых действий, сосредоточены ближе к линии фронта³⁶⁵, 10 февраля 1942 г. последовало распоряжение Наркомата обороны СССР о формировании второй эстонской дивизии — 249-й стрелковой в Челябинской области³⁶⁶. К 25 июля 1942 г. в дивизии состояло 12 676 человек³⁶⁷. 1 октября 1942 г. «по предложению ЦК Компартии Эстонии»³⁶⁸ была издана директива Наркомата обороны СССР, согласно которой направлению в эстонские воинские части

подлежали все военнообязанные эстонцы и граждане Эстонской ССР соответствующих возрастов. Результаты набора эстонцев в дивизию Красной Армии превзошли ожидания и предположения ЦК КП(б) Эстонии: военнообязанных эстонцев выявилось значительно больше, чем требовалось для укомплектования одной дивизии.

Ввод в бой национальных воинских соединений Красной Армии проводился только по специальному разрешению Верховного Главнокомандования. Принятию решения на этот счет предшествовали контакты с руководителями ЦК соответствующей компартии. Даже в условиях положения осенью 1942 г., когда все резервы были брошены в Сталинград, было подтверждено решение о направлении корпуса ближе к Эстонии, на Калининский фронт³⁶⁹.

По состоянию на ноябрь 1942 г. общая численность военнослужащих эстонских соединений составляла 27 311 человек³⁷⁰. Национальный состав выглядел следующим образом: эстонцев — 88,5%, русских — 10,2%, представителей других национальностей — 1,3%³⁷¹. Эстонские подразделения принимали участие во многих операциях на фронтах Великой Отечественной, включая освобождение Эстонской ССР от нацистской оккупации. Принципиально важным не столько с военной точки зрения, но в большей степени, пропагандистской, было решение ГКО перевести Эстонский корпус под Нарву, исходя из того политического значения, которое приобретало участие эстонских соединений Красной Армии в борьбе за освобождение своей республики. В удовлетворение этой просьбы 1 февраля 1944 г. был отдан приказ о включении Эстонского корпуса в состав войск Ленинградского фронта (командующий — маршал Советского Союза Л. Говоров) и зачислении в резерв Ставки Верховного Главнокомандования³⁷².

29 мая 1945 г. началось возвращение Эстонского корпуса в Советскую Эстонию. За время Великой Отечественной войны в эстонских национальных соединениях Красной Армии воевало в общей сложности около 70 тыс. человек³⁷³. Корпус сражался в составе войск Калининского, 2-го Прибалтийского, Ленинградского фронтов. Он принял участие в освобождении многих городов Эстонской ССР, включая Нарву и Таллин³⁷⁴. 24 июня 1945 г. сводный взвод корпуса принял участие в Параде Победы в Москве.

Приказом Наркома обороны СССР 28 июня 1945 г., через десять дней после возвращения корпуса в Таллин, Эстонский стрелковый корпус был «за проявленные героизм и отвагу, стойкость и мужество, дисциплину, организованность и умелое выполнение заданий командования в боях с фашистскими захватчиками» преобразован в 41-й гвардейский Эстонский Таллинский стрелковый корпус, 7-я дивизия — в 118-ю гвардейскую Эстонскую Таллинскую Краснознаменную стрелковую дивизию, 249-я дивизия — в 122-ю гвардейскую Эстонскую Краснознаменную стрелковую дивизию.

Не дожидаясь возвращения Красной Армии, тысячи эстонцев устремились на Запад — в основном в Швецию и Германию. В памяти людей были свежи воспоминания об арестах, депортациях и расстрелах 1940—1941 гг. Некоторые бежали потому, что во время немецкой оккупации им пришлось сотрудничать с немцами, и они боялись стать жертвами советских репрессий. К 8 июня 1945 г., по официальным шведским данным, в эту страну прибыли 28 369 жителей Эстонии³⁷⁵. Они были размещены примерно в 175 лагерях беженцев, откуда их направляли на работу. В конце лета 1945 г. лагеря были ликвидированы, и через некоторое время их обитатели получили шведское гражданство или вид на жительство.

Но, конечно, большинство эстонских беженцев оказались на территории Германии — примерно 42 000 эстонцев, в основном они также жили в лагерях беженцев. В конце 1946 г. в лагерях для перемещенных лиц в Германии было 31 221 эстонцев, 53% из них находились в зоне США, 43% — Великобритании, а 4% в зоне Франции. Примерно 10 тыс. эстонцев проживало вне лагерей.

За время Второй мировой войны из Эстонии на Запад бежало около 75 000 человек³⁷⁶.

«Эстония потеряла погибшими, бежавшими и депортированными четверть своего населения, 282 000 человек, из них 30 000 непосредственно на фронте. Эстонцев заставляли воевать под чужими знаменами, — сообщает учебник истории Эстонии и резюмирует: — Эстония оказалась в числе проигравших Вторую мировую войну». Комментировать этот вывод нет смысла. И не только потому, что Эстония как самостоятельное государство в этой войне участия не принимала, но и потому, что подобная «оценка», данная в государственном школьном учебнике независимой Эстонии в XXI веке и ставя-

щая ее в один ряд с государствами гитлеровской коалиции, вполне саморазоблачительна.

* * *

24 ноября 1944 г. завершилась продолжавшаяся 71 день Прибалтийская наступательная операция советских войск. В ходе операции были освобождены Литва, Латвия и Эстония. В военных действиях участвовало около миллиона солдат и офицеров Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и Балтийского флота, сражавшихся против подразделений группы армий «Север» численностью более 700 тыс. человек.

Согласно акту судебно-медицинской экспертизы от 20 января 1946 года, проведенной советскими правоохранительными органами, на территории Прибалтики нацистами были убиты (включая военнопленных): в Латвии — 313 798 человек, в Литве — 666 273 человека, в Эстонии — 61 000 человек³⁷. Вильнюс, Рига и Таллин лежали в руинах, промышленности не существовало, сельское хозяйство было уничтожено. Таковы были итоги германизации, проводимой нацистами в Прибалтике.

---

¹ Капчинский О. «Мы одной крови...». Национальный состав ОГПУ: цифры и факты: действующие лица // Родина: российский иллюстрированный журнал. — 2007. — № 12. — С. 21—23.

² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939: в 2 т. — Т.2. Январь — август 1939 г. / МИД СССР; редкол. А. П. Бондаренко, И. Н. Земсков [и др.] — М.: Политиздат, 1981. — С. 97.

³ Latvijas Valsts Vēstures arhīvs (далее LVVA). P-69. f. 1a. apr. 2. l. 435. lpp.

⁴ Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941—1944. — М.: Центрполиграф, 2004. — С. 60.

⁵ Давыдов Д. Что ждало жителей рейхскомиссарата Остланд. Нацистская программа колонизации Прибалтики. // Независимая газета. — 1994. — 21 июня.

⁶ Там же.

⁷ См.: Kangeris K. Die Kulturpolitik der deutschen Okkupationsmacht in Lettland 1941—1944. Eine Einführung. In B. Metzāle-Kangere.(ed.). // The Ethnic Dimension in Politics and Culture in the Baltic Countries 1920—1945. — Stockholm: Södertörns högskola, 2004.

⁸ Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г. / Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее — ЦА ФСБ России). АСД № Н-18313. Т. 1. Л. 274.

⁹ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką. — Warszawa, 1993. — Р. 60.

¹⁰ Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941—1945 гг. — М.: Вече, 2009. — С. 26—27.

¹¹ Инструкция А. Розенберга Х. Лозе от 21.07.1941. // Независимая газета. — 1994. — 21 июня. — URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19410721.html (дата обращения: 20.08.2011)

¹² Станкерас П. Указ. соч. С. 27.

¹³ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 1. l. 177. lpp.

¹⁴ Ibid. 182. lpp.

¹⁵ Инструкция А. Розенберга Х. Лозе от 21.07.1941. Указ. соч.

¹⁶ Рюруп Р. Война Германии против Советского Союза 1941—1945. — Берлин: «Argon», 1992. — С. 32.

¹⁷ Квицинский Ю. А. Генерал Власов: путь предательства. — М.: «Современник», 1999. — С. 83.

¹⁸ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 1. l. 183. lpp.

¹⁹ История Латвии: XX ввк / сост. Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. — Рига: Jumava, 2005. — С. 249.

²⁰ Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 21.12.1945 г. // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 1. Л. 54.

²¹ Bubnys A. Vokiečių Okupuota Lietuva (1941—1944). — Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras, 1998. — S. 448.

²² Инструкция А. Розенберга Х. Лозе от 21.07.1941. Указ. соч.

²³ Давыдов Д. Указ. соч. URL: http://www.perspektivy.info/history/chto_zhdalo_zhitelej_rejkhskomissariata_ostland_2007-05-21.htm (дата обращения: 20.08.2011)

²⁴ Там же.

²⁵ ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 16. Л. 241.

²⁶ Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г. // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 1. Л. 273—274.

²⁷ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 2. l. 434—436. lpp.

²⁸ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 3. l. 5—8. lpp.

²⁹ Ibid. 141. lpp.

³⁰ Ibid. 105. lpp.

³¹ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956): сборник документов / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. — М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. — С. 60.

³² АВП Рф. Ф. 082. Оп. 24. П. 115. Д. 81. Л. 122.

³³ Kangeris K. «Nodevas Reiham» — Latvijas ģenerālapgabala iedzīvotāju darbos Lielvācijā. // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis — 1990 — №.12. — 34—48. lpp.

³⁴ Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 22.12.1945 г. // ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т.1. Л. 67.

³⁵ Там же. Л. 68.

³⁶ Там же.

³⁷ Киртовский И.Х. Экономика Латвии в период Второй мировой войны 1941—1945 гг. // Балтийский курс: интернет журнал. — 2008. — 24 апреля. — URL: http://www.baltic-course.com/rus/ekonomicevkaja_istorija/?doc=1131 (дата обращения: 20.08.2011)

³⁸ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 5. l. 43—46. lpp.

³⁹ Давыдов Д. Указ. соч. URL: http://www.perspektivy.info/history/chto_zhdalo_zhitelej_rejkhskomissariata_ostland_2007-05-21.htm (дата обращения: 20.08.2011)

⁴⁰ Киртовский И.Х. Указ. соч.

⁴¹ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 3. l. 103. lpp.

⁴² Ibid. 29. lpp.

⁴³ Latvijas tautas saimniecība. Statistikas gadagrāmata 89. — Rīga: Avots, 1990. — 227. lpp.

⁴⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов: в 8 т. — М.: «Русь», 2000. — Т. 2. Начало. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). — С. 523.

⁴⁵ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 2. l. 304. lpp.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 16. l. 29—30. lpp.

⁴⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 2. Начало. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). — С. 519—526.

⁴⁹ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945): сборник документов / сост. В.К. Былинин, М.Ю. Крысин, Г.Э. Кучков, В.П. Ямпольский. — М.: Объединенная редакция МВД России: Ассоциация «Военная книга»: «Кучково поле», 2009. — С. 233.

⁵⁰ Инструкция А. Розенберга Х. Лозе от 21.07.1941. Указ. соч.

⁵¹ Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии 1940—1991. — Riga: Latvijas Okupācijas muzeja biedrība, 2010. — С. 63.

⁵² LVVA. P-69. f. 1a. apr. 2. l. 386—389. lpp.

⁵³ Зеллис К. Организация и тематика пропаганды национал-социалистического оккупационного режима в Латвии в 1941—1945 гг. Пропаганда «новой историчности» // Вторая Мировая война и страны Балтии 1939—1945: материалы международной научной конференции (Рига, 14—15 декабря 2006 г.). — Рига, 2008. — С. 77.

⁵⁴ Зеллис К. Пропаганда нацистской Германии и общественное информационное пространство в Остланде (на примере Генерального округа «Латвия») // Беларусь | Германия: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навукавай канферэнцыі (Мінск, 25 красавіка 2008 г.). Выпуск 7: в 2 кн. Кн.2. — Мінск, 2009. — С. 80—81.

⁵⁵ Зеллис К. Организация и тематика пропаганды национал-социалистического оккупационного режима ... С. 79.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 5. l. 25—52. lpp.

⁵⁸ Ibid. 18—19. lpp.

⁵⁹ Ibid. 25—52. lpp.

⁶⁰ Bubnys A. Op. cit. S. 454.

⁶¹ Ibid. S. 455 — 456.

⁶² Bulavas J. Vokiškųjų fašistų okupacinis Lietuvos valdymas (1941—1944 m.). — Vilnius, 1969. — P. 236

⁶³ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 1. l. 171. lpp.

⁶⁴ История Латвии: XX век. С. 249.

⁶⁵ См.: Чапенко А. А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны: очерки. — Мурманск: Мурман. гос. пед. ун-т, 2008. — С. 142—143; Белшевиц Э. Евреи Латвии. — URL: <http://gariga.boom.ru/root/Riga/evrei.html>; Рольникойте М. Живая память // Вторая мировая война как проблема национальной памяти. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24-26 сентября 2010 г.). — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. — С. 64—70.

⁶⁶ История Латвии: XX век. С. 260.

⁶⁷ Benz W. Judenmord in der Sowjetunion // Langenheilm H. Mordfelder: orte der Vernichtung im krieg gegen die Sowjetunion. — Museum Berlin Karlshorst, 1999. — S. 15.

⁶⁸ Порат Д. Катастрофа в Литве — специфические аспекты // Вестник Еврейского университета в Москве (Москва — Иерусалим). — 1993. № 2. — С. 21.

⁶⁹ Арад И. Катастрофа советского еврейства // Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944): сборник документов и материалов / ред. И. Арад. — Иерусалим: ЯД ВА-ШЕМ, 1992. — С. 11.

- ⁷⁰ Порат Д. Указ. соч. С. 23.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Чапенко А. А. Указ. соч. С. 142.
- ⁷³ Die Wannsee-Konferenz und der Volkmord an den uerohaischen Juden. Gedenk- und Bildungstette Haus der Wannseekonferenz. — Berlin, 2006. — S. 110.
- ⁷⁴ См.: Каспаравичус А. Вторая мировая война в коллективной и индивидуальной исторической памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24-26 сентября 2010 г.). — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. — С. 13—26; История Латвии: XX век. С. 259—263; Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии: учебник для гимназии. — Таллин: Коолибри, 2000. — С. 216.
- ⁷⁵ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 68.
- ⁷⁶ См.: Klein P. (Hg.). Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowetunion 1941/42. Die Tätigkeits — und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. — Berlin: Gedenk— und Bildungsstätte Haus der Wannsee-Konferenz, 1997.
- ⁷⁷ Benz W. Op. cit. S. 19.
- ⁷⁸ Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje: T. II. — Vilnius: Margi raštai, 2005. — (Totalitarinių režimų Nusikaltimai lietuvoje Nacių okupacija). — S. 110.
- ⁷⁹ Ibid. S. 42—43.; Петров М. «Обыкновенный неонацизм» / «Delfi». — 2006. — 21 декабря. — URL: <http://www.narochnitskaia.info/cgi-bin/main.cgi-item=1r250r061222031955.htm> (дата обращения: 20.08.2011)
- ⁸⁰ Langenheim H. Mordfelder: orte der Vernichtung im krieg gegen die Sowjetunion. — Museum Berlin Karlshorst, 1999. — S. 122.
- ⁸¹ Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Op. cit. S. 14.
- ⁸² Langenheim H. Op. cit. S. 122.
- ⁸³ ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 15. Л. 43.
- ⁸⁴ Там же. Л. 61.
- ⁸⁵ Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Op.cit. S. 16.
- ⁸⁶ Ibid. S. 15—16.
- ⁸⁷ См.: Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Op.cit. S. 7.; Петров М. Указ. соч.; «В Литве был филиал Бухенвальда» // «Экспресс-неделя» — 2009. — 10 сентября. — №37. — Доступ для зарегистрированных пользователей. — URL: http://www.runet.lt/express_nedelia/ekspres-nasha-zhizn/ekspres-history/13057-v-litve-byi-filial-buxenvalda.html (дата обращения: 20.08.2011)
- ⁸⁸ Шнеер А. Плен: Советские военнопленные в Германии, 1941—1945. — М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. — С. 135.
- ⁸⁹ Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Op.cit. S. 16.
- ⁹⁰ Ibid. S. 94.
- ⁹¹ Станкерас П. Указ. соч. С. 7.
- ⁹² Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Op.cit. S. 96.
- ⁹³ Slavinas A. Der inszenierte Aufstand // Die Zeit. — 1993. — 25 июня.
- ⁹⁴ Ibid.
- ⁹⁵ Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Op.cit. S. 96—97.
- ⁹⁶ Szarota Ń. Zająscia antyżydowskie i pogromy w okupowanej Europie: Warszawa, Paryż, Amsterdam, Antwerpia, Kowno. — Warszawa, 2000. — P. 216.
- ⁹⁷ Truska L. Sukilimo prasmė // Politika. — 1991. — Nr. 16. — P. 19.
- ⁹⁸ Станкерас П. Указ. соч. С. 8.
- ⁹⁹ Truska L. Lietuva bolševikų ir nacių teroro metais // Lietuvos rytas. — 1993. — 06 февраля.
- ¹⁰⁰ Станкерас П. Указ. соч. С. 11—12.
- ¹⁰¹ Там же. С. 12.
- ¹⁰² Lietuvių enciklopedija. Penkioliktas tomas. Lietuva. — Vilnius, 1990. — P. 371.

- ¹⁰³ Станкерас П. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁰⁴ Станкерас П. Указ. соч. С. 16—18.
- ¹⁰⁵ Каспяравичус А. Литовцы и Красная армия в 1944—1945 гг. Мобилизация и участие в войне // Вторая Мировая война и страны Балтии 1939—1945: материалы международной научной конференции (Рига, 14—15 декабря 2006 г.). — Рига, 2008. — С. 86.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Oshry E. The Annihilation of the Lithuanian Jewry [Hurbn Lite]. — NY, 1995. — P. 2.
- ¹⁰⁸ Файтельсон А. Непокорившиеся: Летопись еврейского сопротивления. / ред. Г. Розинский; пер. с идиш С. Аксенова—Штейнград. — Тель-Авив: Джойнт, 2001. — С. 34.
- ¹⁰⁹ Чуев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. — М.: «Эксмо», 2004. — URL: <http://www.istorya.ru/book/soldaty/25.php> (дата обращения: 20.08.2011)
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² «На весь мир кричать о том, что мы видели в Понарах». // Время новостей. — 2005. — 21 апреля.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. — М.: «Вече», 2004. — С. 131.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Дробязко С. И. Вторая мировая война 1939—1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. — М., 2000. — С. 8.
- ¹¹⁷ Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 132.
- ¹¹⁸ Андреев В. «Восточные добровольцы» в германской армии // Независимое военное обозрение. — 1997. — 12 сентября. — №34(61). — С. 5.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 132.
- ¹²² Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г. // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 1. Л. 274.
- ¹²³ Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 132.
- ¹²⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 2. Начало. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). — С. 519—526.
- ¹²⁵ Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Op. cit. S. 38.
- ¹²⁶ Bubnys A. Op. cit. S. 451.
- ¹²⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 2. Начало. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). — С. 519—526.
- ¹²⁸ Bubnys A. Op. cit. S. 477.
- ¹²⁹ Ibid.
- ¹³⁰ Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Op. cit. S. 120.
- ¹³¹ Bubnys A. Op. cit. S. 477—478.
- ¹³² Ibid. S. 479.
- ¹³³ Ibid. S. 479—480.
- ¹³⁴ Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 31.12.1945 г. / ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 1. Л. 163.
- ¹³⁵ Там же. Л. 164.
- ¹³⁶ Там же Л. 163—164
- ¹³⁷ Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Laender 1941—1944: Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzung-spolitik. — Helsinki, 1973. — S. 154.

- ¹³⁸ Bubnys A. Op. cit. S. 456.
- ¹³⁹ Ibid. S. 455.
- ¹⁴⁰ Myllyniemi S. Op. cit. S. 185.
- ¹⁴¹ Bubnys A. Op. cit. S. 457.
- ¹⁴² Ibid. S. 458.
- ¹⁴³ Čižiūnas V., Sužiedėlis S. Švietimas II pasaulinio karo metais (Education during the World War Two) // Lietuvių enciklopedija. — Vol. 15. — Boston, 1968. — P. 780.
- ¹⁴⁴ Ibid.
- ¹⁴⁵ Ibid.
- ¹⁴⁶ Bubnys A. Op. cit. S. 460—461.
- ¹⁴⁷ Ibid. S. 461—462.
- ¹⁴⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 2. Начало. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). — С. 519—526.
- ¹⁴⁹ Bubnys A. Op. cit. S. 462.
- ¹⁵⁰ Ibid. S. 463.
- ¹⁵¹ Ibid. S. 463—464.
- ¹⁵² Ibid. S. 464—465.
- ¹⁵³ Myllyniemi S. Op. cit. S. 179.
- ¹⁵⁴ Liekis A. Akademinis mokslas Lietuvos hitlerinės Vokietijos okupacijos metais (1941—1944). Vol. 3. — Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai, 1989. — P. 98.— (Series A).
- ¹⁵⁵ Bubnys A. Op. cit. S. 468.
- ¹⁵⁶ Ibid.
- ¹⁵⁷ Ibid. 469.
- ¹⁵⁸ Liekis A. Op. cit. P. 110.
- ¹⁵⁹ Bubnys A. Op. cit. S. 469—470.
- ¹⁶⁰ Ibid. S. 470-471.
- ¹⁶¹ Ibid. S. 471-472.
- ¹⁶² Bulavas J. Op. cit. P. 232.
- ¹⁶³ Bubnys A. Op. cit. S. 473.
- ¹⁶⁴ Bulavas J. Op. cit. P. 234.
- ¹⁶⁵ Bubnys A. Op. cit. S. 481.
- ¹⁶⁶ Ibid. S. 482—483.
- ¹⁶⁷ Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-нацистских захватчиков и их сообщников // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 16. Л. 176—177.
- ¹⁶⁸ В числе первых из т.н. «подвижных» полицейских отрядов был сформирован батальон «Каунас» в состав семи рот. — См.: Stang K. Kollaboration und Massenmord: Die litauische Hilfspolizei des Rollkommando Hamann und die Ermordung der lituanischen Juden. — Frankfurt am Main, 1996. — S. 10.
- ¹⁶⁹ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 25.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 26.
- ¹⁷¹ Бубнис.А. Литовские полицейские батальоны в Латвии 1944—1945 гг./ Baltijas reģiona vesture 20 gadstīmtā 40—80 gados. — Rīga: Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 2009. — 483. lpp.
- ¹⁷² Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 27.
- ¹⁷³ Чув. С. Указ. соч.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Мы обвиняем. — Рига: Liesma, 1967. — С. 268.
- ¹⁷⁶ Станкерас П. Указ. соч. С. 225—226.
- ¹⁷⁷ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 27.
- ¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁸ Письмо Гиммлера Борману // *Vytauto didžiojo universitetas išveivijos studiju centras Archyvas* (далее — ISCA). f. 8. ap 10. b. 272. l. 2.

¹⁸⁰ Станкерас П. Указ. соч. С. 226.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Bubnys A. Op. cit. S. 466.

¹⁸³ Информационное письмо Еккельна // ISCA. f. 8. ap 10. b. 272. l. 1.

¹⁸⁴ Станкерас П. Указ. соч. С. 229—230.

¹⁸⁵ Bubnys A. Op. cit. S. 466—467.

¹⁸⁶ Ibid. S. 467.

¹⁸⁷ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 27—28.

¹⁸⁸ Станкерас П. Указ. соч. С. 230—231.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁹⁰ *Karys*. — 1987. — Nr. 3. — P. 110.

¹⁹¹ Станкерас П. Указ. соч. С. 231.

¹⁹² Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 28.

¹⁹³ *XX amžius: Lietuvos valstybingumo problemos*. — Kaunas, 1990. — P. 104.

¹⁹⁴ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 28.

¹⁹⁵ Там же. С. 29.

¹⁹⁶ Станкерас П. Указ. соч. С. 233.

¹⁹⁷ *Vėgelis J. Lietuvos vietinės rinktinės kūrimas Šiauliuose*. // *Karys*. — 1958. — Nr. 9. — P. 305.

¹⁹⁸ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 29.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ *Gaškaitė N. Pasipriešinimo istorija*. — Vilnius, 1997. — P. 18.

²⁰¹ История Литовской ССР: с древнейших времен и до наших дней / Инст-т истории АН Литовской ССР. — Вильнюс: Мокслас, 1978. — С. 472.

²⁰² Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне. — М.: «Европа», 2005. — С. 71.

²⁰³ Там же. С. 72.

²⁰⁴ Там же. С. 83.

²⁰⁵ Там же. С. 90.

²⁰⁶ *Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R.* Op. cit. S. 77.

²⁰⁷ История Латвии: XX век. С. 249.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ См.: *Krausnick H., Wilhelm H. H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938—1942*. — Stuttgart, 1981.; *Wilhelm H. H. Die Einsatzgruppe A der Sicherheitspolizei und des SD 1941/42*. — Frankfurt am Main u.a., 1996.

²¹⁰ *Langenheim H.* Op. cit. S. 121; *Erinnerung an einen Kriegungen*. — Berlin, 1997.

²¹¹ *Страуме Я. Латвия во Второй мировой войне*. — Rīga: *Nacionālais apgāds*, 2007. — С. 25.

²¹² *Langenheim H.* Op. cit. S. 121.

²¹³ История Латвии: XX век. С. 249.

²¹⁴ Там же. С. 253.

²¹⁵ Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии 1940—1991. С. 53.

²¹⁶ Станкерас П. Указ. соч. С. 23.

²¹⁷ История Латвии: XX век. С. 254.

²¹⁸ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 2. l. 545—548. lpp.

²¹⁹ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 2. l. 552. lpp.

²²⁰ *Зеллис К. Русские в Латвии в период нацистской оккупации: между пропагандой и действительностью // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднй навуковай канферэнцыі*. — Мінск, 2010. — С. 160.

- ²²¹ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 23. l. 20—30. lpp.
- ²²² LVVA. P-69. f. 1a. apr. 5. l. 43—46. lpp.
- ²²³ Ibid. 43—36. lpp.
- ²²⁴ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 23. l. 47. lpp.
- ²²⁵ Ibid. 77—106. lpp.
- ²²⁶ Ibid.
- ²²⁷ Ibid.
- ²²⁸ Ibid. 127. lpp.
- ²²⁹ LVVA. P-69. f. 1a. apr. 16. l. 7-2. lpp.
- ²³⁰ Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 22.12.1945 г. // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 1. Л. 69.
- ²³¹ Протокол допроса свидетеля Вильде Янис Янович // Там же. Т. 7. Л. 156.
- ²³² Там же.
- ²³³ Инструкция А. Розенберга Х. Лозе от 21.07.1941. Указ. соч.
- ²³⁴ ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 3. Л. 379-379об.
- ²³⁵ Там же. Л. 387.
- ²³⁶ Там же. Л. 366—387.
- ²³⁷ Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии 1940—1991. С. 55.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Выписка из протокола допроса Застерс Родиона Августовича от 04.03.1947 г. // ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 13 л. 40.
- ²⁴⁰ Там же. Л. 41.
- ²⁴¹ Там же. Л. 39—40.
- ²⁴² Kangeris K. Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās 1942. un 1943 gadā // Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940—1964. gadā / Latvijas vēsturnieku komisijas raksti. — 13. sej. — Rīga, 2004. — 333. lpp.
- ²⁴³ История Латвии: XX век. С. 259.
- ²⁴⁴ Bangerskis R. Mana mūža atmiņas, 3.grām. — Kopenhāgena: Imanta, 1959. — 107. lpp.
- ²⁴⁵ LVVA. P-82. f. 1. apr. 12. l. 29. lpp.
- ²⁴⁶ Отечеству и свободе Латвийский народ! — «Тевия». — №166. — 18.06.1944 г. // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 18. Л. 103.
- ²⁴⁷ Чув. С. Указ. соч. URL: <http://www.istorya.ru/book/soldaty/27.php> (дата обращения: 20.08.2011)
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Там же.
- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ Там же.
- ²⁵⁴ Протокол допроса свидетеля Вильде Янис Янович // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 7. Л. 157—158.
- ²⁵⁵ ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 7. Л. 217.
- ²⁵⁶ Там же. Л. 217об.
- ²⁵⁷ Там же. Т. 5. Л. 154.
- ²⁵⁸ Там же. Т. 12. Л. 101.
- ²⁵⁹ Станкерас П. Указ. соч. С. 275.
- ²⁶⁰ Дембовская Д. Фашисты прошли по коридору. // «Время новостей». — 2010. — 17 марта.
- ²⁶¹ Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии 1940—1991. С. 70.
- ²⁶² Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 9. — С. 193.
- ²⁶³ Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. ... С. 11.

- ²⁶⁴ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. / редкол. А.А. Дризул [и др.]. — Рига: Зинатне, 1970. — С. 171.
- ²⁶⁵ Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. ... С. 11—12.
- ²⁶⁶ Кирсанов Н. А. В боевом строю народов-братьев. — М.: Мысль, 1984. — С. 55, 253.
- ²⁶⁷ Рижские гвардейские: Сборник военно-исторических очерков. — Рига: Лиесма, 1972. — С. 101.
- ²⁶⁸ Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. ... С. 12.
- ²⁶⁹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. С. 172.
- ²⁷⁰ Шпонберг Г. К. Заметки о 1-м отдельном запасном Латвийском стрелковом полку // В дни войны. Из истории Латвии периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: сборник статей / под ред. академика А.А. Дризула. — Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1964. — С. 216.
- ²⁷¹ Артемьев А. П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. — М.: Мысль, 1975. — С. 53.
- ²⁷² Очерки истории Коммунистической партии Латвии: в 4 ч. Часть III: 1940—1959. — Рига: Авотс, 1980. — С. 153.
- ²⁷³ См.: Известия. — 1942. — 24 октября.
- ²⁷⁴ Савченко В. И. Латышские формирования на фронтах Великой Отечественной войны. — Рига: Зинатне, 1975. — С. 339.
- ²⁷⁵ Обзор периода оккупации / составитель Хейки Ахонен — Таллинн: Целевое учреждение: фонд Кистлер-Ритсо ЭЭСТИ, 2004. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsiooniajast> (дата обращения: 20.08.2011)
- ²⁷⁶ Адамсон А., Валдмаа С. Указ. соч. С. 212.
- ²⁷⁷ Там же.
- ²⁷⁸ Обзор периода оккупации. Указ. соч. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsiooniajast>
- ²⁷⁹ Адамсон А., Валдмаа С. Указ. соч. С. 213.
- ²⁸⁰ Обзор периода оккупации. Указ. соч. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsiooniajast>
- ²⁸¹ Адамсон А., Валдмаа С. Указ. соч. С. 214.
- ²⁸² Иванов И. Таллиннский переход. Август 1941 г. По материалам Центрального архива ФСБ России. — URL: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=596> (дата обращения: 20.08.2011)
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ Там же.
- ²⁸⁵ Адамсон А., Валдмаа С. Указ. соч. С. 214.
- ²⁸⁶ Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. Исторические очерки и архивные документы. — М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2010. — С. 96.
- ²⁸⁷ Там же.
- ²⁸⁸ Rauch G. von. Geschichte der Baltischen Laender. — Stuttgart, 1970. — S. 190.
- ²⁸⁹ Myllyniemi S. Op. cit. S. 85.
- ²⁹⁰ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 43—44.
- ²⁹¹ Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens: Kollaboration und freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944. — Stockholm: Almquist & Wiksell intern., 1992. — S. 32—33.
- ²⁹² Myllyniemi S. Op. cit. S. 107.
- ²⁹³ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 44—45.
- ²⁹⁴ Myllyniemi S. Op. cit. S. 108.

²⁸⁵ Ямпольский В. П. (публ.) Вместо баварского пива — пуля и голод. (Из спецсообщения УНКВД по Ленинградской области № 9744 в областной комитет ВКП(б) и командованию Ленинградского фронта о положении в районах области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.) // Военно-исторический журнал. — 1997. — № 1 — С. 17; Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich: Vol. 4. — R. James Bender Publishing, 1994. — P. 140.

²⁸⁶ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 46.

²⁸⁷ Isberg A. Op. cit. S. 36—37.

²⁸⁸ Ibid. S. 39.

²⁸⁹ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом ... С. 75.

²⁹⁰ Там же. С. 88.

²⁹¹ Марипуу М. Холокост эстонских евреев и эстонцы / пер с эст. И. Теплицкой. — Таллинн, 2006 — URL: http://eja.pri.ee/history/Holocaust/Maripuu_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2011)

²⁹² Адамсон А., Валдмаа С. Указ. соч. С. 214.

²⁹³ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом ... С. 75.

²⁹⁴ Обзор периода оккупации. Указ. соч. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsiooniajast>

²⁹⁵ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом ... С. 75.

²⁹⁶ В 1939 году в курортном местечке Слияч в Чехословакии отделом «АБ-вер-2» была сформирована рота специального назначения, которая позже была преобразована в батальон, дислоцирующийся в городе Бранденбурге. Весной 1940 года батальон был переформирован в полк «Бранденбург-800», а в ноябре 1942 года на базе полка была сформирована дивизия специального назначения «Бранденбург-800», состоявшая из штаба дивизии и пяти полков (801, 802, 803, 804 и 805).

²⁹⁷ Lossman H. «Erna ja Erna I». Статья к 15-летию группы «Эрна», машинопись // Eesti Riigisarihiivi (далее — ERA) F. 4996. N. 1. S. 216. L. 1.

²⁹⁸ Рапорт Х. Курга от 23.09.41. Машинопись // ERA F. 4996. N. 1. S. 93. L. 1.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же. L. 2.

³⁰¹ Там же. L. 4.

³⁰² «Радиограммы» // ERA F. 4996. N. 1. S. 209.

³⁰³ Erna History. — URL: http://www.erna.ee/en/?Erna_History/Erna_History

³⁰⁴ «История 22-й мотострелковой дивизии НКВД» — URL: <http://www.velikvov.narod.ru/voyska/voyskaccpp/tank/mdiv/22msdnkvd.htm>

³⁰⁵ Lossman H. Указ. соч. L. 4.

³⁰⁶ ERA F. 4996. N. 1. S. 215. L. 15.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Обзор периода оккупации. — Таллинн: Целевое учреждение: фонд Кистлер-Ритсо ЭЭСТИ, 2004 — С.58.

³⁰⁹ О действиях разведывательно-диверсионной группы «Эрна» в Эстонии в июле — августе 1941 г. — URL: <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/932b471b7dc29104c32572ba00560533/d17d26919e451eb9c3257478002a4f04?OpenDocument> (дата обращения: 20.08.2011)

³¹⁰ Министр обороны Эстонии: Диверсионная группа немецко-фашистских войск «служила высоким целям» // Информационное агентство REGNUM — 2009. — 06 августа. — URL: <http://www.regnum.ru/news/1193652.html>

³¹¹ ERA F. 4996. N. 1. S. 215. L. 12.

³¹² Обзор периода оккупации. Указ. соч. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsiooniajast>

³¹³ Isberg A. Op. cit. S. 73.

³¹⁴ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 50.

- ³²⁵ Isberg A. Op. cit. S. 74; Littlejohn D. Op. cit. P. 140.
- ³²⁵ Isberg A. Op. cit. S. 72.
- ³²⁷ Ibid. S. 74.
- ³²⁵ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 51.
- ³²⁸ Журавлев В. В., Пестов Б. Е., Емельянова Н. М. Кого мы должны помнить? (Об эстонских формированиях, входящих в состав войск гитлеровской Германии) // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 18; Isberg A. Op. cit. S. 74.
- ³³⁰ Myllyniemi S. Op. cit. S. 229.
- ³³¹ Isberg A. Op. cit. S. 88.
- ³³² Адамсон А., Валдмаа С. Указ. соч. С. 216.
- ³³³ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / сост. П. Н. Кнышевский, О. Ю. Васильева, В. В. Высоцкий [и др.]. — М.: Русская книга, 1992. — С. 130—132.
- ³³⁴ Isberg A. Op. cit. S. 88.
- ³³⁵ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 52.
- ³³⁶ Там же.
- ³³⁷ Обзор периода оккупации. — Таллинн: Целевое учреждение: фонд Кистлер-Ритсо ЭЭСТИ, 2004 — С. 59.
- ³³⁶ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 53.
- ³³⁸ Там же. С. 53—54.
- ³⁴⁰ Isberg A. Op. cit. S. 75.
- ³⁴¹ Кого мы должны помнить? (Об эстонцах, воевавших на стороне гитлеровской Германии). С. 18.
- ³⁴² Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 55.
- ³⁴³ Myllyniemi S. Op. cit. S. 213.
- ³⁴⁴ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 56.
- ³⁴⁵ Kersten F. The Kersten Memoirs 1940—1945. — London, 1956. — P. 224.
- ³⁴⁸ Обзор периода оккупации. Указ. соч. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsioonijast>
- ³⁴⁷ Isberg A. Op. cit. S. 90.
- ³⁴⁸ С. м.: «Новое время». — 1943. — 15 октября. — № 118.
- ³⁴⁸ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 57—58.
- ³⁵⁰ ЦА ФСБ России АСД № Н-18313. Т. 11 Л. 202.
- ³⁵¹ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 58.
- ³⁵² Myllyniemi S. Op. cit. S. 252.
- ³⁵³ Isberg A. Op. cit. S. 99.
- ³⁵⁴ Обзор периода оккупации. Указ. соч. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsioonijast>
- ³⁵⁵ Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 22.12.1945 г. // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 1. Л. 67.
- ³⁵⁶ Обзор периода оккупации. Указ. соч. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsioonijast>
- ³⁵⁷ Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). С. 61.
- ³⁵⁸ Там же.
- ³⁵⁸ Обзор периода оккупации. Указ. соч. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsioonijast>
- ³⁶⁰ Littlejohn D. Op. cit. P. 141.
- ³⁶¹ Обзор периода оккупации. С. 81—82.
- ³⁶² Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. ... С. 97.
- ³⁶³ Там же. С. 95—97.
- ³⁶⁴ Ларин П. А. Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945 / сокр. пер. с эст. — Таллин: АН ЭССР, 1964. — С. 126.
- ³⁶⁵ Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. ... С. 102.

- ³⁶⁶ Там же. С. 235.
- ³⁶⁷ Петренко А. И. Прибалтийские дивизии Сталина. — М.: Вече, 2010. — С. 227.
- ³⁶⁸ Ларин П. А. Указ. соч. С. 116.
- ³⁶⁹ История Эстонской ССР: в 3 т. — Таллин: Ээсти раамат, 1974. — Т. 3: С марта 1917 года до начала 50-х годов. — С. 641.
- ³⁷⁰ Петренко А. И. Прибалтийские дивизии Сталина. С. 247.
- ³⁷¹ Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: в 3 кн. — Рига: Liesma, 1966. — Кн. 1. — С. 198.
- ³⁷² Ларин П. А. Указ. соч. С. 194.
- ³⁷³ Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. ... С. 137.
- ³⁷⁴ Курчавов И. Гвардия Эстонии. — Таллин: ГИЗ «Политическая литература», 1946. — С. 18.
- ³⁷⁵ Обзор периода оккупации. С. 84.
- ³⁷⁶ Там же. С. 85.
- ³⁷⁷ Акт судебно-медицинской экспертизы о количестве убитых на территории Литовской и Эстонской ССР 20.01.1946 г. // ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 18. ЛЛ. 119, 251.

Глава 3

Снова Прибалтика

3.1. Ресоветизация

Освобождение Прибалтики от нацистов поставило руководство СССР перед необходимостью ее немедленной и всеобъемлющей ресоветизации. Причем, в отличие от 1940 г., теперь пребывание Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР уже не вызвало неприятия (во всяком случае открытого) на Западе: «прибалтийский вопрос» не поднимался союзниками ни на Тегеранской конференции в 1943 г., ни на Ялтинской в 1945 г.¹ Запад признал за Советским Союзом право на Прибалтику де-факто, «по умолчанию», тем самым отказавшись от своей предвоенной риторики по этой теме. В Восточной Европе, по понятным причинам, ответ на вопрос о легитимности пребывания Прибалтики в составе СССР не мог не быть положительным. Заслуженно возросший авторитет СССР, статус победителя, понесшего наибольшие жертвы и выдержавшего наибольшие же тяготы войны (этот факт в первые послевоенные годы не решался оспаривать никто из союзников или нейтральных государств), ореол освободителя мира от «коричневой чумы» заставили зарубежные элиты во многом принять предложенные Москвой правила игры на международной арене. Потсдамская конференция 1945 г., подтвердившая целостность границ СССР на 22 июня 1941 г. и неоспоримость послевоенных границ, исключила любые юридические и общественно-политические «неувязки» в отношении республик Прибалтики и их принадлежности к Союзу ССР². Внутри же советского государства этот вопрос не ставился под сомнение априори.

Освобождение от нацистской оккупации избавило народы Прибалтики от неизбежной «германизации» — «растворения» в «арийской» среде или уничтожения, а языки и культуры этих народов — от полного исчезновения. Литва, Латвия и Эстония как республики восстановили свои собственные границы, в целом совпадающие с границами довоенных прибалтийских государств, а в случае Литвы с существенным приращением территории — в первые в истории в ее состав вошли Вильнюс и Клайпеда (Мемель). Закономерно относясь к Литве, Латвии и Эстонии, как другим республикам, и столь же закономерно не собираясь делать для них каких-либо значительных исключений из общего правила, союзное руководство санкционировало проведение здесь социально-политических и экономических мероприятий, характерных для других регионов, переживших оккупацию. Помимо этих мероприятий, в Прибалтике было не обойтись и без специфических действий — как практических, так и юридических. Причем действий (отнюдь не только карательных). Советской власти в новых, «приобретенных» за год до начала Великой Отечественной войны, республиках, пришлось начинать свое возвращение даже не с нуля — с минуса. Помимо политического, — и в экономическом смысле: прямой ущерб от войны составлял в Латвии 20, в Литве — 17, в Эстонии — 16 млрд рублей в ценах 1941 г.³ Восстановление народного хозяйства стратегически важного региона было начато немедленно, еще до окончания военных действий. Это было обусловлено идеологическими мотивами — Прибалтику следовало как можно быстрее и как можно плотнее интегрировать в советское социально-политическое пространство, и экономическими резонами — Прибалтика с ее портами, сетью железных дорог и перспективными с точки зрения общесоюзного использования промышленными предприятиями, была, так сказать, в фаворе.

Однако среди правящих кругов и управленцев Эстонии, Латвии и Литвы — особенно в первые послевоенные годы — еще жили надежды на независимость или, по крайней мере, претензии на самостоятельность. Если судить, например, по переписке эстонского партийного руководства с ЦК ВКП(б), элиты республик всерьез рассчитывали на то, что «Москва ждет от них инициативы, предложений и даже рекомендаций»⁴. Аналогичное впечатление складывается и при чтении

документов, которые направлялись в Москву из Вильнюса и Риги. Надо признать, что и политика Кремля работала на закрепление и развитие этих иллюзий: из Москвы шли указания о необходимости учитывать национальную специфику региона и смелее выступать с местной инициативой. В сложившейся ситуации дальновиднее оказывался тот, кто мог не путать многообещающие слова с реальными намерениями и почувствовать границы дозволенной свободы, дабы границы эти при попытке перейти их не были сужены⁵.

После освобождения Прибалтики в 1944 г. важнейшей задачей союзного руководства, как уже упоминалось, стала повторная советизация, или, как это формулировалось в тогдашних документах, восстановление советской власти. 1944—1946 гг. стали для региона временем формирования системы жесткого контроля союзного центра. Именно в последний год войны и затем вплоть до начала 1950-х гг. происходило становление и утверждение новых советских властных структур в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, основанное на становлении советского властного аппарата и успешном возвращении сотрудников, лояльных новой власти⁶. Для контроля над республиками и введения их политических элит в общесоюзную систему политико-экономических координат союзное руководство использовало различные методы и специальные институты, важность которых еще в 1939—1940-е гг. на присоединенных территориях обозначилась особенно ясно. Сразу после освобождения Прибалтики от фашистов там началось восстановление партийных и советских властных структур, созданных в 1940 г. ЦК Компартий этих республик возглавили А. Снечкус (Литва), Я. Калнберзиньш (Латвия), Н. Каротамм (Эстония). Председателями советов министров стали М. Гедвилас (Литва), В. Лацис (Латвия), А. Веймер (Эстония).

Следует заметить, что Сталин лишь единожды принял Снечкуса, Калнберзиньша и Каротамма, причем всех одновременно, — 16 августа 1944 г.⁷ Прибалтийский вопрос был для вождя решен, как на международном уровне, так и на внутреннем, — и в дальнейшем первом лице государства более не имело смысла фиксировать на нем свое внимание, или как минимум, это внимание демонстрировать.

Осенью 1944 г. на повестке дня в Кремле встал вопрос об ускорении советизации прибалтийских республик. Положение

в них рассматривалось на трех заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б): 30 октября 1944 г. было принято решение по Эстонии, 1 ноября — по Литве, 3 ноября — по Латвии. Эти документы имели большое значение для формирования социально-политической ситуации в регионе в последующие годы. Для местных властей решения Оргбюро стали непосредственной инструкцией к действию. В этих документах подробно была расписана широкая программа мер, нацеленных на успешную советизацию республик и, что еще важнее, механизмы контроля со стороны Москвы⁸.

В 1944 г. было принято постановление о создании республиканских комиссариатов обороны и иностранных дел⁹. Руководители региона восприняли этот шаг как расширение границ своей власти¹⁰. Воодушевленное правительство Эстонской ССР было готово играть по правилам. Оно даже попыталось продвинуть Х. Крууса (министра иностранных дел Эстонской ССР) на пост заместителя комиссара иностранных дел СССР и даже создать свою республиканскую Эстонскую Красную армию¹¹. Предлагались и другие такого рода национальные идеи и начинания, но осуществлены они не были. Разумеется, к таким «играм» союзное правительство отнеслось с закономерным подозрением: восстановление национальных, пусть и «республиканских» армий, было чревато тем, что их штыки могли бы повернуться против советской власти. Кроме того, исключения из общесоюзных правил, сделанные для Прибалтики, спровоцировали бы неудовольствие остальных республиканских элит.

Москва нуждалась в дополнительном органе, который мог бы держать под контролем процесс советизации. Кроме того, в Советской Прибалтике должна была проводиться такая политика, с которой до этого местные власти не сталкивались. Республиканское руководство, по мнению Москвы, нуждалось в инструкциях. Эту точку зрения поддерживали и местные функционеры, например, партийный руководитель Латвийской ССР Я. Калнберзиньш уже тогда сигнализировал в Кремль, что самостоятельно осуществить советизацию не удается, поэтому требуется «кадровая помощь»¹².

В ноябре-декабре 1944 г. в каждой из трех республик были воссозданы (18 сентября 1940 г., как упоминалось в гл.1, Политбюро приняло постановление о составе руководящих структур компартий Латвии, Литвы и Эстонии — Бюро ЦК)

Бюро ЦК ВКП(б), призванные выполнять контрольно-консультативные и другие вспомогательные функции. Для тогдашней организационной структуры коммунистической партии они были весьма специфичными, так как наличие подобных органов не было предусмотрено ни одним внутривнутрипартийным нормативным документом. Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и Литве были созданы постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1944 г., а Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии — постановлением от 29 декабря 1944 г.¹³. На всех их проектах есть виза Сталина — «за»¹⁴. Разумеется, утверждение документов с такой визой было лишь формальностью.

Каждое Бюро состояло из пяти человек: председателя, его заместителя, уполномоченного НКВД и НКГБ по соответствующей республике, первого секретаря ЦК компартии и руководителя Совнаркома республики. Латвийский партийный лидер Я. Калнберзиньш, вернувшись из поездки в Москву, на совещании, состоявшемся 6 ноября 1944 г., гораздо более открыто говорил о подоплеке создания республиканских Бюро. Он сообщил присутствующим, что эти органы созданы, чтобы помочь руководству Латвии превратить ее в союзную республику по модели других советских республик, и добавил: «Если мы сами этого не сделаем, они найдут людей, у которых рука не дрогнет»¹⁵. В своем выступлении на пленуме ЦК КП(б) Эстонии, прошедшем в начале декабря 1944 г., Н. Каротамм подчеркивал: «Назначением этого Бюро является руководство выполнением всех задач, стоящих перед КП(б) Эстонии, оказание помощи в улучшении работы, исправление ошибок, преодоление недостатков, имеющихся в работе, и подъем всей работы на должный большевистский уровень»¹⁶. Замысел создания Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М. Суслов пояснил на пленуме ЦК КП(б) Литвы в конце декабря 1944 г. Московский эмиссар отдельно обосновал создание Бюро ЦК ВКП(б) по Литве тем фактом, что местная партийная организация и ее члены еще очень молоды и неопытны, чтобы выполнять стоящие перед союзной республикой «исключительно великие и сложные» задачи. Поэтому для поддержки местных партийных организаций и было нужно создать в ЦК ВКП(б) Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, чтобы возрастить местных деятелей и укрепить партийные организации¹⁷.

Заслуживает внимания и открытое выступление председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и Латвии Н. Шаталина

перед партийным руководством Эстонской ССР в начале декабря 1944 г. Уже в начале своего доклада он сообщил, что в Эстонии необходимо в самый короткий срок водворить «настоящий советский порядок». Далее он подчеркнул, что хотя на территории республики советская власть существует, ее еще следует окончательно «укрепить». Докладчик упомянул, что советская власть пришла в Эстонию в 1940—1941 гг. «некоторым особым образом», и здесь не произошло «основательного разрушения буржуазного строя». К 1941 г. в эстонском обществе осталось много «буржуазных пережитков», многое было восстановлено немцами, которые добавили еще и другие «фашистские элементы»¹⁸.

Указания Москвы принял и министр иностранных дел Эстонии Х. Круус, заявивший: «В грандиозной программе создания Советской Эстонии на первом месте стоит вопрос о преобразовании наших людей, а также политическое, идеологическое и духовное преобразование всего общества в целом»¹⁹. По словам Крууса, нужен «новый человек, который будет свободен от оков ядовитых предрассудков прежнего буржуазного строя, особенно же от предрассудков, внушавшихся и распространявшихся фашизмом». Эстонским «ядовитым сорняком» был, по мнению Х. Крууса, буржуазный национализм, борьба против которого справедливо признается ЦК ВКП(б) «одной из первейших задач». Он призывал всех: «Мы должны чистить и чистить. <...> 1944 год должен стать для нас годом работы по очищению. И мы очищаемся не символическим, а очень даже практическим образом». «Перед нами стоит задача полностью очистить наше общество от духовной грязи фашизма и буржуазного национализма»²⁰. Местные руководители, как видно, не только отлично воспринимали указания центра, но и стремились предвосхитить их. Вне зависимости от того, искренне ли или из карьерных соображений, они делали это, их ответственность за происшедшее в республиках в русле советизации труднооспарима.

«Борьба с национализмом» стала важнейшей задачей идеологической работы. В ее контексте прошло совещание историков в мае — июне 1944 г. при ЦК ВКП(б)²¹. Было принято несколько партийных постановлений, призванных устранить недостатки в исторических трудах по древним периодам истории отдельных народов СССР²².

Обычно Москва придерживалась правила, что партийный руководитель республики должен быть представителем титульной национальности. Прибывшие в Прибалтику представители союзного центра, как и их предшественники — уполномоченные в 1940 г., — получили инструкции, предписывающие избегать прямого нажима на республиканские власти и работать с ними в режиме диалога, однако первый и решающий голос в этом диалоге был московский. Появление «московских товарищей» было воспринято местными партийными элитами с прохладцей. Общую тревогу выразил первый секретарь ЦК К (б) Литвы, прямо спросивший председателя литовского Бюро: «Не означает ли ваш приезд, что теперь руководящую роль будут играть русские товарищи?»²³.

«Русские товарищи» к этой руководящей роли и не стремились: в их планы входило лишь то, чтобы руководящая роль «литовских товарищей» не выбивалась из общесоюзных стандартов. Таким образом, дальнейшая советизация Прибалтики в значительной, если не в решающей мере, отдавалась на откуп местным партийно-правительственным элитам. Причем республиканские власти нельзя было назвать марионеточными. Союзное руководство, «огнем и мечом» выжигавшее всякое неповиновение советскому режиму, прагматично предпочло «огонь и меч» вручить представителями «титульных национальностей». Даже если предположить, что лидеры Литвы, Латвии и Эстонии пытались выступить буфером между Центром и республиками и создать соответствующую систему противовесов для сохранения национальных самоидентификаций, то и в этом случае они становились проводниками советизации, что было весьма удобно для Москвы: надлежало только «приручить» и вырастить лояльные местные кадры, дав им известную самостоятельность, чтобы «не вызвать нездоровые настроения» среди местного населения. Партийные руководители Литвы, Латвии и Эстонии взялись за укрепление советской власти со всей, вполне большевистской жесткостью, при этом как бы дистанцируясь от Москвы. Дистанция была декоративной: слишком отстранившись на деле, руководитель рисковал потерять место и утратить власть. Прибалтика теперь была готова терпеть советскую власть сталинского образца, но говорившую на национальных языках, она смирялась с советизацией, но проводимой местными функционерами.

Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии были упразднены в 1947 г. — в связи с выполнением возложенных на них задач. К этому времени партийно-государственный костяк республиканского уровня был не только сформирован, но и сцементирован. Однако, чтобы «цемент» не разрушался, в Прибалтику делегировались постоянные инспекторы — для улучшения качества проверок и инспектирования местных парторганов.

Особой задачей партийного руководства Латвии, Литвы и Эстонии с 1944 г. было расширение социальной базы компартии. Она, весьма сильная в начале XX века, была ликвидирована в Прибалтике в 1920-х гг. и де-юре (запрет компартий в период независимости) и де-факто. Предвоенный год сталинской советизации лишь оттолкнул потенциальных сторонников большевизма. Поэтому, чтобы удержаться у власти, региональные лидеры должны были хотя бы из чувства самосохранения заботиться об увеличении численности людей с партбилетами. В этом их задачи совпадали с устремлениями союзного Центра. Коммунистам надлежало занять все руководящие посты — от республиканского до сельского. В начале 1945 г. аппараты ЦК КП(б) республик Прибалтики были укомплектованы не более чем наполовину, причем представители титульных национальностей не являлись большинством. К тому же около 50% партийцев в Прибалтике были сотрудниками органов госбезопасности. Так что образ советской власти у населения вырисовывался малопривлекательный.

Чтобы как-то сгладить ситуацию, Вильнюс, Рига и Таллин обратились к Москве с просьбой направить в их распоряжение на постоянную работу латышей, литовцев и эстонцев с партстажем из других союзных республик. Она была выполнена. Однако большая часть прибывших практически не знала национальных языков и прибалтийской специфики²⁴. И если союзным руководством они воспринимались как «коренные» жители, то в республиках — как пришельцы, оказавшись «чужими среди своих», именно потому что были своими для «чужих». Но за счет этих кадров выросла численность партийных организаций республик. Новые сограждане заняли ответственные административные и хозяйственные посты, «отодвинув» местных представителей балтийских народов.

Еще одним существенным «подспорьем» в 1945—1946 гг. для увеличения количества партийных рядов стала миграция

из других республик: по партийным и комсомольским путевкам на восстановление разрушенной Прибалтики приезжала молодежь, прибывали и демобилизовавшиеся военные. Общие показатели партийности населения росли, но национальный состав коммунистов беспокоил местное руководство — представителей балтийских этносов там было относительное меньшинство. Это создавало сложности при формировании национального кадрового резерва. Первичные парторганизации стремились контролировать этнический состав при приеме в партию по национальному признаку — наибольшая «квота» отводилась представителям титульных национальностей республик: так Литва, Латвия и Эстония создавали свой партийный костяк, стремясь оградить парторганизации и, следовательно, республиканскую власть от «русского» влияния. (Именно ко второй половине 1940-х гг. понятия «русский» и «советский» как бы сращиваются, последствия этого «сращения» русскоязычные жители сегодняшних стран Балтии ощущают до сих пор.) Однако именно эта местная партийно-национальная политика, которую ныне в определенных политических кругах Литвы, Латвии и Эстонии порой преподносят как «скрытую фронду», как раз и обеспечивала активное вовлечение представителей «коренных национальностей» в идеологическую и практическую советизацию. И тем самым делало наиболее успешным решение поставленных Кремлем задач.

При этом уязвимым звеном в проведении советизации оказались местные органы власти: управленческая вертикаль там практически не действовала. Ситуация вне крупных населенных пунктов была абсолютно неконтролируемой. Республиканское руководство зачастую имело лишь отдаленное представление о происходившем в глубинке. Или не хотело знать — слишком неблагоприятная картина складывалась при ближайшем рассмотрении.

Из постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках и задачах в области политической работы партийной организации Эстонской ССР», принятого в октябре 1944 г.:

«Заслушав сообщение секретаря ЦК КП(б) Эстонии т. Каротамм о положении дел в Эстонской ССР после ее освобождения от немецких оккупантов, ЦК ВКП(б) отмечает наличие серьезных недостатков и ошибок в политической работе партийной организации республики.

В Эстонской ССР не возвращены еще трудящемуся крестьянству земли, которыми наделила его советская власть и которые были отняты у трудового крестьянства немецко-фашистскими оккупантами и эстонскими кулаками. Партийные организации, затянув решение земельного вопроса, не использовали это могучее средство для сплочения трудящихся в обуздании враждебных народу элементов.

ЦК КП(б) Эстонии недооценил того факта, что немецкие и эстонские фашисты, проводя политику массового истребления трудящегося населения Эстонской республики, вместе с тем заигрывали с известной частью эстонцев, всячески разжигали вражду между эстонцами и русскими, натравливали эстонцев на русских... Некоторые соучастники зверств немецких оккупантов и виновники издевательств над населением до сих пор не привлечены к ответственности, что вызывает законное недовольство трудящихся. ЦК КП(б) Эстонии не уделяет должного внимания делу воспитания руководящих партийных и советских кадров в духе большевизма и непримиримости к буржуазно-националистической идеологии. Партийные организации не проявляют должной политической активности и не имеют еще прочных связей с трудящимися массами. Лучшие люди из партизан, советского актива, интеллигенции, доказавшие своей борьбой и работой преданность делу партии, недостаточно вовлекаются в ряды партии»²⁵.

Абсолютно аналогичные резюме были приняты в отношении Латвии и Литвы. За традиционной риторикой угадывалось закономерное беспокойство: освобожденная от нацистской оккупации Прибалтика встретила освободителей без излишних восторгов, разумеется, массовое ликование на площадях и на официальных мероприятиях, а также бодряческие отчеты партийной прессы не могли заслонить очевидного: войти в семью «братских народов» Прибалтика была готова отнюдь не безоговорочно. Об этом свидетельствует и рост повстанческого антисоветского движения. Борьба с создавшейся ситуацией, недооценив ее, поначалу попытались словом — пропагандой, посчитав, что «население плохо информируется о военно-политическом и международном положении СССР, о военном и экономическом могуществе Советского Союза, о росте международного авторитета советской страны. Слабо поставлена работа по воспитанию населения в духе дружбы народов, уважения к русскому и

другим народам СССР, в духе любви к освободительнице эстонского народа — Красной Армии»²⁶. Партийным органам надлежало срочно усилить агитпроп, «широко разъясняя населению, что только в составе Советского Союза, при братской поддержке русского народа и других народов СССР народным массам... будет обеспечена подлинная свобода, материальное благосостояние и быстрый культурный подъем»²⁷.

ЦК КП(б) прибалтийских республик обязали развернуть политическую работу среди населения, особенно в деревне, разоблачая при этом «лживую фашистско-националистическую пропаганду, направленную против Советского Союза и Красной Армии». Аграрный сектор стал одной из острых проблем ресоветизации Прибалтики. Местное крестьянство не спешило встраиваться в советскую систему сельского хозяйства и вообще работать на государство. О колхозах в Прибалтике были наслышаны: немало поработала в этом направлении немецкая пропаганда, но еще убедительнее любых пропагандистских акций были рассказы очевидцев, информация от вновь прибывших в республики жителей России и собственные наблюдения.

Крестьяне колхозов не хотели, колхозов боялись и готовы были бороться против них в том числе и с оружием в руках (последнее с особой очевидностью демонстрировала Литва — самая «сельскохозяйственная» из трех республик). С подобной ситуацией вынуждены были считаться и Москва, и местные власти — разрушенной войной стране необходимо было продовольствие. Во время проведения кампании по выборам в Верховный Совет СССР в 1946 г. наблюдатели от партийных органов и других структур в своих отчетах и сводках фиксировали наличие устойчивых антиколхозных настроений у населения всех трех республик. Чтобы избежать возможных эксцессов, агитаторы и чиновники, ответственные за проведение предвыборной кампании в регионе, стремились при контактах с местным населением вообще избегать «колхозной темы». В этом контексте достаточно показательным является такой факт: уполномоченный ЦК КП(б) Эстонии в волости Вигала предложил агитаторам читать «Обращение ЦК ВКП(б) к избирателям» не полностью, а в выдержках. Дело в том, что в документе упоминалось о развитии «колхозного сельского хозяйства», а эстонские крестьяне, считал уполномоченный, «боятся слова «колхоз»»²⁸.

Характерно, что сохранившийся отчасти привычный — досоветский — уклад сделал Прибалтику одним из регионов, где после войны было меньше проблем с продовольствием, нежели в других республиках, переживших оккупацию: здесь можно было купить хлеб, муку и другие продукты. После отмены в 1946 г. ограничений на передвижение населения, в Прибалтику (особенно, в Латвию и Эстонию) хлынул поток из разрушенных дотла соседних Псковской, Новгородской (выделенных из состава Ленинградской в 1944 г.) и Ленинградской областей: ведь уже к осени 1946 г. в РСФСР возникли серьезные проблемы с продовольствием²⁹.

Политическая работа была выстроена по принципу тотальности. Повсеместно организовывалось систематическое информирование населения о текущих военно-политических и международных событиях, об основных этапах Отечественной войны Советского Союза, о росте его военного и экономического могущества, международного авторитета, а также организовалась политическая работа среди интеллигенции, имея «целью воспитание интеллигенции в духе учения Ленина—Сталина»³⁰.

Для проведения в жизнь этих руководящих указаний было принято и обеспечивающее их постановление «О мерах помощи Эстонской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительской работы».

«Для оказания помощи ЦК КП(б) Эстонии в проведении массово-политической работы:

а) поручить Управлению кадров и Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) направить на постоянную работу в Эстонскую ССР до 16 ноября 5 квалифицированных пропагандистских работников, трех работников, окончивших газетные курсы при ЦК ВКП(б), и трех работников, окончивших курсы преподавателей марксизма-ленинизма;

б) поручить Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) направить не позднее 15 ноября в Эстонскую ССР прогруппу Управления пропаганды сроком на два месяца.

Обязать ЦК КП(б) Эстонии и Совнарком Эстонской ССР восстановить уездные, городские и волостные библиотеки.

Поручить ЦК КП(б) Эстонии очистить библиотеки от фашистской и буржуазно-националистической литературы.

Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) оказать необходимую помощь ЦК КП(б) Эстонии в проведении этой работы.

Обязать Наркомпрос РСФСР (т. Потемкина) выделить для Эстонской ССР одну республиканскую библиотеку для Тартуского государственного университета (г. Тарту) в количестве 10 тысяч книг, скомплектовать четыре городские библиотеки (г.г. Тарту (2 биб.), Нарва и Пярну), пополнить литературой 10 уездных библиотек.

6. Обязать Комитет по делам кинематографии при СНК СССР (т. Большакова):

а) выделить до конца 1944 г. Эстонской ССР 10 стационарных киноаппаратов и 5 электродвижков;

б) отправлять в Эстонскую ССР по 2 копии каждого вновь выходящего художественного фильма и журналов кинохроники»³¹.

Осенью 1944-го были приняты и постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах помощи Литовской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительской работы» и «О задачах партийной организации Латвийской ССР в области политической работы». Полгода спустя республиканские партийные руководители отчитывались о проделанной работе. Отчеты эти выглядели весьма оптимистично: «Прделана значительная работа по повышению идейно-политического уровня руководящих народов Республики, усилилось влияние и поднялся авторитет партийного руководства»³², в столичных городах создаются университеты марксизма-ленинизма, в уездных центрах — партийные школы, на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и народных домах организованы политкружки. Слушатели изучали: «Краткий Курс истории ЦК ВКП(б), книгу тов. Сталина «О великой Отечественной войне Советского Союза», Конституции СССР и прибалтийских республик, Устав ЦК ВКП(б)... Кружками руководят партийные, советские работники, а также лучшая часть беспартийной советской интеллигенции»³³. В отчетах обращалось внимание на «неуклонный рост» количества политкружков и количества их членов-слушателей. В городах и уездах республик работали семинары для учителей, где изучали опять же Краткий курс истории ВКП(б), книгу тов. Сталина «О великой Отечественной войне Советского Союза»³⁴. Указывалось, что просоветская агитация приобрела «наступательный характер»: «Многие агитаторы, умело используя факты зверств и издевательств (выделено мною. — Ю. К.), которые проводились немецко-фашистски-

ми захватчиками над советским населением, а также разоблачая действия буржуазных националистов как прямых пособников фашистов, добиваются повышения бдительности среди населения и повышения политической активности трудящихся»³⁵.

Близилась пятая годовщина установления советской власти в республиках, и это событие нужно было встретить так, чтобы исключить любые сомнения в ее устойчивости. Или как минимум исключить зримые проявления этих сомнений.

Интеллигенция «в большинстве своем оставалась анти-советской, но ей претили жестокость нацистских оккупантов, демонстрация расового «превосходства» немцев, облавы, ... казни»³⁶. Потому возвращение советской власти значительная часть оставшихся в Прибалтике, а не бежавших на Запад в конце войны, представителей интеллигенции готова была принять относительно лояльно, к тому же надеясь, что победа в кровопролитной войне смягчит жестокость советской сталинской системы, сделав ее если не либеральнее, то милостивее. Для многих жителей Прибалтики новая ситуация давала шанс на возвращение к нормальной жизни. Уже в конце 1944 г. республиканские газеты сообщили о начале работ по восстановлению взорванных немцами при отступлении или разрушенных во время боев за освобождение электростанций, мостов, больниц и других, жизненно важных объектов в прибалтийских городах³⁷. Много внимания советская власть уделяла возобновлению учебы в высших учебных заведениях в Прибалтике, закрытых нацистами. Например, Вильнюсский и Каунасский университеты были открыты уже осенью 1944 г. Забота о вузах и народном образовании объяснялась не только острой необходимостью подготовки специалистов и воспитания их в нужном идеологическом духе. Большое значение уделялось и пропагандистскому эффекту: еще идут бои, но духовное возрождение, принесенное Красной Армией — освободительницей, уже начинается. К тому же, что принципиально, открытие университетов и школ обязательно проводилось под руководством «местных партийных товарищей» титульных национальностей³⁸ — так подчеркивалось, что вернувшаяся в Прибалтику советская власть, своя, родная, а не насаждаемая извне.

Основной политико-культурной проблемой Прибалтики стал введенный на ее территории принцип двуязычия. При

массовом притоке руководящих кадров и обычных мигрантов из других республик де-факто русский язык стал главным в Прибалтике, что по понятным причинам крайне болезненно воспринималось коренными жителями, для которых сохранение родного языка стало с момента вхождения в СССР последним критерием самоидентификации. Отношение к национальным языкам у вновь прибывших было зачастую пренебрежительным, порой враждебным. Характерно, что приезжавшие в Литву, Латвию и Эстонию как добровольно, так и по комсомольским и партийным путевкам считали республики «вражескими». Да и прибалты отвечали тем же — встречали приехавших недружелюбно.

Официальная советская пропаганда замалчивала факты массовой коллаборации жителей прибалтийских республик (как, впрочем, и о пособничестве жителей других регионов) — это не укладывалось в миф о «братстве народов СССР», и тем более, о «единстве в борьбе с фашизмом». Происходившее в Прибалтике во время войны было объектом устной истории. Поэтому освободителей в Прибалтике нередко считали оккупантами и хотя не говорили это вслух, но часто давали понять. Незримая, но вполне ощутимая психологическая стена непонимания, переходившего во взаимную враждебность, становилась все плотнее.

Со стороны приехавших в Прибалтику звучали вполне понятные требования к властям защитить права русскоязычного населения, причем обе конфликтующие стороны гарантию собственных прав воспринимали часто только как ограничение прав контрагента. Наиболее наглядно непримиримость позиций проявилась по отношению к принципу двуязычия. По установленному порядку делопроизводство во всех трех республиках должно было вестись на языке титульной нации и русском, однако на практике этот порядок часто нарушался, причем с обеих сторон.

Конфликты вокруг языковой проблемы почти всегда заключали в себе политический подтекст и рассматривались республиканским руководством как борьба за национальный суверенитет как минимум в границах культурной автономии. Понятие «языковой барьер» в данном случае обретало свой прямой смысл: незнание языка становилось чуть ли не главным препятствием на пути мигрантов. И хотя его удавалось обходить, республиканские власти очень неохотно соглаша-

лись на такого рода исключения. В этом же ряду следует рассматривать и недостаточную оперативность, с которой в республиках приступили к организации курсов по обучению языку вновь прибывших работников³⁹.

В целом именно в вопросе о национальном языке позиция республиканских лидеров была наиболее последовательной и твердой. Нарушение статуса национального языка объявлялось покушением на основы «ленинско-сталинской национальной политики», и эта формула использовалась как своего рода щит против русификации⁴⁰.

Особым и острым случаем стал «польский вопрос» в Литве. О том, что эта тема после войны обязательно возникнет, стало ясно еще в 1944 г., едва немецкие войска покинули Вильнюс. 13 июля, вскоре после освобождения города, А. Снечкусу позвонил И. Сталин. Поздравив Снечкусу, Сталин вдруг спросил: как теперь правильно называть город — по-польски Вильно или по-литовски Вильнюс. Услышав ожидаемый ответ, Сталин порекомендовал, кроме того, немедленно вывесить в городе литовские флаги — «чтобы было всем ясно, что это Литва»⁴¹. В 1944 г. население Вильнюса составляло 200 тыс. человек, большинство из них были поляками. «Между поляками и литовцами существуют враждебные отношения», — писал Сталину в августе 1944 г. нарком внутренних дел Л. Берия. По его мнению, непростая ситуация в городе заслуживала внимания Москвы. Освобождение Вильнюса породило у польского населения надежды на будущее, по большей части, однако, не связанные с Литвой. Люди считали, что отныне служба в костелах будет вестись не на литовском, а на польском языке. Высказывались также мнения, что Вильно войдет в состав Западной Украины или Западной Белоруссии, но никак не Литвы. По непроверенным агентурным данным, сообщал Берия, в Тракайском уезде шел сбор подписей под письмом Сталину с просьбой о присоединении Виленской области к Белоруссии⁴².

Эти настроения представляли собой серьезный вызов для властей Литвы. Первые два-три года после окончания войны литовское руководство старалось проводить при решении «польского» вопроса сбалансированную политику. Власти надеялись на уменьшение польского влияния в Вильнюсской области за счет переселения части поляков из Литвы в Польшу⁴³. Увы, болезненность польской темы ощущается до

сих пор: польских школ в независимой Литве практически нет, польские фамилии в соответствии с литовским законодательством необходимо литвинизировать, прибавляя к ним литовские флексии, и т. д.

3.2. Лесное братство

Повстанческое движение в Прибалтике — явление многослойное, хотя доминанта его очевидна: оно было ответом на политику советизации, особенно сопровождающие ее репрессии и террор. Но стартовой точкой развития активных форм сопротивления советскому режиму, в том числе и повстанческого движения, стал не 1940 г., как того можно было ожидать, а 1944-й⁴⁴. Этот феномен тем более сложен, что ни в первый год советизации, ни в течение трех лет нацистской оккупации Прибалтики не зафиксировано сколько-нибудь заметных попыток вооруженного противодействия. Красные партизаны, боровшиеся в Прибалтике с фашистами, — явление в значительной мере привнесенное, нежели созревшее в недрах национального сопротивления. За исключением польских районов Литвы, русских и белорусских районов Латвии и русских районов Эстонии — этого сопротивления практически не было.

Деятельность прибалтийских «лесных братьев» началась с того момента, как советско-германский фронт переместился на территорию Прибалтики, т. е. летом 1944 г. В отличие от ситуации 1940 г., сопротивление — особенно в Литве — имело массовый характер и отличалось жестокостью противостояния с обеих сторон.

Состав лесного братства был довольно пестрым, в нем встречались не только «сидельцы», пострадавшие от советской власти в первый год ее существования в Прибалтике, и в большей степени представители различных коллаборационистских нацистских структур. Были и те, кто не был запятнан сотрудничеством с нацистами, но являлся идейным противником советской власти. Наконец, в отрядах были и обыкновенные бандиты и криминальные авторитеты⁴⁵. «Повстанцы» были организованы как в большие отряды, так и в мелкие группы. В Литве помимо литовских «лесных братьев» находились и отдельные подразделения польской Армии Крайовой. Это

вооруженные формирования польского подполья времен Второй мировой войны, действовавшие на довоенной территории польского государства и имевшие целью восстановить независимую Польшу в довоенных границах. Причем литовские повстанцы и члены Армии Крайовой нередко вступали в вооруженные конфликты друг с другом: главным «камнем преткновения» был Вильнюс.

В тех же лесах можно было встретить солдат вермахта, отставших от своих частей или оставленных намеренно для проведения диверсионных акций. Самый большой резерв для пополнения партизанских отрядов в 1944 и 1945 гг. составляли «уклонисты», т. е. люди, уклоняющиеся от мобилизации в Красную Армию. Они не являлись на призывные пункты, прятались от военных чиновников, сбегали при отправке в свои части. За 1945 г. в Литве было взято на учет 52 658 «уклонистов», в Латвии — 4343, в Эстонии — 2343. Эти данные касаются лишь тех, кого органам НКВД удалось раскрыть и вернуть к легальной жизни. Сколько повстанцев осталось в лесах — неизвестно⁴⁶.

«Уклонисты» в значительной степени определяли и социальный облик «лесных братьев»: он был преимущественно крестьянским. Попытки распространить активные формы сопротивления на города оказались в целом неудачными⁴⁷. Помимо крестьян в лесных формированиях были военнослужащие литовской, латвийской, эстонской армий (ликвидированных в 1940 г.), учащиеся гимназий, студенты. Среди командиров партизанских групп, например в Литве, преобладали офицеры бывшей литовской армии (37%), 10% командного состава приходилось на долю бывших полицейских и столько же (по 10%) составляли учителя и студенты⁴⁸.

Надо сказать, что литовские повстанцы — единственные из «лесных братьев» Прибалтики, кому удалось создать организацию, руководящую деятельностью вооруженного подполья в национальных масштабах. Движение сопротивления в Литве обладало еще одной особенностью — активной поддержкой со стороны повстанцев католической церкви. Среди участников и даже командиров партизанских групп в Литве было немало священнослужителей⁴⁹. В Латвии и Эстонии представители духовенства активной роли в повстанческом движении не играли⁵⁰.

Основой отрядов «лесных братьев» в Латвии и Эстонии также были преимущественно крестьяне: в этом состав отрядов «лесных братьев» во всех трех балтийских республиках был схожим.

Однако движение сопротивления в Латвии и Эстонии по сравнению с литовским обладало существенно меньшим человеческим и организационным ресурсом. В Латвии создание партизанских отрядов проходило по двум основным линиям. В первом случае ядром повстанческих формирований стали диверсионные группы, подготовленные немцами для деятельности в советском тылу. Наиболее известные из них — группы «Дикие кошки» и «Охотники». Это были хорошо вооруженные и обученные отряды, из них потом создавались ударные силы боевиков, а руководители групп становились их командирами.

В 1944—1945 гг. в Латвии насчитывалось несколько антисоветских партизанских организаций, которые объединяли группы в пределах конкретного района. На востоке, в Латгалии, действовала организация — «Объединение защитников Отечества Латвии». Север находился под влиянием — «Национального объединения партизан Латвии», одним из руководителей этой организации был П. Супе. Своя «Организация национальных партизан» существовала в Северной Курляндии, ею руководили Б. Янкавс и А. Фельдбергс. На юге Курляндии обосновались партизаны, именовавшие себя «Орлы Отечества». Руководители пытались объединить все партизанские силы на территории Латвии или хотя бы договориться о координации действий с другими повстанческими формированиями. Однако продвинуться по пути объединения сил и создания единой организационной структуры латвийским партизанам так и не удалось — ни тогда, ни позднее.

Движение «лесных братьев» в Эстонии отличалось самой слабой степенью организованности, там повстанцам так и не удалось создать ни одной подпольной организации, которая смогла бы руководить разрозненными партизанскими отрядами. Еще в период немецкой оккупации, в марте 1944 г., «патриотическими кругами» был создан Национальный комитет Республики Эстония — подпольный орган, поставивший перед собой задачу добиваться восстановления независимости страны. Комитет работал в контакте с бывшим премьер-министром Эстонии Ю. Улуотсом (находившимся в эмиграции).

Главными союзниками и гарантами обретения суверенитета члены Национального комитета считали страны Запада. Поэтому свою работу они больше ориентировали вовне, добиваясь установления контактов с влиятельными западными политиками, тогда как на организацию сопротивления внутри страны направлялось гораздо меньше усилий⁵¹.

Через месяц после создания Национального комитета, в апреле 1944 г., часть его руководителей и активных сторонников была арестована немецкими спецслужбами. Те же, кого не успели захватить нацисты, потом попали в руки советских органов безопасности. Причем во время отступления немцы «забыли» архивы, где содержалась информация об участниках национального движения сопротивления, их родственниках и друзьях, что стало большим подспорьем в чекистской работе.

Деятельность «лесных братьев» в Эстонии была разрозненной, а активность невелика и быстро сошла на нет. Тем не менее попытки скоординировать действия отдельных партизанских отрядов предпринимались. В течение 1945—1946 гг. произошло объединение партизанских групп в уездах Лянемаа и Харьюмаа под командованием Э. Редлиха. Позднее на этой основе возникла подпольная организация «Лига вооруженного сопротивления». Правда, несмотря на свое название, проведение каких-либо активных боевых действий «здесь и сейчас» Лига не планировала. Как говорилось в программных документах организации, ее цель заключалась в «подготовке вооруженного восстания против советского режима в тот момент, когда Англия и США начнут войну против Советского Союза или произойдет политический переворот в самом СССР»⁵². До этого руководство Лиги направляло свои усилия на политическое просвещение населения и создание агентурной сети по всей Эстонии⁵³. Ее деятельность распространилась и на ряд городов, в том числе Таллин, где удалось наладить контакт с молодежными группами сопротивления.

Весной 1945 г. численность «лесных братьев» Литве доходила до 30 тыс., в Латвии — до 10—15 тыс., в Эстонии — до 10 тыс. человек⁵⁴. В лесное братство было вовлечено от 0,5 до 1% балтийского населения.

Москва не сразу оценила масштаб повстанческого движения в Прибалтике, а также связанные с ним политические

риски. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) 1944 г. о недостатках в работе республиканских органов власти эстонское руководство критиковалось за ряд ошибок, в том числе и за недооценку важности борьбы с «националистами». «В Эстонской ССР еще не преодолено влияние эстонско-немецких националистов, ведущих и по сей день злобную пропаганду среди населения против русского народа и Красной Армии за отторжение Эстонии от Советского Союза и реставрацию буржуазно-фашистских порядков»⁵⁵. Среди задач, которые центральное руководство поставило перед республиканскими партийными властями — после «важнейших хозяйственно-политических» — только на четвертой позиции значилось «усиление борьбы против буржуазных националистов». Ни о каком «антисоветском подполье» и тем более «его вооруженных бандах» в этом постановлении не было и речи. Не говорилось о подполье и в постановлениях о Литве и Латвии.

На тот момент центральное руководство не только не воспринимало ситуацию в Прибалтике как взрывоопасную, но и плохо представляло себе ее специфику. Национальное сопротивление рассматривалось в привычных рамках «фашистских происков» и антирусских настроений. Возможность отторжения Прибалтики от СССР упоминалась, но только в контексте пропагандистских лозунгов о националистической оппозиции. Она не воспринималась, как серьезный политический противник. Борьба с оппозицией по-прежнему считалась не столько идеологической задачей, сколько делом НКВД и решалась главным образом соответствующими средствами. На местах уполномоченные органов безопасности руководили подавлением движения сопротивления и чистками общества от «враждебных элементов». В более широком смысле уполномоченные органов безопасности, входившие в Бюро, должны были следить за всем, что происходило в обществе. В их обязанности также входило наблюдение за руководством союзных республик, а также за деятельностью остального состава Бюро и передача соответствующей информации непосредственно в Москву. Очень показательна в этом смысле деятельность уполномоченного органов безопасности в Бюро ЦК ВКП(б) по Литве И. Ткаченко, который в июне 1945 г. лично докладывал Л. Берии о положении дел в руководстве Литовской ССР. Он информировал, кто и с каким усердием ходит на работу, но, что еще более существенно, как инертно и

неохотно ведется борьба с «антисоветскими элементами». Обращалось внимание на такие серьезные вещи, как совещания республиканских руководителей за закрытыми дверями, куда «русские товарищи» не приглашались⁵⁶.

И все же главной задачей уполномоченных органов безопасности по союзным республикам в составе Бюро было руководство борьбой с местным движением сопротивления и координация этой борьбы.

Трудности определения масштабов распространения повстанческого движения и уголовного бандитизма в послевоенной Прибалтике связаны еще и с несовершенством советского законодательства, не разделявшего антисоветское вооруженное сопротивление и уголовный бандитизм. Первоначально не фиксировала этой разницы и ведомственная статистика НКВД и НКГБ, рассматривая все антисоветские проявления в западных областях СССР как бандитизм. (Юридическое определение бандитизма относится к числу наиболее устойчивых норм советского уголовного законодательства. Согласно ст. 59-3 УК РСФСР 1926 г. квалификация этого вида преступлений выглядела следующим образом: «... бандитизм, т. е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов и разрушение железнодорожных путей и иных средств сообщений и связи». В этой формулировке норма просуществовала вплоть до 1958 г., когда был принят новый закон об уголовной ответственности за государственные преступления.) Юридическое разграничение политического и уголовного бандитизма появляется лишь в 1947 г., после того как было принято решение о разделении сфер деятельности МВД и МГБ по вопросу борьбы с бандитизмом⁵⁷.

Отношение Москвы к повстанцам менялось постепенно. На первом этапе, летом 1944 г. — весной 1945 г., когда большая часть оккупированных Германией территорий была уже освобождена, а Красная Армия ушла дальше на Запад, Москва не стала осмысливать ситуацию в Прибалтике, Кремль больше интересовали победоносное окончание войны и послевоенное устройство мира. Новые порядки на бывших оккупированных рейхом территориях вызывали раздражение у жителей. Действия властей не учитывали местной специфики, были стандартны: восстановление органов власти,

подсчет ущерба, возвращение беженцев и т. д. Частью этого общего плана была «зачистка» освобожденных районов от остатков немецких воинских частей, диверсионных групп, а также репрессии в отношении бывших полицейских, охранников и других лиц, сотрудничавших с немцами. Решение этой задачи проходило по ведомству НКВД и НКГБ.

Перед освобождением Прибалтики руководство НКГБ СССР сочло необходимым уточнить механизм репрессий против местных коллаборационистов. Это было сделано в директиве об организации агентурно-оперативной работы на освобожденной территории прибалтийских республик, подписанной наркомом госбезопасности СССР В. Меркуловым 3 марта 1944 г. Этот документ, характеризующий видение советского руководства ситуации в Прибалтике, имеет смысл процитировать подробно:

«В целях правильной организации оперативно-чекистской работы при очистке освобождаемой территории Прибалтийских советских республик от вражеских агентов, ставленников и пособников немецко-фашистских захватчиков предлагаем руководствоваться следующим:

1. Немедленному аресту подлежат:

1) личный состав и агентура действовавших в Прибалтике разведывательных и контрразведывательных органов немцев: «Абверштелл-Остланд» в Риге, «Абвернебенштелле» — Таллин, так называемое «Бюро Целлариуса», морской и воздушной разведок (реферат «Марине» и «Люфт»); разведывательных и диверсионных школ в Лейтсе, Кейла-Юа, Мыза-Кумна, Вихула и др.;

2) командный, руководящий и оперативный состав созданных немцами полицейских батальонов, «полиции самоуправления» и полицейских школ;

3) руководящий состав тюрем, концентрационных лагерей, лагерей для советских военнопленных и лица, выполнявшие в них полицейские функции;

4) военные коменданты уездов, волостей и сельских общин;

5) прокуроры, следователи и члены военных судов, верховного трибунала, апелляционных плат, окружных судов;

6) руководящий состав рейхскомиссариата и созданных немцами органов центрального самоуправления: директора департаментов, основные референты и члены «Совета сельского хозяйства»;

7) руководители областных, окружных, уездных дум и управ, уполномоченные советников центрального самоуправления;

8) волостные, общинные начальники, бургомистры, активно содействовавшие немецким властям;

9) руководители крупных хозяйственных и административных организаций, созданных немцами («Ост-Банк», «Хозяйственная камера», «Викадо» и т. п.);

10) руководители центрального аппарата созданных немцами профсоюзов и бирж труда;

11) члены уездных (и выше) комитетов созданных немцами различных организаций по оказанию содействия оккупационным властям: «Союз взаимной помощи», «Союз трезвенников», «Спортивный совет физкультуры», «Союз юных крестьян», члены комитетов по оказанию помощи «солдатам, находящимся на восточном фронте, и семьям сосланных в Сибирь»;

12) редакторы газет, журналов и авторы антисоветских статей, опубликованных в печатных органах оккупационных властей;

13) организаторы, экскурсоводы и «активисты-агитаторы» различных антисоветских передвижных выставок и стендов;

14) руководящий состав и активные участники антисоветских националистических организаций: «Железный волк», «Вольдемаросовцы», «Вабс», «Тевияс-Сарге», «Перконкруст», «Шаулю-Саюнга», «Кайтселиит», «Айзсарги», отряды «самоохраны», «Единый фронт активистов», «Литовская национал-социалистическая партия», «Гитлер-Югенд», «Омакайтсе», «Таутининки», «Измаалит», «Крестьянский союз», «Партия центра», «Ляудининки», «Нео-Литуания», «Литува» и др.;

15) участники банд, организованных немцами в первые дни войны, проводившие боевые действия в тылу Красной Армии («Зеленые братья», «Батальон Эрнст II», «Лесные братья» и др.);

16) члены немецких националистических организаций («Культурфербанд», «Маншафт», «Крафт-дурх-Фрейде» и др.), а также немцы, записавшиеся в период репатриации на выезд в Германию, но впоследствии отказавшиеся выехать;

17) руководящий и административный аппарат созданных немцами еврейских гетто;

18) командный состав «Русской освободительной армии» (РОА), «Русских отрядов СС» и других формирований, созданных немцами из числа военнопленных;

19) офицеры (от командира взвода и выше) созданных немцами национальных прибалтийских частей, предназначенных для борьбы с Красной Армией»⁵⁸.

О масштабах репрессий против коллаборантов в Эстонии можно судить по направленному в Государственный комитет обороны сообщению наркома госбезопасности СССР В. Меркулова от 14 ноября 1944 г.: «За период работы на освобожденной территории Эстонии до 6-го ноября т.г. органами НКГБ было арестовано всего 696 человек.

В результате пересмотра имеющихся разработок, усиления агентурной работы и следствия дополнительно за период с 6 по 14 ноября т.г. нами арестовано, по неполным данным, 420 человек (сведения о проведенных операциях в уездах еще полностью не получены).

Таким образом, на 14-е ноября арестовано всего 1116 человек, из них по гор. Таллину — 575 человек.

В числе арестованных: агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника — 48 человек; официальных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов противника — 97 человек; участников эстонской националистической военно-фашистской организации «Омакайтсе» — 421 человек; предателей, немецких ставленников и пособников — 206 человек; разного антисоветского элемента — 344 человека»⁵⁹.

Органами НКВД ЭССР с 1 октября по 31 декабря было задержано 356 лесных братьев, членов «Омакайтсе» и полицейских, 620 военнослужащих немецкой армии и 161 бывший красноармеец, сражавшихся на стороне немцев. Общую численность арестованных органами НКВД — НКГБ в Эстонии в 1944 г. можно определить примерно в 3,5 тыс. человек, около 2 тыс. (60%) из которых составили коллаборационисты⁶⁰.

В октябре-декабре того же года отдел по борьбе с бандитизмом НКВД СССР провел несколько чекистско-войсковых операций на территории Эстонии, в результате которых были задержаны, 333 бандпособника, изъяты 712 винтовок, 28 автоматов, 45 пулеметов, 32 револьвера, 43 500 патронов⁶¹.

Накануне освобождения Латвии органы НКВД располагали информацией о 1895 агентах немецкой разведки, преда-

телях и изменниках на территории республики⁶², однако эта информация не была окончательной.

Вот какие данные приведены в докладе наркома внутренних дел СССР Л. Берия от 26 января 1945 г.:

«За период работы на освобожденной территории Латвии с июля 1944 г. по 20 января с.г. органами НКВД-НКГБ арестовано 5223 человека...

Среди арестованных:

агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника — 625;

официальных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов противника — 379;

участников латвийских националистических организаций — 479;

предателей, изменников Родины, немецких ставленников и пособников — 2721;

участников бандформирований и их пособников — 376; разного антисоветского элемента — 643...

С 8 по 20 января с.г. органами НКВД — НКГБ Латвийской ССР арестовано 1396 человек вражеского элемента»⁶³.

Как следует из доклада, всего в 1944 г. в Латвии было арестовано около 3,5—4 тыс. человек, примерно 70% из которых составляли коллаборанты⁶⁴.

В Литве репрессии органов НКВД — НКГБ приняли больший масштаб, чем в Латвии и Эстонии⁶⁵.

Вот данные, содержащиеся в совместном докладе наркомов внутренних дел и государственной безопасности Литвы И. Барташунаса и А. Гузявичуса:

«Доносим, что за период работы на освобожденной территории Литовской ССР с июля по 20 декабря 1944 г. органами НКВД и НКГБ арестовано 8592 человека. Убито бандитов 1589.

За декаду с 20 декабря 1944 г. по 1 января 1945 г. арестовано 3857 человек. Убито бандитов 985.

Таким образом, органами НКВД и НКГБ Литовской ССР на 1.1 — 45 г. всего арестовано 12 449 человек. Убито бандитов 2574 человека. Из числа арестованных:

а) агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника — 449 человек;

б) официальных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов противника — 26 человек;

в) участников литовско-националистического подполья — 1007 человек;

г) участников польского националистического подполья, участников Армии Крайовой — 3976 человек;

д) участников бандитских шаек и бандпособников — 5456 человек;

е) предателей, изменников Родины, немецких ставленников и пособников — 543 человека;

ж) разного антисоветского элемента — 992 человека»⁶⁶.

Итак, НКВД — НКГБ в Литве за 1944 г. было арестовано порядка 12,5 тыс. человек, 10% из которых были те, кто сотрудничал с оккупантами. Столь низкая доля коллаборационистов среди арестованных в Литве требует объяснения. Как говорилось выше, в Латвии и Эстонии их было 70% и 60% от общего числа арестованных. Трудно представить, что в Литве сотрудничавших с нацистами было настолько меньше или что органы НКВД — НКГБ республики практически полностью отказались от их преследования в отдельно взятой республике. Относительно малый процент коллаборационистов среди арестованных объясняется тем, что после прихода советских войск значительная часть литовских коллаборационистов ушла в леса. Спецслужбы докладывали: «Во всех освобожденных уездах местная администрация, состоявшая исключительно из литовцев, сбежала. Полицию и карательные органы немцы оставляли на месте, организовывая из них отряды самообороны, и предлагали им защищать свой город. После того, как Красная Армия входила в город, эти отряды скрывались в лесах»⁶⁷. В случае ареста эти люди проходили по статистике органов НКВД — НКГБ уже не как немецкие пособники, а как участники бандформирований.

Уже к осени 1944 г. стало очевидно, что ситуация на западных границах СССР складывается не так, как предусматривал стандартный сценарий. Сопrotивление восстановлению советских порядков там оказалось более серьезным и активным, чем можно было ожидать от «остатков» немецких частей, полицаяв и «агентов». Л. Берия 12 октября 1944 г. издал приказ «об очистке территории Литвы от антисоветского подполья и его вооруженных банд, созданных и оставленных германской разведкой». Справиться с проблемой, т. е. ликвидировать антисоветское подполье в Литве, предпо-

лагалось уже в 1945 г. Как оказалось, нарком делал слишком оптимистичные прогнозы⁶⁸.

На территории Прибалтики, особенно в Литве, разворачивалась масштабная партизанская война. Уже 1 декабря 1944 г. в НКВД СССР на базе существовавшего ранее отдела⁶⁹ было создано Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ). Начальником ГУББ НКВД СССР стал комиссар госбезопасности 3-го ранга А. Леонтьев. Задача ликвидации вооруженного сопротивления в западных регионах СССР была обозначена как одно из основных направлений деятельности ГУББ. Тогда же, в декабре 1944 г., появляется еще одна специальная структура — штаб для оперативного руководства войсковыми операциями по подавлению повстанческого движения в Прибалтике во главе с начальником внутренних войск НКВД Прибалтийского военного округа генерал-майором А. Головкин.

На территорию Литвы для борьбы с бандитами была брошена 4-я стрелковая дивизия — одно из наиболее боеспособных подразделений войск НКВД — ранее базировавшаяся на Северном Кавказе. Командовал дивизией генерал-майор П. Ветров, известный своим участием в операциях по выселению чеченцев, ингушей и крымских татар⁷⁰. В Латвии также действовала 5-я, а в Эстонии 63-я стрелковые дивизии⁷¹.

Главной тактикой этих соединений стало проведение чекистско-войсковых операций: прочесывание леса, организация облав и блокад мест дислокации отрядов сопротивления. С июля по ноябрь 1944 г. в результате этих мероприятий потери среди «лесных братьев» и других участников антисоветского сопротивления — «шпионов», «диверсантов», «пособников» — составили: в Литве 1826 человек убитыми, в Латвии — 37, в Эстонии — 14 человек. За тот же период было арестовано в Литве 5429 человек, в Латвии — 992, в Эстонии — 1378 человек. Во время этих операций другая, «чекистско-войсковая», сторона потеряла убитыми в Литве — 93, в Латвии — 24, в Эстонии — 5 человек⁷².

Формирование истребительных батальонов началось по распоряжению Л. Берии сначала в Литве, потом эта практика была распространена на Латвию и Эстонию. Контролировать регион с рассредоточенным по хуторам населением только силами НКВД было невозможно. Истребительные батальоны

должны были участвовать в совместных с войсковыми частями акциях против «лесных братьев», а также заниматься охраной хозяйственных объектов и советских учреждений. «Оперативно-служебная деятельность» бойцов истребительных батальонов заключалась в следующем: «организация засад, секретов, патрулирование населенных пунктов, высылка разведывательно-поисковых групп, производство облав и прочесок вероятных мест укрытия бандгрупп, охрана КПЗ и других объектов»⁷³.

Истребительные батальоны рекрутировались из местного населения. Первоначально планировалось, что истребители, или «истребки», как вскоре стали их называть, будут осуществлять свою деятельность «на общественных началах» и «без отрыва от производства». Это означало, что крестьянина (а в составе батальонов были преимущественно крестьяне) в любой момент могли оторвать от хозяйственных работ и послать на «операцию». Кроме того, истребители на первых порах не освобождались от призыва в армию. В этих условиях кампания по формированию истребительных батальонов большого успеха не имела, даже невзирая на соблазн законно получить в руки оружие. Ситуация изменилась после того, как в декабре 1944 г. военный комиссар Литвы издал распоряжение об освобождении бойцов истребительных батальонов от призыва в Красную Армию⁷⁴.

До конца 1944 г. в Литве удалось сформировать 15 истребительных батальонов общей численностью 2442 человека, на 1 апреля 1945 г. число батальонов достигло 22, а численность бойцов возросла более чем втрое и достигла 11 013 человек⁷⁵.

Истребительные батальоны создавали по территориальному принципу: ядро находилось в уездном центре, а основной действующей единицей был взвод при волостном отделении НКВД. Первоначально он состоял из 10—12 человек, потом его численность была доведена до 30—50 человек. На вооружении истребительных батальонов находились автоматы и винтовки, выданные НКВД, а также трофейное оружие — немецкое и добытое у «лесных братьев». В начале 1945 г. две трети бойцов жили на казарменном положении. Однако с наступлением сезона полевых работ казарменное положение ограничили только ночным временем, а днем истребители могли заниматься хозяйственными делами — ЦК КП(б) Лит-

вы, озабоченный возможностью срыва посевной кампании, принял специальное решение по этому вопросу⁷⁶.

По положению об истребительных батальонах их командирами являлись начальники уездных отделов НКВД. Однако те смотрели на «добровольных помощников» со скепсисом, больше рассчитывая на подразделения регулярной армии. Военным обучением истребителей первоначально почти не занимались. Положение начало меняться лишь после того, как на этот счет поступило специальное указание начальника ГУББ А. Леонтьева. Была разработана программа обучения, выделены офицеры и сержанты для проведения занятий. Однако военная подготовка бойцов истребительных батальонов по-прежнему оставалась слабой. Одним из существенных препятствий на этом пути стала языковая проблема: проводившие занятия офицеры не знали литовского языка, а литовские крестьяне плохо понимали по-русски.

В отличие от истребительных батальонов «группы содействия» создавались главным образом с целью получения информации о передвижении и местах дислокации повстанцев. Социальной базой для таких групп должен был стать сельский актив. Оружия активистам не полагалось. По понятным причинам отдача от «групп содействия» была невелика. Не желая обострять отношений с властью, люди часто соглашались на сотрудничество, но это «содействие» носило больше формальный характер. Тот же, кто шел на сотрудничество с властью в открытую, становился объектом мести «лесных братьев». К апрелю 1945 г. всего по Литве было организовано 298 «групп содействия» с общей численностью 2890 человек⁷⁷.

Весной 1945 г. повстанческое движение в Прибалтике изменило тактику: большие отряды разделились на мелкие и мобильные группы, возросла активность «лесных братьев». Нередко под контролем у них оказывались целые районы. Окончание войны рассматривалось повстанцами, как начало освобождения Прибалтики от советского присутствия при помощи Запада. Главным методом партизанской борьбы стал террор против советских активистов, крестьян-новоселов, нападение на советские учреждения, организация пропагандистских акций, бойкотирование важных государственных кампаний — выборов, подписки на заем, хлебозаготовок и т. д.

24 мая 1945 г. было создано Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. На заседании обсуждался один вопрос — «Об активизации бур-

жуазно-националистических банд и мерах усиления борьбы с ними». Оценив обстановку в республике, Бюро постановило: «Считать важнейшей и первоочередной задачей партийных, комсомольских и советских организаций, органов НКВД и НКГБ дальнейшее усиление борьбы с литовскими и польскими буржуазными националистами, быстрее разоблачение и ликвидацию буржуазно-националистического подполья и полный разгром кулацко-националистических банд»⁷⁸. Характерно, что в документе не упоминается о «немецком следе», т. е. повстанцы уже не рассматриваются исключительно как агенты германской разведки.

Летом в 1945 г. в Москву начала поступать информация об активизации повстанческих сил. В документах они именовались «националистическим подпольем» и «буржуазно-националистическими бандами». Союзное руководство стало реалистичнее оценивать происходящее. Теперь повстанческое движение осознавалось как дестабилизирующий фактор, ставивший под вопрос само существование советской власти, особенно в стратегически важном — пограничном и приморском — регионе. В этих условиях Центр ужесточил политику в Прибалтике — начался второй этап противостояния.

В 1945 г. по просьбе правительства Литвы паспортная система была распространена на сельских жителей этой республики: крестьяне тогда получили временные паспорта в соответствии со специальным распоряжением СНК СССР от 4 октября 1945 г. В феврале 1946 г. с просьбой о введении паспортов на всех граждан республики в союзное правительство обратились власти Латвии. Руководство Эстонии просило распространить паспортную систему на всех граждан Эстонии старше 16 лет. В записке, адресованной заместителю председателя союзного правительства В. Молотову, просьбу свою они мотивировали следующим образом: «В прошлом все взрослое население Эстонии имело паспорта, которые являлись основным документом, удостоверяющим личность граждан... Поэтому граждане Эстонии привыкли к паспортной системе и ощущают в этом крайнюю необходимость, нередко выдвигая этот вопрос перед советскими и партийными органами республики»⁷⁹. (Паспортизация жителей балтийских республик была «особым случаем» в советской практике 1940-х гг.: сельскому населению России, а также других регионов страны пришлось ждать этого события еще почти 30 лет.) Главной причиной

этого решения стал размах повстанческого движения в республике: паспортизация сельского населения стала еще одной мерой, направленной на выявление «антисоветского элемента» и обеспечение большей подконтрольности территории.

3.3. Зона беспокойства

«Борьба с бандитизмом» стала задачей номер один для руководства всех трех прибалтийских республик: складывавшуюся ситуацию активно обсуждали, о ней все чаще упоминали в отчетах и докладных записках. Республиканские власти осознали, что вопрос «кто — кого» имеет к ним непосредственное отношение и решить его только силами армии и НКВД вряд ли удастся.

Ситуация в республиках складывалась по-разному. И хотя тенденции развития повстанческого движения в Прибалтике в целом были похожими, масштаб этого явления, накал борьбы и острота противостояния отличались самым существенным образом. В лидерах оказалась Литва. Согласно данным ГУББ НКВД СССР, только за принадлежность к подполью и прочие виды антисоветской деятельности, в том числе и пособничество, в Литве было убиты, арестованы и выявлены без карательных последствий для них 40 541 человек, в Латвии эта цифра была почти в 5,7 раза меньше (7016), в Эстонии — в 7 раз меньше (5671 человек). Даже если принять во внимание размер территории и численность населения республик, все равно различия будут значительными⁶⁰.

О степени активности повстанцев можно судить и на основании других статистических данных. Так, в Эстонии, например, за пять месяцев 1945 г. — с апреля по август — было зарегистрировано 201 «бандитское проявление», при этом пик пришелся на май и июнь (соответственно 65 и 48). В тот же самый период в Литве фиксируется по 10 бандпроявлений в день. Всего же за первое полугодие 1945 г. в республике было зарегистрировано 1872 «бандпроявления», а во втором полугодии 1945 г. — 1482. При этом речь шла только об учтенных случаях, тогда как на самом деле таковых было больше, что признавали и сами составители итоговых справок⁶¹.

Выход из положения по-прежнему виделся в наращивании силовой, репрессивной компоненты. Бюро ЦК ВКП(б) по

Литве обратился к Л. Берия со следующей просьбой: 1) усилить кадровый состав НКВД республики за счет направления в Литву работников из других регионов страны; 2) усилить войска НКВД, находящиеся на территории республики (в ноябре 1944 г. в Литве находилось 17 полков войск НКВД и пограничных отрядов, весной же 1945 г. осталось только 7 полков, а армейские части вообще покинули территорию республики); 3) разрешить вывести за пределы Литвы из каждого уезда по 50—60 семей «главарей банд и наиболее злостных бандитов». В дополнение предлагалось еще одно новшество — организация открытых показательных процессов над повстанцами, «изобличенными в зверствах над населением». Процессы должны были проводиться на литовском языке⁸².

В Эстонии в 1945—1946 гг. органами НКВД — МВД (в этот период наркомат внутренних дел переименовывается в министерство) по антисоветским обвинениям было арестовано 3445 и 571 человек соответственно. Кроме того, в 1945 г. было арестовано 286 человек уголовного и «прочего преступного элемента», а в 1946 г. — 314 человек. Таким образом, общее число арестованных органами НКВД — МВД ЭССР в 1945 г. составило 3731, а в 1946 г. — 887 человек. Из этого числа в 1945 г. — 1476 «немецких ставленников и пособников». В 1946 г. по этой категории было арестовано всего 30 человек, причем в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент»⁸³.

В Латвии картина репрессий против коллаборационистов по линии НКВД — МВД имела тот же характер. В 1945—1946 гг. по антисоветским обвинениям в республике было арестовано 3275 и 1776 человек соответственно. В 1945 г. еще — 594 человека уголовного и «прочего преступного элемента», а в 1946 — 420. Таким образом, общее число арестованных НКВД — МВД Латвийской ССР в 1945 г. составило 3869, а в 1946 г. — 2196 человек. Из этого числа в 1945 г. было арестовано 1055 нацистских ставленников и пособников (около 27% от общего числа). В 1946 г. по этой категории было арестовано 243 человека (около 11% от общего числа). Как и в случае с Эстонией, в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент»⁸⁴.

Репрессивная деятельность органов НКВД — МВД Литовской ССР была несравненно более масштабна, чем деятельность их коллег в Латвии и Эстонии. В 1945 г. по антисовет-

ским обвинениям НКВД Литвы было арестовано 19 183 человека — вдвое больше, чем в остальных балтийских республиках вместе взятых. В 1946 г. число арестованных в республике по антисоветским статьям серьезно снизилось и составило 5322 человек. Кроме того, в 1945 г. в Литве было арестовано 6312 человек уголовного и «прочего преступного элемента», а в 1946 — 799. Таким образом, общее число арестованных НКВД — МВД Литовской ССР составило в 1945 г. 25 495 человек, а в 1946 г. — 6121. Из этого числа в 1945 г. — 3313 немецких ставленников и пособников. В 1946 г. число арестованных по этой категории составило 938 человек. Как и в остальных прибалтийских республиках, в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент»⁸⁵.

1945 и 1946 г. стали периодом наиболее жесткого противостояния между повстанцами и советскими силовиками, когда жестокость обеих противоборствующих сторон достигла своего предела. Широко применялись карательные методы и тактика запугивания населения. Со стороны властей это были высылки, аресты, показательные процессы над «лесными братьями» и крестьянами, обвиненными в пособничестве. Приговоры печатали в газетах. Практиковались и такие акции, как демонстрация трупов повстанцев в публичных местах — под предлогом их идентификации, на опознание приводились родственники, включая детей⁸⁶.

В 1945 г. в Литве было убито 9672 партизана. За тот же период войска НКВД, милиция, бойцы истребительных отрядов потеряли 214 человек. Потери среди советско-партийного актива составили 575 человек⁸⁷.

В 1946 г. в Литве, Латвии и Эстонии вместе было выявлено и обезврежено 117 антисоветских групп, 88 из них — в Литве⁸⁸.

В 1945 г. Военный трибунал войск НКВД Литвы осудил по 58-й статье, главным образом за бандитизм и измену родине, 8675 человек, из них 468 человек были приговорены к высшей мере наказания. Председатель литовского Бюро ЦК М. Суслов посчитал такую практику излишне либеральной. Он писал в Москву Г. Маленкову: «Учитывая обостренную политическую обстановку в республике, эту карательную политику Военного трибунала войск НКВД отнюдь нельзя считать жесткой. Скорее наоборот»⁸⁹. Особое недовольство Суслова

вызвал тот факт, что Военная коллегия Верховного суда СССР утвердила только 47% смертных приговоров, заменив остальным наказанием различными сроками лишения свободы. «Наша карательная политика вызывает недоумение... и требует исправления»⁹⁰, — считал Суслов.

Ужесточение репрессий вызывало ответную реакцию со стороны повстанцев. «Лесные братья» использовали свои методы устрашения населения, предупреждая о возможных карах для каждого, кто будет сотрудничать с властью. Местное население хорошо знало, что эти предупреждения не были простой угрозой⁹¹. Под «сотрудничеством с властью» подразумевалось участие в хлебозаготовках, подписка на государственный заем, голосование на выборах, т. е. — все проявления социальной активности.

Власть готова была пойти на компромисс, но лишь с теми, кто был согласен отказаться от борьбы и сложить оружие. Этой цели служили кампании по легализации (амнистии) «лесных братьев», которые устраивались несколько раз. Разрешение на проведение очередной легализации давала Москва. Кампания по легализации начиналась с обращения республиканских властей «к народу». В нем указывалась определенная дата и объявлялось, что «участники банд, добровольно явившиеся с повинной в органы власти, сдавшие оружие и порвавшие всякую связь с бандитами, будут прощены»⁹². В Литве первое такое обращение было издано 9 февраля 1945 г. Кроме массовых, общереспубликанских кампаний проводились местные акции по легализации «лесных братьев» и «уклонистов». Кампании эти в целом имели успех, после чего ряды «лесного братства» заметно редели. «Уклонисты» среди явившихся с повинной составляли подавляющее большинство — до 85%⁹³. В 1945 г. в Литве таким образом легализовалось 6264 человека, в Латвии — 2632, в Эстонии — 1623. В следующем году поток желающих покинуть леса в Латвии и Эстонии был еще более интенсивным (2055 и 1262 человека соответственно). В Литве же таких добровольцев в 1946 г. оказалось почти в 10 раз меньше, чем в 1945 г. — всего 656 человек⁹⁴.

Помимо легализации было сделано и еще одно послабление. Согласно постановлениям ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г., репатриированные коллаборацио-

нисты-прибалты, подобно репатриированным коллаборационистам прочих национальностей, должны быть направлены на шестилетнее спецпоселение⁹⁵. Однако для Прибалтики этот принцип был изменен. 3 марта 1946 г. была издана директива наркома внутренних дел СССР:

«1. Всех латышей, эстонцев и литовцев, находящихся в проверочно-фильтрационных лагерях НКВД СССР, которые после проверки окажутся полностью реабилитированными и подлежат освобождению из лагерей, — отправлять к месту жительства их семей, соответственно в Латвийскую ССР, Литовскую ССР и Эстонскую ССР.

2. Не подлежат отправлению на родину:

а) работающие в лагерях, обслуживающих предприятия, по которым имеются специальные правительственные решения о передаче проверенного контингента в данную отрасль промышленности;

б) подлежащие в соответствии с правительственными решениями направлению в районы расселения»⁹⁶.

Инициатива об амнистии для репатриированных коллаборационистов исходила от руководства Латвийской ССР. В марте 1946 г. Я. Калнберзиньш и В. Лацис направили В. Молотову докладную записку с просьбой отменить высылку латышских легионеров в отдаленные районы страны и оставить их в республике. Свою просьбу руководство Латвии мотивировало следующим образом: большинство бывших легионеров были не добровольцами, а мобилизованными; в случае их высылки их семьи оставались без кормильцев; репрессии в отношении легионеров отрицательно влияют на настроение местного населения; высказывались опасения дефицита рабочих рук.

Инициатива получила поддержку со стороны МВД СССР. Министр внутренних дел С. Круглов предложил разрешить всем латышам непризывного возраста вернуться к месту жительства, а латышей призывного возраста направить на строительство и в промышленность на территории республики. Более того: глава МВД также считал необходимым распространить это правило на жителей Эстонии и Литвы.

Репатриированные литовцы, латыши и эстонцы, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, были освобождены от отправки на шестилетнее спецпоселение и

из проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых лагерей подлежали возвращению в Прибалтику.

Из директивы МВД СССР от 19.04.46 г. № 00336:

«1. Министрам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам Управлений Министерства внутренних дел краев и областей немедленно учесть во всех лагерях МВД, спецпоселениях и рабочих батальонах репатриированных советских граждан из числа латышей, эстонцев и литовцев, являющихся постоянными жителями Латвийской, Эстонской и Литовской ССР, составив на всех этих лиц подробные именные списки, раздельно на жителей Латвийской, Эстонской и Литовской ССР.

2. Лиц призывных возрастов указанных национальностей, служивших в немецких строевых формированиях, демобилизация сверстников которых из Красной Армии не производилась, направить организованным путем в промышленность и на строительство в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР, с закреплением их на этих работах до конца демобилизации их сверстников из Красной Армии.

<...>

3. Все репатриированные латыши, эстонцы и литовцы, не служившие в немецких строевых формированиях, находящиеся к моменту издания настоящего приказа в проверочно-фильтрационных лагерях, лагерях ГУПВИ и рабочих и прошедшие проверку, подлежат направлению на родину к месту жительства семьи.

4. Направляемым на родину выдавать на руки справки с указанием, что они следуют к месту своего постоянного жительства в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР, проездные документы и продовольствие на путь следования или рейсовые карточки.

<...>

5. Проверку репатриантов — латышей, эстонцев, литовцев... закончить до отправки их в Прибалтику и не позднее 1 августа 1946 г.

<...>

8. Органам милиции беспрепятственно выдавать пропуска на выезд к месту постоянного жительства в Латвию, Эстонию и Литву репатриантам, освобождаемым от работы в промышленности и строительства, следуемым к постоянному месту жительства их семей»⁹⁷.

В марте 1946 г. в проверочно-фильтрационных лагерях насчитывалось 41 351 гражданин Прибалтики, в том числе 28 442 латыша, 5967 эстонцев и 6942 литовца⁹⁸.

В середине июня 1946 г. органы МВД приступили непосредственно к освобождению репатриированных. Замминистра внутренних дел В. Чернышов подписал директиву № 153:

«1. Объявить всему контингенту репатриантов латышской, эстонской и литовской национальностей — постоянным жителям Прибалтийских республик, что они в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, в течение 1946 г. будут из лагерей и спецпоселений освобождены и направлены:

а) к месту жительства их семей — лица непризывных возрастов, сверстники которых демобилизованы из Красной Армии (рождения до 1921 года включительно);

б) на работы в промышленность и на стройки, соответственно в Латвию, Литву и Эстонию, все лица призывных возрастов, сверстники которых продолжают оставаться на службе в Красной Армии (рождения 1922—1927 годов включительно).

2. Всех лиц по мере окончания проверки, но не позднее 1 августа 1946 года оформить освобождением из лагеря, в соответствии с п. 2 приказа МВД СССР № 00336—1946 года и перевести на положение вольнонаемных...

3. С получением настоящей директивы в проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых лагерях охрану с прибалтийцев, подлежащих отправлению на родину, снять»⁹⁹.

Отправка освобожденных на родину должна была быть завершена в сжатые сроки: к декабрю 1946 г. Однако исполнению этих планов помешала характерная для советской системы бюрократическая несогласованность. Органы МВД уже начали освобождать репатриантов призывного возраста, но куда их конкретно отправлять, было до сих пор неизвестно: запросов на рабочую силу из прибалтийских республик не было. Первый пришел от МВД Литвы: «По согласованию с Госпланом и Госстройтрестом при Совете Министров Литовской ССР, лица призывного возраста — литовцы, сверстники которых находятся в Красной Армии, будут использованы на работах на заводе «ДРОБИС» в гор. Каунас, жел. дор. станция Каунас, куда и следует направлять их из лагеря»¹⁰⁰. Поскольку число освобождаемых литовцев призывного возраста было примерно 2,2 тыс. человек, предложение исполь-

зовать всех их на одном заводе выглядело как отписка — понимая, с каким контингентом придется иметь дело, партийно-государственная верхушка республики не хотела брать на себя ответственность за последствия, но и уклониться от директивы вышестоящей союзной инстанции не могла. МВД Латвии согласовывало планы использования освобождаемых репатриантов почти месяц. Учитывая, что именно латвийское руководство было инициатором освобождения, эта заминка выглядела странно. Однако в итоге в МВД СССР был передан подробный запрос:

«С согласованием Госплана требуются репатрианты — латыши в нижеследующие Министерства:

1. Министерство местной промышленности ЛССР — 6400 человек, из них: г. Рига — 5400 (Министерство местной промышленности), г. Лиепая — 700 (завод «Красный Металлург»), 300 (завод «Металлс»).

2. Министерство легкой промышленности ЛССР — 2000 человек, из них г. Рига — 2000 (Министерство легкой промышленности).

3. Министерство промстройматериалов ЛССР — 2500 человек, из них: г. Рига — 1000 (Министерство промстройматериалов), г. Даугавпилс — 100 (Калкунский кирпичный завод), г. Елгава — 300 (Калнциемский кирпичный завод), г. Цесис — 400 (Известковый и кирпичный завод), ст. Саддус — 700 (Бреценский цементный завод).

4. Министерство жилищно-гражданского строительства ЛССР — 2300 человек, из них г. Рига — 1400 (Министерство жилищно-гражданского строительства), г. Цесис — 150 (СМУ №7), г. Валмиера — 200 (СМУ №7), г. Елгава — 200 (СМУ №3), г. Даугавпилс — 200 (СМУ №5), г. Резекне — 150 (СМУ №6).

5. Управление целлюлозно-бумажной промышленности ЛССР — 800 человек, из них г. Слока — 300 (Слокский бумажный комбинат), г. Югла — 300 (Бумфабрика «Югла»), г. Лигатне — 200 (Бумажная фабрика «Лигатне»).

6. Латэнерго — 500 человек.

7. Рижский электро-механический завод — 500 человек.

Итого — 15 000 человек»¹⁰¹.

Запрос был сделан без учета данных о количестве освобождаемых репатриантов призывного возраста. На самом деле латышей среди таковых насчитывалось не 15 тыс., а лишь около 9000¹⁰². В конце августа в МВД СССР пришел

запрос от зампреда Совета министров ЭССР: «Прошу Ваших указаний Управлению Беломорстроя, [а] также прочим Управлениям, передающим спецконтингент в распоряжение Государственной Плановой Комиссии Эстонской ССР, направлять таковой на ст. Пылкюла Харьюмаского уезда Эстонской ССР, где последний распределяется между министерствами ЭССР, согласно плану республиканского Бюро распределения и учета рабочей силы»¹⁰³.

В начале октября 1946 г. в МВД СССР подвели первые итоги операции по освобождению репатриированных коллаборационистов-прибалтов. Всего таковых было выявлено 44 169 человек, из них эстонцев 6507, латышей — 30 824 и литовцев — 6838. Из них к 20 сентября было освобождено и направлено в Прибалтику 9069 человек, в том числе в Эстонию — 621, в Латвию — 7396 и в Литву — 1052. Чтобы успеть уложиться в указанные приказом №00336 сроки, отправку репатриированных прибалтов на родину следовало резко ускорить. За оставшиеся три месяца нужно было вернуть более 35 тыс. человек. Несмотря на усилия органов МВД, этот процесс проходил медленно. Спустя месяц с небольшим в отчете МВД СССР говорилось, что по состоянию на 1 ноября в Прибалтику было направлено в общей сложности 14 969 репатриантов (в том числе в промышленность — 5611 и к месту жительства — 9358 человек). Не отправленными на родину оставалось около 28 тыс. человек¹⁰⁴.

Справка, подписанная зам. начальника ГУББ МВД СССР от 27 марта 1947 г.: «Органами МВД-УМВД выявлено на территории Советского Союза репатриированных советских граждан прибалтийских национальностей — 41 572 человека. Из них латышей — 28 712 чел., эстонцев — 6819 чел., литовцев — 6041 чел»¹⁰⁵. Возвращение литовцев, латышей и эстонцев на родину было завершено только к середине 1947 г.

12 июня 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление, которое с некоторыми оговорками распространяло действие постановления от 13 апреля 1946 г. на лиц других национальностей — кроме немцев, — являвшихся уроженцами и постоянными жителями Литвы, Латвии и Эстонии.

Победное окончание войны не означало для Советского Союза наступления мира внутри страны. Вооруженное сопротивление на территориях, включенных в состав СССР в 1940 г., стало в послевоенные годы одной из главных внутривнутриполитических проблем. Несомненно, масштабы движения и жесто-

кость повстанцев (часть которых была откровенно бандитами, не имевшими ничего общего с освободительным движением) стали для кремлевских властей большим и неприятным сюрпризом: такой «войны после войны» не ожидали¹⁰⁶. Успех строительства и укрепления советской власти в большой степени зависел от того, насколько эффективно властям удастся справиться с движением сопротивления. Решением этой задачи занимались республиканские народные комиссариаты внутренних дел и государственной безопасности (в 1946 г. переименованы в министерства)¹⁰⁷. Союзное руководство было заинтересовано в быстром подавлении вооруженного сопротивления, как по внутри, так и внешнеполитическим причинам. Без этого говорить о стабильности в регионе, об успешности его экономического возрождения было бессмысленно.

В течение 1944—1946 гг. органы госбезопасности ликвидировали основные силы «Союза литовских партизан» и «Армии свободы Литвы», в частности, два состава «верховных штабов», десятки окружных и уездных «командований» и отдельных бандформирований. В тот же период в результате проведения оперативных и войсковых операций силами МВД—МГБ все сколько-нибудь крупные подпольные организации, а также главные антисоветские повстанческие силы Латвии и Эстонии были фактически разгромлены, лидеры повстанческого движения были либо убиты, либо арестованы. «В настоящее время в Латвии крупных бандитских формирований нет. Действуют лишь мелкие разрозненные группы», — говорилось об итогах 1946 г. в докладной записке ГУББ МВД СССР, адресованной С. Круглову. «Все крупные бандитские формирования в основном ликвидированы», — сообщалось о положении дел в Эстонии¹⁰⁸.

Принципиально важным событием, имевшим резонанс не только в Прибалтике, но и во всем СССР, стал так называемый «Рижский процесс». С 26 января по 2 февраля 1946 г. перед судом Военного Трибунала Прибалтийского Военного округа (размещался в Риге) предстали семь руководителей «Остланда». Среди них Верховный руководитель СС и полиции на территории Прибалтики Ф. Еккельн, а также старшие офицеры вермахта и руководители СА А. Беккинг А. Мотетон, Ф. Вертер, Б. Павел, Г. Кюппель, З. Руфф, в чьих руках была сосредоточена вся полнота власти на территории Прибалтики с 1941 по 1944 г. Они обвинялись в злодеяниях, совершенных

на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Процесс был хорошо подготовлен в юридическом и фактологическом смысле — явление, достаточно нетривиальное для сталинской юстиции. К этому, очевидно, обязывал Нюрнбергский процесс, в фарватере которого проходил Рижский. Следователи тщательно изучили материалы рейхскомиссариата «Остланд» (полная коллекция которых осталась в Риге)¹⁰⁹. Об этой тщательности свидетельствуют, в частности, подробнейшие обзорные справки (подшитые к каждому тому) и массивы иных коллекций документов, касающихся территории «Остланд». Все они вкуче со свидетельскими показаниями и сведениями Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) привлечены к доказательной базе «Рижского процесса»¹¹⁰. Все обвиняемые были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в Риге 3 февраля 1946 г.* Увы, уникальная по полноте коллекция документов рейхскомиссарита «Остланд», не вывезенная нацистами в 1944 г. и оставшаяся в Риге, в советское время была практически недоступна исследователям, а материалы «Рижского процесса» были опубликованы лишь фрагментарно в 1946 г.¹¹¹. К сожалению, сегодня в государствах Балтии эти документы, дающие полную картину происходившего в «Остланде» в 1941—1944 г. и однозначно дезавуирующие любые изыскания о «мягкости нацистской оккупации» и о «борьбе за независимость» Прибалтики под нацистским флагом и в униформе СС, находятся как бы вне политического дискурса. В постсоветское время «Рижскому процессу» была посвящена монография «Эшафот»¹¹². Это произведение состоит из художественного (по жанру, но не по качеству) вымысла автора, «для достоверности» обильно «приправленного» вырванными из контекста цитатами (нередко фрагментированными практически до неузнаваемости, что становится очевидным при сравнении с оригиналом) из подлинных материалов «Рижского процесса», к уникальным материалам которого из Центрального архива ФСБ России автор получил (как сам же утверждает в предисловии) доступ, и других документов. Автор книги, сме-

---

* Рейхсминистр восточных территорий А. Розенберг был повешен в числе других главных военных преступников 16 октября 1946 г. по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

ло игнорирующий историческую реальность, достаточно самокритичен в оценках погружения в сложнейшую историко-политическую тему, не переоценивая свои способности и признаваясь: «Рассказал то, что сам понял»¹¹³. Данный «рассказ» (с ярко выраженным националистическим оттенком, который по достоинству могли бы оценить нацистские руководители «Остланда»), проникнутый горячим сочувствием к осужденным нацистским преступникам и поразительным неуважением к судьбам их жертв, выдержал в Латвии уже несколько изданий на латышском и русском языках и распространяется в школах — как вспомогательная литература по истории. В 1946 г. процесс над руководителями «Остланда» и их публичная казнь должны были поставить точку в «коричневом прошлом» Прибалтики. Однако, увы, проблема оказалась загнанной внутрь на многие десятилетия и сегодня вновь всплывает на местном политическом ландшафте.

Освобождение Прибалтики от нацистской оккупации означало немедленное восстановление разрушенного войной народного хозяйства. И задача эта выполнялась неимоверными усилиями, колоссальными вложениями в экономику региона (нередко — в ущерб другим республикам), командными методами стимулирования труда и, что невозможно отрицать, колоссальным неподдельным энтузиазмом как местного населения, так и командированных в Латвию, Литву и Эстонию квалифицированных специалистов и тысяч рабочих. Результаты были неоспоримыми — несмотря на перманентные обострения борьбы с «лесными братьями» Прибалтика в 1945—1946 гг. стала одним из самых экономически успешных регионов страны, переживших трехлетнюю оккупацию. Это вполне соответствовало «очередным задачам советской власти». Характерным и образцовым примером восстановления народного хозяйства Прибалтики является Латвия. Уже к концу 1945 г. в эксплуатацию был введен 91% железных дорог, работать начали порты в Риге и Лиепае. Были восстановлены электростанции в Елгаве и Слоке, в октябре 1945 г. начала работать первая очередь Кегумской ГЭС (старейшая гидроэлектростанция на р. Даугаве)¹¹⁴. В промышленности во второй половине 1945 г. работу возобновили свыше 200 заводов — в их числе такие гиганты, как Рижский государственный электротехнический завод ВЕФ (отступая, нацисты вывезли практически все его оборудование и продукцию, а здания взорвали), Рижский вагоностроительный завод,

лиепайский «Красный металлург». К 1946 г. в Латвии работало более трех тысяч промышленных предприятий. В декабре 1945 г. выпуск продукции промышленных предприятий Латвии достиг 47% от довоенного уровня (1940 г.)¹¹⁵. В Литве и Эстонии ситуация была приблизительно такой же. Прибалтийские республики отныне перестали быть «беспокойной» зоной.

* * *

Республики Прибалтики превратились в своеобразную, по советским меркам, зажиточную «витрину социализма». Они вошли в весьма ограниченное количество привилегированных регионов — получателей помощи из центра, помощи «общесоюзного значения». В развитие их промышленности, подъем жизненного уровня, благоустройство вкладывались наибольшие средства. Это произошло в результате стараний союзного руководства создать наилучшие, «западные» условия жизни в городах, укрепить их современным промышленным производством. Эстония, Латвия и Литва оказались в составе СССР наиболее передовыми в промышленном, сельскохозяйственном и культурном отношении. Многие жители Советского Союза приезжали туда из других частей страны, удивляясь благополучию, чистоте, порядку, покупали здесь дефицитные товары, отдыхали в летнее время как в санаториях и домах отдыха, так и снимая частное жилье. Постепенно сложилась широкая кооперация этих республик с другими областями и республиками СССР. Продукция Прибалтики — радиоприемники, телевизоры, молочные продукты, изделия легкой промышленности — нуждалась в рынках сбыта, и ее качество, нередко более высокое, чем у подобных товаров из других регионов страны, полностью удовлетворяло советских людей. В свою очередь, Прибалтика нуждалась в машинах, оборудовании и многих товарах из других частей СССР, и эти нужды удовлетворялись. Освоение Литвы, Латвии и Эстонии, прерванное войной, принесшее республикам быстрое и успешное восстановление и интенсивное экономическое развитие, надолго приглушило действие «центробежных сил». Партийно-правительственная да и интеллектуальная элита, которым уже было что терять и в материальном, и в духовном смысле, были как бы замиренены. Надолго, но как выяснилось почти полвека спустя, отнюдь не навсегда.

Созданию «западного» имиджа Прибалтики в массовом сознании уже с 1940-х гг. способствовал кинематограф —

многие художественные фильмы «про них» снимались в Риге, Таллине и Вильнюсе. Центр прагматично и дальновидно стремился сформировать в Прибалтике новую не только политическую, но и культурную элиту — уже с послевоенного времени отчетливо просматривается тенденция: жителей этих республик делегируют на обучение в самые разные вузы России — от инженерно-технических до художественных. (Получившие отличное образование в РСФСР специалисты и ныне котируются в Балтии, порой занимая там и высшие государственные — вплоть до президентских — посты.) Эта задача, осознанная центральным руководством уже в первые послевоенные годы, впоследствии также была решена вполне успешно. Литва, Латвия и Эстония стали «западной витриной» СССР, «социалистическим раем». И с этой ролью они успешно справлялись до конца 1980-х гг.

---

¹ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: в 6 т. / МИД СССР. — М.: Политиздат, 1984. — Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.); Ялта-45. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. — М.: Вече, 2010.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов: в 6 т. / МИД СССР. — М.: Политиздат, 1984. — Том VI. Берлинская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.).

³ Кузнец Ю. Перед странами Балтии мы не в долгу. // Красная звезда. — 2005. — 02 июля. — URL: http://www.redstar.ru/2005/07/02_07/5_01.html

⁴ Feest D. Neo-korenizacija in den baltischen Sowjetrepubliken? // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 2006. — Nr. 3. — S. 272.

⁵ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940—1953. — М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. — 2008. — С. 291.

⁶ Tannberg T. Moskva nomenklatuursed ja institutsionaalsed kontrollimehanismid Eesti NSVs sõjajärgsetel aastatel. Eesti NSVaastatel 1940—1953: sovetiseerimise mehhanismid ja tagajärjed Nõukogude Liidu ja Ida-Euroopa arengute kontekstis // Eesti Ajalooarhiivi toimetised 15 (22) / T. Tannberg (koost.). — Tartu, 2007. — Lk. 225—272.

⁷ Посетители Кремлевского кабинета Сталина // Исторический архив. — 1996. — № 5—6. — С. 43.

⁸ Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944—1956). Исследования и документы — М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», — 2010. — С. 14.

⁹ Стенограмма пленума ЦК ВКП(б), 27.01.1944 // Исторический архив. — 1992. — № 1. — С. 61—65.

¹⁰ Таннберг Т. Указ. соч. С. 11—12.

¹¹ Там же. С. 12—13.

¹² Там же. С. 19.

¹³ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко [и др.]; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова [и др.] — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 23. — (Документы советской истории).

¹⁴ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 141.

¹⁵ Swain G. Cleaning up Soviet Latvia. The Bureau for Latvia (Latbu), 1944—1947 // The Sovietization of the Baltic States, 1940—1956. — Tartu, 2003. — Lk. 65.

¹⁶ Таннберг Т. Указ. соч. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 26—27.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ Там же.

²¹ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. — 1996. — № 2 — С. 55—86, № 3 — С. 82—112, № 4 — С. 65—93, № 5 — С. 77—106, № 7 — С. 70—87, № 9 — С. 47—77; См. также: Brandenberger D. National Bolshevism // Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. — Cambridge, 2002. — P. 128—132.

²² Таннберг Т. Указ. соч. С. 13.

²³ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 142.

²⁴ На чаше весов: Эстония и Советский Союз, 1940 год и его последствия / сост. и ред.: П. Варес, О. Журьяри. — Таллинн: Евруниверситет, 1999. — С. 430.

²⁵ Таннберг Т. Указ. соч. С. 196—197.

²⁶ Там же. С. 197—198.

²⁷ Там же. С. 206.

²⁸ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 168—169.

²⁹ Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt — zur Kommandowirtschaft. — Hamburg, 2006. — S. 131.

³⁰ Таннберг Т. Указ. соч. С. 206.

³¹ Там же. С. 200—201.

³² Там же. С. 216.

³³ Там же. С. 217.

³⁴ Там же. С. 218.

³⁵ Там же. С. 219.

³⁶ Каспяравичус А. Литовцы и Красная армия в 1944—1945 гг. Мобилизация и участие в войне // Вторая Мировая война и страны Балтии 1939—1945: материалы Международной научной конференции (Рига, 14—15 декабря 2006 г.). — Рига, 2008. — С. 86.

³⁷ Там же. С. 90.

³⁸ Там же. С. 91.

³⁹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 158.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Бордонайте М. Товарищ Матас. Воспоминания об Антанасе Снечкусе. — Вильнюс.: Минтис, 1986. — С. 148.

⁴² Спецсообщение Л. Берии И. Сталину, В. Молотову, Г. Маленкову об операции по разоружению солдат и офицеров польской Армии Крайовой. 03.08.44. // Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: документы. — URL: <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58911> (дата обращения: 20.08.2011)

⁴³ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 159—160.

⁴⁴ Там же. С. 196.

⁴⁵ Бурдс Дж. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944—1953 гг. // Социальная история: ежегодник-2000. — М., 2000. — С. 169—190.

⁴⁶ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 197—198.

⁴⁷ Gaškaite-Žemaitienė N. The Partisan War In Lithuania from 1944 to 1953 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. — Vilnius, 1999. — P. 41.

⁴⁸ Ibid. P. 35.

⁴⁹ Misiunas R. J., Taagapera R. The Baltic States. Years of Dependence. 1940—1991. — University of California Press, 1993. — P. 84—85.

⁵⁰ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 201.

⁵¹ Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. — Vilnius, 1999. — P. 211.

⁵² Ibid. P. 223.

⁵³ Ibid. P. 225.

⁵⁴ Misiunas R. J., Taagapera R. Op. cit. P. 84.; Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikimas, 1940—1958. — Vilnius, 1996. — P. 168; Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. — Vilnius, 1999. — P. 150; Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956. — P. 217.

⁵⁵ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 225—226.

⁵⁶ Особое донесение уполномоченного НКГБ и НКВД Бюро ЦК ВКП(б) Литвы И. Ткаченко Л. Берии, 19.06.1945 // Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: документы. / Междунар. фонд «Демократия». — М.: Материк, 2006. — С.528—532. — («Россия. XX век. Документы»).

⁵⁷ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 207—208.

⁵⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов: в 8 т. — М.: 2000. — Т. 2. Начало. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). — С. 220—223.

⁵⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов: в 8 т. — М.: «Кучково поле», 2007. — Т.5. Кн. 2. «Границы СССР восстановлены» (1 июля — 31 декабря 1944 г.). — С. 589.

⁶⁰ Милость к павшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике / сост. А. Р. Дюков — М.: Фонд «Историческая память», 2009. — С. 48.

⁶¹ Борисов. Ю. Только факты. Националистическое подполье в Литве. 40—50-е годы // Союз. — 1990. — 1—11 марта. — № 10. — С.11.

⁶² НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956): сборник документов / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. — М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. — С. 170.

⁶³ Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: документы. С. 486—487; НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом ... С. 247.

⁶⁴ Милость к павшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. С. 48—49.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом ... С. 230.

⁶⁷ Из Варшавы. Москва, Товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье, 1944—1945 гг. / сост. Т. В. Волокитина, Г. Мурашко [и др.]; отв. ред. А. Ф. Носкова; РАН, Ин-т славяноведения, Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). — М.: Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — С. 43; Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: документы. С. 444.

⁶⁸ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 225.

⁶⁹ Отдел по борьбе с бандитизмом был создан в апреле 1941 г. при Главном управлении милиции НКВД СССР.

⁷⁰ Яременко В. Повстанческое движение в СССР // Полит.ру: электронное издание. — 2005. — 29 марта. — URL: <http://www.polit.ru/article/2005/03/29/revolt/> (дата обращения: 20.08.2011)

⁷¹ Anušauskas A. A Comparison of the Armed Struggles for Independence in the Baltic States and Western Ukraine // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. — Vilnius, 1999. — P. 66.

- ⁷² Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 227.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. С. 227—228.
- ⁷⁵ Там же. С. 228.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. С. 230—231.
- ⁷⁸ Там же. С. 235.
- ⁷⁹ Там же. С. 189.
- ⁸⁰ Там же. С. 233.
- ⁸¹ Там же. С. 235.
- ⁸² Там же. С. 236—127.
- ⁸³ Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. С. 50—51.
- ⁸⁴ Там же. С. 53.
- ⁸⁵ Там же. С. 55—56.
- ⁸⁶ Gaškaite-Žemaitiene N. Op. cit. P. 30—31.
- ⁸⁷ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 243.
- ⁸⁸ Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / сост. Н.Ф. Бугай. — М.: Дружба народов, 1992. — С. 194—195.
- ⁸⁹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 241.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же. С. 241—242.
- ⁹² Там же. С. 245—246.
- ⁹³ Gaškaite-Žemaitiene N. Op. cit. P. 35.
- ⁹⁴ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 246.
- ⁹⁵ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. — М.: Наука, 2005. — С. 131—132.
- ⁹⁶ Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. С. 67.
- ⁹⁷ Там же. С. 69—71.
- ⁹⁸ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 164.
- ⁹⁹ Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. С. 72—73.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же. С. 74.
- ¹⁰² Там же. С. 75.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 77.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Таннберг Т. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 8.
- ¹⁰⁸ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁰⁹ См.: LVVA. F.F. P-69 — P-98.
- ¹¹⁰ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. ТТ. 1—20.
- ¹¹¹ См.: Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. — Рига: ВАПП Книгоиздательство, 1946.
- ¹¹² См.: Грутупс. А. Эшафот. О суде над немецкими генералами в Риге / пер. с лат. С. Христовский. — Rīga: Apgāds «ATĒNA», 2008.
- ¹¹³ Там же. С. 8.
- ¹¹⁴ Bleire D., Butulis I., Feldmanis I. (u.c.) Latvija otrā pasaules kara laikā (1939—1945). — Rīga: Jumava, 2008. — 415—416. lpp.
- ¹¹⁵ Latvijas PSR vēsture: 2.daja. — Rīga: Zinātne, 1986. — 224. lpp.

И. Риббентроп подписывает акт о включении Мемеля в рейх.

Советские танки входят в Ригу. 17. 06. 1940 г. LKM RM 24151/11766.

Литовские войска входят в Вильно, переданное Советским Союзом Литве. Октябрь 1939 г.

Литовские и советские пограничники. 27. 10. 1939 г.

Литовские пограничники демонтируют шлагбаум на границе Литвы и Польши. Октябрь 1939 г.

Латвийские военные маршируют под лозунгом «Да здравствует коммунистическая партия Латвии!».

Митинг в поддержку включения Латвии в СССР. Лето 1940 г.

Учения по гражданской обороне. Эстония. Осень 1939 г.

Немецкие танки входят в Вильнюс. 25. 06. 1941 г.

Жители Вильнюса встречают немецкие войска. Июнь 1941 г.

Эксгумированные трупы граждан Латвии, расстрелянных при отступлении советских войск в июне 1941 г. Июль 1941 г.

Еврейский погром, учиненный участниками националистического литовского восстания. 27. 06. 1941 г.

Исторический центр Риги после первых боев. Июль 1941 г.
Из коллекции Виго Рауда (предоставлено LKM).

Хутор Каутла, сожженный истребительным батальоном
31. 07. 1941 г. (ныне на этом месте мемориальный знак).
ERA F. 4996 № 1. S. 221.

Советский военнопленный в лагере «Саласпилс» (Латвия).
Осень 1941 г.

Военная присяга «Эрны» в Хельсинки 3 июля 1941 г.
ERA F. 4996 № 1. S. 221.

Десант группы «Эрна» 10 июля 1941 г.
ERA F. 4996 № 1. S. 221.

Катера, на которых «Эрна» десантировалась из Финляндии
в Эстонию. 10. 07. 1941 г. ERA F. 4996. № 1. S. 221.

Отряд группы «Эрна» в лесу. Лето 1941 г. ERA F. 4996. № 1. S. 221.

В центре, в финской форме, майор Х. Кург. С ним рядом –
руководитель «лесных братьев» Р. Хиндпере.
ERA F. 4996. № 1. S. 221.

Эстонцы в форме финской армии и вермахта в Таллине.
Сентябрь 1941 г. ERA F. 4996 № 1. S. 221.

Батальон «Эрна» перед Сааремской операцией. Октябрь 1941 г.
ERA F. 4996. № 1. S. 221.

Перезахоронение членов группы «Эрна» на военном кладбище
в Марьямяэ. Октябрь 1941 г. ERA F. 4996. № 1. S. 221.

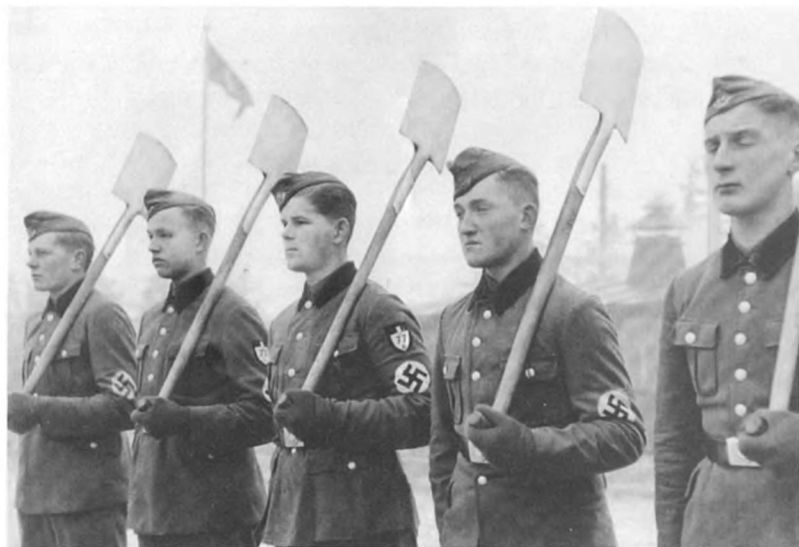
Руководитель рижской «команды безопасности» Виктор Арайс.
1941 г.

Прибытие в Рижское гетто эшелона с евреями – гражданами Австрии и Чехии. Декабрь 1941 г.

Литовская полиция уводит евреев на расстрел. Каунас, лето 1941 г.

Латышские новобранцы в организации «Тодт». 1943 г.
LKM 5-216-FT/p.

<h2 style="text-align: center;">Bekanntmachung</h2> <ol style="list-style-type: none"> 1. Es ist strengstens verboten, Kriegsgefangenen ohne Erlaubnis der zuständigen Stellen Unterkunft, Verpflegung oder Auskunft zu geben und solche Kriegsgefangene zur Arbeit zu verwenden. 2. Wenn sich Kriegsgefangene an die Zivilbevölkerung wenden, ohne zugewiesen zu sein, so sind sie festzuhalten und es ist unverzüglich die nächste Polizei- oder Wehrmachtsstelle zu verständigen. 3. Personen, die gegen diese Anordnung verstossen, werden ebenso behandelt wie diejenigen, die Banditen unterstützen. <p>Riga, den 1. März 1943.</p> <div style="display: flex; justify-content: space-between; margin-top: 20px;"> <div style="text-align: center;"> <p>Der Generalkommissar in Riga Dr. DRECHSLER Stabsarzt</p> </div> <div style="text-align: center;"> <p>Der Kommandant des Sicherungsgebietes Lettland WOLFSBERGER Generalmajor</p> </div> </div>	<div style="text-align: right; font-size: small; margin-bottom: 10px;"> <p>From file 100-10000 Lettland with original copy #16-4-3 Apr 14 '53</p> </div> <h2 style="text-align: center;">Paziņojums</h2> <ol style="list-style-type: none"> 1. Uz visstingrāko noliegts kara gūstekņiem bez piekritīgo iestāžu atļaujas sniegt patvērumu un informāciju, kā arī tos nodarbināt. 2. Ja kara gūstekņi bez norikojuma griežas pie civiliedzīvotājiem, tie jāaiztur un par to nekavējoties jāpaziņo tuvākai policijas vai bruņoto spēku iestādei. 3. Ar personām, kuras neievēro šo rīkojumu, rīkosies tāpat kā ar bandītu atbalstītājiem. <p>Rīgā, 1943. g. 1. martā.</p> <div style="display: flex; justify-content: space-between; margin-top: 20px;"> <div style="text-align: center;"> <p>Generalkomissārs Rīgā Valstsprokurors Dr. DRECHSLER</p> </div> <div style="text-align: center;"> <p>Latvijas drošības apgabala komandants Generalmajoris WOLFSBERGER</p> </div> </div>
---	--

Распоряжение генерал-комиссара Риги и коменданта латвийской окружной охраны о запрете помощи советским военнопленным. 01. 03. 1943 г. Немецкий язык, латышский язык. ЦА ФСБ России Д. Н-18313. Т. 18. Л. 77.

РАСПОРЯЖЕНИЕ.

1. Строжайшим образом воспрещается давать: приют и информации, а также давать работу военнопленным без разрешений соответствующих организаций.

2. Если военнопленные без направления обращаются к гражданским лицам, их нужно задерживать и об этом немедленно сообщить в ближайшую полицию или в учреждение военных сил.

3. Лица, которые нарушают это распоряжение, будут рассматриваемы как пособники бандитов.

Генерал-комиссар г.Рига.
Государственный советник
Др. Дрекслер.

Коменд.Латв.Окружной охраны
генерал-майор
Волфсберггар.

Рига, 1/III-1943 г.

Научн.остр.Центр.Гос.Архива
г. Виекис.

Рига, 26/III-45 г.

10-зна.
ЛЗ.

*Центральный Государственный архив
Франции, 23, Комиссия
Литт. и историч. науки
ав. №1 стр. №5*

*Генерал-майор Артемий
Войделов №815 ЛСОР капитан:
А. Ширков*

31/III/45

Handwritten notes and signatures on the left side of the document, including '28/12' and other illegible scribbles.

Распоряжение генерал-комиссара Риги и коменданта латвийской окружной охраны о запрете помощи советским военнопленным. 01. 03. 1943 г. Перевод. ЦА ФСБ России Д. Н-18313. Т. 18. Л. 76.

Оберфюрер СС Вольдемар Вайсс инспектирует 21-й латышский полицейский батальон на Ленинградском фронте. Август 1942 г.
LKM 5-15142/1589-FT.

Лагерь для военнопленных «Саласпилс». Деревья с объединенной корой. Осень 1941 г.

К О П И Я

Верховное командование войсками
Боеф войскового вооружения и
Командующий резервными войсками
02-0 ВД/АГ 18/78 (78)

Барян, 6/8-1941 г.

Хозяйственный штаб Ост
получено: 14 авг. 1941 г.
В № 2370/41.

Войсковому интенданту при генеральной ставке.

Коп: питания советских военнопленных.

Советский Союз не присоединился к соглашению об обращении с военнопленными от 14/7-41. Следовательно не существует обязанности предоставлять советским военнопленным соответствующее с этим соглашением питание в смысле количества и качества. Придя к выводу общее положение снабжения военнопленных следующее, по временному соглашению, недостаточные нормы питания для советских военнопленных:

1) в лагерях для военнопленных (без особых работ):

	<u>на 100 чел.</u>	<u>на 1 чел.</u>
Мясо и мясопродукты	400 гр.	100 гр.
Жиры	440 гр.	110 гр.
Молокожирный сыр	185 гр.	46,25 гр.
Творог	190 гр.	47,5 гр.
Концентр. порошек	125 гр.	31,25 гр.
Средства питания крупы	400 гр.	100 гр.
Сахар	300 гр.	75 гр.
Кормовая	300 гр.	75 гр.
Свежие овощи (морковь, капуста)	400 гр.	100 гр.
Кислая капуста	370 гр.	92,5 гр.
Сухая кислая капуста	50 гр.	12,5 гр.
Картофель или кнртофель и репа	360 гр.	90 гр.
или картофеля и репы	27,5 кгр.	6,875 кгр.
хлеб	25 кгр.	6,250 кгр.
немский чай	5 кгр.	1,25 кгр.
соль	110 кгр.	27,5 гр.
	480 гр.	120 гр.

г) При использовании на работе

	<u>на 100 чел.</u>	<u>на 1 чел.</u>
Мясо и мясопродукты	300 гр.	75 гр.
Жиры	300 гр.	75 гр.
Молокожирный сыр	185 гр.	46,25 гр.
Творог	190 гр.	47,5 гр.
Концентр. порошек	125 гр.	31,25 гр.
Средства питания (крупы)	450 гр.	112,5 гр.
Сахар	300 гр.	75 гр.
Кормовая	300 гр.	75 гр.
Свежие овощи (морковь, капуста)	400 гр.	100 гр.
Кислая капуста	370 гр.	92,5 гр.
Сухая кислая капуста	50 гр.	12,5 гр.

Распоряжение хозяйственного штаба «Ост» войсковому интенданту при генеральной ставке о нормах питания для советских военнопленных. 06. 08. 1941 г. Перевод с немецкого языка ЦА ФСБ России Д. Н-18313. Т. 18. Л. 8.

Каунасское гетто. 1942 г.

Оркестр Каунасского гетто.

ЧРЕЗВ. РЕСП. КОМ. ПО РАССЛЕД. ЗЛОДЕЯНИЙ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.

Гр. ГУРВИЧА, Петра Борисовича

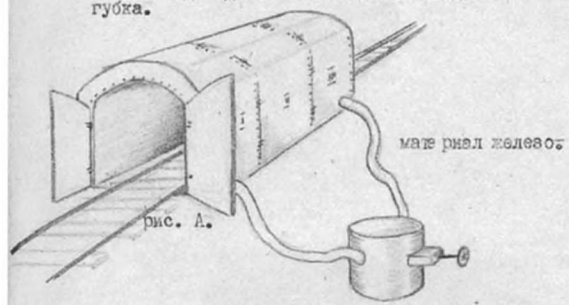
Дополнит. заявление о деятельности
немецких институтов в Риге.

- А. "Институт медицинской зоологии при Госуд.комиссаре восточных областей" — был учрежден для того, чтобы быть центральным надзорным органом для всех дезинфекционных учреждений "восточных областей". Его официальные функции заключались в следующем:
1. Контролировать все бани и дезинр. учреждений, проверять эффективность отдельных дезокамер.
  2. Контролировать деятельность частных фирм, работающие или на постройке дезинр. учреждений; или на ремонт и усовершенствование таких.
  3. Контролировать эффективность дезинр.к. подрядов, провод. частн. фирмами в частных домах и Госуд.учрежд., т.е. констатировать, достигали эти работы своей цели — т.е. уничтожение вшей, клопов, тараканов и т.д.
  4. Регулировать распределение дезинр.к. средств — сера, сера углерода, и др., между фирмами и учрежд.
  5. Аттестировать водить новых средств борьбы с вредными насекомыми, путем биологических экспериментов, установить годно ли то, или иное средство для умерщвления насекомых.
  6. Выдавать спецразрешения для устройства газирово с применением высоко давления веществ — вроде синильной кислоты.
  7. Борьба с сыпняком: руководить лагерями, карантинны для эвакуируемых, регистрировать все случаи появления сыпняка, распределение сывума против сыпняка. Институт так же принадлежала инициатива в вопросе о полном вакцинки отдельных областей территории СССР по случаю появления там сыпняка.
  8. Приготовление сывума — специальный метод приготовления сывума из кишечника зараженных вшей, т.е., бак-терiologicalкая работа.
  9. Об учении кадров дезинр.к. — путем устройства 5-ти дневных дезинр.к. курсов для гражданских лиц и военнослужащих.

Дополнительное заявление П. Гурвича в Чрезвычайную республиканскую комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о деятельности немецких институтов в Риге. 06. 12. 1944 г. ЦА ФСБ России Д. Н-18313. Т. 3. Л. 369.

которые проходили курс в институте мед-зоологии-организо-
вел и газировку людей.

Под ведомством I отдела находилась и ангар-душе-
губка.

Ангар состоял из отдельных частей I, II и III на полу
были рельсы втащивали состав паровоз, выезжал двери закрывали
Аппаратом А пеклось синильная кислота- работа А.

На дне стоит миска с кристаллическим
калием, на нее из блюдца капает
серная кислота, и образовывается
синильная кислота, которая вводится
в ангар путем насоса.

Этот ангар раньше был под ведомством жел. дор. управления
/немецкого, потом он был отдан институту гигиены "СС" приблизи-
тельно в 1941г. осенью, и с тех пор был инвентарем института
гигиены/.

Институт гигиены существовал до октября 1944г. когда
эвакуировался в Германию.

6/XII.1944г.

Перси ГУРВИЧ.

Вручить: Каминский

 22/12-45

Заявление П. Гурвича в Чрезвычайную республиканскую комиссию
по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков
о деятельности немецких институтов в Риге. 06. 12. 1944 г. Схема
газовой камеры. ЦА ФСБ России Д. Н-18313. Т. 3. Л. 372.

ГУРВИЧА П.Б.ЗАЯВЛЕНИЕ.

в ответ на Ваш вопрос сообщая :

1. 1/- Сера-водород H_2S ; Серо-углерод CS_2 ; 4-хлористый углерод CCl_4 ; бензол, лигрозин, купракс, хлорамин, древесный спирт, уксус, дерев. уксус, озо, отравленные фибричные из озо.

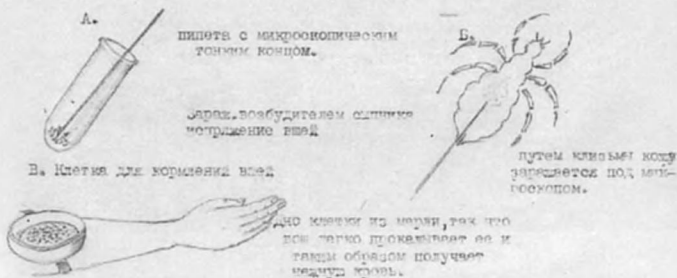
2/- Высоко-ядовитые вещества : Формиальная кислота / / - "Дригокс" / древесно-ортоборит / "Вентона", "Картокс", окислительная отбеливатель / этиленгликоль.

2. См. для сведения А.

3. Ос.-оберитур-бандфюрер БИТТОНИИ - офицер связи между институтом гигиены и Главному. полицейским войсками ген. ЕКЕЛНОМ. Командиром подполк Бурдейстер, заместитель-Гос. комис. Восточн. областей -/СА - группен-фюрер-генерал /

4. Серологический инст. имени "Беринга" -/Беринг -исслед. орудия против дифтерии / в Львове. Снабжал всю Германию противоядием против сыпня. Он был учрежден в Львове потому, что бы избежать возможности случайной инфекции окружа. населения в Германии, ибо работа над тифозным испражнением была весьма опасна, и возможна заражения. Для этого институт переместили в Польшу.

5. Проверка возбудителями сыпня и сам видел. Сама ШОТЕ кули говорила ассистенту АБСМАНУ, что в этих пробирках смерть для трех поколений. Я сам многократно присутствовал при заражении введ. этими возбудителями. Процесс происходит следующим образом :

Заявление П. Гурвича в Чрезвычайную республиканскую комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о деятельности немецких институтов в Риге. 06. 12.1944 г. Схема «кормушки для вшей» на руке человека. ЦА ФСБ России Д. Н-18313. Т. 3. Л. 373.

Агитационное фото «Латвийский легионер».

Бойцы эстонского батальона «Остланд».

Группенфюрер СС Рудольф Бангерскис в штабе VI корпуса
Ваффен-СС. Тирза. 20. 08. 1944 г. LKM 5-12875/1190 FT.

Geheimes Staatsarchiv
 416
 No 2
 Apx. Nr 5

A b s c h r i f t.

Der Höhere Ψ und Polizeiführer
für das Ostland

Riga, den 13. August 1943

41- u. Polizeiführer
 510 an
 - 4 SEP 1943
 1580

Betr.: Ausstellung von Ausweisen an Juden.

An
Verteiler pp.

In Zuge von Judenkontrollen wurden im Besitz der Juden Ausweise
 vorgefunden, die den Rundstempel der Ψ und Polizei tragen. Ich
 halte es nicht für zweckmäßig, den Juden irgendwelche mit dem
 Dienstsiegel versehene Ausweise auszuhandigen, denn solche Aus-
 weise können im Fall einer Flucht die Ergreifung der Flüchtigen
 erschweren. Im Übrigen verloren diese Ausweise durch die im Auge
 befindliche Einweisung der Juden in KZ. für die Dienststellen
 jeden praktischen Wert.

Ich bitte, den nachgeordneten Dienststellen grundsätzlich zu ver-
 bieten, den Juden Ausweise auszuhandigen und anzuordnen, daß die
 bereits ausgestellten Ausweise eingezogen werden.

gez. J e c k e l n,
 Ψ -Obergruppenführer.

Der Ψ und Polizeiführer Lettland
 Kommandeur der Ordnungspolizei-
 B. Ia 65.50/43.

Riga, den 2. 9. 1943.

Verstehender Erlaß wird zur Kenntnis und Beachtung übersandt.
 In besonderen wird noch darauf hingewiesen, daß an Juden Ausweise
 weder mit noch ohne Rundstempel ausgestellt werden dürfen. Eventl.
 bereits ausgegebene Ausweise sind sofort einzuziehen.

Verteiler:

Kommando der Schutzpolizei, Riga	1
Ψ und Polizeistandortführer Dünaburg	1
" " " " Libau	1
Kommandeur der Gend. mit je 1 Abdr. Ψ .	
Stund Pol.-Gebietsfhr. Dünaburg, Libau,	
Mitau, Riga-Land, Wolmar, Gend.-Ede.	
Rosenau, Gend. Zug (mot) Nr. 10 u. 20	9
1. Komp. Pol.-Nachbattl. Ostpreußen	1
12.-Bereitschaft s. b. V. Königsberg	1
	<u>14</u>

Beglaubigt:

Hauptwachtmstr. Sch.

gez. K n e c h t,
 Oberst der Schutzpol.

выш. руководитель "СС" и
полицейский в "Остланде"

Копия.

гор. Рига, 13 августа 1943 г.

Содержание: О выдаче удостоверений евреям.

Адресатки:

Во время контроля евреев, у евреев нашли удостоверения, на которых была круглая печать "СС" и полиции. Я не считаю целесообразным давать евреям какие-либо удостоверения, на которых служебная печать, потому что такие удостоверения в случае бегства затрудняют поимку беглецов. Все эти удостоверения теряют для служебных учреждений каждое практическое значение, потому что происходит перемещение евреев в концентрационные лагеря.

Я прошу подчиненным служебным учреждениям принципиально запретить выдачу евреям удостоверений и распорядиться, чтобы эти выданные удостоверения не брать обратно.

ИСКЛЮЧИ

Обергруппенфюрер.

руководитель "СС" и полиции Латвия

г. Рига, 2.9.1943 г.

выш. полиции порядка

№ 1-а 65.50/43

Дальнейшее распоряжение пересылается для ознакомления и руководства. Особенно еще указывается на то, что евреям нельзя давать удостоверения с круглой печатью или без таковой. Если удостоверения уже выданы, то их немедленно взять обратно.

Поку разослано:

Командование охранной полиции, Рига - 1 экз.
 Местный руководитель "СС" и полиции -
 Двинск - 1 - " -
 Командование жандармерии и по 1 экземпляру для окружных руководителей "СС" и полиции - Двинск, Митава, Либаве, Риге-град, Баль-
 мариядская команда - Рыга, моторизованные взводы жандармерии № 10 и 20 - 2 экз.
 Местный руководитель "СС" и полиции - Либаве 1 экз.
 4 рода полицейского охранного б-на, "Восточная Пруссия" - 1 экз.
 Команда территориальной охраны для особого распоряжения, Кенигсберг - 1 экз.
 Всего 14 экз.

К Н Е К Т - полковник охранной полиции.

ш.б.

командир охранной полиции.

Перевел: /подпись/

/Сем. № 66/

Распоряжение высшего руководителя СС и полиции в Остланде
 Еккельна о выдаче удостоверений лицам еврейской национальности.
 13. 08. 1943 г. Перевод с немецкого языка. ЦА ФСБ России
 Д. Н-18313. Т. 3. Л. 415.

Литовские новобранцы. 1943 г.

Лагерь для военнопленных «Клоога» (Эстония). Трупы, подготовленные нацистами к сожжению. 1944 г.

Дети, освобожденные из концлагеря «Саласпилс». 1944 г.

A K T S .

1945. gada 28. aprīlī, mēs, apakšā parakstījušie, arkārtējās komisijas priekšsēdētājs, izpildu komitejas pr-jis A. Luzmins, komisijas locekļi: b. Samūnova, b. Pušniņš, Slokas pils. milicijas pilnvarotais b. Ezermals un pilsoņi 1) Rīmša Jēnis, 2) Zeltiņš 3) Petrovs Adele 4) Ivanovs, Aleksandra, 5) Ramiņš, Kriše un Slokas pilsētas ambulances ārsta E. Lubeja klātbūtnē sastādījām šo aktu par sekošo:

Pēc savāktiem izziņas materiāliem Slokas pilsētas robežas pie bijušā aizsargu mānjamā laukuma apmēram 100 m no Slokas - Rīgas šosejas jūras pusē tika izrakti kopējā bedrē 1 1/2 m. platumā un 4 m garumā 19 vācu fašistu nogalinātie Slokas pilsētas un apkārtnes iedzīvotāju likti atrotot smiltis no uzrādītās bedres 70 cm dziļumā, tika atnesti virmie upuri, noņemti bija sasviesti bedrē cits uz cita krustām un šķēršļiem starp 19 izraktiem upuriem atradās 3 trīs sievietes un 16 vīrieši. Vīriešu liki bija izgārbti pilnīgi cauri, sievietēm atstāta apakšveļa, pēc ārsta konstatēšanas, upuri ir tikmēr nogalināti ar automātiem: vairākas brāces galvās un krūtīs pie pieciem upuriem tika konstatēti varas darbu pazīmes. Vienam sadragāta galvas kauss-lauzta. Vienai sievietei lauza roka, vienai sievietei uz rokas stilba zem pleca locītavas lielāks ievainojums un diviem upuriem redzamas suistēšanas pazīmes uz rokām. No 19 upuriem 15 tika atzīmēti par Slokas pilsētas vietējiem iedzīvotājiem, kuru vārdi pilnīgi konstatēti. 4 upuri pilnīgi nezināmi.

Arkārtējās komisijas pr-jis.

Locekļi:

Liecinieki:

Akta noraksta paraugību apliecina:

Izpildu komitejas pr-jis.

Kretāre.

Акт Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов по г. Слоке Рижского уезда Латвийской ССР.

28. 04. 1945 г. Подлинник на латышском языке. ЦА ФСБ России

Д. Н-18313. Т. 7. Л. 209.

А К Т

1945 года 28 апреля, мы нижеподписавшиеся, председатель Чрезвычайной Комиссии, председатель исполнительного Комитета А. Кузмин, члены Комиссии: в присутствии товарищей Самунова, Пуштинья, Уполномоченный слокской городской полиции тов. Эвермаго и граждане 1. Рамша Янис, 2. Зелтинья, 3. Петрова Аделс, 4. Иванов Александр, 5. Раминья Брис и врач слокской городской амбулатории Лябея составили акт о нижеследующем:

По собранным материалам на границе города Слоки близ бывшего вассаргского стрельбищного поля, приблизительно 100 метров от Слокско-Рижского шоссе, со стороны моря была вырыта обшая яма 1,05 метра шириной и 4 метра длиной.

Разрыта яму 70 см. глубиной, были найдены первые жертвы убитые немецкими фашистами, 19 трупов жителей Слоки и окрестностей. Убитые были брошены вперемежку в яму, наперекрест и попереки. Среди 19 вырытых жертв найдены 3 женщины и 16 мужчин.

Мужские трупы были раздеты наголо, у женщин было оставлено нижнее белье. По констатации врача жертвы были расстреляны из автоматов: множество ран в голове и груди свидетельствуют о следах насилия. У одного раздроблен череп-разбит. У одной женщины разбита рука, у одной женщины близ предплечья под локтем большое повреждение, на 2-х жертвах видны следы связывания на руках.

Из 19 трупов 15 были опознаны местными слокскими жителями, чьи фамилии полностью установлены, 4 жертвы совершенно неизвестны.

Начальник Чрезвычайной Комиссии:

Члены:

Свидетели:

Правильность копии акта утверждает: Кузмин

Секретарь Исполнительного Комитета: Друганова.

Перевела: (ГЕБС)

Тедс Я.С.

Печать

1. " января 1946 года.

Раскопки могил расстрелянных нацистами граждан Латвии.
ЦА ФСБ России Д. Н-18313. Т. 7. Л. 212.

Похороны расстрелянных нацистами граждан Латвии.
ЦА ФСБ России Д. Н-18313. Т. 7. Л. 213.

Советские войска наступают на Ригу. 1944 г.

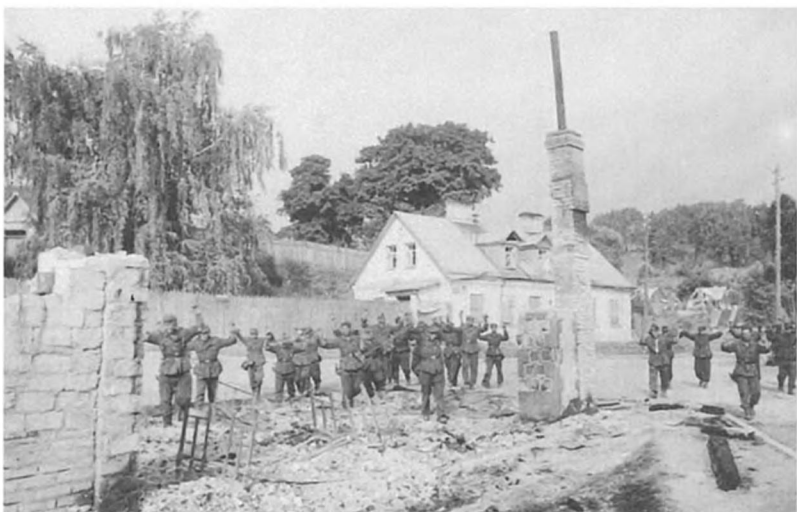
Советские солдаты водружают красный флаг на башне Тоомпеа в Таллине. 1944 г.

Советский танк в Вильнюсе. Июнь 1944 г.

Немецкие военнопленные в Риге. 1944 г.

Солдаты вермахта сдаются в плен. Вильнюс. 1944 г.

Эвакуация литовцев с Куршской косы на остров Готланд. 1945 г.

Советские солдаты у памятника Свободе Латвии. Рига. 1944 г.

«Лесные братья» в Литве. Осень 1945 г.

«Лесные братья» в Эстонии. Весна 1945 г.

Главная Военная Прокуратура Красной Армии

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР

Прибалтийского Военного Округа

~~0479987~~

СЛЕДСТВЕННОЕ

Дело № 2783

по обвинению Еккельна, Ф., Руффа, Э.,
Дитурта, В., Беккинга, А. и других
в преступлениях предусмотренных
ст. 1 Указа Президиума Верхов-
ного совета СССР от 19 апреля
1943 года

Том. № 1

Обвиняемая

~~0479987~~
Н-18313

Начато

194 г.

Окончено

194 г.

~~0479987~~

Рижский процесс 1946 г. Крайний слева – Ф. Еккельн.

Казнь нацистских преступников в Риге. 1946 г.

Первомайский парад в Риге. 1946 г.

Шествие в День легионера в центре Риги. 2008 г.

Приложения

Приложение 1*

ФРАГМЕНТЫ МАТЕРИАЛОВ «РИЖСКОГО ПРОЦЕССА»

Из протокола судебного заседания военного трибунала
Прибалтийского военного округа 26.01. — 03.02.46 г.
(«Рижского процесса»)

<...> ПРОКУРОР: Пусть ЕККЕЛЬН перечислит свою работу в партии. Какие занимал должности в нацистской партии, какую работу выполнял, характер этой работы, место и время?

ЕККЕЛЬН: С 1-го октября 1929 года по 4 января 1931 года я был рядовым членом партии и не занимал никакой партийной должности. 5 января 1931 года я вступил в отряд «СС». Вначале я был простым эсэсовцем и имел почетную общественную награду. В конце марта 1931 года я был назначен руководителем Ганноверской организации «СС». В то время было только 200 человек эсэсовцев. Я имел тогда задание создать на территории этой области целый штандарт, то есть полк «СС» и я это выполнил. Летом 1931 года я получил дополнительное задание на территории области Ганновер создать еще один полк «СС». 2 сентября 1931 года я получил задание принять под командование уже существующие части «СС» в провинции Ганновер и развивать их дальше. Я это продолжал до 1932 года, когда были проведены известные организационные мероприятия и я получил ограничение моей деятельности, а именно: должен был ограничиться Нижне-Саксонской областью. 4 февраля 1933 года, то есть после захвата Гитлером власти я был командирован в Мюнхен, где должен был официально передать все существующие части «СС» в Мюнхене и в провинции Баварии. В июле 1933 года я был переведен в Баварию и получил под свое командование части «СС» и оставался в этой должности до начала войн весной 1940 года участвовал в боях во Франции. В июле 1940 года я Гиммлером был назначен начальником Войск «СС» на участке Верхнего

---

* В текстах документов сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

Запада и кроме того, стал Высшим руководителем «СС» и полиции в 6 армейском Военном Округе. Этим я в основном показал свои главные задания, которые я имел по линии «СС» и партии.

<...> Я был представлен Гитлеру лично Гиммлером в июне или в июле 1931 года.<...> После этого я встречался с Гитлером только в том случае, если он произносил речь на подчиненной мне территории и я должен был охранять собрание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: А лично Гитлера охраняли?

ЕККЕЛЬН: Да, лично охранял. В том, случае если Гитлер был на территории моей провинции я охранял его в гостинице и во время собрания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: А на банкетах у Гитлера бывали?

ЕККЕЛЬН: Да, я один раз был приглашен Гитлером на банкет, причем банкет происходил в кругу высшего общества империи, это было 1 или 3 июля 1934 года. После этого я два раза приглашался в большой зал имперской канцелярии. Это было в 1936—1937 годах, а может быть и в 1938 году. <...> ЕККЕЛЬН: На этом банкете принимали участие все более высокие командиры войск «СС» и «СА». Общее количество было 300–400 человек. Я должен внести поправку, один раз я был приглашен Гитлером на банкет который происходил в более узком кругу. Тогда было только 12 человек. <...>

Захват Гитлером власти произошел 31 января 1933 года. Я в то время никакой особой роли в захвате власти не играл.

ПРОКУРОР: Сколько было войск «СС» в момент передачи власти Гитлеру?

ЕККЕЛЬН: В момент передачи власти Гитлеру численный состав «СС» был примерно 50 000 человек.

ПРОКУРОР: Сколько из них подготовили и сформировали лично Вы?

ЕККЕЛЬН: Я лично обучил и сформировал указанные мне штандарты, то есть полки «СС» с общим количеством примерно в 7000 человек. Я подчеркиваю, что в то время «СС» было составной частью «СА». Численность «СА» в то время составляла 500 000 человек.

ПРОКУРОР: Однако войска «СС» в то время составляли основную опору Гитлера?

ЕККЕЛЬН: Да.

<...> ПРОКУРОР: <...> Кто и когда посвятил Вас в планы войны с Советским Союзом?

ЕККЕЛЬН: Это было примерно 1 июля 1940 года, когда имперский руководитель «СС» ГИММЛЕР вызвал меня из Франции и назначил на должность руководителя «СС» в Верхнем Западном участке.

ПРОКУРОР: В то время Вам было уже известно, что гитлеровская Германия готовит нападение на Советский Союз?

ЕККЕЛЬН: Да, это мне стало известно <...> Имперский руководитель «СС» Гиммлер один или два раза в год всегда созывал высших руководителей «СС», особенно во время празднеств 9 ноября. Он созывал нас в Мюнхене и подробно говорил всему составу выс-

ших руководителей «СС» о положении в Германии. В политическом отношении Гиммлер говорил о том, что надо уничтожить версальский договор, надо предоставить возможность вооружиться всем частям германского народа и если надо это, добиться с оружием в руках. Кроме того, он говорил о том, что надо все те провинции, которые были оторваны от Германии Версальским Договором опять присоединить к Германии и всех немцев которые проживали за границей так же присоединить к Германии. В отношении воспитания войск «СС» он говорил, что надо воспитывать их в духе нерушимой верности фюреру и полного подчинения своему руководителю. В случае же неповиновения или измены несмотря на служебное положение принимать против этих лиц самые решительные меры.

ЕККЕЛЬН: Вначале я стал высшим руководителем «СС» и полиции в районе тылового расположения армейской группировки ЮГ при командующем тыла — Генерала от инфантерии ФРОН.

ПРОКУРОР: Кем Вы были назначены?

ЕККЕЛЬН: Гиммлером, с согласия Гитлера.

ЕККЕЛЬН: Я непосредственно после ухода с Украины был назначен высшим руководителем «СС» и полиции в «Остланде», ГИММЛЕРОМ с согласия ГИТЛЕРА.

ПРОКУРОР: Какие территории оккупированные в то время немцами контролировались Вами, как руководителем «СС» и полиции?

ЕККЕЛЬН: Эстония, Латвия, Литва и та часть Белоруссии, которая была перенята гражданской администрацией.

<...> ЕККЕЛЬН: Я имел полномочия контролировать все части «СС» и полицейские части, гигиенический институт и другие учреждения в «Остланде», был высшим судебным распорядителем для «СС» и полиции в этих областях и должен был выполнять те приказы ГИММЛЕРА, которые он давал непосредственно мне.

ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313, т. 20. ЛЛ. 56–59

Из протоколов допросов бывшего верховного руководителя СС и полиции на территории «Остланд» Ф. ЕККЕЛЬНА на «РИЖСКОМ ПРОЦЕССЕ»

Из протокола допроса арестованного Еккельн Фридриха от 21 декабря 1945 года

ОТВЕТ: <...> начальники «СД» и гестапо «Остланда» отчитывались передо мной о проделанной ими работе.

В отчетах освещались политические настроения населения Латвии, Литвы, Эстонии, отмечались отдельные, обнаруженные нашей агентурой, случаи связи прибалтийских шовинистов со Швецией, конкретные факты проявления советского патриотизма и всевозможных антинемецких настроений среди рабочих Прибалтики, настроения латышей, литовцев и эстонцев в связи с организацией легионов

«СС» из состава прибалтийский народностей, о настроении самих легионеров «СС», о том, что например БАНГЕРСКИС в Латвии мобилизовал в легионы «СС» только рабочих и крестьян и совершенно не трогал прослойку богатого населения, о настроениях среди солдат и офицеров немецкой армии и прочие.<...>

ВОПРОС: Покажите какую роль играли так называемые местные Литовские, Латвийские и Эстонские «самоуправления» в проведении вашей карательной политики по отношению к народам Прибалтики.

ОТВЕТ: Мне приходилось, нередко сталкиваться с руководителями латвийского «самоуправления» ДАНКЕРСОМ и БАНГЕРСКИСОМ, с руководителем Литовского «самоуправления» КАПИЛЬОНОС и руководителем Эстонского «самоуправления» доктором МЯЕ.

Должен сказать, что все они были большими друзьями немцев. Эти люди имели только наши немецкие интересы и нисколько не думали о судьбе своих народов. Это были всего-навсего немецкие марионетки. Из разговоров они хотят не в меньшей, а даже в большей степени чем мы, немцы. Они считали, что если, даже, Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, если они и немцы ликвидируют советских патриотов и особенно коммунистов, так как без коммунистов и будет легче продать свои народы другим сильным державам Мира.

Из протокола допроса арестованного Еккельн Фридриха от 22 декабря 1945 года

ОТВЕТ: В 1941 году рабочая сила на территории «Остланд» вербовалась на работу в Германию на добровольных началах. Должен сказать, что в Эстонии и Латвии охотники поехать на работу в Германию находились, но в Литве таковых было очень мало и мобилизация рабочей силы там проходила с большими трудностями.

В 1942 году план мобилизации рабочей силы из «Остланд» был составлен ЗАУКЕЛЕМ настолько высоким, что БЕНИНГ его не мог выполнить, пользуясь только одним принципом добровольной вербовки. Трудности объяснялись плохим положением дел немецкой армии на Восточном фронте, в результате чего народ не хотел ехать добровольно на работу в Германию. Кроме того, к этому времени на территорию «Остланд» из Германии были вывезены некоторые предприятия, которые требовали рабочей силы.

В большом количестве рабочая сила нужна была и для сельского хозяйства, из которого выкачивались нами большие налоги в натуре. В 1943 году очень много мужского латышского и эстонского населения было мобилизовано в легионы «СС», что также отрицательно отразилось на мобилизации рабочей силы.

<...> начиная с 1942 года, мы начали насильно угонять советских граждан на работу в Германию.

<...> Кроме БЕНИНГА этим занимался так называемый отдел III Рейхскомиссариата «Остланд». Кроме того, в Латвийском «самоуправлении» (генерал директор ДАНКЕРС) и Эстонском «самоуправлении» (генерал директор МЯЕ) были созданы специальные отделы по мобилизации рабочей силы.

БЕНИНГ имел связь не только с этими органами, но и с войсковой группой «Норд», которая также насильно угоняла людей в Германию по заданию БЕНИНГА.

В каждую страну: Латвию, Эстонию и Литву БЕНИНГ спускал планы по насильственной мобилизации рабочей силы. Эти планы через Рейхскомиссариат поступали Гебитскомиссарам (комиссарам областей), а также через местные «самоуправления» начальникам уездов. Последние при помощи своих аппаратов рассылали повестки каждому человеку, в которых предлагали в обязательном порядке являться в определенное время и в определенный пункт для последующей отправки на работу в Германию.

<...> ЗАУКЕЛЬ доложил, что лично от ГИТЛЕРА он получил задание очень быстро угнать из «Остланд» 200 тысяч человек.

На этом совещании ЗАУКЕЛЮ возражал заместитель Рейхскомиссара «Остланд» МАТИЗЕН. МАТИЗЕН говорил, что если из «Остланд» снять 200 тысяч рабочих, то вся хозяйственная жизнь в Прибалтике заглохнет, что Эстония и Латвия уже не могут послать в Германию ни одного рабочего и, что есть только единственная возможность брать людей из Литвы, но и то только при помощи полиции. Кроме того, он сказал, что рабочую силу можно вытащить из Белоруссии, что же касается русских, то с ними ничего не выйдет, так как их можно угнать в Германию только с применением жестоких мер, в результате которых русские быстро уйдут в леса.

<...> Вторая крупная операция по эвакуации советских граждан на работу в Германию силами подчиненной мне полиции, была проведена в сентябре 1944 года в Риге и на территории Лифляндии. В этой операции участвовал ДАНКЕРС и БАНГЕРСКИС. Они обратились с просьбой к ГИММЛЕРУ — разрешить угонять только тех латышей на работу в Германию, которые проживали в прифронтовой полосе, вблизи наступающих частей Красной Армии.

<...> Я хочу еще раз подчеркнуть, что руководители местного латвийского «самоуправления» БАНГЕРСКИС и ДАНКЕРС принимали активное участие в этой операции. Со своими офицерами они находились на хуторах и требовали, чтобы крестьяне быстрее готовились к эвакуации.

Руководимая ими латвийская газета «ТЕВИЯ» также требовала от латышей покинуть свою родину и уйти вместе с отступающими немцами на работу в Германию.

ЛОЗЕ, а затем КОХ, предлагали мне применить решительные меры для угона населения гор. Риги на работу в Германию. КОХ предлагал угнать из Риги 50 тысяч человек.

КОХ удивлялся, что латышский народ — это, по его мнению, низшая раса очень прилично одевается и имеет хороший внешний вид. КОХ говорил далее, что латышам совершенно не требуется это и, что он лично на Украине навел соответствующих порядок.

Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 31 декабря 1945 года.

<...> Свидетель КАУЛИНЬШ Я. Я. 20 декабря 1945 г. показал:

<...> «В конце марта или начале апреля 1943 года комендантом лагеря (Саласпилского) — КРАУЗЕ... у матерей, находящихся в лагере, изъяли около трехсот детей и поместили их в специальный детский барак. Матерей же отправили на работу в Германию... После отправки матерей в Германию, из Риги КРАУЗЕ была вызвана специальная газовая команда, — так называемая «дезинфекционная команда»...

... В начале всех детей из барака вывели в другое помещение. Газовая команда после этого напустила в детский барак газ иместила туда вновь около трехсот детей в возрасте от пяти до одного года. В результате этого злодеяния... было удушено газом более 200 детей. Умерщвленных газом детей закопали в общую яму, вырытую вблизи Саласпилских лагерей. Этот факт я видел лично и все это происходило на моих глазах».

Свидетельница ПУЦЕ Е. И. 14-го декабря 1945 года показала:

<...> «В начале 1944 года немцы привезли из разных областей Советского Союза очень много русских женщин вместе с их детьми... Вскоре после этого, примерно в апреле 1944 г., когда все дети были отняты у родителей и вывезены из лагеря, немцы стали отправлять на ст. Саласпилс самих женщин для вывоза в Германию. Немцы обещали родителям, что их дети будут в сохранности и передадутся им на станции. Однако родители были жестоко обмануты... В тот же день более 130 детей, в том числе и грудные отнятые от родителей, были тут же недалеко от лагеря уничтожены, а женщины до 700 человек были вывезены в рабство в Германию.

Всеми этими зверствами непосредственно руководил начальник Саласпилского концлагеря — КРАУЗЕ».

ОТВЕТ: Все эти злодеяния, безусловно, проводились по указаниям ГИТЛЕРА, ГИММЛЕРА, ГЕЙДРИХА и КАЛЬТЕНБРУНЕРА, которые, как мне точно известно, особенно ненавидели русский народ. Подчиненные мне начальники «СД» и гестапо в «Остланд» не докладывали мне о злодеяниях, учиненных над советскими детьми, а поэтому я утверждаю, что они получали соответствующие указания из Берлина, по-видимому устно и тайно.

ВОПРОС: Покажите, сколько подчиненными вам органами «СД» и гестапо было арестовано латышей, эстонцев и литовцев?

ОТВЕТ: 21 декабря я уже показал сугубо ориентировочные данные об аресте 20 тысяч человек в Латвии, большинство из которых

были латыши. В Литве также было арестовано примерно 20 тысяч человек, большинство из них литовцев и, наконец, в Эстонии арестовано 10 тысяч человек, большинство из которых эстонцы.

ВОПРОС: <...> Подчиненными вам органами «СД» и гестапо применялись зверские методы в отношении арестованных и заключенных латышей, литовцев и эстонцев. — Вы это не отрицаете?

ОТВЕТ: <...> Я это не отрицаю.

<...> Я признаю, что подчиненные мне органы «СД» и гестапо ликвидировали видных политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии, так как на этот счет была общая директива центра гестапо.

<...> Митрополит Сергей как антифашист находился давно под наблюдением «СД» и гестапо. Однако у нас не было прямых улик, изобличающих в этом митрополита Сергия.

В 1943 году, в одну из встреч со мной, ГИММЛЕР интересовался поведением митрополита Сергия и сказал, что вопрос о нем скоро решит. Затем ФУКС дал мне прочитать приказ о ликвидации митрополита Сергия, за подписью КАЛЬТЕНБРУНЕРА, из которого следовало, что Сергий должен быть убит таким способом, чтобы путем провокации его убийство можно было свалить на советских партизан. Так и было сделано фактически. Когда митрополит Сергий в марте или апреле 1944 г. проезжал на легковой машине по дороге из Каунаса на Вильно, он вместе с его шофером был убит из автомата сотрудниками «СД» и гестапо, а наши газеты написали, что это было сделано, якобы, советскими партизанами.

<...> Начальник «СД» и гестапо «Остланд» — ШТАЛЬЭККЕР имел книжечку в темно-красной обложке, в которой были перечислены все антифашисты, советские активисты и коммунисты в СССР, в том числе в Латвии, Литве и Эстонии. Причем, особо опасные для нас люди, были в этой книжечке отмечены крестами, что означало необходимость их немедленного расстрела. Эту книжечку ШТАЛЬЭККЕРУ выдал ГЕЙДРИХ, согласно приказа ГИММЛЕРА.

Из протокола допроса арестованного Еккельн Фридриха от 2 января 1946 года

ОТВЕТ: Еще в 1943 г., когда немецкая армия и правительство несколько не думали о том, что придется когда-либо под натиском Красной Армии оставить советскую Прибалтику, Восточное министерство РОЗЕНБЕРГА начало грабить и культурные и исторические ценности Латвии, Литвы и Эстонии и вывозить их в Германию. Накануне нашего отступления с территории «Остланда», в июле 1944 года по приказанию райхскомиссара КОХА в Ригу прибыл самый крупнейший специалист по ограблению советского имущества — так называемый консул, по фамилии ИОНАС. Вместе со своим штабом этот консул ИОНАС и проводил ограбление промышленных предприятий в советской Прибалтике и организовывал вывоз промышленного оборудования и имущества в Германию.

Вначале советское имущество вывозилось из Прибалтики по железным дорогам, но когда железнодорожное сообщение было прервано в связи с приближением линии фронта к «Остланду», награбленное имущество начали вывозить морским путем.

Для этой цели в Рижский порт пришло примерно не менее 30 судов. Подчиненные мне органы «СД» и «СС» и полиции непосредственного участия в этих грабежах не принимали. <...>

В сентябре 1944 г. мне пришлось присутствовать в Рейхскомиссариате «Остланда» на одном совещании, где обсуждался вопрос ограбления Советской Прибалтики. На совещании присутствовали: КОХ, МАТИЗЕН, я — ЕККЕЛЬН, консул ИОНАС, президент ТАРКЕЛЬ (правая рука КОХА), фельдмаршал ШЕРНЕР.

На этом совещании выступил КОХ, который заявил, что Красная Армия своим наступлением от Варшавы на Данциг угрожает отрезать от Германии Восточную Пруссию и, что поскольку оборона «Остланда» является для немецкой армии безнадежной, то необходимо срочно вывезти из Советской Прибалтики все, что только возможно, в Восточную Пруссию и в первую очередь промышленное оборудование.

Это мероприятие — сказал КОХ, жизненно необходимо для расширения промышленности в Восточной Пруссии с тем, что бы последняя, оказавшись отрезанной от Германии, могла самостоятельно существовать в хозяйственном отношении и обороняться. <...>

Мне известно, что по приказу РОЗЕНБЕРГА была ограблена Рижская государственная библиотека и Юрьевская госбиблиотека (Эстония). При этом было вывезено в Германию несколько тысяч томов книг. Этот грабёж проводился силами рейхскомиссариата. РОЗЕНБЕРГА ОЧЕНЬ интересовала разная историческая серебряная утварь, находившаяся в Эстонии, которая была вывезена в Германию.

При рейхскомиссариате находился представитель от восточного министерства, который являлся специалистом по произведениям живописи, скульптуры и др. предметам искусства. Этот человек занимался ограблением картинных галерей и музеев. Фамилия его точно я назвать не могу, но мне кажется, что это был профессор РУШ.

Хочу сообщить следствию, что в июне или июле 1944 г. я получил письмо от ГИММЛЕРА, из которого следовало, что ГИММЛЕР тоже интересовался серебряной утварью и библиотечным фондом, находившимся в Эстонии и конкурировал в этом отношении с РОЗЕНБЕРГОМ. В своем письме ГИММЛЕР спрашивал меня: осталось ли что-либо из серебряной утвари и библиотечного фонда в Эстонии. Я ответил ГИММЛЕРУ, что он уже опоздал и вся серебряная утварь и библиотечный фонд Эстонии уже находятся в твердых руках (то есть в руках РОЗЕНБЕРГА).

<...> В 1943 году был приказ ГЕРИНГА о вывозе в Германию из оккупированных стран, в том числе и советской Прибалтики, изготовленных из цветных металлов колоколов, люстр, дверных и окон-

ных ручек и всевозможной гражданской и церковной утвари. Вполне естественно, что выполняя этот приказ гражданская администрация в «Остланде» снимала с церкви колокола и другую ценную утварь, изготовленную из цветных металлов.

ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313, т. 1. ЛЛ. 53—176

Из протоколов допросов свидетелей на «Рижском процессе»

Протокол допроса

от 18 декабря 1945 года

Я, сотрудник опергруппы НКВД-НКГБ СССР — капитан СТУМБЕРГ сего числа допросил в качестве свидетеля —

ВИТИНЬШ Клавдия Семеновна, 1895 года рождения, уроженка гор. Петьли, русская, гражданка СССР, беспартийная, образование среднее, замужняя, проживает: Рига, Мирная ул., 42, кв. 19.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена ст. 95 УК РСФСР. /К. ВИТИНЬШ — подпись/

<...> ВОПРОС: По соседству с Вашим домом были лагеря военнопленных Красной Армии?

ОТВЕТ: Лагеря военнопленных Красной Армии были не по соседству, а напротив нашего дома. Окно моей квартиры выходило прямо на лагерь военнопленных. Лагеря военнопленных Красной Армии находились в бывш. казармах 5 латышского полка по Перенава улице.

ВОПРОС: Что Вы можете сказать о содержании русских военнопленных в этом лагере?

ОТВЕТ: Проживая напротив лагеря военнопленных Красной Армии, мне из окна 5-го этажа, где находилась моя квартира, было видно все, что делалось вне помещения — на плацу лагеря.

Военнопленные находились в ужасных условиях, переживали невыносимые лишения и страдания, их морили голодом, убивали и заставляли делать непосильные работы.

Помню, зимой в декабре 1941 года и январе 1942 года, почти ежедневно два раза в день проходила большая грузовая машина, на которую как дрова шуцманы, охраняющие лагерь наваливали трупы по 35 чел. на машину.

В январе 1942 года в результате голода, холода и непосильной работы в лагере была большая смертность, то уже командование лагеря трупы ежедневно не вывозили, а во дворе около сарая прямо на улице под открытым небом умерших и замученных военнопленных складывали штабелями, так как имевшийся сарай уже не вмещал. Таким образом в течение 2-х месяцев было немцами уничтожено несколько тысяч человек.

ВОПРОС: Кто охранял лагерь военнопленных и сопровождал их на работы?

ОТВЕТ: Поскольку я часто наблюдала, то охрана лагеря неслась полицейскими батальонами-немцами, так как их форма и знаки различия говорили за это, плюс с зеленой повязкой на рукаве, где были буквы — надпись «шуцман», в большинстве шуцманы были латыши — добровольцы и часть русских «устроившихся» добровольцами в полицейские команды.

Командовал и начальником лагеря был немец, но конкретно фамилия мне не известна.

Я также лично видела, как в январе 1942 г., когда военнопленных Красной Армии вели на работы, то они от истощения падали и не могли встать. В таких случаях шуцманы, сопровождавшие пленных били прикладами, стегали плетьюми, вывертывали руки, но предлагали следовать на работу.

Также из окон своей квартиры я лично наблюдала, как военнопленные рылись в помойных ямах, собирали листья и траву и ели ее. На деревьях, которые находились внутри лагеря, военнопленными была объедена вся кора.

Гражданское население, проживающее в нашем доме пыталось помочь военнопленным, хотя куском хлеба и иногда выбрасывали из окон, то немецкая полиция предложила на всех окнах наклеить номера квартир и тот, кто был замечен в пособничестве военнопленным, немцами привлекался к ответственности. Такие номера немцы наклеили по всей Пернавас и Звайгзнес улицам (там, где водили пленных).

Других фактов злодеяний я не знаю. Протокол с моих слов записан верно, мною лично прочитан и мне прочитан.

/К.ВИТИНЬШ — подпись/

Допросил: Сотрудник Опергруппы НКВД-НКГБ СССР
Капитан/п/СТУМБЕРГ/

Протокол допроса

1945 года, декабря «25» дня гор. Рига

Я, зам. начальника отделения НКГБ Латвийской ССР — капитан РУСАКОВ, допросил в качестве свидетеля военнопленного:

КРЕМЕР Альфреда Вильгельмовича, 1918 года рождения, уроженец местечка Энгер, Херфордского округа — Вестфалия, немец, б/п, из рабочих, рабочий маляр, со слов не судим, образование 8 классов народной школы. Проживает в лагерях военнопленных гор. Риги.

Об ответственности за дачу ложных показаний я предупрежден — ст. 95 УК РСФСР мне объявлена и разъяснена. /КРЕМЕР/

За неправильность перевода по ст. 95 УК РСФСР переводчик ЗАК предупрежден. /ЗАК/

ВОПРОС: На каком языке Вы желаете давать показания?

ОТВЕТ: Свои показания я желаю давать на немецком языке, так как русский язык я не знаю.

ВОПРОС: Расскажите о прохождении Вами службы в германской армии?

ОТВЕТ: В немецкую армию я призван в июне месяце 1941 года. На восточном фронте с сентября месяца 1941 года, до весны 1943 года служил в 861 охранном батальоне, в районе Барановичи. Весной 1943 года, в составе этого же охранного батальона, я был переведен в район Вильнюс, где находился до июля 1943 года. Наш охранный батальон а гор. Рига, где был и я, находился с июня 1943 года до апреля 1944 года. В апреле 1944 года я был переведен из 861 охранного батальона в 1901 охранный батальон, но в указанном батальоне пробыл всего 14 дней и был переведен в 307 охранный батальон, который дислоцировался в районе Абрене.

После отступления немецких войск я находился в обороне, на переднем крае, в составе 307 охранного батальона, в районе Тукумса. Пленен я 4 марта 1945 г.

ВОПРОС: Вы лично охраняли лагерь военнопленных, находившийся в районе Барановичи?

ОТВЕТ: Да, я в составе 861 охранного батальона с сентября 1941 года, до весны 1943 года нес охрану лагеря военнопленных в д. Лесна, в 21 км. Западнее Барановичи. В указанном районе были расположены два лагеря военнопленных, один из них с количеством 20 тысяч чел. и другой с 6 тысячами человек.

Я лично нес охрану лагеря русских военнопленных, где было помещено 6 тысяч человек.

ВОПРОС: Расскажите в каких условиях содержались военнопленные в лагерях, в районе Баранович?

ОТВЕТ: Из личных наблюдений о содержании военнопленных и режиме в лагерях, в районе Барановичи, я могу рассказать следующее: названные мною лагеря военнопленных, были обнесены забором из колючей проволоки и охранялись охранным батальоном 861, в составе которого служил и я. Военнопленные ютились в темных и сырых землянках, которые в дождливое время заполнялись водой. Землянки были размером 6х40 метров, в каждой находилось около 1 тысячи человек. Военнопленные спали на нарах, на голых досках, которые были сделаны в землянке в три ряда. В землянках было грязно, тесно, холодно и масса различных паразитов. Военнопленные были одеты в лохмотья и почти разуты. Работали военнопленные на лесозаготовках по 11—12 часов в сутки, без всякого отдыха. Питание было очень плохое, давали им два раза в сутки суп из гнилой мерзлой картошки, который издавал неприятный запах. Хлеба давали по 150 грамм[ов], очень плохого качества.

С военнопленными обслуживающий персонал обращался жестоко. Я часто наблюдал массовые избиения военнопленных за малейшие проступки и не выполнение правил внутреннего распорядка в лагере. Были часто массовые расстрелы.

Кроме того, в лагере района Барановичи, часто приезжали команды «СС» и «СД» и после соответствующего отбора из вновь при-

бывших в лагерь политруков Красной Армии, советски настроенных граждан, производили массовые расстрелы их.

Были случаи, когда военнопленных вешали за попытку к бегству.

В конце 1941 года, в лагере началась массовая эпидемия тифа и дизентерии. Ввиду крайнего истощения военнопленных, заболевания инфекционными болезнями и содержания больных вместе со здоровыми, за период с конца 1941 года до весны 1943 года, в лагере района Барановичи умерло свыше 10 тысяч человек русских военнопленных. Заболевшим инфекционными болезнями, никакой помощи не оказывалось. Закапывали умерших от тифа и дизентерии в нескольких метрах от лагеря, в общих могилах.

ВОПРОС: Продолжайте свои показания о зверских обращениях с военнопленными.

ОТВЕТ: Я был очевидцем зверского обращения с военнопленными. С среднего участка фронта, в район Барановичи, в лагерь, 16 января 1942 года прибыл эшелон с военнопленными. В то время стояли морозы в 45 градусов, а пленные красноармейцы почти полураздетые, прибыли в указанном эшелоне на открытых платформах. Мне, вместе с другими из охранного батальона, пришлось их выгружать на руках, так как большинство из них не владели ни руками ни ногами. Из 2500 человек военнопленных, прибывших с этим эшелоном, около 400 человек были в тяжелом состоянии, кроме того я насчитал среди прибывших несколько сот трупов военнопленных. Прибывших поместили в холодные землянки.

Протокол допроса

от 25 декабря 1945 года

Я, зам. начальника отделения НКГБ Латв. ССР капитан СТУМБЕР, допросил в качестве свидетеля:

КЕБРЕЛЬ Вероника Ильяновна, 1912 г. рождения, уроженка г. Рига, белорусска, гр-ка СССР, беспартийная, образование низшее, одинокая, проживает — г. Рига, Пагасту, 10, кв. 8, работает в г. Рига в ТАСС по указанному выше адресу.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись — /Кеврель/

ВОПРОС: Расскажите, что Вам известно о расстрелах русских военнопленных Красной Армии?

ОТВЕТ: В мае 1944 года из соседнего лагеря привезли военнопленных Красной Армии в Саласпилский лагерь «СС», где находились в большинстве политические заключенные, около 200—250 чел. Это количество военнопленных Красной Армии поместили в барак № А-3. пленные были все раненые, а большинство инвалиды. К последним было самое варварское отношение, медицинской помощи

не оказывалось, медикаментов никаких не давалось, за исключением перевязок, которые делали сами заключенные.

С 26 июля по 8 августа 1944 года по приказу из Рижского гестапо — ЛАНГЕ, комендантом Саласпилского лагеря КРАУЗЕ, с помощью присланной из Риги «Зондеркоманды», были расстреляны все 250 человек, привезенных в Саласпилский лагерь военнопленных Красной Армии. Расстрел производился за лагерем в лесу, примерно в 100—150 метров от бараков.

После расстрела по распоряжению КРАУЗЕ трупы расстрелянных 250 человек военнопленных Красной Армии были облиты смолой и сожжены, а одежду с расстрелянных привезли в лагерь и роздали на стирку политическим заключенным. Эту одежду стирала и я лично, она была вся запачкана кровью. После стирки одежда с расстрелянных сдавалась в склад лагеря.

В июле 1944 года в Саласпилский лагерь из Двинской тюрьмы привезли более 100 человек евреев. По приезду в лагерь всем евреям произвели тщательный обыск, раздели и погрузили в машину и за лагерем (там же, где и военнопленных Красной Армии) всех евреев расстреляли, таким же образом облили смолой и сожгли.

Протокол допроса

Допрос начат 27 декабря 1945 г. в 20 час. 00 мин.

Окончен 27 декабря 1945 г. в 23 час. 10 мин.

Я, старший следователь Отдела НКВД Латвийской ССР по борьбе с бандитизмом майор ЖВИГУЛЬ допросил в качестве свидетеля:

САЛМИН Николай Андреевич, 1902 года рождения, уроженец с. Серноводск Сергиевского района Куйбышевской области, прож. ул. Спортивная, 35 — гор. Резекне Латвийской ССР, б/парт., русский, гр-н СССР, образование высшее, окончил Самарский университет, медицинский факультет в 1925 г., специальность — врач-хирург-гинеколог, главный врач и заведующий Резекненской больницы, женат, из рабочих, член ВКП/б/ с 1938 по 1942 г. — до момента попадания в плен, не судим.

Предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за дачу ложных показаний.

Подпись. — /Салмин/

ВОПРОС: Вы были в плену у немцев, с какого по какое время?

ОТВЕТ: В плен к немцам я попал в июле месяце 1942 г., будучи на Волховском фронте в окружении. Будучи ранен и контужен с группой бойцов пошли на выход, но в результате полного окружения и всестороннего обстрела немцы забрали нас группу в 5 человек в плен. Пробыл в немецком плену до июля 1944 г., то есть до освобождения Красной Армией Резекненского уезда.

ВОПРОС: В каких лагерях военнопленных Вы бывали за время нахождения в немецком плену?

ОТВЕТ: После взятия в плен с июля м-ца 1942 г. нас группу военнопленных через Новгород направили в лагерь военнопленных Малач-Вира, которая находится недалеко от Красного села Ленинградской области. Когда немцы стали отступать из Ленинградской области, приблизительно в декабре 1943 г. советских пленных немцы начали через г. Псков переправлять в Латвию. Я, как врач был направлен в распоряжение коменданта по делам военнопленных врачей в гор. Рига, где по заявке департамента здравоохранения был отпущен на гражданскую работу под надзором полиции.<...>

Готовясь к отступлению из Резекненского уезда, немецкие части карательных отрядов войск «СС» взорвали почти все лечебные учреждения гражданского населения. Больница села Старое Рыково, где я работал врачом, при наличии в ней больных, немцами при мне была заминирована, но только стремительным приходом частей Красной Армии взорвать здание им не пришлось и оно тут же советскими саперами было разминировано.

При отступлении немцами была взорвана больница в г. Резекне, Вараклянах, Вилянах, Аташенах и других волостях вместе с аптеками. Там же, где не удавалось взорвать или увезти оборудование, немцы ходили ломали и прокалывали штыками. Рентгеновский аппарат, увезенный из Резекне немцами, а дороге был брошен и в нескольких местах исколот штыками, а теперь нами отремонтирован.

Все то, что немцы разорили в Резекненском уезде, невозможно описать, не говоря уже о тех зверствах, связанных с истреблением военнопленных и мирного населения.

Находясь в Латвии немцы умышленно вели работу по распространению инфекционных заболеваний, они не давали мыла, не давали медикаментов, рассчитывая этим увеличить смертность.

Как следствие немецкого хозяйничания, до сих пор приходится вести исключительно напряженную борьбу с заболеванием чесоткой, которую немцы разводили в местах заключения.

Протокол допроса

от 25 декабря 1945 года

Я, зам. начальника отделения НКГБ Латв. ССР капитан СТУМБЕР, допросил в качестве свидетеля:

АКМЕНС Юрис Карлович, 1912 г. рождения, урож. Цесиского уезда ЛССР, латыш, образование высшее, по специальности биохимик, женат, гр-н СССР, б/партийный, не судился в Сов. время. В период немецкой оккупации Латв. ССР гестапо был арестован за принадлежность и активную работу для Советской власти, находился под стражей в Рижской «Центральной» тюрьме и Саласпилском лагере.

В настоящее время работает в Рижском Госуниверситете в должности ст. научного сотрудника при химическом факультете.

Проживаю: Рига, Кулдига, 21, кв. 3.

ОТВЕТ: 23 июля 1941 г. я, АКМЕНС Юрис немецким Гестапо был арестован и заключен в Рижскую Центральную тюрьму как политический заключенный. Находясь в тюрьме до декабря 1942 я лично был свидетелем ужасных зверств и злодеяний, применяемых со стороны немецкого «СД» и «Гестапо», то есть расстрелы прямо во дворе тюрьмы, пытки, побои и избиения арестованных, а так же случайно мною был обнаружен отчет «Остланд» о настоящем положении в Прибалтике, где говорилось об арестах, ликвидации населения, грабежа и т. п.

Вышеуказанное я постараюсь подтвердить конкретными фактами.

В июле и октябре 1941 года в Рижской центральной тюрьме без всякого суда и следствия немецкой «СД» было расстреляно 120 человек политических заключенных. Расстрелы производились во дворе тюрьмы в 3-х ямах. Из числа арестованных и расстрелянных в это время мне лично были знакомы заключенные: инженер ХОТТЕ, журналист ЛУКС, экономист РАНКА и депутат Верховного Совета Латв. ССР КОЛТАН, других фамилий я не помню. Расстрелы указанных политических заключенных проводил работник «СД» некто ШУМАХЕР и местный прибалтийский немец сотрудник «СД» ТОЛКИН.

Кроме того, я должен сообщить следствию, что расстрелы в Центральной Рижской тюрьме производились ежемесячно каждую первую декаду, начиная с 1941 г. июля м-ца и до декабря 1942 года (моего нахождения в тюрьме).

По моим подсчетам, которые мы определяли и узнавали у поваров тюрьмы, а они исчисляли минусом от общего количества выдачи паек хлеба, было расстреляно 1800 человек только политических заключенных. Об этом же рассказывал в камере МИЕЗИС Виктор, который сам принимал участие в расстрелах политических заключенных, состоял членом команды «АРАИС», но впоследствии немцами был арестован за присвоение золота и серебра, награбленного у еврейского населения.

Подтверждается это и тем, что при тюрьме в корпусе № 4 камеры № 15-16, были специально приспособлены для смертников, которых в этих камерах раздевали, оставляли всю одежду, а их голых расстреливали.

На другой день в этих камерах много было одежды, которая впоследствии упаковывалась и отправлялась на склады.

ВОПРОС: Военнопленные Красной Армии находились в Рижской тюрьме?

ОТВЕТ: Да, находились. Русских военнопленных Красной Армии в Центральной Рижской тюрьме в корпусе № 1 и 4 находилось более 600 человек, среди которых было много офицеров.

ВОПРОС: Что Вам известно о их содержании в тюрьме?

ОТВЕТ: Военнопленные Красной Армии содержались в ужасных условиях, им ежедневно выдавалось по 150 грамм[ов] хлеба,

вместо положенных 300 гр., били и издевались над ними надзиратели и немецкое тюремное начальство.

В январе-феврале 1942 года в результате невыносимых условий, созданных для военнопленных Красной Армии, в их корпусе поднялась эпидемия тифа и в результате которой большинство из них умерли. Медицинской помощи им не оказывали. Таким образом в результате издевательства, жестокого режима и не оказания медицинской помощи умерло военнопленных Красной Армии более 500 человек, а оставшиеся в живых военнопленные были «СД» расстреляны.

<...> Приступив к переплету мною было прочитано, что данная книга является учетом «Остланд» по Прибалтике по состоянию на 15 октября 1941 г. и называлась она «Эйнзац группа «А». Данная книга была отпечатана в 100 экз. и каждая из них была под своим номером.

Первое время приставленные полицейские следили очень строго, но потом стали отвлекаться, учитывая якобы наше незнание немецкого языка (как мы им заявили).

В ходе работы и обработки этих книг, в разделе мною было прочитано, что это отчет о деятельности «ОСТЛАНДА», «Эйнзац группы «А» в Прибалтике и восточной земли Северной России, по состоянию на 15 октября 1941 года.

Помню, что в одном из разделов данного отчета «Остланд» сообщил Берлину по этой группе следующее. «Эйнзац группой «А» проделано:

- а) Уничтожено душевнобольных в провинциях 748 чел.;
- б) Арестовано в Латвии 23 000 чел.;
- в) Арестовано в Литве 11 000 чел.

Было ли по Эстонии я не видел, так как увлекался чтением, это грозило расстрелу на месте.

Кроме того в отчете сообщалось, что из Прибалтики в частности из Латвии группой «А» «Остланд» было вывезено продуктов питания, вещевого довольствия и других товаров 400 вагонов. Все направлено в Германию.

Насколько я помню в заключении данного отчета было указано, что «Остланд» группы «А» просит Верховное правительство Великой Германии всю власть по Прибалтике подчинить «Остланду» группы «А», либо существующий порядок в Прибалтике осуществляется каким-то двоевластием между полицией и войсковыми единоначальниками.

Также было указано, что организована и идет в полном ходе работа группы /В-Диенст/ в задачу которой входило, как видно было из отчета, ведения и активного насаждения в Прибалтике среди местного населения немецкой агентуры, создания целого ряда шпионских резидентур.

Протокол допроса

г. Рига, 1945 г. марта 27 дня, следователь по важнейшим делам Прокуратуры Латв. ССР, мл. советник юстиции ВУЛЬФСОН допросил нижепоименованную в качестве свидетеля, предупредив об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР и за ответственность при отказе от дачи показаний по ст. 92 УК РСФСР.

/Ирма БЛУМС/ — подпись.

БЛУМС Ирма Индриковна, рожд. 15.VIII.1897 г., уроженка Латв. ССР, Лиепайского уезда, Грамзденской волости, хутор Смилитсрукьи, соцпроисхождение из крестьян /20 га земли, 2 лошади, 5 коров, 3 овцы, 2 свиньи/, образование 6 классов, в партиях не состояла и не состоит, невоеннообязанная, одинокая, со слов ранее не судима, работает уборщицей Военно-строительного управления Прибалтийских Републик гор. Рига, ул. Калькю, дом № 3, прож. по ул. Нитавурс 1, кв. 1, г. Рига.

ОТВЕТ: <...> Тюремное начальство меня направило надзирательницей в 3-й корпус тюрьмы. Этот корпус считался больничным. В этом корпусе я проработала 3 месяца.

Больничный корпус ничем не отличался от обычных корпусов тюрьмы.

За 3 месяца моей работы там в среднем было 30 женщин и 15 детей одновременно.

По национальности были латышки и русские женщины. В погребе больничного корпуса содержались заключенные еврейки с детьми: точно не знаю сколько там было детей, т. к. их охраняла другая надзирательница, но полагаю, что там было 10 детей.

В больничном корпусе пища считалась немного лучше, чем в остальных корпусах, но для того, чтобы прожить и этот паек был явно недостаточен. Медикаментов не было почти никаких.

За период моей работы в больничном корпусе 5 или 6 женщин там родили.

Один новорожденный через недели 2 скончался от каких-то корчей.

Старшая надзирательница ТАБАКС мне рассказывала, что в больничном корпусе было очень много случаев смерти детей от недостаточности питания.

В августе 1942 г. меня перевели в 4-й корпус, где я была надзирательницей до декабря 1942 г. В этом корпусе содержалось около 250 женщин, детей там было около 15-ти. Дети буквально были живыми скелетами, ножки у них были толщиной с палец. Возраст детей колебался от 4 до 12 лет. Дети содержались с заключенными матерями.

Двое малюток — брат 6 лет, сестричка 4 лет — были круглыми сиротами, т. к. их родителей немцы до того расстреляли.

Питание детей состояло из 100 грамм[ов] хлеба и 0,5 литра воды с неизвестными мне зелеными листьями в день.

За 4 месяца моей работы в 4-м корпусе четверо ребят умерло с голоду, также 2 женщины.

Прогулка детям не полагалась. Возможно, один раз за месяца полтора их выводили на прогулку.

В октябре 1942 г. этих детей расстреляли, заключенные женщины мне на следующее утро — детей расстреляли ночью, рассказали, что маленькая сиротка 4-х лет идя на расстрел, плакала, а 6-летний братик ее утешал, говоря: «Не плачь, сестричка, мы пойдем туда, где наша мамочка».

Протокол допроса

Гор. Рига, 1945 года, декабря 18 дня.

Я, ст. следователь следотдела НКГБ Латвийской ССР ст. лейтенант ЦЕМЕЛЕВ сего числа допросил в качестве свидетеля:

ВАГАНС Густава Петровича, 1886 года рождения, уроженец ус. «Грити», Пуйкелес волости, Вальдемерсекого уезда Латвийской ССР, латыш, гр-н СССР, б/п, образование среднее, происхождение из крестьян бедняков, женат, не судим. Проживает в городе Риге, Бикерниеку улица, д. 1, кв. 5. Работает директором универсама № 250 Рижского Горпромторга.

Об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний по ст.ст.92 и 95 УК РСФСР предупрежден.

/ВАГАНС — подпись/

ОТВЕТ: Режим в тюрьме был создан невозможный. Камеры не имели окон, совершенно не отапливались и если с вечера давали в камеру на 50—60 человек ведро воды, то к утру она замерзала и превращалась в сплошной лед. Норма питания на сутки состояла из 200—250 грамм[ов] черного хлеба и пол-литра супа, вернее грязной воды. Медицинское обслуживание отсутствовало. Наряду с этим в тюрьме производились массовые расстрелы. Уже после выхода меня из тюрьмы, примерно в апреле месяце 1942 года я встретился на улице с надзирательницей Рижской срочной тюрьмы, БЕРКИС, имя не знаю, которая рассказала, что 27 марта 1942 г. в тюрьме немцы расстреляли 120 человек Советских граждан, в том числе расстреляли мою знакомую ЛИЕКНИС Емму — бывшую директором 3-ей Рижской городской гимназии, расстреляли ее лишь за то, что ее сын служил в Красной Армии летчиком.

Начиная с августа 1941 года немецкие оккупационные власти начали в массовом порядке расстреливать евреев, содержащихся в «ГЕТТО». Эти расстрелы производились довольно часто в Бикернекском лесу, который расположен от моего дома на расстоянии не более 2 километров. В этот лес я после несколько раз ходил и видел свежее закопанные могилы с расстрелянными, к тому же я видел из окна своей квартиры не менее десяти раз, как по Бикерниеку улице проходили автомашины, на которых везли евреев на расстрел. Как правило расстрелы эти производились утром на рассвете.

Протокол допроса

Рига, 1945 года, декабря 14 дня.

Я, ст. следователь Следотдела НКГБ Латвийской ССР ст. лейтенант ЦЕМЕЛЕВ сего числа допросил в качестве свидетеля

ГЛУЗДС Андрея Юрьевича, 1884 года рождения, уроженец гор. Либавы, Латв. ССР, латыш, гр-н СССР, беспартийный, окончил 7 классов средней школы, происходит из семьи рабочего, со слов ранее не судим, семейный. Проживает в гор. Риге, ул. Стабу, дом 94, кв. 4, работает в 1-м Ремесленном морском училище мастером.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден.

Подпись: /ГЛУЗДС/

ОТВЕТ: За период моего пребывания под стражей в Рижской Центральной тюрьме и затем в Саласпилском концлагере — мне пришлось наблюдать ужасные картины массового истребления оккупантами и их приспешниками из числа местных предателей Советских граждан. <...>

Саласпилский концлагерь, который арестованными назывался «лагерем смерти» состоял из трех зон. В первой содержались политические заключенные, во второй евреи, свезенные с разных сторон Европы и в третьей зоне содержались Советские военнопленные. По прибытии из тюрьмы в лагерь во второй зоне содержалось около 8000 евреев, к ноябрю 1942 года там осталось только сорок человек, остальные были расстреляны. Причем расстрелы эти организовывались в лагере одним из руководителей полиции в Латвии немцем ЛАНГЕ, который насколько знаю находился в подчинении руководителя полиции «СС» Прибалтики ЕККЕЛЬН.

Протокол допроса

1945 года, декабря 23 дня. г. Рига

Я, сотрудник НКГБ Латв. ССР капитан ЛЕОНОВ, сего числа допросил в качестве свидетеля:

ГЕЙМАНСОН Ноа Семеновича, 1901 г. рождения, уроженца г. Риги, еврея, гр-на СССР, б/п, с 8-классным образованием, по специальности механик, работает военоторг старшим товароведом.

Проживает: Виландес, 14, кв. 7.

ОТВЕТ: <...> 30 ноября 1941 года я был свидетелем расстрела немцами 18 тысяч евреев. Расстрел прозаодился в Бикериниеку лесу. Весь путь от гетто до места расстрела был усеян трупами пристрелянных немцами обессиленных граждан, не способных дальше идти. Среди расстрелянных были старики, женщины и дети еврейской национальности.

Во время этой акции я находился в гетто.

После расстрела указанного количества я с группой содержащихся в гетто евреев был направлен немцами на уборку трупов, которые хоронили в заранее подготовленных ямах. Пристреленных по дороге от гетто в Бикерниеку лес, хоронили на еврейском кладбище.

Не удовлетворяя себя массовыми расстрелами немцы ежедневно расстреливали или вешали группы евреев.

7—8 декабря 1941 года я был свидетелем второй акции проведенной немцами, во время которой было расстреляно до 10 тысяч евреев. 7 декабря вечером их выгнали под открытое небо, продержали до утра 8 декабря на морозе и затем расстреляли в Эргли.

Во вторую акцию я так же был привлечен немцами на уборку трупов.

Работая по уборке трупов 9 декабря 1941 года я был свидетелем, когда в родильном доме при гетто было убито 18 новорожденных малюток. Это убийство было произведено группой латышей под руководством ЗАКИТИС Арвида, который во время уничтожения детей заявил: «жалко на них портить пули», после чего они начали бросать их на пол и избивать ногами.

В октябре месяце 1942 года из гетто убежало 12 человек евреев. Все они были пойманы немцами и расстреляны, кроме указанного количества было расстреляно до 400 чел. евреев как заложники.

Так, с 10 декабря 1941 года по 5 апреля 1944 года в Рижское гетто из европейских стран прибыло примерно 242 тысячи человек.

Прибывшие евреи из европейских стран немцами также расстреливались и в большом количестве.

С целью сохранения в тайне проводимых расстрелов еврейского населения, немцы для рытья ям и закапывания трупов привлекали русских военнопленных, которые по исполнению работ, немцами расстреливались.

ВОПРОС: От кого исходили распоряжения об уничтожении еврейского населения Рижского гетто.

ОТВЕТ: Все распоряжения по уничтожению еврейского населения Рижского гетто исходили от немецкого командования, в частности от генерала ЕККЕЛЬНА.

ВОПРОС: Какие именно распоряжения исходили от генерала ЕККЕЛЬНА?

ОТВЕТ: ЕККЕЛЬНОМ издавались все приказы об уничтожении Советских граждан, в/пленных и евреев, им же устанавливался режим содержания заключенных в лагерях, тюрьмах и гетто, все издевательства над заключенными проводились на основании его распоряжений. Это мне известно от немецкого руководства гетто.

Как-то раз я поинтересовался у одного немца: от кого зависит улучшение положения заключенных, то он мне ответил, что все это зависит от генерала ЕККЕЛЬНА, который непосредственно занимается вопросами содержания заключенных и чинимых над ними репрессиях.

Протокол допроса

свидетеля КРОНИТИС Ивана Ивановича

от 14 декабря 1945 года, г. Рига

КРОНИТИС И. И., 1905 г. рождения, уроженец Берзовской волости Мадонского уезда Латв. ССР, латыш, гр-н СССР, б/п, образование среднее, в настоящее время работает в системе наркомлэта в должности зам. нач. управляющего тресте «Ригалес», проживает ул. Бривибас, 70, кв. 58.

Арестованных без всякого суда, беспощадно уничтожались. Так бывший заключенный Центральной тюрьмы, ныне доцент Рижского Народного университета химического факультета — АКМЕНС, который в тюрьме по приказу немцев принимал, подсчитывал и упаковывал вещи расстрелянных в 1942 году мне сказал, что только из одной центральной тюрьмы до конца 1942 года немцами было расстреляно более 16 000 человек.

В 1941 году, примерно в ноябре месяце, находясь в Рижском концлагере, который размещался через улицу от еврейского гетто, лично я сам видел как только в один день были выгнаны из гетто на расстрел более 30 000 /тридцать тысяч/ евреев. Вся эта людская масса была расстреляна немцами в Румбульских лесах. Расстрелянные были в основном нетрудоспособные старики, женщины и дети в том числе и грудные. В последующем в 1944 г. немцы пытались скрыть совершенные ими зверства — раскопали трупы расстрелянных в Румбульских лесах и сожгли.

Ужасные картины я видел в лагере советских военнопленных, находившихся в 4 км от лагеря, в котором содержался и я.

Этот лагерь /в самом м.Саласпилсе/ был построен еще давно и немцы сделали из него в полном смысле лагерь смерти для советских военнопленных.

Будучи заключенными, приходя под конвоем на работу возле лагеря советских военнопленных я видел как жертвы этих лагерей, обреченные голодом, не имея способность уже передвигаться, сидели на земле и щупали вокруг себя руками землю и то, что попадало в их руки, клали себе в рот и кушали. Так они доживали свои последние минуты. Заключенные этих лагерей смерти теряли облик человека, они скорее становились похожими от ходьбы на птиц с длинными носами, до смерти оставалась печать страха. В этом лагере, как рассказывали жители, проживавшие поблизости к лагерям, только в зиму с 1941 г. на 1942 г. умерло от голода и холода и расстреляно немцами более 20 тыс. человек.

Протокол допроса

20 декабря 1945 г.

Я, зам. нач. отделения 2-го отдела НКГБ ЛССР капитан СТУМБЕР, допросил в качестве свидетеля:

КАУЛИНЬШ Янис Яновича, 1911 года рождения, урож. г. Бауска ЛССР, латыш, б/партийный, образование высшее, окончил с/х академию, по специальности агроном-садовод, в период немецкой оккупации с 1941 г. по день капитуляции содержался в немецких тюрьмах и концентрационных лагерях. Женат, но во время моего содержания в тюрьме разошлись. Работаю в настоящее время в Наркомземе Латв. ССР в должности нач. управления по садоводству. Проживаю Тербатас ул., 80, кв. 24.

ОТВЕТ: В конце марта или начале апреля 1943 года комендантом лагеря КРАУЗЕ и его подчиненными ВИДУШ, ГРУДУЛИС, ЛИЦИС и др., у матерей, находящихся в лагере, изъяли около 300 чел. детей и поместили их в специальный детский барак. Матерей же отправили на работы в Германию.

В этот же период времени /но после отправки матерей в Германию/ из гор. Риги, КРАУЗЕ была вызвана специальная газовая команда, так называемая «дезинфекционная команда», которая по распоряжению КРАУЗЕ приступила по прибытию в лагерь к своим обязанностям.

Вначале всех детей из барака вывели в другое помещение. «Газовая команда» после этого приступила к «дезинфекции», напустила в детский барак газа и не проветрив его вместили вновь туда около 300 чел. детей в возрасте от 5 лет до 1 года. В результате этого злодеяния «газовой командой» при непосредственном участии коменданта лагеря КРАУЗЕ было удушено газом более 200 чел. детей

В апреле месяце 1943 года из города Риги прибыли большие крытые автобусы /два/ в Саласпилский лагерь и с ними приехали 3 человека офицеров «СД», которые по прибытию в лагерь выгнали из барака всех молодых девушек и женщин и приступили к «просмотру» последних. Отобрав наиболее красивых и сложных по телосложению в отдельную группу, — произвели им медицинский осмотр, насильно /так же как и отбирали/ чисто одели в пальто и платье после расстрелянных евреев и отправили в Ригу в дом терпимости на Парковую улицу.

Об этом, что все девушки были отобраны и направлены в дом терпимости рассказала девушка АБОЛТИНЬШ, которая бежала из этого дома и вновь попала в Саласпилский лагерь.

Дополнительный протокол допроса

от 21/XII-45 года

Свидетеля КАУЛИНЬШ Янис Янович 1911 года рождения, уроженца г. Бауска, Латв. ССР, гр-на СССР, работающего в Наркомземе Латв. ССР начальником Управления садоводства. Проживающего: Рига, Тербатас, 80, кв. 24.

Вскоре после этого, примерно в конце ноября 1942 года, эта «санитарная команда» СД вновь прибыла и уже ранее зарегистрировавшихся вызывали и брали кровь от 600 до 1000 куб. сантим.

Перед тем, как брать кровь «СД» и комендант лагеря КРАУЗЕ обещали усилить питание и освободить «доноров» от работы, но ничего подобного не было, и люди, «отдавшие» кровь совершенно были бессильными. Лично у меня было в этот раз взято 800 куб. см. крови.

Такие эксперименты «санитарной командой» у заключенных насильно кровь выкачивали в моем присутствии более 5 раз, с охватом около 3000—3500 тысяч человек.

Протокол допроса

г. Рига, Латв. ССР, 1945 года, декабря 15 дня

Я, сотрудник оперативной группы НКВД-НКГБ Союза ССР — капитан СТУМБЕР, сего числа допросил в качестве свидетеля:

ВИТИНЬШ Альфред Яновича, 1896 г. рождения, уроженец Латвийской ССР, Тукумского уезда, грамотный, беспартийный, женат, гр-н СССР, не судимый, был капитаном латышской армии в период немецкой оккупации проживал на территории Латвийской ССР и с 1942 г. февраля м-ца насильно был призван в немецкую армию в хозяйственный отдел при полицейском батальоне «СС», исполняя обязанности помощника начальника батальона по хозяйственной части. Проживал: г. Рига, Мирная ул. дом № 42, кв. 19, Латыш по национальности.

ОТВЕТ: В результате созданных изданных приказов генерала ЕККЕЛЬН, были созданы полицейские карательные батальоны «СС», перед которыми ЕККЕЛЬН были поставлены следующие задачи:

а) Уничтожение еврейского населения в Прибалтике и других оккупированных немцами Советских районах;

б) Массовое истребление мирного Советского населения оставшегося на территории оккупированных Советских районах немцами;

в) Уничтожение русских военнопленных путем создания для них невыносимых условий в концентрационных лагерях;

г) Массовое насильственное использование пригнанного мирного населения из оккупированных немцами зон Советского Союза, для создания укрепительно-оборонительных линий и сооружений;

д) Уничтожение мирных сел и деревень на территории оккупированных немцами Советских районов;

е) Умерщвление психиатрических больных, находящихся на лечении в больницах-клиниках;

ж) Вывоз в Германию промышленных предприятий, грабеж гражданского населения, как в городе, а также и деревне.

Повторяю, что по всем вышеперечисленным пунктам, генералом ЕККЕЛЬН, как высшим руководителем «СС» и полиции Восточной земли Северной России были изданы соответствующие приказы, которые впоследствии и приводились в исполнение его нижестоящими начальниками.

ВОПРОС: Дайте характеристику полицейским батальонам «СС» созданных по приказу ЕККЕЛЬН?

ОТВЕТ: Насколько мне лично известно по приказу генерала ЕККЕЛЬН в гор. Рига были созданы два полицейских батальона «СС» под №№ 18 и 19-й. Эти батальоны были созданы из лиц отъявленных врагов Советской власти, участников террористической организации «Перконкруст», военно-фашистской организации «Айзсарги», деклассированного элемента, бывш. бандитов, воров, рецидивистов и т. п. в большинстве своем добровольцев, которым со стороны немецкого командования предоставлялось право грабить, убивать, насиловать женщин и т. д. и которые за свое преступление буквально не несли никакой ответственности. Так, например: полицейские 19 батальона «охраняя» гетто, свободно заходили в помещение еврейского населения, избивали, грабили, убивали, насиловали. Это происходило в 1942—43 годах и все это я видел лично.

Так мне лично известно, что в лагере военнопленных Красной Армии находящемся в гор. Рига по ул. Перванас /бывш. Казармы 5-го латышского полка/ в 1942—43 годах содержалось до 15 000 пленных, их числа которых ежедневно отвозили замученными и умерших от голода и невыносимо тяжелой физической работы по 25—30 человек.

Лично на моих глазах /так как мой дом был напротив лагеря/ почти ежедневно охранные роты полиции «СД» расстреливали пленных, которые не могли передвигаться, били их, почти заживо-полумертвых наваливали на машину и вывозили за город. Это относится к декабрю-январю 1942—43 года.

Так же мне было видно из моих наблюдений, что военнопленным почти не выдавали продуктов, они ходили по дворам казармы, рылись в помойных ямах, сдирали кору с деревьев, собирали листья и этим питались.

Протокол допроса

24 декабря 1945 года город Минск

Я, ст. следователь Управления контрразведки НКО «СМЕРШ» Минского военного округа — капитан ГОЛУБЬ, допросил арестованного — ВАЙСИГ Георг

ОТВЕТ: Все строения, в том числе жилые дома, исторические памятники и церкви, согласно установкам командования, подлежали уничтожению. Но поскольку в районе г. Сабез до 26 полка действовало несколько карательных экспедиций, то в указанном районе все исторически ценное было ранее уничтожено. Также было уничтожено большинство населенных пунктов и население в большинстве проживало в землянках, которые также нами уничтожались.

<...> На этом же совещании ЕККЕЛЬН, в присутствии подполковника полиции ТИТТЕЛЬ и других офицеров, спросил у меня: «Сколько лично я убил русских?» — Я ответил, что лично ни одного русского не убил. Тогда ЕККЕЛЬН сказал мне: «Плохой из тебя национал-социалист, если ты не убил ни одного русского, вот я лично убил 100 человек».

Указанный разговор со стороны ЕККЕЛЬНА возник в связи с тем, что он увидел на моем мундире «штурмовую медаль», которой я был награжден за участие в боях против частей Красной Армии на северном участке фронта.

В феврале 1944 года, когда я, будучи раненным, находился на излечении в лазарете в гор. Рига, ЕККЕЛЬН приезжал проведать меня в лазарет. Тогда же в связи с прорывом Красной Армии на Ленинградском фронте, я сказал ЕККЕЛЬНУ, что скоро, очевидно, части Красной Армии займут Ригу. На это он мне ответил следующим: «Возможно Красная Армия и займет Ригу, но к тому времени евреев в Риге не будет». При этом ЕККЕЛЬН сказал, что он сам лично будет расстреливать еврейское население.

Протокол допроса

1945 года, декабря месяца 20-го дня

Я, начальник оперчекотделения ОИТК НКВД ЛССР — капитан ГАУКЕ допросил в качестве свидетеля

ДИДРИХСОН Бетию Эрнестовну, 1918 года рождения, уроженка г. Сеаттле (Америка), проживает в г. Кулдига, Вентспилская улица № 16, кв. 6, по национальности латышка, гр-ка СССР, беспартийная, образование высшее, по профессии — зубной врач, из рабочих, не судима.

ВОПРОС: Расскажите, что вам известно о проводимых зверствах со стороны немецкого командования на территории Кулдигского и Вентспилского уездов за время вашего проживания в этих местностях?

ОТВЕТ: Точно дату назвать не могу, это было в конце декабря 1944 года примерно между 20—30 декабря, когда в Вентспилском уезде, Злекас волости, на хуторах Дажкори, Зилуми и других немецкими полицейскими частями было установлено нахождение там партизанских групп, ведущих борьбу против немецких войск, то немецкими полицейскими войсками был окружен район в количестве около 13 хуторов и все эти 13 хуторов были сожжены со всеми находящимися в них жителями и принадлежащим им имуществом и постройками. Я сама лично видела, когда в конце декабря месяца немецкие солдаты поджигали хутор Дидкири, который находился на расстоянии около 300 метров от нашего дома, и всех жителей данного хутора Дидкири, кажется их было всего 14 человек, в том числе дети, женщины, среди них был один ребенок 7-месячного возраста, которых немцы выгнали из дома и под охраной вели по направлению сарая, который также был подожжен немцами и горел полным пламенем. Когда немцы подвели этих людей к сараю, объятых пламенем, то я сама слышала стрельбу из автоматического оружия, но что именно происходило с жителями хутора, я дальше видеть не могла из-за дыма и огня.

Протокол допроса

1945 года, декабря 24 дня, гор. Рига

Я, старший следователь Управления Контрразведки «СМЕРШ» ПриБВО, капитан ГУБАРЕНКО сего числа допросил в качестве свидетеля:

ЯНСОН Андрея Индриковича, 1871 года рождения, уроженец Тауропской волости, Рижского уезда. Латв.ССР, по национальности латыш, гр-н СССР, со средним образованием — окончил Рижскую духовную семинарию, беспартийный, служитель культа — священник Алуксненской Св.Троицкой церкви, протоирей.

ОТВЕТ: С целью уничтожения нравов и обычаев, сохранившихся у народов Советской Латвии, немецкие мерзавцы в 1943 году начали повсеместное ограбление церквей. Испытывая недостаток металла, они снимали с церквей колокола и отправляли их в Германию на изготовление орудий войны для порабощения и истребления мирного народа.

Летом по приказу Гебитскомиссара Валмиерского округа (фамилию его не помню) немецкие варвары сняли и отправили в Германию 8 колоколов, общим весом до 100 пудов с Алуксненской Св.Троицы и Старолайценской православных и с Алуксненской лютеранской церквей.

<...> В августе 1944 года перед отступлением из Прибалтики немцы многих священников насильно угнали в Германию, среди которых я знаю Рижского епископа Иоанна ГАРКЛАВ, священника Баловской церкви ЛАПИКЕН.

Много мирных жителей также насильно были угнаны в Германию во время отступления немцев.

В августе 1944 года, отступая из Алуксненского уезда, немцы разрушили 4 церкви со всеми принадлежащими им постройками, как-то: Липновскую-Ильинскую и Шемерицкую-Лавровскую православные, Гульбенскую и Леясциемскую — лютеранские.

Протокол допроса

1945 г., октября м-ца 22 дня, гор. Каунас

Я, начальник Опер.Отдела лагеря НКВД № 296 лейтенант ДМИТРИЕВ, допросил в качестве свидетеля:

в/пл. ПЛЕТТ Петер Вальтер, 1918 г.р., уроженец города Наумбург на реке Заале, происходит из семьи служащего, по национальности немец, подданный Германии, образование высшее, по специальности инженер самолетостроения, находился на службе в немецкой армии с июня м-ца 1940 г. летчиком. В плен сдался добровольно 23 августа 1943 г. в р-не Двинска. Находится в лагере военнопленных № 296 при гор. Каунас.

<...> По существу данного вопроса могу пояснить следующее: находясь на службе в полиции «СС» Еккельн Фридрих являлся пра-

вой рукой Гитлера и Гиммлера и в 1933 году в момент прихода Гитлера к власти был даже его личным телохранителем.

Состоя в нацистской партии Еккельн был одним из активнейших членов партии, за что имел награду золотой крест. Своей жестокостью и расправой Еккельн прославился с давних пор.

Насколько я помню в 1923 году Еккельн являлся активным участником расстрела революционеров. В момент революции в Германии в сентябре м-це 1923 г. в городе Мюнхен, где за подавление и жестокую расправу с революционерами был награжден орденом «Крови».

С приходом Гитлера к власти, выполняя его приказы руководил отдельными группами полиции по расправе над мирным еврейским населением и по его приказу были учинены расправы и расстрелы евреев в городах Мюнхен, Магдебург, Эссен и ряда других.

В период оккупации территории Чехословакии свою жестокость Еккельн показал и там, где в 1939—40 году (дату тоже сейчас не помню, но знаю, что это было после убийства бывшего там обергруппенфюрера) руководил боевыми группами «СС», которые по его приказу занимались погромами и учиняли расправу над мирными жителями города Праги.

В период оккупации немецкими войсками территории Советской Прибалтики вместе с оккупационными частями был переброшен для расправы и Еккельн.

Будучи в Прибалтике Еккельн Фридрих руководил боевыми группами «СС» немецкой полиции в Латвии, Эстонии и частично в Литве. Активно эти группы действовали в городах Риге, Таллине, Митау. Здесь также Еккельн был известен своей жестокостью и расправами. Так, например, по его приказам в июне-июле 1942 г. в городах Риги и Митау были собраны все евреи, которых потом развозили по городу на машине и прямо с них вешали на деревьях.

В 1942 году им также был издан приказ о сборе гражданского населения, угнанного из России, в лагерь Бухенвальд, где были самые тяжелые условия для жизни и люди пачками умирали. <...>

**Протокол допроса
свидетеля ХАРТМАНИСА Арнольда Адольфовича
от 24 декабря 1945 г.**

ХАРТМАНИС Арнольд Адольфович, 1905 года рождения, уроженец Пенкульской волости, Елгавского уезда, Латвийской ССР, б/п, латыш, гр-н СССР, образование высшее, экономист, 25/VI-45 г. по ст. 58-4 УК РСФСР осужден к 10 годам ИТЛ, содержится под стражей.

<...> ЕККЕЛЬН помимо руководителя полицейских органов являлся и начальником Военного округа частей «СС» по «Остланду». Все приказы о мобилизации исходили от ЕККЕЛЬНА. Им также осуществлялось преследование латышей за уклонение и дезертирство из немецкой армии.

Как известно, 15 и 19 дивизии «СС», созданные по замыслу ЕККЕЛЬНА из числа латышей, вели активную вооруженную борьбу против частей Красной Армии.

Немецкие части «СС», созданные из латышей, выполняли двойные функции: «СС» полиция, проводившая карательную полицейскую службу и т. п. военные «СС»-есские части, принимали участие в боях против Красной Армии. ЕККЕЛЬН возглавлял оба раздела немецких частей «СС». Все части «СС», находившиеся и действовавшие на территории «Остланд» подчинялись ЕККЕЛЬНУ.

Мне известно также о непосредственном участии ЕККЕЛЬНА в операции на советских партизан в районе Освейского озера.

ВОПРОС: Расскажите об этом?

ОТВЕТ: В конце 1942 года или в начале 1943 года, в беседе с известным предателем — полковником ВЕЙС, последний в присутствии директора генерального директората — ЗАГЕРС (генеральный директор по хозяйству Латвии) рассказал следующее:

В конце 1942 года немцы силами немецких полицейских «СС»-ских частей, при участии латышских, литовских, эстонских и украинских полицейских батальонов, а также с участием известного карательного отряда АРАЙСА, предпринимали крупные операции против советских партизан в районе Освейского озера в Белоруссии. В этой операции участвовал сам ВЕЙС и руководил латышским полицейским батальоном. Верховным командующим этой операции являлся ЕККЕЛЬН и генерал ШРЕДЕР.

ЦА ФСБ России АСД №Н-18313, т. 2. Лл. 6—333

Приложение 2

СООБЩЕНИЕ КОМАНДИРА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ ГРУППЫ «ЭРНА» ПОЛКОВНИКА Х. КУРГА О ВЫСАДКЕ ГРУППЫ В ЭСТОНИИ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИЮЛЕ—АВГУСТЕ 1941 г.

Сообщение о действиях ERNA-I (ЭРНА-I)

Подразделение ERNA-I в составе 4-х офицеров и 34 рядовых 10.07.41 в 2.30. Утра / было высажено и размещено с финских сторожевых катеров №№ 10 и 17 и малых весельных лодок примерно в 1 км от эстонского северного берега между Сальмисту и Андинееме. Вооружение состояло из 10 автоматов, 30 пистолетов и 5000 патронов. Кроме того, подразделение располагало еще более чем 40 кг взрывчатки без взрывных устройств и кабелей, а также 2 рациями.

Высадка протекала без затруднений со стороны противника. Чтобы избежать возможного преследования, я решил насколько возможно продвинуться на юг и в тот же день пересечь ж/д линию. Место размещения через час после высадки было обнаружено противником и спустя 2 часа подверглось нападению. У дороги на Пиибе преследователи потеряли наши следы. Один эстонский офицер-летчик, который хотел установить связь с подразделением ERNA, был там расстрелян русскими.

11.07. была проведена разведка позиций врага в Кере. Там находился истребительный батальон с 20 грузовиками, броневиком и противотанковой пушкой. Наблюдалось движение в направлении Нарвашен /возможно, речь идет об Усть-Нарве/ и Пиибе, а также по ж/д путям, оно было очень ограниченным. По этой причине, чтобы не помешать ст. лейтенанту Рейнгардту, от которого я не получал никаких вестей, я решил здесь ничего не предпринимать, но маршировать в район пересечения дорог Коэе. Перед этой группой, состоящая из прапорщика Грау и трех солдат, отделялась, чтобы в районе лесов Аегвииду самостоятельно воспрепятствовать противнику, если со ст. лейтенантом Рейнхардтом в ближайшие дни не будет установлена связь. Марш протекал в 2 этапа и утром 13.07 был создан бивак (лагерь) между Равила и Коэе. В тот же день были предприняты попытки повреждения телефонной связи у Алаеере, Коэе и Раеила. Вечером группе из 10 человек напала на Паункюля, и другая (5 чел) во главе с фельдфебелем Грауеном — на Равила. Первой группе удалось повредить трактор и убить одного русского офицера и одного солдата. Однако в ней самой погиб один и два были ранены. Вторая группа напала на 3 автомобиля и остановила их, однако сама подверглась атаке истребительного батальона и была вынуждена вернуться. Потери русских: 8 убитых и 4 раненых.

14.07. в 16.50 ERNA в лагере Лендер подверглась нападению русских морских войск (около 80—100 чел. с 8 грузовиками), потери русских — приблизительно 10—12 чел. У меня осталось 3 офицера и 14 человек с 3 автоматами. Также подорвался радист. Я решил с оставшимися членами ERNA искать связь с эстонской кавалерийской частью, которая по слухам должна была находиться в районе Олясоо-Корвенурга.

17.07. лагерь кавалерийской части лейтенанта Яаахольда с 12 чел. в 2 км северо-восточнее Каутла был успешно достигнут. Оттуда в период 17.07—31.07 были проведены следующие операции:

1) Все раненные были при содействии местного населения соединены в лагере Каутла. Радиосвязь с Sökö восстановлена 20.07.

2) В районе Ярва-Мадисе, Паункюля, Арду к ERNA присоединились эстонские офицеры майор Хиндпоре и лейтенант Паги с 50 солдатами. Кроме того, около 500 чел., которые время от времени появлялись у ERNA, были привлечены, чтобы создать повстанческое вооруженное соединение. Была установлена связь с полковником Лейтхаммелем, под Матрой (250 чел) и майором Хирвелааном (100 чел) — в Аела.

3) Была организована служба информации. Установлены постоянные посты наблюдения для установления транспортного движения около Арду, Коэе-Ристи, Воозе, Керавете и Магисе. С помощью развед. групп и опросов местных жителей были установлены места проживания и расположения артиллерии и пехоты.

Важнейшие сообщения:

- а) Эвакуация 65-го армейского корпуса из Эстонии,
  - б) Эвакуация моторизованной дивизии из Оясоо в Ярва-Йаани.
- 27.07.
- с) Проезд 10 тяжелых и 29 легких орудий через Хабайя на север 3.08.
  - д) Военные работы в Ревал и вдоль дороги Дорпатер.
  - е) Размещение артбатарей и пехоты, а также депо по направлению Дорпатер и Вайсенштейн-Тапс.
  - ф) Проведение земляных работ для приема оружия для рядового состава и инструмента и техники.
- В районе лагеря Каутла были следующие высадки:
- а) 23.07 в 0.15 — солдаты Хеллат и Йоги, прибывшие в тот же день с особым заданием в Тапс. Сброшенные ящики не были найдены.
  - б) 26.07. солдат Китс. Одновременно были сброшены ящики с ручными гранатами и магазинами.
  - с) 27.07. в 0.15 — солдаты Гросс и Василя. Сброшен ящик с пистолетами и боеприпасами.
  - д) 28.07. в 0.15 — солдаты Луттер и Пало. Были сброшены ящик с боеприпасами и горючий материал.
  - е) 29.07. в 0.20 — ст. лейтенант Рейнхардт, эст. лейтенант Маркет и 15 рядовых. Сброшены 3 пакета с оружием и приборами.
5. Русские были встревожены нападениями на посты воздушно-го наблюдения, на ночлеги, на группы разведки автомобиля. Общее число потерь русских в этот период составило примерно 50 убитых против 2 убитых и 3 раненых с нашей стороны.
- Наиболее важными нападениями были:
- а) 20.07. был обстрелян авто НКВД. Один полковник убит и 3 чел. ранены.
  - б) 26.07. атакован дом общины в Ярва-Мадисе, где располагался пункт воздушного наблюдения, и колонна истребительного подразделения: 19 убитых.
  - с) 30.07. атакована разведгруппа: 6 убитых.
6. Дорога Арду — Ярва — Мадис была перекрыта и мост у Рапу заминирован. Подрывная команда имела указание взорвать мост, если русские части появятся на дороге.
- 31.07 район Арду, Паункюла, Воозе был окружен приблизительно 1100 чел. (регулярные войска, истребительные батальоны, латышские коммунисты) и леса прочесаны. Сообщение об этом я получил в 10.00, однако не смог отступить, т.к. две колонны основной части ERNA были посланы на поиски сброшенного оружия и поэтому не могли вернуться назад. В 12.00 посты, расположенные на севере, вступили в бой с противником. Спустя 15 мин. мы услышали моторизованная колонна. Чтобы выиграть время, я организовал взвод (1 офицер и 12 солдат), который атаковал группу из 8 грузовиков, 1 автобуса и 1 сантранспорта и захватил автомашины. После

повторных контратак русских он вынужден был отступить. Другой взвод выдвинулся в направлении Сае и получил задание задержать врага в лесу. Под прикрытием этой группы удалось соединить войска ядра ERNA, около 300 человек, примкнувших к подразделению ERNA, и в 17.00 стал возможным отход в западном направлении через уже прорезанный лес. Собственные потери: 1 офицер и 1 ряд. погибли, 8 ранено и 7 чел подорваны. Потери русских точно установить нельзя, однако можно точно утверждать о 19 убитых.

По возвращении был создан опорный пункт в 4-х км западнее прежнего лагеря. Невооруженные были соединены в группы и им было разъяснено, как они должны скрытно пробираться к немецкой армии, чтобы продолжить операции во вражеском районе дороги Дорпатер... Боеспособная их часть (80 чел.) была разрознена...

Выводы

1. Беспрепятственное размещение войск Егпа было возможным из-за того, что русская погран. служба за несколько дней перед высадкой пехотных частей была заменена, из-за чего охрана за побережьем была организована неудовлетворительно.

2. Деятельность ERNA в течение 4 недель в тылу врага была возможной исключительно благодаря бескорыстной самоотверженной помощи эстонского населения.

3. Относительно ограниченная мобильность частей Егпа объясняется тем, что:

а) при высадке личный состав был по колено в воде и сразу после этого должен был двигаться 30 км по труднейшей местности. Как следствие все люди до крови стерли ноги. Перевозочный материал был израсходован на 2-й день.

б) Кроме ежедневных маршей были разведывательные задания (до 20 км).

4. Оснащение было в целом хорошее. Недостаток в биноклях, лопатах и фляжках был, однако, ощутим.

5. Крепление баллонов к парашютам представляется слабым, т. к. трижды баллоны отрывались.

6. Помехи дальней связи при коротком замыкании были незначительными, так как они очень быстро устранялись.

7. Нападения на дороги и ночные биваки оказались очень эффективными. После нескольких таких атак русские отваживались ездить лишь в автомобилях, оснащенных пулеметами, и стреляли вслепую сквозь лес вокруг себя.

При занятии жилья окрестные леса простреливались, а кустарники и заросли забрасывались гранатами.

Х. Кург, Полковник

23.09.41

ERA F.4996 N. 1. S. 93. L.1—4 Перевод с немецкого

Источники и литература

Неопубликованные источники

Российские архивы

Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

Ф. 012. (Секретариат Деканозова) Оп. 2. П. 21. Д. 215.

Ф. 0129. Оп. 24. П. 138а. Д. 2.

Ф. 06 (Секретариат Молотова). Оп. 2. П. 14. Д. 155; П. 15. Д. 156;
П. 17. ДД. 177, 188, 189; П. 21. Д. 246; П. 27. Д. 352.

Оп. 4. П. 10. ДД. 1, 2, 3; П. 11. ДД. 4, 5.

Ф. 07 (Секретариат Вышинского). Оп. 1. П. 2. ДД. 39, 47.

Ф. 082. Оп. 24. П. 115. Д. 81.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ)

Ф-Р-1678. Оп. 1. Д. 177.

Ф-Р-1877. Оп. 1. ДД. 171, 172, 421, 423.

Ф-Р-1887. Оп. 4. ДД. 3, 12.

Ф-Р-92. Оп. 2. ДД. 711, 714, 776.

Ф-Р-92. Оп. 7. ДД. 358, 384.

Ф-Р-961. Оп. 1. ДД. 346, 376.

Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России)

АСД № Н-18313. ТТ. 1—20.

Ф. 100. Оп. 11. Д. 13.

Иностранные архивы

Eesti Riigisarhiivi (ERA) — Эстонский государственный архив

F. 4996. N. 1. S. 93, 209, 211, 215, 216, 217.

Eesti Riigisarhiivi Filiaal (ERAF) — Эстонский государственный архив — филиал.

F. 1. N. 1. T. 49, 53, 54, 55.

Latvijas Valsts Vestures arhivs (LVVA) — Латвийский государственный исторический архив

P-69.f. 1a.apr. 1, 2, 3, 5, 16, 17, 21, 23 l.

P-69.f. 5.apr. 10.l.

P-69.f. 6.apr. 19.l.

P-70.f. 3.apr. 23, 85, 114.l.
P-70.f. 5.apr. 22, 48.l.
P-82.f. 1.apr. 12.l.
P-701.f. 1.apr. 26, 45.l.
P-97.f. 1.apr. 2.l.
P-98.f. 1.apr. 5.l.

Lietuvos Ypatingasis Archyvas (LYA) — Особый архив Литвы

f. k-1. ap. 2. b. 3.
f. k-1. ap. 62. b. 13, b. 24.
f. k-1. ap. 63. b. 12, 67, 70.

Vytauto didžiojo universitetas išeivijos studiju centras Archyvas (ISCA) —
Архив Центра литовской эмиграции Каунасского университета

f. 8. ap 10. b. 266, 272.
f. 8. ap 7. b. 210, 217.
f. 8. ap 8. b. 212, 666, 667, 668, 774, 837, 840, 962, 990.

Опубликованные источники

Опубликованные документы

- «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941—1944 гг.: сборник документов / сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей [и др.]; сопр. ст. А.М. Литвин. — М.: Фонд «Историческая память», 2009.
- 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. — Таллинн: Олион, 1989.
- 1941 год: документы: в 2 кн. Кн. 1. / сост. Л.Е. Решин, Л.А. Безыменский, В.К. Виноградов [и др.]; под ред. В.П. Наумова. — М.: «Международный фонд «Демократия», 1998. — («Россия. XX век. Документы»/ Под ред. акад. А. Н. Яковлева).
- Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939—1941 / сост. Л.Ф. Соцков. — М.: РИПОЛ классик, 2011.
- Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951 / сост. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. — М.: «Международный фонд «Демократия», 2009.
- Документы внешней политики. 1939. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1939 г.) / МИД РФ. — М.: Междунар. отношения, 1992.
- Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. 2. (2 марта 1941 — 22 июня 1941) / МИД РФ. — М.: Междунар. отношения, 1998.
- Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939: в 2 т. — Т. 2. Январь — август 1939 г. / МИД СССР; редкол. А.П. Бондаренко, И.Н. Земсков [и др.]. — М.: Политиздат, 1981.
- Из Варшавы. Москва, Товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье, 1944—1945 гг. / сост. Т.В. Волокитина,

- Г. Мурашко, А.Ф. Носкова [и др.]; отв. ред. А. Ф. Носкова; РАН, Ин-т славяноведения, Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). — М.: Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / сост. Н.Ф. Бугай. — М.: «Дружба народов», 1992.
- История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзи-на. — М.: РОССПЭН, 2004.
- Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: документы / отв. сост. Н.С. Лебедева. — М.: «Весь Мир», 2001.
- Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. — М.: «Европа», 2006.
- Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: документы / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова; под общ. ред. А.Н. Яковлева; Междунар. фонд «Демократия». — М.: Материк, 2006. — («Россия. XX век. Документы»).
- НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956): сборник документов / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. — М.: Объединенная редакция МВД России, 2008.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов: в 8 т. Т. 1. Накануне. Кн. 2. (1 января — 21 июня 1941 г.). — М.: «Книга и бизнес», 1995.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов: в 8 т. Т. 2. Начало. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). — М.: Изд-во «Русь», 2000.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов: в 8 т. Т.5. Кн. 2. «Границы СССР восстановлены» (1 июля — 31 декабря 1944 г.). — М.: «Кучково поле», 2007.
- Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. — август 1940 г. / МИД СССР; редкол. В.Г. Комплектов, В.А. Александров, Б.Н. Белунов [и др.]. — М.: «Международные отношения», 1990.
- Преступления нацистов и их пособников в Прибалтике (Эстония) 1941—1944 г. Документы и свидетельства. — Таллин, 2006.
- Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945): сборник документов / сост. В. К. Былинин, М.Ю. Крысин, Г. Э. Кучков, В. П. Ямпольский. — М.: Объединенная редакция МВД России: Ассоциация «Военная книга»: «Кучково поле», 2009.
- Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / сост. П.Н. Кнышевский, О.Ю. Васильева, В.В. Высоцкий [и др.]. — М.: Русская книга, 1992.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: в 6 т. Том II. Тегеранская

- конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) / МИД СССР. — М.: Политиздат, 1984.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов: в 6 т. Том VI. Берлинская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) / МИД СССР. — М.: Политиздат, 1984.
- СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов: в 2 т. Т.1. / Инст-т истории Литвы, Инст-т всеобщей истории РАН; сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н.С. Лебедева; редкол. А. Каспаравичюс [и др.]. — Vilnius: LII leidykla, 2006.
- Стенограмма совещания высшего руководства генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8—10 апреля 1943 г.) — Минск: МГЛУ, 2006.
- Трагедия Литвы: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. — М.: «Европа», 2006.
- Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944): сборник документов и материалов / ред. И. Арад — Иерусалим: ЯД ВА-ШЕМ, 1992.
- Эстония. Кровавый след нацизма: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. — М.: «Европа», 2006.
- Ялта-45. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. — М.: Вече, 2010.
- Klein P. (Hg.). Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowetunion 1941/42. Die Tätigkeits— und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. — Berlin: Gedenk— und Bildungsstätte Haus der Wannsee-Konferenz, 1997.
- Latvijas PSR vēsture: 2.daja. — Rīga: Zinātne, 1986.
- Lietuvos okupacija ir aneksija 1939—1940. Dokumentu rinkinys. — Vilnius, 1993.

Сборники статей

- Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы): материалы V Междунар. Летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14—23 июня 2010 г.) / редсовет О.А. Чубарьян [и др.]; сост. А.А. Коваленя, В. В. Данилович, М. Г. Жилинский. — Минск: Издательский дом «Беларуская навука», 2010.
- Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: научное издание / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда; отв. ред. А.В. Мальгин, М.М. Наринский. — М.: Аспект Пресс, 2010.
- В дни войны. Из истории Латвии периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: сборник статей / под ред. академика А. А. Дризула. — Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1964.
- Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие для 11-го класса общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / А. А. Коваленя [и др.] /

- под ред. А. А. Ковалени, Н. С. Сташкевича. — Минск: Издательский центр БГУ, 2009.
- Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В. С. Христофоров. — М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011.
- Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. Исторические очерки и архивные документы. — М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2010.
- Война и политика 1939—1941 / ред. Н. И. Егорова. — М.: Наука, 2000.
- Вторая Мировая война и страны Балтии 1939—1945: материалы международной научной конференции (Рига, 14—15 декабря 2006 г.). — Рига, 2008.
- Вторая мировая война как проблема национальной памяти. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24—26 сентября 2010 г.). — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010.
- Гитлеровская оккупация в Литве: сборник статей. — Вильнюс: Минтис, 1966.
- Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии 1940—1991. — Riga: Latvijas Okupācijas muzeja biedrība, 2010.
- Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков: научное издание / М. Волос, Я. Войтковяк, В. И. Дашичев [и др.] / под ред. М. М. Наринского, С. Дембского. — М.: Аспект Пресс, 2009.
- Международный кризис 1939—1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции (Москва, 3—4 февраля 2005 г.) / Инст-т всеобщей истории РАН, Ун-т Латвии, Инст-т современной истории (Мюнхен), Моск. отд. Фонда им. Конрада Аденауэра. — М.: Права человека, 2006.
- Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике / сост. А. Р. Дюков — М.: Фонд «Историческая память», 2009.
- На чаше весов: Эстония и Советский Союз, 1940 год и его последствия / сост. и ред.: П. Варес, О. Журьяри. — Таллинн: Евруниверситет, 1999.
- Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции (Москва 20—21 ноября 2006 г.) / сост. Ю. М. Коршунов; под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко. — М.: Инст-т всеобщей истории РАН, 2007.
- Очерки истории Коммунистической партии Латвии: в 4 ч. Часть III: 1940—1959. — Рига: Авотс, 1980.
- Рижские гвардейские: сборник военно-исторических очерков. — Рига: Лиесма, 1972.
- Россия и Балтия. Вып. 1. Народы и страны. Вторая половина XIX — 30-е гг. XX в. / отв. ред. А. О. Чубарьян. — М.: Инст-т всеобщей истории РАН, 2000.

- Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. — Рига: ВАПП Книгоиздательство, 1946.
- ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко [и др.]; Моск. гос. ун-т им М. В. Ломоносова [и др.] — М.: РОССПЭН, 2004. — (Документы советской истории)
- Baltijas regiona vesture 20 gadstimta 40—80 gados. — Rīga: Latvijas vesturenieku komisijas raksti, 2009.
- Eesti Ajalooarhiivi toimetised 15 (22) / T. Tannberg (koost.). — Tartu, 2007. — Lk. 225—272.
- Errinerung an einen Kriegungen. — Berlin, 1997.
- Langenheim H. Mordfelder: orte der Vernichtung im krieg gegen die Sowjetunion. — Museum Berlin Karlshorst, 1999.
- Liekis A. Akademinis mokslas Lietuvos hitlerinės Vokietijos okupacijos metais (1941—1944). Vol. 3. — Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai, 1989. — (Series A)
- Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel-und Südosteuropa. 1919—1944. — Paderborn, München, Wien, Zürich, 2001.
- Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. — Cambridge, 2002.
- The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. / A. Anušauskas (Ed). — Vilnius, 1999.
- The Ethnic Dimension in Politics and Culture in the Baltic Countries 1920—1945. — Stockholm: Södertörns högskola, 2004.
- The Sovietization of the Baltic States, 1940—1956 / ed. O. Mertelsmann. — Tartu, 2003.
- Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940—1964. gadā / Latvijas vēsturnieku komisijas raksti. — 13. sej. — Rīga, 2004.
- XX amžius: Lietuvos valstybingumo problemos. — Kaunas, 1990.
- Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. — Мінск, 2010
- Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 25 красавіка 2008 г.). Выпуск 7: в 2 кн. Кн.2. — Мінск, 2009.

Монографіи

- Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии: учебник для гимназии. — Таллин: Коолибри, 2000.
- Артемьев А. П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. — М.: Мысль, 1975.
- Бордонайте М. Товарищ Матас. Воспоминания об Антанасе Снечкусе. — Вильнюс: «Минтис», 1986.
- Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: в 3 кн. Кн.1. — Рига: Liesma, 1966.
- Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. / редкол. А.А. Дризул [и др.]. — Рига: Зинатне, 1970.
- Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. — М.: Воениздат, 1990.

- Воля к самостоятельности. 90 лет Эстонской республики. / Аннист С., Гласс В., Лаурик-Тедер И. [и др.]. — Таллин: eesti Ajaloomuuseum, 2008.
- Грутупс А. Эшафот. О суде над немецкими генералами в Риге / пер. с лат. С. Христовский. — Rīga: Argāds «ATĒNA», 2008.
- Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). — София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1997.
- Дробязко С. И. Вторая мировая война 1939—1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. — М., 2000.
- Жоли Е. Победа любой ценой. — М.: Яуза: Эксмо, 2010.
- Жуков Д. А., Ковтун И. И. Русские эсэсовцы. — М.: Вече, 2010.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. — М.: Наука, 2005.
- Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940—1953. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина — 2008.
- История Латвии: XX век / сост. Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. — Рига: Jumava, 2005.
- История Литовской ССР: с древнейших времен и до наших дней / Инст-т истории АН Литовской ССР. — Вильнюс: Мокслас, 1978.
- История Эстонской ССР: в 3 т. Т. 3. С марта 1917 года до начала 50-х годов — Таллин: Ээсти раамат, 1974.
- История Эстонской ССР: с древнейших времен до наших дней / под ред. Г.И. Наана. — Таллин: Эстонское государственное издательство, 1952.
- Капитанец И.М. Война на море: 1939—1945: военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. — М.: Вече, 2005. — (Военные тайны XX века).
- Квицинский Ю. А. Генерал Власов: путь предательства. — М.: Современник, 1999.
- Кирсанов Н.А. В боевом строю народов-братьев. — М.: Мысль, 1984.
- Кнопф Г. «Дети» Гитлера / пер. с нем. А. Чикишева. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — (Третий рейх)
- Кормилицына Е. Г. Йозеф Геббельс. Особенности нацистского пиара. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.
- Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. — М.: Вече, 2004.
- Курчавов И. Гвардия Эстонии. — Таллин: ГИЗ «Политическая литература», 1946.
- Ларин П. А. Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945 / сокр. пер. с эст. — Таллин: АН ЭССР, 1964.
- Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941: документы, факты, суждения. — М.: Вече, 2000.
- Моисеенко Ю. Почерк зверя. Опыты документального расследования. — Псков: ООО фирма «Псковское возрождение», 2010.
- Мы обвиняем. — Рига: Liesma, 1967.
- Наумов А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

- Обзор периода оккупации / сост. Хейки Ахонен — Таллинн: Целевое учреждение: фонд Кистлер-Ритсо ЭЭСТИ, 2004. — С. 58
- Петренко А. И. Прибалтийские дивизии Сталина. — М.: Вече, 2010.
- Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне. — М.: Европа, 2005.
- Прозктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. — М.: Наука, 1989.
- Рюруп Р. Война Германии против Советского Союза 1941—1945. — Берлин: Argon, 1992.
- Савченко В. И. Латышские формирования на фронтах Великой Отечественной войны. — Рига: Зинатне, 1975.
- Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. — М.: Высшая школа, 1992.
- Сиполс В. Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939—1941. — М., 1997.
- Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941—1945 г. — М.: Вече, 2009.
- Страуме Я. Забытая война: сопротивление латышей русской и немецкой оккупации. / пер. с лат. О. Салдоне. — Rīga: Nacionālais arhīvs, 2007.
- Страуме Я. Латвия во Второй мировой войне. — Rīga: Nacionālais arhīvs, 2007.
- Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944—1956). Исследования и документы — М.: РОС-СПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.
- Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941—1944. — М.: Центрполиграф, 2004.
- Файтельсон А. Непокорившиеся: Летопись еврейского сопротивления. / ред. Г. Розинский; пер. с идиш С. Аксенова—Штейнград. — Тель-Авив: Джойнт, 2001.
- Чапенко А. А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны: очерки. — Мурманск: Мурман. гос. пед. ун-т, 2008.
- Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. — М.: Наука, 2008.
- Шнеер А. Плен: Советские военнопленные в Германии, 1941—1945. — М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005.
- Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikimas, 1940—1958. — Vilnius, 1996.
- Bangerskis R. Mana mūža atminas, 3.grām. — Kopenhāgena: Imanta, 1959.
- Bleire D., Butulis I., Feldmanis I. (u.c.) Latvija otrā pasaules kara laikā (1939—1945). — Rīga: Jumava, 2008.
- Braun U., Heesch J. Orte erinnern. Spuren des NS-Terrors in Berlin. Ein Wegweiser. — Berlin: Nicolaische Verlagsbuchhandlung GmbH, 2003.
- Bubnys A. Vokiečių Okupuota Lietuva (1941—1944). — Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras, 1998.

- Bulavas J. Vokiškųjų fašistų okupacinis Lietuvos valdymas (1941—1944 m.). — Vilnius, 1969.
- Die drei Okkupationen Lettlands 1940—1991. Sowjetische und nationalsozialistische besetzungen und ihre folgen. — Riga: Verein des lettischen okkupationsmuseums, 2007.
- Die Wannsee-Konferenz und der Völkermord an den uerohaischen Juden. Gedenk- und Bildungstette Haus der Wannseekonferenz. — Berlin, 2006.
- Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje: T. II. — Vilnius: Margi raštai, 2005. — (Totalitarinių režimų Nusikaltimai lietuvoje Nazių okupacija).
- Felder B. Lettland im Zweiten Weltkrieg. Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzern 1940—1946. — Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009.
- Gaškaitė N. Pasipriešinimo istorija. — Vilnius, 1997.
- Haidinger M., Steinbach G. Unser Hitler. Die Österreicher und ihr Landsmann. — Salzburg: Ecowin Verlag GmbH, 2009.
- Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens: Kollaboration und freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944. — Stokholm: Almquist & Wiksell intern., 1992.
- Kersten F. The Kersten Memoirs 1940—1945. — London, 1956.
- Krausnick H., Wilhelm, H. H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938—1942. — Stuttgart, 1981.
- Laar M. Estland im Zweiten Weltkrieg. — Tallinn: Grenader, 2005.
- Lindpere H. Molotov-Ribbentrop Pact: Challenging Soviet History. — Eesti Välispolitika instituut, 2009.
- Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich: Vol. 4. — R. James Bender Publishing, 1994.
- Meissner B. Die Baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954—1994. — Hamburg, 1995.
- Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt—zur Kommandowirtschaft. — Hamburg, 2006.
- Misiunas R. J., Taagapera R. The Baltic States. Years of Dependence. 1940—1991. — University of California Press, 1993.
- Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Laender 1941—1944: Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzung-spolitik. — Helsinki, 1973.
- Oshry E. The Annihilation of the Lithuanian Jewry [Hurbn Lite]. — NY, 1995.
- Rauch G. von. Geschichte der Baltischen Laender. — Stuttgart, 1970.
- Reichelt K. Lettland unter deutscher Besatzung 1941—1944. Der lettische Anteil am Holocaust. — Berlin: Metropol Verlag, 2011.
- Stang K. Kollaboration und Massenmord: Die lituaische Hilfspolizei des Rollkommando Hamann und die Ermordung der lituanischen Juden. — Frankfurt am Main, 1996.
- Szarota N. Zajścia antyżydowskie i pogromy w okupowanej Europie: Warszawa, Paryż, Amsterdam, Antwerpia, Kowno. — Warszawa, 2000.

Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką. — Warszawa, 1993.
Wilhelm H. H. Die Einsatzgruppe A der Sicherheitspolizei und des SD 1941/42. — Frankfurt am Main u. a., 1996.

Периодические издания

- «На весь мир кричать о том, что мы видели в Понарах». // Время новостей. — 2005. — 21 апреля.
- Андреев В. «Восточные добровольцы» в германской армии // Независимое военное обозрение. — 1997. — 12 сентября. — № 34(61). — С. 5.
- Борисов. Ю. Только факты. Националистическое подполье в Литве. 40—50-е годы // Союз. — 1990. — 1—11 марта. — № 10.
- Бурдс Дж. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944—1953 гг. // Социальная история: ежегодник. — 2000. — М., 2000.
- Венков Н. Н. «Допустить размещение войск...». О вводе частей Красной Армии на территории Литвы, Латвии, Эстонии в 1939—1940 гг. // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 4.
- Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом. Документы о литовских событиях 40-х — 50-х гг. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 10.
- Дааыдов Д. Что ждало жителей рейхскомиссарата Остланд. Нацистская программа колонизации Прибалтики. // Независимая газета. — 1994. — 21 июня.
- Дембовская Д. Фашисты прошли по коридору. // «Время новостей». — 2010. — 17 марта.
- Донгаров А. Г., Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939— август 1940) // Вопросы истории. — 1991. — № 1.
- Еременко А. И. Год 1940-й: Каунас встретил цветами // Военно-исторический журнал. — 1994. — № 3.
- Журавлев В.В., Пестов Б. Е., Емельянова Н. М. Кого мы должны помнить? (Об эстонских формированиях, входящих в состав войск гитлеровской Германии) // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6.
- Капчинский О. «Мы одной крови...». Национальный состав ОГПУ: цифры и факты: действующие лица // Родина: российский иллюстрированный журнал. — 2007. — № 12.
- Майданов А. Г. Рассудит Клио // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 5.
- Медведев Р. А. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. — 1989. — № 4.
- Онкен Е.-К. От истории освобождения к истории оккупации. Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // «Неприкосновенный запас». — 2005. — № 2/3.
- Петров П.В. Расширение системы базирования и береговой обороны КБФ в Прибалтике весной 1940 — весной 1941 годов // Цитадель. — № 18. — «Остров», 2011.

- Порат Д. Катастрофа в Литве — специфические аспекты // Вестник Еврейского университета в Москве (Москва — Иерусалим). — 1993. № 2.
- Посетители Кремлевского кабинета Сталина // Исторический архив. — 1996. — № 5—6.
- Прибалтика вступает в Союз: документы об отношениях СССР со странами Прибалтики в 1939—1940 годах // Международная жизнь. — 1990. — № 3.
- Стенограмма пленума ЦК ВКП(б), 27.01.1944 // Исторический архив. — 1992. — № 1.
- Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. — 1996. — № 2, № 3, № 4, № 5, № 7, № 9.
- Ямпольский В. П. (публ.) Вместо баварского пива — пуля и голод. (Из спецсообщения УНКВД по Ленинградской области № 9744 в областной комитет ВКП(б) и командованию Ленинградского фронта о положении в районах области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.) // Военно-исторический журнал. — 1997. — № 1.
- «Новое время». — 1943. — 15 октября. — № 118.
- Военно-исторический журнал. — 1988. — № 12.
- Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 9.
- Известия. — 1939. — 1 ноября.
- Известия. — 1939. — 29 сентября.
- Известия. — 1940. — 16 июня.
- Известия. — 1940. — 2 августа.
- Известия. — 1942. — 24 октября.
- История СССР. — 1990. — № 4.
- Международная жизнь. — 1989. — № 9.
- Международная жизнь. — 1991. — № 7.
- Правда. — 1940. — 08 сентября.
- Правда. — 1940. — 16 июня.
- Правда. — 1940. — 19 июля.
- Правда. — 1940. — 20 июля.
- Правда. — 1940. — 7 июля.
- Feest D. Neo-korenizacija in den baltischen Sowjetrepubliken? // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 2006. — Nr. 3.
- Kangeris K. „Nodevas Reiham,“ — Latvijas ģenerālapgabala iedzīvotāji darbos Lielvācijā. // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1990. — № 12.
- Karys. — 1987. — Nr. 3.
- Onken E.-C. Memory and Democratic Pluralism in the Baltic States — Rethinking the Relationship // Journal of Baltic Studies. — Vol. 41. — № 3. — September, 2010.
- Slavinas A. Der inszenierte Aufstand // Die Zeit. — 1993. — 25 июня.
- Truska L. Lietuva bolševikų ir nacių teroro metais // Lietuvos rytas. — 1993. — 06 февраля.
- Truska L. Sukilimo prasmė // Politika. — 1991. — Nr. 16.
- Vėgelis J. Lietuvos vietinės rinktinės kūrimas Šiauliuose. // Karys. — 1958. — Nr. 9.

Электронные ресурсы

- «В Литве был филиал Бухенвальда» // «Экспресс-неделя» — 2009. — 10 сентября. — № 37. — Доступ для зарегистрированных пользователей. — URL: http://www.runet.lt/express_nedelia/ekspres-nasha-zhizn/ekspres-history/13057-v-litve-byi-filial-buxenvalda.html (дата обращения: 20.08.2011)
- «История 22-й мотострелковой дивизии НКВД». — URL: <http://www.velikvoy.narod.ru/voyska/voyskaccsp/tank/mdiv/22msdnkvd.htm>
- Белшевиц Э. Евреи Латвии. — URL: <http://gariga.boom.ru/rootRiga/evrei.html>;
- Воробьев В. Таллиннская загадка субмарины «Оржел». // Морская газета — 2006 — 19 сентября. — URL: <http://gazetam.ru/19-sentyabrya/tallinskaya-zagadka-submarinyi-orzhel.htm> (дата обращения: 20.08.2011)
- Давыдов Д. Что ждало жителей рейхскомиссарата Остланд. Нацистская программа колонизации Прибалтики. // Независимая газета. — 1994. — 21 июня. — URL: http://www.perspektivy.info/history/chto_zhdalo_zhitelej_rejkhskomissariata_ostland_2007-05-21.htm (дата обращения: 20.08.2011)
- Иванов И. Таллиннский переход. Август 1941 г. По материалам Центрального архива ФСБ России. — URL: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=596> (дата обращения: 20.08.2011)
- Инструкция А. Розенберга Х. Лозе от 21.07.1941. // Независимая газета. — 1994. — 21 июня. — URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19410721.html (дата обращения: 20.08.2011)
- Информация из Эстонии в НКВД от 04.07.1940 г. // Служба внешней разведки Российской Федерации. — URL: <http://svr.gov.ru/material/prib07.htm#28> (дата обращения: 20.08.2011)
- Информация из Эстонии в НКВД от 05.07.1940 г. // Служба внешней разведки Российской Федерации. — URL: <http://svr.gov.ru/material/prib07.htm#29> (дата обращения: 20.08.2011)
- Киртовский И.Х. Экономика Латвии в период Второй мировой войны 1941—1945 гг. // Балтийский курс: интернет журнал. — 2008. — 24 апреля. — URL: http://www.baltic-course.com/rus/ekonomiceskaja_istorija/?doc=1131 (дата обращения: 20.08.2011)
- Кузнец Ю. Перед странами Балтии мы не в долгу. // Красная звезда. — 2005. — 02 июля. — URL: http://www.redstar.ru/2005/07/02_07/5_01.html
- Марипуу М. Холокост эстонских евреев и эстонцы / пер с эст. И. Теплицкой. — Таллинн, 2006 — URL: http://eja.pri.ee/history/Holocaust/Maripuu_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2011)
- Мельтохов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941: документы, факты, суждения. — М.: Вече, 2000. — URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html> (дата обращения: 20.08.2011)
- Министр обороны Эстонии: Диверсионная группа немецко-фашистских войск «служила высоким целям» // Информационное

- агентство REGNUM — 2009. — 06 августа. — URL: <http://www.regnum.ru/news/1193652.html>
- О действиях разведывательно-диверсионной группы «Эрна» в Эстонии в июле — августе 1941 г. — URL: <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/932b471b7dc29104c32572ba00560533/d17d26919e451eb9c3257478002a4f04?OpenDocument> (дата обращения: 20.08.2011)
- Обзор периода оккупации / сост. Хейки Ахонен — Таллинн: Целевое учреждение: фонд Кистлер-Ритсо ЭЭСТИ, 2004. — URL: <http://www.okupatsioon.ee/ru/—/25-uelevaated-okupatsiooniajast> (дата обращения: 20.08.2011)
- Оперативная сводка НКВД СССР. Информация из Эстонии на 07.07.1940 г. // Служба внешней разведки Российской Федерации. — URL: <http://svr.gov.ru/material/prib07.htm#33> (дата обращения: 20.08.2011)
- Петров М. «Обыкновенный неонацизм» / «Delfi». — 2006. — 21 декабря. — URL: <http://www.narohnitskaia.info/cgi-bin/main.cgi-item=1r250r061222031955.htm> (дата обращения: 20.08.2011)
- Пыхалов И. За что Сталин выселял народы / Сталин. Время. Люди. Империя: сайт о И. В. Сталине. — URL: <http://stalinism.ru/Repressii/Za-chno-Stalin-vyiselyal-narodyi.html> (дата обращения: 20.08.2011)
- Спецсообщение Л. Берии И. Сталину, В. Молотову, Г. Маленкову об операции по разоружению солдат и офицеров польской Армии Крайовой. 03.08.44. // Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: документы / под общ. ред. А. Н. Яковлева; Междунар. фонд «Демократия». — URL: <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58911> (дата обращения: 20.08.2011)
- Чуев. С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. — М.: «Эксмо», 2004. — URL: <http://www.istorya.ru/book/soldaty/index.php> (дата обращения: 20.08.2011)
- Яременко В. Повстанческое движение в СССР // Полит.ру: электронное издание. — 2005. — 29 марта. — URL: <http://www.polit.ru/article/2005/03/29/revolt/> (дата обращения: 20.08.2011)
- Erna History. — URL: http://www.erna.ee/en/?Erna_History/Erna_History
- Jegelevičius S. Vokietijos-sovietų sąjungos karo frontas lietuovs teritorijoje 1941 metų birželį // Karo archyvas XXI. — Vilnius, 2006. — URL: http://www.lka.lt/EasyAdmin/sys/files/Karo_archyvas_XXI.pdf (дата обращения: 20.08.2011)

Справочная литература

- Čižiūnas V., Sužiedėlis S. Švietimas II pasaulinio karo metais (Education during the World War Two) // Lietuvių enciklopedija. — Vol. 15. — Boston, 1968.
- Latvijas tautas saimniecība. Statistikas gadagrāmata 89. — Rīga: Avots, 1990.
- Lietuvių enciklopedija. Penkioliktas tomas. Lietuva. — Vilnius, 1990.

Содержание

Введение	5
Глава 1. От Балтии к Прибалтике	
1.1. Между Москвой и Берлином	11
1.2. «Никакой советизации»	33
1.3. Выборы с дальним прицелом	49
1.4. Союз нерушимый	69
Глава 2. Территория «Остланд»	
2.1. «Новый порядок» — общие принципы	99
2.2. Генеральный округ «Литва»	125
2.3. Генеральный округ «Латвия»	170
2.4. Генеральный округ «Эстония»	206
Глава 3. Снова Прибалтика	
3.1. Ресоветизация	243
3.2. Лесное братство	259
3.3. Зона беспокойства	274
Приложения	
<i>Приложение 1.</i> Фрагменты материалов «Рижского процесса»	291
<i>Приложение 2.</i> Сообщение командира разведывательно-диверсионной группы «Эрна» полковника Х. Курга о высадке группы в Эстонии и ее деятельности в июле—августе 1941 г.	318
Источники и литература	323

Кантор Ю. З.
К 19 **Прибалтика: война без правил (1939—1945).** — СПб.:
ООО «Журнал „Звезда“». 2011. — 336 с., 40 с. фото.
ISBN 978-5-7439-0158-6

В книге советника директора Государственного Эрмитажа, профессора кафедры всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена, доктора исторических наук Юлии Кантор «Прибалтика: война без правил (1939—1945)» использованы уникальные, ранее не публиковавшиеся документы из Архива внешней политики России, Российского государственного архива военно-морского флота, Центрального архива ФСБ России, Латвийского государственного исторического архива, Особого архива Литвы, Архива Центра литовской эмиграции Каунасского университета, Эстонского государственного архива.

ББК 84. Р7

Юлия Зораховна Кантор

ПРИБАЛТИКА: ВОЙНА БЕЗ ПРАВИЛ (1939—1945)

Технический редактор Д. В. Фомичева
Корректор Н. В. Виноградова
Компьютерная верстка В. М. Бердник
Менеджер издания В. В. Рогушина

Подписано в печать 28.09.2011. Формат 60x88^{1/16}.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Ариал.
Усп. п. л. 23,03. Тираж 3500 экз. Заказ № 143.

ООО «Журнал «Звезда».
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 20.

Отдел реализации: **(812) 273-37-24; mail@zvezdaspb.ru** (В. А. Горин)

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, В. О. Средний пр., 86.
тел. (812)320-52-85

Какой была социально-политическая обстановка в Литве, Латвии и Эстонии накануне Второй мировой войны, как происходило присоединение Прибалтики к СССР и каким был первый год советизации? Как существовал этот регион во время нацистской оккупации, почему жители прибалтийских республик оказались мобилизованными в армии противоборствующих сторон, каким был режим, установленный в «Остланде», и каковы были истинные планы гитлеровцев в отношении литовцев, латышей и эстонцев, почему в сегодняшних странах Балтии пособников оккупантов нередко отождествляют с борцами за независимость, а советских партизан — с карателями, уничтожавшими мирное население? Что дало освобождение от нацистской оккупации Латвийской, Литовской и Эстонской ССР и что заставило тысячи граждан этих республик в конце войны бежать на Запад, как проходила ресоветизация Прибалтики?

В год 70-летия начала Великой Отечественной войны и 65-летия окончания Нюрнбергского процесса обращение к этим малоизученным, но весьма политически востребованным, вопросам представляется особенно важным. Ведь «прибалтийская проблема» конца 30-х — середины 40-х и ныне весьма по-разному воспринимается в профессиональной среде и в широких слоях общества, как в России, так и за ее пределами.

В книге советника директора Государственного Эрмитажа, профессора кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И.Герцена, доктора исторических наук Юлии Кантор «Прибалтика: война без правил. (1939-1945)» использованы уникальные, ранее не публиковавшиеся документы из Архива внешней политики России, Российского государственного архива военно-морского флота, Центрального архива ФСБ России, Латвийского государственного исторического архива, Особого архива Литвы, Архива Центра литовской эмиграции Каунасского университета, Эстонского государственного архива.